

Американо-гестпо

ВЛАДИСЛАВ МИНАЕВ

АМЕРИКАНСКОЕ
ГЕСТАПО

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1950

*И елозя
по небьим сводам
стражем ханжества,
центов
и сала
чялит
руку
ваша свобода
над тюрьмою
Элис-Айланд.*

В. МАЯКОВСКИЙ.

ВВЕДЕНИЕ

Кто говорит, что американцы свободны? Это говорят платные агенты Уолл-стрита!

У входа в нью-йоркскую бухту на островке Бедлоу возвышается гигантская фигура женщины с высоко поднятым факелом в руке. Фигура эта именуется «статуей Свободы». По иронии судьбы рядом с этим «символом свободы» на соседнем островке находится мрачный полицейский изолятор Эллис-Айланд, более известный под названием тюрьмы «Острова Слез», через которую пропускаются и где подвергаются самому унижительному обращению небогатые иммигранты и высылаемые «политически неблагонадежные» американцы.

В этом случайном сочетании — статуя Свободы и тюрьма «Острова Слез» — воплощена вся суть американской действительности: гнусное лицемерие и жестокий произвол господствующего класса капиталистов.

Американская пропаганда зарекомендовала себя как самая назойливая, самая циничная, насквозь лживая. Среди ее разнообразной продукции важнейшее место занимает широчайшее рекламирование так называемого «американского образа жизни» и всевозможных «свобод». Трубадуры доллара воспевают на все лады «заокеанскую демократию». Уйма различных пропагандистских мероприятий и трюков преследует одну и ту же цель — внедрить в сознание американского обывателя представление, будто бы он живет в «самой свободной стране мира» и будто институты этой страны представляют собой верх демократического совершенства.

Между тем история Соединенных Штатов отмечена непрерывной и острой борьбой между ее реакционными и прогрессивными силами. С первых дней этой борьбы хваленая «американская демократия» показала, что она не что иное, как «феодалная аристократия с юридическими лицами вместо феодалов, представляющая наиболее жестокую форму общества, какую только можно себе представить»¹.

Оплотом американской реакции стали в наши дни монополии Уолл-стрита. Еще Авраам Линкольн писал 21 ноября 1864 года Уильяму П. Элькину: «Я предвижу в ближайшем будущем кризис, волнующий меня и заставляющий меня беспокоиться за безопасность моей родины. Результатом войны явилось воцарение промышленных компаний, за этим последует эпоха коррупции в верховных учреждениях, и денежные властелины страны будут стремиться упрочить свое владычество, действуя на предрассудки народа...»

Опасения Линкольна подтвердились.

Уничтожив в самом зародыше элементарные демократические права народа, американская плутократия в то же время стала широко прибегать к созданному ею же мифу об «американских свободах». Слова «свобода» и «демократия» стали излюбленными для отъявленных реакционеров, подлинных хозяев Америки. Жонглируя квазидемократической фразеологией, они вершат свои подлые и кровавые дела.

«...Дайте мне свободу или дайте мне смерть!» — лицемерно восклицал в свое время Патрик Генри, один из крупнейших рабовладельцев, земельных спекулянтов и контрабандистов. В наши дни такие махровые реакционеры, как Даллес, Ванденберг, Дьюи, разглагольствуя о «защите демократии», проповедуют необходимость третьей мировой войны, открыто призывают к нападению на Советский Союз и страны народной демократии.

Как мы увидим ниже на примере многочисленных фактов, американский народ в действительности никогда

---

¹ По меткому замечанию прогрессивного сенатора Петтигру, которое он высказал в своей книге «Торжествующая плутократия» (русский перевод в издании «Московского рабочего», М., 1922, стр. 362).

че обладал элементарными гражданскими свободами. Для подавления этих свобод и удушения прогрессивного движения американская плутократия создала самую совершенную в капиталистическом мире — по своей организации и изощренности методов — систему политического угнетения. Эта система состоит из многочисленных и разнообразных звеньев, которые опутывают американский народ тяжелой цепью.

В организации системы подавления масс господствующие классы США не ограничились заимствованием у европейских охранок их многовекового опыта. Широко используя это «наследство», они приобщили к нему свои, американские, методы — продукт «творчества» пинкертонов и шерманов. Отбросив в сторону традиционные формы организации сыска и полицейского аппарата в качестве государственной монополии, они привлекли к этому делу «частную инициативу». Так возник совершенно новый тип института охраны «внутренней безопасности» капиталистического государства. «Среди многих особенностей, какими отличается от остального географического мира наша божья страна, — писал буржуазный американский публицист Сидней Говард, — этот институт является наименее божественным».

Опираясь на эту систему, американский капитализм на протяжении всей своей истории с необычайной жестокостью расправлялся с малейшими проявлениями недовольства трудящихся масс. В своем замечательном «Письме к американским рабочим» Ленин в 1918 году констатировал, что «американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров...»¹

Ныне Соединенные Штаты стали оплотом мировой реакции. Заправила Уолл-стрита провозгласила своей целью установление мировой гегемонии США. «Доктрина Трумэна», «план Маршалла», Северо-Атлантический пакт — все это шаги на пути реализации агрессивных замыслов американского империализма, на пути развязывания третьей мировой войны.

Американская интервенция в Корею явилась новым

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 179.

шагом на этом преступном пути. Как указывается в заявлении Заместителя Министра Иностранных Дел СССР А. А. Громыко об американской вооруженной интервенции в Корею, «правительство Соединенных Штатов перешло от политики подготовки агрессии к прямым актам агрессии, стало на путь неприкрытого вмешательства во внутренние дела Кореи, на путь вооруженной интервенции в Корею. Став на такой путь, правительство США нарушило мир, показав этим, что оно не только не стремится к укреплению мира, а, напротив, является врагом мира».

Для осуществления агрессивных планов долларового империализма требуется прежде всего «прочный» тыл. И американские империалисты идут по пути фашизации страны, следуя по стопам Гитлера, Муссолини и японских милитаристов.

Как только закончилась вторая мировая война, американская реакция приступила к расправе с «внутренним врагом», искоренению из умов американцев «вольного духа» и уничтожению всякой «крамолы». Разгул реакции принял неслыханные масштабы, передовые люди страны подвергаются нещадным преследованиям. Ведется безудержное наступление на жизненный уровень и самые элементарные человеческие права трудящихся, завоеванные ими в упорной борьбе.

В кругах американской плутократии уже давно был разработан и после войны стал усиленно осуществляться своего рода генеральный план наступления на силы мира и демократии.

Весной 1947 года, характеризуя внутривнутриполитическую обстановку в стране, бывший специальный помощник министра юстиции США Рогге заявил, что «Соединенные Штаты идут к созданию фашистского государства быстрее, чем Германия в 1932 году».

С тех пор внутривнутриполитическая обстановка в Соединенных Штатах еще более обострилась, и фашизация страны происходит усиленными темпами.

Антирабочий закон Тафта — Хартли, ограничивающий свободную деятельность профсоюзов, забастовки и т. п., разгул комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, полицейские методы удушения растущего в стране движения сторонников прогресса, мира и демо

кратии — таков сегодня «американский образ жизни». Как показал гнусный судебный процесс над руководителями американской компартии, как показали тюремные приговоры представителям передовой интеллигенции, принадлежность к лагерю мира и прогресса карается в Америке многолетним тюремным заключением и тяжелым штрафом. Разгул реакции еще больше усилился после начала американской вооруженной интервенции в Корею.

В наши дни Соединенные Штаты фактически стали подлинно полицейским государством.

Но перед лицом натиска реакции сплачиваются и прогрессивные силы Америки во главе с ее рабочим классом. Американские рабочие мужественно борются за хлеб и демократические права: забастовки в США исчисляются тысячами, число их участников — миллионами. Передовая интеллигенция активно поддерживает рабочих. В стране нарастает массовое движение за мир, против поджигателей войны с Уолл-стрита. В первых рядах армии мира и прогресса борются американские коммунисты.

Борьба между двумя лагерями Америки принимает все более напряженный характер.

Вопреки господствующему в стране террору, усилившейся расовой дискриминации и принимающим все более широкое распространение полицейским методам управления государственные деятели Соединенных Штатов — эти величайшие мастера социальной демагогии — лицемерно болтают о «правах человека» и «демократии». В частности, они долгое время цинично утверждали, будто США — единственная страна мира, в которой нет тайной политической полиции.

Печать американских монополий почти ничего не сообщает о преследовании прогрессивного лагеря, объединяющего всех честных американцев. Скупно просачиваются в мировую печать сведения о творимых американской полицией и фашистскими бандами насилиях, о зверских убийствах негров и многих других вопиющих преступлениях американской реакции.

Если и есть где-нибудь железный занавес, о котором трубят херстовские газеты, то он опущен сейчас именно над Соединенными Штатами. Приподнять этот занавес

и осветить сегодняшнюю американскую действительность — насущная необходимость. В меру своих сил к этому и стремится автор, ставя перед собой задачу рассказать в настоящей книге о той системе псдавления масс, которая с полным основанием может быть названа американским гестапо.

Теперь взглянем на панораму, открывающуюся за спиной «статуи Свободы»...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ШПИОНАЖ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Пятидесятые годы XIX столетия были отмечены в Соединенных Штатах бурным ростом рабочего движения. К 1860 году в стране насчитывалось 26 профессиональных союзов. Организованные в профсоюзы рабочие располагали определенными возможностями для защиты своих прав и представляли серьезную силу, с которой не могла не считаться буржуазия.

До середины XIX века американский капитализм вел борьбу с рабочим классом преимущественно с помощью открытого террора, осуществлявшегося силами полиции, войск и судебного механизма. Однако террор и насилие не смогли приостановить развитие рабочего движения. С возникновением массовых рабочих организаций, прежде всего профсоюзов, капиталисты стали разнообразить методы борьбы за увековечение своего господства.

Изыскивая способы расправы с организованными рабочими, капиталисты перешли к бойкоту профсоюзов, категорически отказывались вступать в какие-либо переговоры с выборными органами рабочих и их руководителями и т. д. На многих предприятиях от поступавшего рабочего требовали принесения «железной присяги» в том, что он не является участником той или иной рабочей организации. Предприниматели рассматривали принадлежность к профсоюзу или любой другой рабочей организации, как величайшее преступление. Чтобы избежать приема на работу членов профсоюзов, капиталисты ввели на предприятиях так называемые «черные

списки» и рассылали их друг другу. Занесенный в такой список рабочий лишался возможности поступить на другое место.

Все это привело к тому, что рабочие организации стали уходить в подполье и самым тщательным образом конспирировать свою деятельность и свой состав. Начали возникать новые, тайные профессиональные организации. В этих условиях капиталисты стали искать новых, более действенных, путей и методов борьбы с рабочим классом. Широко используя старое оружие террора, они одновременно применяют новые методы борьбы, рассчитанные прежде всего на подрыв и разложение рабочего движения изнутри.

ЧАСТНЫЙ СЫСК — ПРОДУКТ «АМЕРИКАНСКОЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ»

Страницы американских газет запестрели рекламными объявлениями контор и агентств, скромно именовавших себя «информационными», «осведомительными» или носивших какую-либо другую невинную вывеску. Многочисленные объявления гласили, что эти конторы принимают к исполнению всевозможные поручения по собиранию специальной информации, расследованию уголовных преступлений и выполняют любые другие «деликатные задания». В рекламах особенно подчеркивалась гарантия полного сохранения тайны. Так в Соединенных Штатах появилась на свет еще одна отрасль бизнеса — продукт предприимчивости американских дельцов, изыскивавших все новые способы борьбы с рабочим классом.

Система частного сыска получает в США быстрое распространение. Первое частное детективное агентство было открыто в Чикаго в 1852 году, а в 1892 году их в том же Чикаго насчитывалось уже пятнадцать. Еще большее число подобных «предприятий» выросло в Нью-Йорке. В начале 900-х годов детективное агентство Фарлей, считавшееся тогда крупнейшим, представляло собой настоящий «концерн сыска» с десятками филиалов, разбросанных по всей стране. Начиная с 1910 года новые детективные агентства возникают в США буквально, как грибы после дождя.

В годы первой мировой войны и в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции в СССР частный сыск в Соединенных Штатах принимает исключительно широкое развитие. К 1929 году в стране насчитывалось около тысячи детективных агентств, каждое из которых располагало обширной периферийной сетью. В период экономического кризиса 1929—1934 годов единственной отраслью деятельности, которая в США не только не подвергалась какому-либо сокращению, но, наоборот, резко возросла, был частный сыск. В одном только Нью-Йорке в 1934 году действовало 187 детективных агентств, значительно больше, чем к моменту наступления кризиса. В последующие годы, и вплоть до настоящего времени система частного сыска неуклонно развивается.

Первые детективные агентства занимались по поручению частных лиц выявлением различных уголовных преступлений и т. п. Но с ростом рабочего движения деятельность агентств начинает все больше переключаться на ведение шпионажа среди рабочих, ставя своей задачей разложение профсоюзов и срыв забастовок. Дело это оказалось весьма доходным, и вскоре главным видом деятельности подавляющего числа детективных агентств становится «рабочий шпионаж» и штрейкбрехерство. Констатируя это положение, один из «теоретиков» частного сыска, мистер Кооч из Кливленда, в свое время заявил: «На шпионаже в промышленности можно заработать больше, чем на расследовании уголовных преступлений».

ОРГАНИЗАЦИЯ ЧАСТНОГО СЫСКА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В настоящее время количество частных детективных агентств в Соединенных Штатах огромно — несколько тысяч. Крупнейшими из них считаются следующие фирмы: «Рэйлуэй энд инспекшн компани», «Пинкертонз нэйшенл детектив эйдженси», «Нэйшенл корпорэйшн сервис», «Корпорэйшнс окзильери компани», «Уильям Дж. Барнс интернэйшенл детектив эйдженси» и др. Большинство агентств находится в Нью-Йорке, где они занимают роскошные помещения в центре города. Очень

часто они расположены в зданиях концернов (например, «Корпорэйшнс окзильери» — в здании концерна «Дженерал моторс» на Бродвее), что лишний раз подчеркивает их тесную связь с последними.

О масштабах деятельности детективных агентств можно судить по их оборотам и доходам, которые они, правда, стремятся скрыть. Однако известно, что годовой оборот только трех агентств (Пинкертон, Барнса и Тилля) составлял в последние предвоенные годы 65 миллионов долларов. Чистый доход одного только агентства Шермана за три года выразился в сумме 22 миллионов долларов. Монополии не жалеют средств на оплату «работы» частного сыска. Еще в 1936 году сенатская комиссия по рабочему вопросу установила, что сумма ежегодных расходов промышленных концернов на вознаграждение деятельности частного сыска составляет 80 миллионов долларов. Цифра эта явно преуменьшена.

Вся деятельность детективных агентств построена на основе тщательно разработанной системы, которая непрерывно усовершенствуется. Они располагают огромным аппаратом информационной службы, обрабатывающим и классифицирующим добываемые шпионские материалы. Характерно, что частная система сыска полностью копирует свою внутреннюю организацию со структуры аналогичных государственных учреждений. Она так же конспирирует технику своей деятельности и маскирует ее какой-либо невинной «крышей», как и заграничные разведывательные органы.

Некоторые из детективных фирм специализировались на определенных отраслях сыскной работы. Например, «Вспомогательная корпорация», действующая в десятках городов под разными наименованиями, занята исключительно поставкой должностных лиц в аппарат профсоюзов. Она также выпускает два раза в неделю информационный бюллетень.

Свое настоящее лицо детективные агентства раскрывают в закрытых письмах, рассылаемых клиентуре, в которых они подробно излагают характер предлагаемого ими обслуживания. В качестве примера приведем выдержку из закрытого письма агентства Рэссель в городе Милуоки. «Наши опытные и наилучшим образом осведомленные представители, — говорится в письме, — снаб-

дят вас тончайшей, критически проверенной информацией... На предприятии и вне его все они будут смотреть вашими глазами, слушать вашими ушами. Они повсюду будут собирать всякого рода сведения, помогая вам наилучшим образом защитить свои интересы»¹.

Агентство Шермана в широких размерах организовало исследовательскую работу в области «стратегии» и тактики шпионажа в рабочем движении. Покойный Джон Шерман, бывший глава агентства, является автором особо тонких методов борьбы с забастовками и насаждения шпионажа. Разработанная им «теория» усовершенствованного сыска скромно именуется «насаждением гармонии в промышленности». Деятельность этого агентства простирается даже до того, что его сотрудники читают лекции на тему о «промышленной гармонии» в Массачузетском институте технологии и в Коммерческом колледже в Казе.

В частности, заметим, что агентство Шермана рекламирует себя перед предпринимателями в качестве организации, наиболее осведомленной о состоянии рабочего движения в США. Оно рассылает своей клиентуре особо секретный бюллетень, подлежащий по прочтении обязательному возврату в главную контору агентства.

Это стало известно благодаря тому, что однажды в распоряжение редакции «Дейли уоркер» поступили копии секретных материалов, рассылаемых Шерманом. Об этом факте редакция довела до сведения общественности.

Крупные детективные агентства имеют даже специальные отделы печати и пропаганды, покупающие целые страницы в наиболее влиятельных газетах с целью пропаганды «всеобщей классовой гармонии».

Сейчас, в связи с фашизацией американской политической жизни и лихорадочной подготовкой войны правящими кругами страны, вся система частного сыска в США переживает полосу особого подъема. Детективные агентства расширяют свои штаты, совершенствуют методы своей работы. Открываются новые сыскные бюро, специализирующиеся исключительно на травле коммунистов. Например, 15 марта 1948 года газета «Дейли

---

¹ Сидней Говард и Роберт Дэнн. Рабочий шпионаж в Америке, стр. 32, пер. с английского.

уркер» сообщала, что в Нью-Йорке открыто детективное бюро «по борьбе с коммунистами». Глава «предприятия» Кирпатрик и его помощник Конэлли — бывшие агенты Федерального бюро расследований. В своем «проспекте», опубликованном в печати, Кирпатрик заявил, что ни Ку-Клукс-Клан, ни фашисты не опасны для Америки. «Для Америки опасны только коммунисты». И поэтому, мол, он (Кирпатрик) «принимает все меры» для «спасения» от них Соединенных Штатов. Бюро Кирпатрика издает еженедельный погромный листок «Контратака», распространяет брошюру под названием «Как бороться с коммунистами», организует групповые и индивидуальные консультации для всех, желающих принять участие в «антикоммунистическом походе». «Проспект» Кирпатрика указывает, что бюро располагает достаточным количеством агентов для оказания практической помощи консультирующимся по слежке за коммунистами.

ДИНАСТИЯ ПИНКЕРТОНОВ

Идея организации частного сыска в Соединенных Штатах принадлежит Аллану Нат Пинкертону — сыну полицейского сержанта, эмигрировавшему в 1842 году в США из Шотландии. Он открыл в Чикаго в 1852 году первое в США частное детективное агентство, девизом которого стало выражение: «Мы никогда не спим». Имя Пинкертона, как и деятельность его агентства, долгое время было не известно широким кругам американцев. В этот период он был руководителем детективной группы для охраны железнодорожной собственности и розысков похищенного имущества.

События гражданской войны, когда вашингтонское правительство привлекло Пинкертона и его людей для выполнения секретных поручений по линии разведки, были использованы им для создания себе широкой популярности. Пинкертон неожиданно предстал перед американцами, окруженный ореолом чуть ли не «национального героя». Затем все улеглось, и вплоть до 1875 года средний американец, вероятно, не задумывался над тем, чем занимаются все эти частные сыскные агентства, количество которых с легкой руки Пинкертона все возрастало.

Официально «Национальное сыскное агентство Пинкертона» в то время занималось якобы только расследованием уголовных дел и охраной ценностей. На его бланках значилось, что фирма является «представителем и постоянным агентом» «Ассоциации американских банкиров», «Предохранительного союза ювелиров», «Союза безопасности ювелиров» и «Железнодорожного охранительного бюро». Но это была лишь вывеска. Фирма Пинкертона давно уже выполняла задания капиталистов по организации шпионажа на предприятиях.

Разгром в 1875 году тайного профессионального союза рабочих-горняков в штате Пенсильвания — первое «большое дело» фирмы Пинкертона в области борьбы с рабочим движением. Произошло это при следующих обстоятельствах.

После неудачно окончившейся семимесячной стачки горняков в 1874 году легальное существование горняцкой профсоюзной организации стало невозможным. Шахтеры создали широко разветвленную тайную рабочую ассоциацию, названную, по имени ее основательницы, «Молли Магуайрс». Угольные магнаты решили уничтожить подпольную организацию горняков с помощью провокации. Для этой цели предприниматели наняли фирму Пинкертона. Последняя перебросила в горняцкие районы большое количество секретных агентов, которым было поручено проникнуть в профсоюз, вызвать эксцессы, сваливая ответственность за них на рабочих. Агенты-провокаторы действовали столь рьяно, что эксцессы и убийства приняли массовый характер.

Тогда угольные магнаты решили нанести удар. Используя подкупленную прессу, различных политиканов и духовенство, они стали распространять клеветнические измышления о том, будто организация горняков основана для преступных целей и состоит якобы сплошь из преступников. К этому времени сыщики Пинкертона выявили всех активных деятелей организации и их связи. Осенью 1875 года многие шахтеры были арестованы и преданы суду. Пинкертоновский сыщик и провокатор Мак-Парлен, который играл главную роль в провале «Молли Магуайрс», фактически был единственным свидетелем обвинения на судебном процессе.

Десять шахтеров были приговорены к смертной каз-

ни, остальные — к различным срокам тюремного заключения. Тщательно подготовленная судебная комедия была рассчитана на то, чтобы обязательно осудить ни в чем неповинных людей.

В день суда — «21 июня 1877 г. — упал занавес после последнего акта этой трагедии труда. Палач отдал свои последние распоряжения, и виселица получила свои жертвы. В этот день история стала проституткой, и лицо правды покрылось гнусной маской лжи»¹.

Однако эти события все-таки не привлекли особого внимания к агентству Пинкертона; это произошло несколько позже. Весной 1892 года на заводах Карнеджи в Гомстэде, близ Питтсбурга, возникли разногласия между администрацией и рабочими по вопросу о зарплате. Компания отказалась признать профсоюзную организацию металлургов и воспротивилась приему на работу членов союза. В ответ на эти действия администрации рабочие прекратили работу и вооружились для охраны предприятий от штрейкбрехеров. Компания обратилась за помощью к Пинкертому. 5 июля в Гомстэд прибыло по реке 300 вооруженных до зубов сыщиков, которые вступили в бой с рабочими. В результате боя рабочие обезоружили пинкертоновских агентов и сожгли лодки, на которых они прибыли. Для восстановления «порядка» правительство направило в Гомстэд восьмитысячный отряд войск.

События в Гомстэде вызвали бурю возмущения в широких слоях американского народа. Под нажимом общественного мнения конгресс поручил специальной судебной комиссии расследовать характер и методы действий агентства Пинкертона. В своих выводах комиссия констатировала, что «существование такой организации, как агентство Пинкертона..., притупляет у граждан чувство нравственной ответственности и широко распространяет мнение, что основой нашей национальной жизни является не уважение и преклонение перед законом, а власть и господство грубой силы».

Разумеется, работа комиссии ни к чему реальному

---

¹ Из «Воззвания к разуму», нелегально распространявшегося среди горняков после расправы над ассоциацией «Молли Магвайрс». А. Бимба. История американского рабочего класса, Москва, 1930, перев. с английского, стр. 118.

не привела. Она ограничилась расследованием обстоятельств самого конфликта в Гомстэде и, поверхностно коснувшись в связи с ним деятельности агентства Пинкертона, обошла молчанием вопрос о системе капиталистического шпионажа в рабочем движении.

Только спустя четырнадцать лет была окончательно сорвана маска с Пинкертона и ему подобных. Честь этого разоблачения принадлежала Морису Фридману — бывшему стенографу агентства Пинкертона. В 1907 году, накануне знаменитого судебного процесса над лидерами Западной федерации горнорабочих (что также было делом фирмы Пинкертона), Фридман опубликовал книгу, появление которой вызвало огромный интерес. Впервые американская общественность увидела, что скрывается за вывеской «Национального сыскного агентства Пинкертона». Картина была тем убедительнее, что книга Фридмана целиком основывалась на документах, которыми он располагал благодаря своему прошлому служебному положению¹.

«Прославленный» Нат Пинкертон предстал тогда перед американцами во всей своей неприглядной наготе. Это было время, когда издательства наводняли книжный рынок миллионами экземпляров брошюр о подвигах и подвигах знаменитых сыщиков. Среди них «Нат Пинкертон» был самым популярным и тем скандальнее поэтому были разоблачения. В своей книге Фридман рассказал о грандиозной системе шпионажа, насажденного предпринимателями во всех отраслях промышленности США, о гнуснейших методах, практикуемых его организаторами и исполнителями. Судебный процесс над руководством Западной федерации горнорабочих полностью подтвердил данные, опубликованные Фридманом.

Сенсационные разоблачения Фридмана вынудили

---

¹ Морис Фридман служил в качестве стенографа в конторе агентства Пинкертона в Денвере с 1902 по 1905 год. Здесь он начал собирать документы агентства, снимая копии со всех бумаг, казавшихся ему интересными. В 1905 году Фридман оставил службу в агентстве, а в мае 1907 года опубликовал все имевшиеся у него материалы. После этого тогдашний глава агентства Роберт Пинкертон заявил, что никакой Фридман в качестве стенографа в агентстве не работал. Но у Фридмана оказались документы: копия его контракта с агентством и другие. Попытка Пинкертона объявить книгу Фридмана фальсификацией провалилась.

агентство Пинкертона временно стушеваться. Но ни его главная контора, ни 20 филиальных отделений ни на один день не прекращали своей основной функции: шпионажа и организации провокаций на предприятиях.

Так, выступая перед узким кругом приглашенных на одну из юбилейных дат фирмы, ее глава заявил: «Благодаря специально созданной системе шпионажа на заводах и фабриках мы имеем широчайшие возможности выявлять и устранять всевозможные нежелательные явления».

В 1937 году внимание американской общественности вновь было привлечено к агентству Пинкертона. В связи с забастовкой рабочих на заводах компании «Дженерал моторс», сенатская комиссия занялась расследованием деятельности агентства. Опять были установлены вопиющие факты. Выяснилась, например, роль Пинкертона в событиях 1934 года, когда над автомобильной промышленностью нависла угроза всеобщей стачки. Для наблюдения за рабочими агентство открыло тогда специальное отделение в Детройте. Некоторым агентам удалось проникнуть в качестве выборных представителей в местные отделения профсоюза рабочих автомобильной промышленности. Рабочие, узнав о том, что за ними идет слежка, опасались вступать в союз, боялись даже посещать собрания. С 1934 года по июнь 1935 года за этого рода деятельность компания «Дженерал моторс» заплатила агентству Пинкертона, только по официальным данным, 800 тысяч долларов.

«Мероприятия» фирмы Пинкертона в Детройте в огромной степени содействовали тому, что готовившаяся всеобщая стачка была сорвана.

Интересно отметить, что пинкертоновские шпики следили не только за рабочими, но и за членами правительства США. Так, во время стачки на заводе Шевроле в Толедо велась слежка за заместителем министра труда Мак Греди, который пытался добиться соглашения между представителями компании и бастующими.

Ныне фирма Пинкертона процветает во-всю. Она обслуживает «по договорам» около 2 500 предприятий и промышленных компаний в США, что осуществляется 27 конторами и отделениями фирмы, а также некоторые правительственные организации (вопреки постановлению

конгресса, изданному после событий в Гомстэде, о том, что правительственным организациям воспрещено пользоваться услугами агентства Пинкертона).

Пинкертон и его шайка находятся в тесном контакте с поджигателями войны, разжигаящими в США военную истерию и атомный психоз. В недавно разосланном множестве предпринимателей циркуляре, между прочим, говорится следующее: «Будущие международные столкновения вызовут необходимость чрезвычайных мер для охраны вашего предприятия. Необходимо создать информационную службу среди рабочих. Агентство располагает опытным персоналом, способным удовлетворить вашим требованиям».

Минувшая война была большим бизнесом для королей частного сыска в США. Они не чают дожидаться того момента, когда обстановка даст им новую возможность во много раз повысить свои и без того огромные прибыли.

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАЗБОЙНИКИ — ИСТЫЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ПО СРАВНЕНИЮ С ЭТИМИ ТИПАМИ»

Невозможно определить, какое количество штатных тайных агентов и пожетонных осведомителей¹ состоит на службе частного сыска в США. Это — огромная армия, исчисляемая многими сотнями тысяч человек. Известно, например, что задолго до второй мировой войны лишь три детективных агентства — Пинкертона, Барнса и Тилиа — имели 135 тысяч платных сотрудников, обслуживавших 100 районных контор и 10 тысяч местных отделений. Семьдесят пять процентов этого персонала было занято непосредственно «производственной работой», т. е. занималось шпионажем в среде трудящихся.

По словам лондонской «Дейли геральд», в каждой американской первичной профсоюзной организации имеется от одного и больше шпионов. «Самое меньшее, — писала газета, — сорок тысяч шпионов насчитывается в низовой сети профсоюзов». На осведомительной службе монополий и субсидируемых ими детективных

---

¹ Лица, получающие от детективных агентств оплату едельно, т. е. за каждое отдельное поручение.

агентств находятся видные функционеры основных профобъединений США: Американской федерации труда (АФТ) и Конгресса производственных профсоюзов (КПП). В американской и западноевропейской печати часто появляются материалы, свидетельствующие о том, что нити шпионских центров крупнейших монополий и правительственных органов — Государственного департамента, Федерального бюро расследований, комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности и др. — ведут к таким профсоюзным лидерам, как Грин, Дубинский, Кэри, Ирвинг Браун (разведчик Государственного департамента) и другим.

Детективные агентства имеют твердо сложившуюся систему вербовки и подготовки своей секретной агентуры. В составе главных контор всех крупных фирм имеются для этой цели специальные отделы, именуемые инструкторскими. Они занимаются изучением методов вербовки и ведают практическим обучением завербованных агентов.

Простейшей формой привлечения новых кадров шпионов, основанной на принципе добровольного сотрудничества, является помещение в газетах объявлений о найме рабочей силы. Таким путем вербуются лица самых различных профессий. Это преимущественно морально опустившиеся и разложившиеся элементы, ищущие легкого заработка и не желающие заниматься честным трудом. Но это не основные кадры частного сыска, а всего лишь их случайное пополнение.

Наряду с добровольным сотрудничеством, имеют место и факты принуждения к шпионажу тех лиц, которые представляют для сыскных агентств определенный интерес; вербуют их обычно с помощью шантажа. Такому лицу очень часто, под каким-нибудь благовидным предлогом, выплачивается, кроме зарплаты, дополнительное вознаграждение, которое выдается чеком. Спустя некоторое время, это лицо вызывается для переговоров, во время которых ему предлагается стать секретным осведомителем. В случае отказа ему заявляют, что полученное им вознаграждение было выплачено из специального фонда и что его разоблачат как шпиона, подтверждением чему будет служить выданный ему чек, на котором значится его подпись. Это только один из

методов вербовки с помощью шантажа, а их — множество.

В основном агентура частного сыска подразделяется на две категории: внешнюю и внутреннюю. Первая занимается наружным наблюдением за предприятием, профсоюзом и т. п., вторая — освещением внутреннего положения той или иной организации и пропагандой. Секретные осведомители на языке детективных агентств именуются «невидимыми гармонизаторами».

По своему составу первичная шпионская резидентура детективного агентства состоит минимум из четырех человек, по два агента каждой разновидности. В большинстве случаев внешние и внутренние агенты друг друга не знают. Связь агентуры со своим начальством окружена особой конспиративностью. Свои донесения осведомители отсылают по зашифрованному адресу, вся секретная переписка агентства ведется шифром.

Основным же поставщиком «кадров» для частного сыска является уголовный мир, с которым вся система сыска связана тысячами нитей и переплетена теснейшим образом. Об аморальном уровне этих «кадров» в свое время писал Томас Белт из Скотленд-Ярда (английской полиции), специально занимавшийся изучением работы детективных агентств в США. Он заявил, что «профессиональные разбойники — истые джентльмены по сравнению с этими типами».

В своем докладе Белт дал весьма «лестную» характеристику и самим американским королям сыска. Он писал: «В этой стране во главе крупных сыскных агентств стоят люди, портреты которых могли бы украсить любую воровскую галерею, люди, сидевшие в тюрьмах за все преступления, встречающиеся в уголовной практике».

Вильям Барнс, глава одного из самых крупных в США детективных агентств, как-то в минуту откровенности назвал своих соратников «крупнейшей бандой воров и вымогателей, из которой каждый должен стоять вне закона»¹.

Наконец, даже комиссия сената США, говоря о сыщиках, нанимаемых детективными агентствами, вынуждена была признать, что «факт уголовного прошлого не

---

¹ С. Говард и Р. Дэнн, Рабочий шпионаж в Америке, стр. 75.

служит препятствием для привлечения этих людей на работу».

Характеристики столь красочны и высказаны такими авторитетными лицами, что какие-либо комментарии к ним излишни.

Однако было бы неверным утверждать, что агентура детективных агентств сплошь состоит из подобной публики и не имеет в своем составе «порядочных людей». Среди агентов немало представителей «интеллигенции» — врачей, адвокатов (их особенно много), инженеров, техников, профсоюзных деятелей реформистского пошиба, служителей религиозного культа, артистов, журналистов и т. д. Пути, по которым пришли эти отщепенцы американской общественности на службу в детективные агентства, — различны.

Вся эта человеческая накипь, состоящая в услужении частного антирабочего сыска и представляющая собой гигантскую невидимую армию, изо дня в день ведет свою гнусную работу по разложению рабочего и всего демократического движения в США. И нет ничего удивительного в том, что деятельность этой «армии» вызывает возмущение всех прогрессивных американцев.

«ВСЕ СПОСОБЫ ХОРОШИ, КОГДА ОНИ ДОСТИГАЮТ ЦЕЛИ»

По такому принципу действуют частные детективные агентства. Организаторы шпионажа в рабочем движении не брезгают никакими методами: они провоцируют забастовки в то время, когда рабочие не подготовлены к их проведению, обеспечивая таким путем победу предпринимателей; разжигают национальную вражду между рабочими, восстанавливают против забастовщиков их жен и т. д.

Мы уже отмечали высокую степень «новаторства», проявляемую агентством Шермана в организации сыска среди рабочих. В свое время это агентство опубликовало книгу под названием «Гармония в промышленности», подробно описывавшую многообразные методы ведения шпионажа среди рабочих. Трудно понять, чем руководствовался глава агентства, выпуская этот труд, да это

и не столь важно. По одной версии, в результате «редакционного недосмотра» в книге, вместо пропаганды идеи «солидарности интересов капиталистов и трудящихся», получилась довольно правдивая картина техники насаждения «промышленной гармонии». Ошибка была тотчас понята, и книгу спешно изъяли из продажи.

Книга «Гармония в промышленности» — весьма любопытный документ. В ней агентство Шермана проповедует новую «теорию» подрыва рабочего движения, основанную на методах «психологического воздействия». «Методы применения вооруженной силы, — поучает оно, — должны отойти в область прошлого. Вся задача заключается в воспитании с помощью личного внушения. Мы воспитываем рабочих путем общения с ними и внушения».

Следует отметить, что значение книги Шермана, являющейся своего рода «секретным» пособием для детективных агентств, выходит за рамки того времени, когда она «случайно» была издана. В качестве документа, весьма правдиво живописующего методы капиталистического шпионажа в рабочем движении США, она целиком отражает современную американскую действительность.

Методы, практикуемые детективными агентствами для «расщепления» (термин из их лексикона) рабочих организаций и «гармонизации» промышленности, весьма разнообразны; они подразделяются на обычные, повседневные и сложные, применяемые лишь при «чрезвычайных обстоятельствах».

В обычной обстановке сыщик детективного агентства занят выявлением членов профсоюзов и лиц, желающих вступить в ряды профсоюза, узнает о настроениях рабочих и т. д. Все эти данные он ежедневно сообщает агентству, которое после соответствующей обработки пересылает их предпринимателю. Используя различные предлоги, предприниматель избавляется от нежелательных ему лиц. Активисты рабочего движения, функционеры прогрессивных организаций берутся на особый учет и заносятся в проскрипционные («черные») списки, рассылаемые для сведения всей клиентуре.

Одновременно систематически ведется антипрофсоюзная пропаганда, внедряется в сознание рабочих

идея «сближения» рабочих с предпринимателями, проповедуется «общность их интересов», возможность для рабочего самому стать собственником предприятия и тому подобная демагогия. Именно эта пропаганда способствует возникновению желтых, так называемых компанийских профсоюзов, объединяющих предпринимателей и рабочих. Однако эти «профсоюзы» не имели и не имеют успеха, ибо рабочие не поддаются на удочку теорий «классовой гармонии» и «классового сотрудничества».

«Чрезвычайными обстоятельствами» являются забастовки и всякие другие формы открытого выражения рабочими своего недовольства. В этих случаях детективными агентствами используются все средства: от убийств и провокаций до широко организуемой пораженческой пропаганды. Все средства считаются приемлемыми, если они приводят к срыву забастовки и разгрому рабочих организаций.

Вот как характеризует деятельность «невидимого гармонизатора» («инвизибл гармонайзер») прогрессивный американский публицист Сидней Говард, в свое время специально занимавшийся изучением капиталистического шпионажа в рабочем движении:

«Его деятельность, — пишет он, — заключается в собирании сведений и широкой пропаганде. Шпион старается прежде всего открыть вожakov движения и поднимает против них агитацию. Он втихомолку изготавливает черные списки. Интригами и подкупом он пытается разрушить профессиональный союз. Олицетворяя собой вражду предпринимателя к профессиональному союзу, шпион втирается в рабочую среду, чтобы предательством погубить рабочее дело!.. Шпион крадет членские билеты, союзные книги, финансовые отчеты; передает подслушанные разговоры, посещает митинги для доносов обо всем происходящем, вообще пролезает всюду, куда только возможно... Он обвиняет должностных лиц (речь идет о профсоюзных работниках. — В. М.) в двудушии, внушая сомнения в их неподкупности... Активность его беспредельна. Чтобы расколоть профсоюзную организацию, он не брезгует ничем».

Строжайшая секретность — важнейший принцип в работе детективных агентств. Многочисленные инструк-

ции неустанно подчеркивают необходимость соблюдения самой тщательной конспирации в вопросе хранения документации и связи секретных осведомителей с конторами агентств.

Обратимся опять к методам Шермана, которые обстоятельно освещены С. Говардом и Р. Дэнном.

«В связи с предстоящей вашей работой, — говорится в одной его секретной инструкции-наставлении, — вы будете часто получать инструкции, каковые, после того как вы тщательно ознакомились с их содержанием и поняли все сказанное, вы должны немедленно отсылать обратно в том же конверте. Вы ничего не должны ни удерживать, ни хранить у себя более 12 часов...»

«Отправляя ежедневно свою корреспонденцию, — указывается в ней далее, — следите за тем, чтобы никто вас не заметил. Позаботьтесь о том, чтобы и почтовый чиновник не заметил, что вы вкладываете наше письмо в свой конверт». (В данном случае предусмотрительность детективных агентств вполне обоснована, так как им хорошо известно то «любопытство», которое проявляет почтовая администрация США к проходящей через ее руки корреспонденции.)

«Невидимые гармонизаторы» получают гонорар только в том случае, если они доставляют соответствующую информацию. Таким образом, они все время заняты поисками нужной им информации. Прямым следствием этого является провокация. Агент не может давать начальству ложные сведения, ибо при наличии широкой системы осведомления это приведет к быстрому его разоблачению. Поэтому он пускается на все хитрости, чтобы провоцировать беспорядки и различные конфликты, которые давали бы ему материал для информации. Во время забастовок «гармонизаторы» создают всевозможные эксцессы с целью вызвать вмешательство полиции. Провокация — излюбленный метод «невидимых гармонизаторов».

Но было бы ошибочно представлять себе дело так, будто провокации являются продуктом только личной предприимчивости «гармонизаторов». Их хозяева не только приветствуют любую инициативу своих подчиненных в этом направлении, но и сами дают прямые указания об организации всяческих провокаций. Например,

во время забастовки металлистов агентство Кооча в Кливленде, орудовавшее по ее подавлению, дало следующее указание своей агентуре:

«Нам желательно разжечь чувство вражды между сербами и итальянцами. Распространяйте среди сербов сведения о том, что итальянцы становятся на работу. Затрагивайте вопросы, которые наивернейшим образом вызовут национальную ненависть между рабочими этих двух национальностей»¹.

Нередко предприниматели провоцируют забастовки из чисто корыстных соображений. В одном случае в связи с такой попыткой получилась весьма курьезная история. Фирма, изготавливающая готовое платье, поручила детективному агентству вызвать на своем предприятии забастовку, рассчитывая получить премию от «Общества страхования от забастовок». Но оказалось, что страховое общество само имело осведомителей на этом предприятии. Поистине — вор у вора дубинку украл.

Множество катастроф в шахтах, крушений поездов, динамитных взрывов и других преступлений, совершенных в периоды забастовок, виновников которых судебным органам так и «не удалось» установить, сплошь представляют собой провокации, организованные детективными агентствами.

Своей центральной задачей капиталистический сыск ставит проникновение в руководящие круги рабочего движения. Затягивая в свои сети реформистских лидеров профсоюзов и некоторых руководителей низовых профорганизаций, капиталистический сыск пытается тормозить развитие рабочего движения, подчинить его интересам монополий.

Как свидетельствуют многочисленные факты, в ряде случаев детективным агентствам удается завербовать видных профсоюзных чиновников. В результате одного судебного расследования было случайно выявлено, что председатель крупного профсоюза в Филадельфии Джемс Кронин многие годы состоял осведомителем детективного агентства, именовавшегося «Бюро промышленных отношений». За свою «деятельность» Кронин получал

---

¹ С. Говард и Р. Дэнн. Рабочий шпионаж в Америке, стр. 38.

200 долларов в неделю. Агентство Пинкертон в своих показаниях комиссии сената заявило, что среди его агентуры числятся 7 председателей профессиональных союзов, 5 вице-председателей, 1 казначей, 3 секретаря и т. д.

В Детройте был разоблачен как шпион вице-председатель местного отделения союза рабочих автомобильной промышленности Джон Эндрюс, который обслуживал детективное агентство «Корпоративная вспомогательная компания». В течение ряда лет Эндрюс был «другом» председателя этого союза и все это время систематически доносил на него и выполнял другие шпионские обязанности. Получаемая им мзда составляла 40 долларов в неделю.

Используя продажность многих реакционных «деятелей» рабочего движения, капиталистический сыск сумел достичь известных успехов в распространении своего влияния на некоторые круги профсоюзной бюрократии как Американской федерации труда, так и Конгресса производственных профсоюзов. Короли сыска делают немалую ставку на подобный метод разложения трудящихся масс. «Мы имеем основание надеяться, — хвастливо заявляет один из них, — что наши люди войдут и в круг интернациональных деятелей».

Перед войной, в 1937 году, в Нью-Йорке вышла книга «Двадцать лет шпионской работы». Автор — профессиональный шпион-provokator — скрыл свое настоящее имя, поставив вместо него на обложке номер «ГТ-99», под которым он работал в сыском агентстве. На протяжении 309 страниц он последовательно описывает все перипетии скользкого пути предателя. Книга интересна тем, что в ней без всяких прикрас нарисованы методы, с помощью которых шпион действовал в течение двух десятилетий и остался неразоблаченным.

Книга еще более поучительна тем, что она является автобиографией не просто мелкого шпиика, а человека, поставившего своей задачей пробраться в верхушку руководителей профсоюзов именно с целью подрыва их изнутри. Это ему вполне удалось. Начав с простого рабочего, «ГТ-99» закончил постом вице-председателя крупного профсоюза в одном из городов США. «С этого времени, — пишет он, — моя работа состояла почти

исключительно в том, что я всякими способами мешал вовлечению новых членов в профессиональный союз и отказывался санкционировать стачки».

Весьма ценным является признание автором того обстоятельства, что в конечном счете никакие методы шпионажа не в состоянии остановить роста организованного рабочего движения. Они становятся абсолютно неэффективными в условиях, когда рабочий класс объединяет свои усилия в масштабе всей страны, когда он встает на защиту своих прав единой сплоченной силой. Говоря о бурном росте рабочего движения в Соединенных Штатах в кризисные годы, этот матерый предатель интересов трудящихся, достигший самых высоких ступеней в «искусстве» разлагать профсоюзы, констатировал:

«Наши испытанные методы потеряли силу. Мы были подобны человеку, стоявшему у распределительного пульта, переставшего правильно функционировать. Мы позерывали нужный выключатель, но не получали ожидаемых результатов. Когда мы включали зеленый свет, вспыхивал красный или желтый».

ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВО¹

Родной штрейкбрехерства также являются Соединенные Штаты. Оно возникло там почти одновременно с появлением частного сыска и стало отраслью, непосредственно ему сопутствующей. Американские дельцы быстро раскусили широкую возможность выколачивать немалые деньги, эксплуатируя представителей этой отвратительнейшей «профессии» в интересах капиталистических монополий. В конце прошлого столетия в США функционировало уже много сотен контор и агентств, поставлявших штрейкбрехеров для срыва стачек.

Банды штрейкбрехеров — это своего рода ударные отряды капиталистических монополий, предназначенные для открытой и чаще всего вооруженной борьбы с рабочими массами в те моменты, когда активность последних принимает угрожающий характер. Роль штрейкбрехе-

---

¹ Штрейкбрехер — по-немецки «стачколом», лицо, которое срывает забастовку. Этот термин вошел в обиход после стачки гамбургских портовых рабочих, длившейся с ноября 1896 по февраль 1897 года.

ров сводится, прежде всего, к тому, чтобы создать внешнюю видимость работы во время забастовки, показать, что предприятие не остановилось, и таким путем деморализовать забастовщиков.

Главная задача штрейкбрехеров заключается и в том, чтобы осуществлять террор в отношении бастующих, провоцировать их на столкновения, которые восстанавливают против рабочих «общественное мнение» и «оправдывают» вмешательство полиции и воинских частей, в крови подавляющих забастовку.

Нередко банды штрейкбрехеров сами выступают в роли вооруженных карателей. Как заявляет Питер Бергоф, прозванный «королем штрейкбрехеров», «подготовка к срыву стачки напоминает мобилизацию миниатюрной армии для настоящих военных действий». Когда штрейкбрехеры направляются на «работу», их вооружают револьверами, ручными гранатами, начиненными слезоточивым или рвотным газом, и дубинками из орехового дерева; в более серьезных случаях они вооружаются даже винтовками и ручными пулеметами.

В тесной связи с штрейкбрехерскими организациями находятся фирмы «Федерал лабораториз», «Лэйк Эрикэмикэл компани» и др., торгующие различного типа оружием, боеприпасами и другим «инвентарем», применяемым при подавлении забастовок. Они обеспечивают техникой любые мероприятия против бастующих рабочих, рассчитанные на то, чтобы сломить их боевой дух и стойкость.

О внушительности этих ударных банд американских монополий можно судить по тому факту, что агентство Бергофа гарантирует в течение 48 часов предоставление в распоряжение заинтересованного предприятия до 10 тысяч штрейкбрехеров. По первому же требованию оно высылает в течение одного-двух часов по несколько сот человек. Сбор штрейкбрехеров, действительно, походит на мобилизацию: специальные агенты из числа шоферов такси спешно развозят сотни и тысячи повесток по меблированным комнатам и мелким гостиницам, где ютятся штрейкбрехеры.

Особое внимание уделяется подбору кадров штрейкбрехеров. Главным источником их пополнения является преступный мир и деклассированные элементы. Многие

из них служили раньше в полиции. Говоря о своих кадрах, глава одного штрейкбрехерского агентства высказался следующим образом: «Мы хотим иметь опытных людей, и нам вовсе не нужно, чтобы это были «учителя воскресных школ».

По своей квалификации штрейкбрехеры делятся на три разновидности. Первая — это так называемые «финки», т. е. люди, которые инсценируют замену забастовщиков. Это прозвище заимствовано из воровского жаргона. На языке уголовников оно означает: «преступник, недовольный своей добычей». Есть «финки-разовики», нанимаемые агентством на срок, необходимый для подавления забастовки. Есть и профессионалы, числящиеся на постоянной работе.

Второй разновидностью штрейкбрехеров являются «нобли» — большей частью опытные гангстеры, выполняющие функции по «охране жизни и собственности». Иными словами, их задача состоит в обеспечении безопасности представителей администрации и имущества владельцев.

Наконец, третья категория — это «бутсы», т. е. шпионы, постоянно работающие на предприятиях клиентуры агентства. Они обязаны немедленно уведомлять о всех случаях подготовки забастовок или возможности возникновения каких-либо волнений.

Наиболее крупным штрейкбрехерским агентством в США считается фирма Питера Бергофа, функционирующая свыше сорока лет. Это агентство имеет главные конторы в Чикаго (кстати заметим, что в Чикаго, кроме того, имеется около 80 других штрейкбрехерских агентств), Нью-Йорке и широко разветвленную сеть филиалов по всей стране. В одном только Нью-Йорке находится около 100 отделений названного агентства. За первые тридцать лет своей «деятельности» Бергоф, любящий именовать себя «доктором практической экономики», «обслужил» 300 забастовок. Были случаи, когда он отправлял свои банды даже за пределы США: один раз — в Канаду, другой — на Кубу. Услуги этого короля штрейкбрехеров американским монополиям столь значительны, что они не скупятся на их вознаграждение. Бергоф нажил многомиллионное состояние.

Его агентство располагает единственной в своем

роде картотекой на лиц, желающих стать штрейкбрехерами. На карточку занесены подробные сведения о каждом таком человеке, систематически дополняемые. По словам главы фирмы, эта картотека — продукт многолетней работы и продолжительного опыта — основа его предприятия.

При подавлении забастовок банды Бергофа отличаются исключительной жестокостью. Его наемники, зная свою безнаказанность, не стесняются в применении оружия. Так, при «ликвидации» забастовки на предприятиях «Пресс стил» в первые полчаса с момента прибытия штрейкбрехеров было ранено и убито 48 рабочих. «...При каждой большой стачке непременно бывают убитые, — цинично заявил представителям печати шеф этих бандитов. — Избежать этого нельзя. Мои люди охраняют закон и порядок».

Но бывают случаи, когда гангстеры перестают повиноваться своему боссу (хозяину). Однажды (это было в Нью-Йорке) они сами забастовали. На выручку королю штрейкбрехеров пришла «Армия спасения»¹. Она быстро предоставила в его распоряжение необходимое количество людей. В другом случае 150 подчиненных Бергофа напали на его штаб-квартиру в Колумбус серкл. Причиной налета была неуплата причитающихся им денег.

Крупные штрейкбрехерские организации занимаются не только подавлением забастовок, но и их предупреждением. В одной из своих статей, опубликованных в печати, Питер Бергоф по этому поводу писал: «Мы уделяем специальное внимание предупреждению грозящих забастовок. Через наш отдел предупреждения стачек мы посылаем своих людей в ряды рабочих. Эти люди обладают квалификацией лидеров. Они отличаются личной храбростью и большой силой убеждения — настолько, что могут противодействовать вредному влиянию забастовочных агитаторов и радикальных элементов». Речь идет уже не просто о гангстерах, а об особой разновидности политиканов (преимущественно из числа адвокатов), которые выступают перед бастующими с целью

---

¹ «Армия спасения» — сектантская филантропическая организация, тесно связанная с американской и английской разведками и контрразведками.

пропаганды. Как мы видим, техника штрейкбрехерства разработана в США до мельчайших деталей.

В отличие от детективных агентств, штрейкбрехерские организации совершенно открыто и недвусмысленно рекламируют предложение своих гнусных услуг. Штрейкбрехерство, это позорнейшее явление капиталистического общества, в Соединенных Штатах — признанная и сугубо охраняемая законом профессия, а его главари, сами в недавнем прошлом отпетые гангстеры, — уважаемые люди в кругах американской плутократии. «Я не какой-нибудь проходимец, — самодовольно похваляется все тот же Бергоф. — Я играю в гольф с губернаторами и сенаторами». Почему бы, спрашивается, этому бывшему сыщику и чикагскому сутенеру не пребывать в столь почтенном обществе: «ястреб ястребу глаз не выклюет», — гласит английская пословица.

ДВОЙНАЯ СИСТЕМА ШПИОНАЖА ИЛИ «СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ» МОНОПОЛИЙ:

«Четыре глаза видят больше, чем два».
(Английская поговорка.)

Американские монополии создали еще одну систему сыска и штрейкбрехерства, помимо той, которая находится в распоряжении всех этих пинкертонов, шерманов и бергофов. Сделано это, конечно, не по причине недоверия к «искусству» последних, а из совершенно иных соображений.

Чтобы застраховать себя от всяких «неожиданностей» и «случайностей», американские капиталисты не жалеют никаких затрат и усилий. Одной из форм такой страховки является организация монополиями системы двойного шпионажа и собственной полиции. Для руководства этой деятельностью были созданы «специальные службы» монополий под различными названиями.

Еще в первую мировую войну было известно о существовании таких служб в Стальном тресте, Западной телеграфной компании, в ряде железнодорожных компаний, в Обществе страхования от забастовок и некоторых других концернах. Мистер Эттербери, руководивший в тот период «специальной службой» Пенсильванской

железнодорожной компании, следующим образом характеризовал подчиненный ему аппарат: «Мы имеем довольно сильную полицейскую организацию и заранее знаем, что должно произойти... Мы имеем собственных добровольцев, доставляющих нам сведения, но кроме того мы пользуемся агентурой Пинкертона».

Если тогда это было единичным явлением, то ныне всякая более или менее солидная американская фирма считает своим долгом иметь собственную осведомительную службу, действующую независимо от работающих на договорных условиях детективных агентств.

Наиболее широко организована такая система «внутренней безопасности» в концернах Форда и стальной промышленности. Газета «Дейли уоркер» писала: «Форд терроризирует рабочих при помощи дорогостоящей и безжалостной системы шпионажа». Для организации на своих предприятиях шпионажа Форд в начале двадцатых годов пригласил доктора Гарриса Хоутона, ранее служившего в военной разведке США. Под его «просвещенным» руководством сыскная служба Форда вышла далеко за рамки внутризаводской деятельности и превратилась во всеамериканскую конспиративную организацию по борьбе с рабочим и общедемократическим движением. Ее крупнейшим «достижением» было составление «черного списка» демократических и либеральных деятелей. Фордовские шпики настолько перестарались, что в этом списке очутились, например, такие «красные», как Вудро Вильсон и судьи Юз и Брэндейс.

Известно, что в середине тридцатых годов лишь оперативный состав фордовской тайной полиции насчитывал свыше 500 человек, под руководством которых действовала многотысячная армия секретных осведомителей. К Форду перешел на службу и начальник полиции Детройта (центр автомобильной промышленности). Небезызвестный в США боксер Джо Луис был приглашен Фордом в качестве тренера для своих ищеек, чтобы обучать их самым утонченным методам физического насилия над рабочими.

Особенно широкую деятельность фордовский сыск развил накануне второй мировой войны, и это вполне понятно. Тогдашний его начальник Гарри Беннетт (по соображениям секретности числившийся на работе в

отделе личного состава концерна) рьяно проводил в жизнь подлейшие фашистские методы расправы с рабочими. Беннетт находился в тесной связи с гитлеровской агентурой в США. Он долгое время способствовал подрывной работе гитлеровцев и обеспечивал конспирацию известного вожака немецких фашистов в Соединенных Штатах Фрица Куна. Кун в качестве химика числился на работе у Форда, а на самом деле, маскируясь этой службой, разъезжал по стране и руководил деятельностью гитлеровского «Германо-американского союза».

Беннетт и его подручные свирепо преследовали рабочих, заподозренных в том, что они являются членами профсоюза, подвергали всяческим гонениям активистов и руководящих профработников. Фордовские сыщики неоднократно жестоко избивали рабочих лидеров. Однажды они подвергли насилию руководящих деятелей профсоюза автомобильных рабочих КПП.

Техника фордовского сыска достигла довольно высокой степени «совершенства». Его агенты не останавливаются ни перед чем: они доходят даже до того, что роются в корзинках с завтраками и в карманах рабочих в поисках профсоюзной и другой «вредной» литературы. Однажды «изобретательность» руководителей тайной полиции Форда выразилась в том, что они организовали киносъемку первомайской демонстрации и потом уволили тех рабочих фордовских заводов, которые в ней участвовали. Своими преследованиями сыщики Форда добились такого положения, что одно время на его заводах все рабочие организации были вынуждены уйти в глубокое подполье.

Генри Форд проявлял живейший интерес к работе своей «службы безопасности»: он ежедневно выслушивал доклады ее шефа, вникал во все мелочи, давал конкретные указания по всем линиям. О покойном Генри Форде говорят, что единственно знакомой ему отрасли жизнедеятельности было автомобилестроение. Это не отвечает истине. На склоне своих лет он прекрасно овладел новой специальностью — «искусством» организации шпионажа среди рабочих.

Форду принадлежит роль создателя не только новой системы технической организации процесса производства в автомобилестроении США. Фордовский сыск и его ме-

тоды — это новая ступень организации капиталистического шпионажа в рабочем движении. Фордизм в сыске — это длинная история всяческих насилий, тайных убийств, гнусных провокаций и шпионажа. Это тема, ждущая своего исследователя.

Наследники Генри Форда отнюдь не изменили вкусам своего родителя. Они еще больше, чем он, стремятся избежать гласности во всем, что касается этого деликатного вопроса.

Крупнейшими центрами по организации системы двойного шпионажа в промышленности США являются отраслевые объединения предпринимателей — все эти национальные ассоциации металлопромышленности, строительных, литейных предприятий и т. д. В США имеется свыше 2 тысяч предпринимательских ассоциаций. Многие из них располагают собственным аппаратом сыска, действующим параллельно с частными детективными агентствами и «специальными службами» крупнейших трестов. Таким образом, речь идет фактически о третьей самостоятельной разновидности капиталистического шпионажа в рабочем движении.

Одной из первых создала у себя осведомительную службу Национальная ассоциация «открытых предприятий». Эта ассоциация ставила своей целью добиться существования только так называемых «открытых предприятий»¹. Начиная свою деятельность, названная ассоциация 23 ноября 1920 года разослала предпринимателям приглашение вступить в ее члены. В приглашении указывалось: «В случае возникновения конфликта или забастовки на вашем предприятии вы можете немедленно снестись с нами, и мы возьмем это дело в свои руки. Если вам понадобится человек, который бы секретно работал для вас среди рабочих, мы можем вам доставить такового, и вы будете получать ежедневные донесения о том, что происходит в среде рабочих»².

---

¹ «Открытые предприятия» в США — это такие предприятия, хозяева которых нанимают на работу как членов, так и не членов профсоюза, разумеется, на практике отдавая предпочтение последним. В отличие от них, «закрытые предприятия» — это такие предприятия, где рабочие при заключении коллективного договора добились, чтобы на работу принимались только члены профсоюза.

² А. Бимба. История американского рабочего класса, стр 230.

Спустя некоторое время ассоциация разослала предпринимателям доверительное письмо, в котором говорилось: «Эта работа (т. е. организация шпионажа. — В. М.) должна быть в высшей степени секретной, так как мы убедились, что публичность мешает нашим целям. Это также дает вам возможность быть уверенным, что ваши задания будут проводиться весьма конфиденциально»¹.

Крупнейшей шпионской службой располагает Национальная ассоциация металлопромышленности, агенты которой действуют на всех объединяемых ею 952 предприятиях.

Аналогичная система шпионажа господствует и в других областях народного хозяйства США. Так, Национальная ассоциация фермеров, объединяющая кулацкие и зажиточные элементы американской деревни, в широком масштабе ведет сыск среди сельскохозяйственных рабочих. По этому поводу американский писатель Кэри Мак Уильямс писал следующее:

«Ассоциация фермеров организовала эффективную систему шпионажа. Я ознакомился с конфиденциальными делами этой организации, обнаружив тысячи дел на «опасных радикалов». В делах были подробно отмечены данные о забастовочной активности, арестах, принадлежности к профсоюзу. Каждое дело содержало фотокарточку рабочего в профиль и анфас, причем данные о неугодных ассоциации рабочих отправляются по районным отделениям ассоциации с тем, чтобы этих рабочих не допускать к работе. Разведывательное бюро штата (т. е. районное отделение Федерального бюро расследований. — В. М.) и шоссе́йная полиция находятся в тесном контакте с Ассоциацией фермеров».

В результате ведения двойной, точнее тройной, системы капиталистического сыска на предприятиях США шпионаж среди рабочих принял колоссальные размеры. Так, по данным американской прогрессивной печати, еще накануне второй мировой войны на каждые 20 рабочих заводов Стального треста приходился один секретный осведомитель. Надо полагать, что теперь, в период усиленной фашизации США и подготовки американскими монополиями новой войны, число их не меньше.

¹ А. Бимба, История американского рабочего класса, стр. 230.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК

Важнейшей отраслью капиталистического шпионажа в рабочем движении является политический сыск. Выявление и разгром прогрессивных элементов рабочего класса и интеллигенции, поставивших своей жизненной целью борьбу с капитализмом, — главная задача всей многоликой шпионской системы, созданной монополиями. Капиталистические ищейки буквально охотятся за участниками всех без исключения прогрессивных общественно-политических организаций. Любыми способами стремятся они войти в доверие к подозреваемым, установить с ними дружеские связи и таким путем выявить их политические убеждения.

Политический сыск находится в центре внимания любого детективного и штрейкбрехерского агентства. Об этой стороне своей деятельности их руководители не любят особенно распространяться и, касаясь ее, высказываются обычно иносказательно. На языке упоминавшегося нами короля штрейкбрехеров Бергофа занятие политическим сыском рекламируется так:

«...Не должно остаться впечатления, — пишет он, — что организация, основателем и главой которой я являюсь, занимается исключительно тем, что в общепитии называется штрейкбрехерством. Это не так. Мы «лечим» всякого рода рабочие волнения и особенно занимаемся деятельностью профессиональных агитаторов».

Свой отдел политического сыска фирма Бергофа тщательно законспирировала. Он состоит, как вскользь гласят рекламы, из «тщательно подбираемых квалифицированных мужчин и женщин», которые «аккуратно поставляют информацию».

В «шпионском мире» США широкой известностью пользуется постановка дела политического сыска на предприятиях Стального треста, особенно на заводах компании Карнеджи, входящей в его состав. Мистер Чарльз Туттл, возглавлявший «специальную службу» в компании Карнеджи, создал один из крупнейших в стране «информационных» центров по рабочему движению. Им создана картотека, в которой сосредоточены подробные материалы о профсоюзных работниках сталелитейной промышленности, о рядовых рабочих, участвующих

в работе профсоюза, об их отношении к стачкам и демонстрациям и многие другие данные, относящиеся к их общественно-политической деятельности.

Разумеется, организации коммунистической партии США и ее члены привлекают наибольшее внимание отделов политического сыска. Тот же Туттл собрал разнообразные материалы не только на коммунистов, работающих на предприятиях компании Карнеджи, но и вообще на всех членов компартии, проживающих в городах, где эти предприятия находятся.

На недавнем процессе руководителей коммунистической партии перед судом прошла целая вереница полицейских шпионов. Реакционная печать поднимала шумиху вокруг каждого показания этих наемных негодяев.

В сегодняшней Америке политический сыск является ведущей отраслью капиталистического шпионажа. Его агентура спровоцировала немало дел, ставших прецедентом для развертывания кампании по преследованию прогрессивных элементов американского народа, по удушению демократических свобод, завоеванных рабочим классом в длительной и тяжелой борьбе.

ШПИОНСКИЙ ЦЕНТР АМЕРИКАНСКИХ МОНОПОЛИЙ

В последнее десятилетие американские монополии осуществляют различные мероприятия с целью объединить деятельность частнокапиталистического сыска в общегосударственном масштабе. Это проводится не только по линии самих монополий, — диктату последних в этом вопросе безоговорочно подчиняется вся масса мелких и крупных детективных агентств.

Еще до второй мировой войны в США было приступлено к созданию общеамериканской системы шпионажа в рабочем движении. В качестве руководящего центра этой системы монополии образовали так называемый Особый совещательный комитет. В его состав вошли представители двенадцати крупнейших концернов. Шпионский характер деятельности этого комитета не оставляет никаких сомнений. Взять хотя бы тот факт, что членами его, кроме глав концернов, оказались: от фирмы «Дюпон» — директор департамента обслуживания Фостер, от «Дженерал электрик компани» — заве-

дующий отделом личного состава Пфайф, от «Интернэйшнл Харвестер компани» — заведующий отделом взаимоотношений с рабочими Келдей, от «Юнайтед Стейтс раббер компани» — директор департамента информации и взаимоотношений с рабочими Чинг, от «Вестингауз электрик компани» — директор отдела личного состава Макклеланд и т. д. Мы уже знаем, что скрывается за вывеской всех этих «департаментов информации» и «обслуживания».

Особый совещательный комитет стал в полном смысле слова директивным органом для всей системы частнокапиталистического сыска. Своей главной целью этот комитет поставил разгром рабочего движения путем подрыва и разложения его изнутри. С 1934 года он систематически выступает в роли закулисного организатора всякого рода интриг против попыток прогрессивных сил осуществить некоторые мероприятия в области рабочего законодательства. Комитет является рьяным поборником и вдохновителем многочисленных антирабочих законов, принятых конгрессом и утвержденных президентом Трумэнном. В частности, ему принадлежит инициатива разработки антирабочего полицейского закона Тафта — Хартли, принятого в 1948 году.

Среди различных мероприятий организационного характера, проведенных комитетом, следует указать на предпринятое по его указанию детективным агентством «Америкэн плэн» образование федерального информационного центра сыска, в котором должны концентрироваться все сведения, собираемые по стране различными шпионскими и штрейкбрехерскими агентствами.

Особый совещательный комитет американских монополий является строго конспиративной организацией: вся его деятельность протекает в глубокой тайне. Буржуазная печать тщательно замалчивает его существование, хотя известно, что местопребывание его — помещение фирмы «Стандарт ойл» в Нью-Йорке, где происходят конфиденциальные совещания его верхушки.

Лишь изредка общественности становились известными некоторые факты, относящиеся к тому, чем занимается этот комитет. Впервые о нем было упомянуто в 1939 году в отчете сенатской комиссии по вопросам просвещения и труда. Однако буржуазная печать не

опубликовала этого отчета. Она замолчала также выступление в 1947 году, в связи с обсуждением закона Тафта — Хартли, сенатора Эльбертана Д. Томаса (от штата Юта), резко осудившего деятельность Особого совещательного комитета.

Сейчас американские монополии пуще прежнего стремятся засекретить существование своего шпионского центра. С этой целью усиленно распространяется версия о том, что комитет якобы прекратил свою деятельность. На самом же деле он не только не самоликвидировался, как это пытаются изобразить монополисты и их лакеи, но развивает в последнее время еще большую активность, направленную на разгром прогрессивного рабочего движения. С 1947 года рабочим органом комитета стал так называемый «комитет по вопросам взаимоотношений с рабочими», руководимый Эдвардом Каудриком.

Сам же Особый совещательный комитет перешел в Национальную ассоциацию промышленников (НАП) — этот официальный центр американских монополистов. Внутри исполнительных органов ассоциации имеется небольшая группа наиболее влиятельных представителей деловых кругов, фактически заправляющих ею. Все до единого члены Особого совещательного комитета являются одновременно членами этой закулисной группы. Под вывеской Национальной ассоциации промышленников ныне и действует главный шпионский центр американских монополий¹.

О ЧЕМ ОНИ ПИШУТ И ЧТО ЗАМАЛЧИВАЮТ

Долгое время общественность не только других стран, но и самих Соединенных Штатов имела лишь смутное представление о шпионаже, применяемом капиталистами для борьбы с рабочим движением. Впервые заговорили о нем в Америке в связи с упоминавшимися выше событиями в Гомстэде, когда стало известно о

---

¹ Существование и деятельность Особого совещательного комитета были разоблачены Джорджем Сельдесом и другими американскими прогрессивными деятелями. Об этом комитете писал также проф. Колумбийского университета А. Брэди в своей книге «Бизнес как система власти», опубликованной в 1943 г.

гнушной роли детективного агентства Пинкертона. Подобно грому в ясный день, прозвучали сенсационные разоблачения пинкертоновского стенографа Фридмана, о книге которого — «Рабочее движение и агентство Пинкертона» — мы уже говорили. Однако волна общественного негодования, прокатившаяся по стране вслед за появлением книги, разбилась о стену молчания тех, кого это касалось. Буржуазные круги приняли все меры к тому, чтобы это «неприятное происшествие» было как можно скорее забыто.

Разоблачения Фридмана, разумеется, не приостановили развития капиталистического сыска среди рабочих.

В начале двадцатых годов известные публицисты Сидней Говард и Роберт Дэнн при участии бюро промышленных обследований д-ра Ричарда Кэбота, профессора социальной этики Гарвардского университета, организовали специальное расследование деятельности детективных агентств. На протяжении нескольких лет собирали они материалы по этому вопросу. Результаты проведенной работы были опубликованы вначале в виде серии статей в еженедельнике «Нью рипаблик», а затем изданы отдельной брошюрой.

По серьезности приведенного материала разоблачения Говарда и Дэнна оставляют далеко позади все ранее опубликованное на эту тему. Как писал один рецензент, брошюра Говарда и Дэнна, появившаяся в 1924 году в Нью-Йорке, «вызвала бурю негодования и ненависти, достигшую редкой в американской общественности силы». Брошюра выдержала несколько изданий в десятках тысяч экземпляров.

Результат был прежним.

В последующие годы, вплоть до начала второй мировой войны, о «рабочем шпионаже» и штрейкбрехерстве в США была опубликована сравнительно большая литература. Писали много, но в основном это был материал, который уже так или иначе стал достоянием широкой общественности, или то, чего уже нельзя было скрыть от нее. Над публикациями подобного рода всегда давлел невидимый глаз цензуры.

Кратко характеризуя эти материалы, отметим прежде всего двусмысленный характер самого термина «рабо-

чий шпионаж», получившего хождение в буржуазной печати и литературе. Эту гнусную деятельность надо именовать ее настоящим именем: капиталистический шпионаж против рабочих.

Главным недостатком множества статей и ряда книг на эту тему, опубликованных в Соединенных Штатах, является то, что их авторы ограничиваются изложением отдельных, наиболее сенсационных фактов — и только. Выражая свое возмущение этими фактами, авторы ограничиваются предложением различных паллиативных мер для детективных агентств. Таким образом, эти издания в основном являются трудами справочного характера. Некоторые из них (в частности, книга Лео Губермана «Шпионаж и бандитизм на предприятиях», вышедшая в 1937 году в Нью-Йорке¹) представляют известную ценность в том отношении, что разоблачают методы и организацию капиталистического шпионажа. Но и эта положительная сторона не искупает основного недостатка подобных изданий: отсутствие серьезного политического анализа и правильной постановки вопроса в отношении борьбы с капиталистическим шпионажем.

Следует отметить также односторонность опубликованных материалов. Объектом разоблачения стала, главным образом, деятельность только определенной группы детективных агентств. Почти совсем не говорится «о специальных службах» монополий и их шпионском центре, вовсе не был вскрыт вопрос о системе двойного шпионажа и т. д. Эти важнейшие элементы в организации капиталистического сыска в рабочем движении авторы упоминавшихся изданий замалчивают.

Лишь коммунистическая печать, и особенно газета «Дейли уоркер», давала на своих страницах должную политическую оценку разоблачаемым ею фактам предпринимательского шпионажа, отмечала ведущую роль капиталистических монополий в его организации.

Особо следует остановиться на той разновидности американской литературы о детективных агентствах, ко-

---

¹ Составленная на основе отчета комиссии гражданских свобод сената США, эта книга показывает, как работает аппарат предпринимателей по срыву стачек и разложению профсоюзов.

торая, маскируясь якобы разоблачительными целями, на самом деле служит делу оправдания и пропаганды шпионажа буржуазии против рабочих. По заказу монополий пишутся книги, преследующие задачу извратить истину и показать, что «рабочий шпионаж» — закономерное явление. Их авторы пытаются изобразить деятельность института частного сыска как якобы не имеющую никакого отношения к политике и ограничивающуюся сферой чисто личных экономических интересов предпринимателей. Вся эта гнуснейшая банда ищек, убийц и провокаторов рисуется в образе «благородных охранителей законности и собственности», а бандитские похождения ее отдельных представителей обволакиваются дымкой романтизма. При помощи продажных писак американские капиталисты пытаются хоть несколько разрядить гнев общественности, все более нарастающий в связи с массой появляющихся в печати разоблачительных материалов.

Ярким образчиком подобной «литературы» является гнусная книга Клинка Кэлкинса «История заводского шпионажа». Она вышла в Нью-Йорке именно в тот период, когда сенатская комиссия Лафоллета (о работе которой мы будем говорить ниже) опубликовала результаты своей деятельности. Все содержание книги — подлейшая фальсификация действительности. Для большей убедительности автор до предела насытил книгу ловко подтасованными фактами из отчетов комиссии Лафоллета. В изображении Кэлкинса гнусный облик «бутса» предстал перед читателем в совершенно извращенном виде: он — «гармонизатор», примиритель, миссия которого заключается в том, чтобы творить «одно добро».

После второй мировой войны факты капиталистического шпионажа в рабочем движении, принявшего еще более широкие размеры, американской буржуазной печатью тщательно замалчиваются. Сейчас, когда правящие круги США взяли курс на разгром прогрессивного движения и превращение страны в типичное полицейское государство, стало особенно опасным говорить и писать о капиталистическом сыске. Только последовательно демократические органы печати продолжают разоблачительную деятельность в этой области.

С момента появления первых детективных агентств государственные органы США стали всячески поощрять предпринимательскую деятельность на поприще сыска¹. Это покровительство приобретало особенно осязаемую форму, когда возникал вопрос о привлечении этих шпионских контор к ответственности за вопиющее нарушение ими законности. Бандитское нападение на рабочих в Гомстэде, как мы уже отмечали, вынудило конгресс поручить специальной комиссии обследовать деятельность агентства Пинкертон. Это обследование было, однако, оставлено без последствий.

В 1915 году вопрос о капиталистическом шпионаже вновь встал на повестку дня в связи с итогами работы созданной конгрессом комиссии по обследованию «промышленных отношений». Десятки лиц, прошедших перед комиссией, свидетельствовали о гнусных методах шпионской деятельности частного сыска среди рабочих. Комиссия в робкой форме рекомендовала конгрессу издать закон о запрещении в стране всякой частной полиции и частных детективных агентств или, по крайней мере, ограничить их деятельность определенными рамками.

Но правительство и конгресс отвергли предложения комиссии, и капиталистический сыск стал распространяться по стране еще шире.

В 1936 году под давлением прогрессивной общественности сенат образовал при комитете по делам образования и труда комиссию для расследования «нарушений гражданских свобод» под председательством сенатора Лафоллетта. Комиссия собрала данные о 230 детективных агентствах, занимающихся сыском в промышленности. Результаты работы комиссии были отражены более чем в десятке томов. Основываясь на множестве свидетельских показаний и различной другой документации, комиссия Лафоллетта была вынуждена признать, что капиталисты при помощи тщательно

---

¹ Вместе с тем эта деятельность и строго контролируется. Право на открытие детективного агентства в США предоставляется специальным решением так называемого «суда четверных сессий» по представлению залога в 2 тысячи долларов и уплате сбора в 25 долларов (в штате Нью-Йорк, соответственно, 3 тысячи и 300 долларов).

созданной системы шпионажа следят за рабочими организациями и расправляются с ними самым жестоким образом.

Разоблачения комиссии Лафоллетта также остались гласом вопиющего в пустыне. Правительственные инстанции были неизменно «глухи» к требованиям общественности пресечь это позорное явление в жизни страны.

На протяжении трех четвертей века правительство США ровным счетом ничего не предприняло для обуздания частнокапиталистического сыска. Наоборот, существование детективных агентств и секретных служб монополий и предпринимательских ассоциаций охраняется всей силой законодательства США.

Ярким подтверждением сказанному был в свое время известный закон «о восстановлении промышленности» (НРА). Согласно этому закону, торговым и промышленным предприятиям было запрещено заниматься в целях конкуренции шпионажем друг против друга¹, но составители названного закона отказались включить шпионаж предпринимателей за рабочими в список так называемой «бесчестной практики».

Капиталистический сыск всецело опирается на поддержку правительства и силу законодательства.

Государственные органы США всячески поощряют и прикрывают деятельность детективных агентств и «специальных служб» концернов прежде всего потому, что они непосредственным образом заинтересованы в ней. Между федеральными органами и властями штатов, с одной стороны, и организациями частного сыска — с другой, всегда существовало и существует тесное единение и сотрудничество. Переплетенность обеих систем особенно наглядно выразилась в том, что федеральная и местная полиция служат «поставщиками» кадров для капиталистического шпионажа. Давно стало обычным явлением, что выходящие в отставку полицейские всех рангов поступают на службу в детективные агентства. Это обстоятельство благоприятно для правительства в

---

¹ Надо отметить, что шпионаж трестов друг против друга с целью выведывания тайн конкурентов — широко распространенное явление в США.

том отношении, что личный состав агентств становится, таким образом, своего рода резервом для органов государственной полиции, разведки и контрразведки. Из этого «резерва» упомянутые органы черпают необходимые для себя кадры. Так было, например, в первую и вторую мировые войны.

Сейчас такого рода практика распространена исключительно широко. Бывшие работники «Эф Би Ай» повсюду выступают в роли руководителей и агентов детективных фирм. Имеют место и факты прямого совместительства, без выхода «в отставку». Известен случай, когда Вильям Барнс, глава одного из самых больших детективных агентств, занимал одновременно пост директора Федерального бюро расследований.

Об этом важнейшем факторе — теснейшем сращивании систем государственного и частного сыска — вовсе умалчивается в той литературе, о которой мы говорили выше (а если в редких случаях и упоминается, то мимоходом).

* * *

Капиталистический сыск является одной из важнейших форм борьбы американской реакции с рабочим движением, со всеми прогрессивными элементами в стране. Система организованного тайного агентурного наблюдения капиталистов за рабочими и служащими носит буквально всеобъемлющий характер. В США нет ни одного промышленного и торгового предприятия, внутри которого органы частного сыска не имели бы своих агентов.

Было время, когда буржуазия питала надежду, — используя шпионаж, овладеть зарождавшимся рабочим движением. Эта ставка сорвалась.

Ныне с помощью шпионажа разлагающийся капитализм пытается хотя бы затормозить дальнейший рост активности рабочих масс и использовать его как средство их разобщения. Вербуя агентуру в руководящих кругах профсоюзов, правящие круги США пытаются парализовать деятельность последних и превратить их в органы своего влияния на рабочих. С помощью шпионажа реакция пытается запугать трудящихся, посеять среди них недоверие друг к другу и в результате ослабить их волю к борьбе.

Чтобы достигнуть этой цели, реакция, наряду с применением грубейших форм подкупа нужных ей людей, ведет широкую «исследовательскую» работу в области сыска, стремясь всячески «онаучить» его методы и превратить в машину психологического воздействия на эксплуатируемые массы.

Капиталистический сыск представляет собой скелет гигантской организации шпионажа (о других ее звеньях мы будем говорить ниже), которая, подобно тончайшей паутине, раскинулась над всеми Соединенными Штатами.

Эта страшная язва на теле американского народа не может быть излечена какими-либо законодательными мероприятиями по той простой причине, что в руках американской реакции «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло».

Рабочие и все простые честные люди Америки глубоко ненавидят поощряемую властями систему капиталистического сыска. В рабочей среде нет более презренной клички, чем слово «стул-пиджен», т. е. шпик, доносчик.

Усилия наемной армии сыщиков и продажной кучки агентов из среды «руководителей» профсоюзов наталкиваются на растущее сопротивление трудящихся масс Америки. Об этом говорят успехи миллионов рабочих и служащих в упорных стачечных боях послевоенных лет. Никакие провокации штрейкбрехеров и шпионов не могли сломить стойкость рабочих, их волю к борьбе и победе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

Долгое время американская буржуазия усиленно пыталась создавать представление, будто бы «свободная» Америка не знает полицейской системы, присущей любой капиталистической стране. Утверждалось, что Соединенным Штатам вовсе не знаком институт тайной политической полиции и что обычная полиция является здесь коллективом «демократичнейших и воспитаннейших джентльменов», единственная забота которых — регулировать уличное движение и оберегать своих сограждан и их собственность от преступников. Эта наглая лож усиленным образом культивировалась американской плутократией многие десятилетия.

Полиция во всех ее тайных и явных разновидностях, выполняющая свою главную функцию — охранять капиталистический строй от рабочего класса, существовала во все периоды истории США. Полиция всегда была надежнейшим оплотом господства американской буржуазии, хищных заокеанских монополий.

В Чикаго высится памятник, воздвигнутый благодарными хозяевами своим наемникам в память кровавого подавления забастовки рабочих в первомайские дни 1886 года. Под статуей полицейского на пьедестале высечена надпись: «Посвящена городом Чикаго его защитникам в мятеже 4 мая 1886 года», а под этой надписью приведены слова полицейского, стрелявшего в народ: «Именем населения штата Иллинойс я приказываю сохранять спокойствие». Не «статуя Свободы» близ Нью-

Йорка, а этот полицейский монумент в Чикаго — вот подлинный символ американской действительности в ее прошлом и настоящем. Символ полицейщины и иезуитского лицемерия!

ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ СУЩЕСТВОВАЛА В США ВСЕГДА

Государственная тайная полиция возникла в США одновременно с учреждением общей полиции. Еще задолго до отделения США от Англии тайная полиция стала столь одиозным и ненавидимым народом учреждением, что творцы государственного устройства США, учитывая это обстоятельство, позаботились тщательно замаскировать создание ее на американской почве.

Отцы американской «демократии» нашли для органов политического сыска более благопристойное наименование: «отделы детективной службы». Под этим названием и существуют при всех полицейских управлениях штатов и городов США отделы тайной полиции. В больших городах отделы детективной службы имеются при каждой полицейской станции (участке). После первой мировой войны в отдельных штатах стали создавать при полицейских управлениях еще «специальные отделы» в целях расширения системы политического сыска. Каждый губернатор штата, кроме того, имеет в своем распоряжении непосредственно ему подчиненную самостоятельную группу детективов, в задачу которой входит охрана его особы и выполнение специальных сыскных поручений, опять-таки преимущественно политического характера.

Наконец, перед второй мировой войной и в ходе ее в штатах были созданы отделы контрразведки для борьбы со шпионажем, а в действительности сосредоточившие все свое внимание на борьбе с прогрессивными элементами.

Такова в общих чертах структура органов политического сыска, входящих в общую полицейскую систему США.

Чтобы судить о «достоинствах» тайной полиции США в недалеком прошлом, мы приведем высказывание о ней бывшего премьер-министра царской России графа Витте. Во время пребывания в Нью-Йорке, в связи с

подписанием мирного договора с Японией, его охраняли детективы нью-йоркской полиции. Граф, хорошо знающий постановку дела в царской и других европейских охранках, сравнивает их с американской тайной полицией. Его особенно прельщает то обстоятельство, что агенты последней действуют совершенно незаметно.

«Вероятно, американская полиция имела какие-либо сведения о готовившемся на меня покушении, — пишет Витте в своих мемуарах, — ибо, как только я сошел на берег, начала меня охранять... Американская охрана совсем незаметна, по крайней мере для иностранцев, потому что охранники ничем не отличаются от обычных джентльменов. В Европе охранника сейчас же можно отличить, а в Петербурге, — сетует автор, — охранники имеют такой вид, что их издали можно заметить...»

Далее, говоря о детективах в Америке, Витте вспоминает о том, «какое особое положение занимают там агенты охранной полиции».

Несмотря на всю бдительность цензуры, в печать иногда проскальзывают сообщения, проливающие свет на то, чем на самом деле ведают так называемые «отделы детективов».

Приведем один весьма интересный факт из этой области. В 1939 году журнал «Кен» опубликовал переписку между «специальным отделом» полицейского управления города Лос-Анжелоса и японским и итальянским консулами. Из переписки явствовало, что «специальный отдел» по заданиям названных консулов выявлял и вел затем секретное наблюдение за «радикально настроенными японцами и итальянцами, проживающими в Лос-Анжелосе».

«ЭФ БИ АЙ»

Кроме упомянутых органов политического сыска, в Соединенных Штатах существует еще общегосударственная тайная полиция. Точнее, в США имеется не одна, а несколько федеральных служб тайной полиции, отличающихся друг от друга как по ведомственной принадлежности, так и по некоторым особенностям своих функций и задач. Важнейшей из них является секретная служба министерства юстиции — так называемое «Федеральное бюро расследований» — ФБР (в США сокра-

щенно именуемое «Эф Би Ай» от начальных букв американского названия службы «Федерал бюро оф инвестигейшн»).

ФБР было организовано в 1908 году, в бытность Теодора Рузвельта президентом США. В начале своей деятельности оно называлось «Бюро расследований», затем — «Отделом расследований», а в тридцатых годах получило свое нынешнее наименование.

Основанное формально как отдел министерства юстиции, ФБР с первых дней своего возникновения стало выполнять функции центрального органа по обеспечению «внутренней безопасности». Приобщение ФБР к ведомству юстиции, — тогда как в капиталистических странах общепринято, что политическая полиция структурно входит в состав министерств внутренних дел, — было сделано с определенным умыслом. Эта фикция — тоже плод «изобретательности» американской плутократии, пытавшейся изобразить дело таким образом, будто речь идет не о создании службы тайной полиции федерального значения, а об учреждении организации, стоящей на страже законности.

Даже теперь, когда этот вымысел уже давным-давно разоблачен, такого рода утверждения о функциях ФБР продолжают широко распространяться в США. Возьмем, к примеру, книгу Джона Флоэрти «Внутри ФБР»¹. Автор пытается заверить читателя, что ФБР — «это не полиция и не сыскное отделение, хотя оно имеет право ареста... Скорее всего это организация, объединяющая высококвалифицированных специалистов, отлично образованных, предельно выдержанных в моральном отношении и умеющих применять научные методы».

«ФБР, — пишет Флоэрти в другом месте своей книги, — в качестве одного из управлений министерства юстиции США является органом, назначение которого состоит в проведении самого тщательного расследования любого нарушения закона».

По словам Эдгара Гувера, нынешнего руководителя ФБР, первоначально в функции ФБР входило якобы только установление и расследование случаев нарушения

---

¹ Книга вышла в Нью-Йорке в 1943 году в издании «Диппикот компани».

федеральных законов. Например, агенты бюро осуществляли наблюдение за выполнением закона, запрещающего торговлю женщинами. Действительно, ФБР занималось и такими делами, как преследование нарушителей так называемого «закона Манна» о запрещении переезда с «чужой женщиной» из одного штата в другой. Однажды жертвой такого преследования оказался сам сенатор Гардинг, будущий президент, настигнутый сыщиками в гостинице на Бродвее. Все это имело место, но всегда и неизменно ФБР было органом преследования демократических, прогрессивных элементов.

Весьма любопытно, что оперативные полномочия ФБР в буржуазной печати толкуются чрезвычайно эластично и, по существу, произвольно. Фредерик Коллинз, одна из гуверовских рептилий, в своей книге «ФБР в дни мира и войны»¹ пишет, например, так: «...Задача ФБР ограничивается установлением фактов. ФБР следственный, а не судебный орган. Поэтому он никогда не вмешивается во взаимоотношения между нанимателем и нанимаемым». Не надо иметь особой сообразительности, чтобы понять, чьи интересы в данном случае призвано обеспечить ФБР.

Опасаясь того, что сказано достаточно ясно, Коллинз спешит ослабить впечатление категорическим заявлением о том, что информация, имеющаяся в распоряжении ФБР, может предоставляться только органам, ведающим охраной закона, и заинтересованным федеральным органам, но никогда не предоставляется частным лицам или корпорациям. Исключений из этого правила не делается».

ФБР долго не имело права ареста, но арестовывало, когда находило необходимым. Агенты бюро долго не имели право применять оружие, но применяли его, когда считали это нужным. «Закон» не замечал всех этих нарушений, если они совершались в интересах господствующих классов, которым, как мы увидим, была на руку подобная «гибкость» в практике работы ФБР.

Множество фактов неопровержимо свидетельствует о том, что ФБР всегда служило в первую очередь интересам монополий. При ФранкLINE Рузвельте это тща-

---

¹ Вышла в 1943 году в Нью-Йорке в издании «Путнэм сонз».

тельно замалчивалось. С приходом к власти Трумэна Эдгар Гувер уже не считает нужным это делать. В начале апреля 1946 года, выступая на заседании комиссии по ассигнованиям палаты представителей США, Гувер прямо потребовал увеличения ассигнований в связи с рядом новых задач ФБР, в числе которых имеется, как он скромно выразился, «расследование жалоб» монополий. Аргумент оказался достаточно веским, и требование Гувера было безоговорочно удовлетворено.

Цифры бюджетных ассигнований дают наиболее реальное представление о систематическом расширении деятельности ФБР. В 1913 году, перед началом первой мировой войны, на нужды Бюро расследований было отпущено 415 452 доллара. В 1917 году сумма ассигнований составляла 617 534 доллара. С этого года отпуск средств ФБР резко увеличивается. Американская буржуазия, напуганная Великой Октябрьской социалистической революцией в СССР, под влиянием которой бурно нарастает активность народных масс в США и других странах, не жалеет средств на усиление своей политической полиции. В 1920 году ФБР получило уже 2 437 104 доллара.

В период между октябрём 1939 и июлем 1941 годов произошла коренная перестройка всей работы и самой организации ФБР. В связи с этим за указанный период ФБР было ассигновано уже 35 миллионов долларов. 1944 год был годом наибольших ассигнований ФБР — 45 миллионов долларов!

В 1947 году смета ФБР, как и ранее, включенная в бюджет министерства юстиции, составила почти треть последнего (28 700 тысяч из 95 миллионов долларов). Обосновывая необходимость отпуска таких огромных средств на нужды ФБР в обстановке мирного времени, Эдгар Гувер заявил конгрессу, что эти ассигнования дадут возможность сохранить существующий штат ФБР, которому предстоит трудная работа в связи с ростом преступности среди молодежи, увеличением забастовок и ростом массового дезертирства из армии и флота. Но и эта сумма оказалась недостаточной. В 1948 году Гувер получил уже 32 миллиона долларов.

В последующие годы ассигнования на содержание ФБР возрастают еще более. На 1950—1951 финансовый

год глава ФБР просил увеличить отпускаемую ему по бюджету сумму до 57 400 тысяч долларов, мотивируя это тем, что основная работа заключается сейчас в деятельности политической тайной полиции в области «внутренней безопасности». Как пояснил Гувер, эта «деятельность» должна заключаться главным образом в преследовании коммунистической партии и других прогрессивных организаций США.

Помимо официальных бюджетных ассигнований, в распоряжение ФБР поступают дополнительные средства для расходования по «специальному назначению».

Согласно данным, опубликованным в американской печати, ФБР по своей структуре подразделяется на следующие основные отделы: 1) контрразведывательный, 2) иностранный, 3) политического розыска, 4) промышленный, 5) уголовных преступлений, 6) опознавания личностей, 7) оперативной службы. Первые четыре отдела являются самыми важными. Они образуют управление по расследованию дел о «государственной безопасности». Кроме того, ФБР располагает большим количеством различных «исследовательских», учебных, вспомогательных и подсобных учреждений.

Периферийная сеть ФБР состоит из 56 отделений (14 из них учреждены во время войны), имеющих во всех 48 штатах и наиболее крупных центрах страны. Важнейшими из них являются отделения ФБР в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско и Лос-Анжелосе. Между центральным управлением ФБР и его филиалами поддерживается непрерывная специальная связь с помощью телетайпа, телеграфа и других средств.

Руководство ФБР строго централизовано и осуществляется директором, двумя его заместителями и шестью помощниками. Глава ФБР фактически подчиняется непосредственно президенту США, которому он докладывает о результатах своей деятельности и намечаемых мероприятиях. Руководители филиалов ФБР только формально связаны с местными властями в лице губернаторов и прокуроров, практически же они подчиняются директору ФБР.

К 1942 году Федеральное бюро расследований представляло собой широко разветвленную организацию, во всех отношениях вполне самостоятельное ведомство

«внутренней безопасности» США, лишь формально находящееся при министерстве юстиции. В его официальные функции входит борьба с «подрывной деятельностью», «государственной изменой» и преступностью в стране. В действительности же ФБР — единая система тайной политической полиции, координирующий и направляющий орган для всех секретных служб федеральных ведомств.

С каждым днем Федеральное бюро расследований все более расширяет круг своей деятельности. В последнее время оно стало проявлять особый интерес к судьбам американской детворы и юношества. Так, недавно корреспондент агентства Юнайтед Пресс сообщал, что руководитель ФБР Эдгар Гувер занялся проблемой «повышения шансов детей на созидательную жизнь» путем укрепления их «лояльности».

Кстати говоря, американский обер-шпик не одинок на этом поприще. Специальная комиссия «Американской национальной ассоциации просвещения», в состав которой входит и генерал Эйзенхауэр, так же забеспокоилась насчет того, как бы укрепить «дух американизма» в школьниках США. Председатель названной комиссии проф. Нортон, касаясь данного вопроса на страницах газеты «Нью-Йорк таймс», сетует на то, что препятствием к этому является, мол, отсутствие «пособий по преподаванию антикоммунистических взглядов». Чтобы ликвидировать возникшую «опасность», комиссия намерена срочно издать соответствующее «руководство для учителей».

Еще дальше на этом пути пошло законодательное собрание штата Арканзас. Согласно новому законопроекту, внесенному в это собрание, все дети, учащиеся в государственных школах, должны принести присягу в непринадлежности к коммунистической партии. В случае отказа поклясться в том, что он не заражен «коммунистическими идеями», ребенок подлежит немедленно исключению из школы. Затем такой ребенок передается под специальный надзор ФБР...

Таким образом, в «сферу влияния» американской охранки вошло и подрастающее в Соединенных Штатах поколение.

Видимо, в настоящее время стал вопрос о превра-

щении Федерального бюро расследований в самостоятельное министерство полиции. Конгрессмен — погромщик Ренкин, еще будучи членом комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, предлагал превратить ФБР в независимый государственный орган, изъятый из ведения министерства юстиции и имеющий право делать доклады непосредственно конгрессу.

Подобного рода «мероприятия» имеют целью централизовать систему «внутренней безопасности» и устранить нынешнюю конкуренцию различных ведомств и учреждений, ведающих этим делом. Гувер усиленно добивается сосредоточения всех нитей в руках именно его учреждения. Он мечтает о роли своего рода полицейского диктатора страны.

Следует отметить и другой факт. В сообщении агентства Юнайтед Пресс, переданном из Вашингтона в середине мая 1949 года, указывалось, что президент Трумэн издал распоряжение о создании «межведомственного комитета по вопросам внутренней безопасности» для координирования работы федеральных органов, занимающихся расследованием так называемой «подрывной деятельности».

Так правящие круги Соединенных Штатов, подготавливающие агрессивную войну, стремятся обеспечить себе прочный тыл, очищенный с помощью полицейского аппарата от прогрессивных элементов.

НАИМЕНОВАНИЯ РАЗНЫЕ, НО СУТЬ ОДНА

Федеральная политическая полиция начала свое существование в США задолго до возникновения ФБР. Она была создана под наименованием «Федеральной секретной службы» в начале гражданской войны. Ее первым руководителем был «знаменитый» Нат Пинкертон, совмещавший эти обязанности с управлением делами собственного детективного агентства. Впоследствии на ее базе была учреждена секретная служба казначейства США, а затем появились аналогичные органы при других федеральных ведомствах, которые ныне проводят свою работу в тесном взаимодействии с ФБР.

Охарактеризуем кратко важнейшие из этих федеральных секретных служб.

Прежде всего, укажем на Федеральное эмиграционное бюро (ФЭБ), находившееся до 1940 года в ведении министерства труда, а затем переданное в подчинение министерства юстиции. Сейчас ФЭБ хотя и числится самостоятельной организацией, но представляет собой, по существу, отдел Федерального бюро расследований. В задачу ФЭБ входит наблюдение за проживающими в США иностранцами, практическое осуществление законов об их регистрации, проверка паспортов у лиц, приезжающих из-за границы, как американцев, так и иностранцев, продление виз последним и выдача подданным США паспортов на выезд за границу. Помимо этого, ФЭБ наблюдает за сухопутной границей США с Канадой и Мексикой. Борьбу с нелегальным переходом границы ведут особые контрольные посты, расположенные в прикордонной полосе. Центральный и местный аппарат ФЭБ укомплектован опытными агентами из числа работников Федерального бюро расследований.

По характеру своей деятельности ФЭБ является «политической полицией для иностранцев», проживающих в США или временно приезжающих туда. Глаза и уши этого на первый взгляд столь невинного по своим функциям учреждения неотступно следят за каждым иностранцем, особенно демократически настроенным.

ЭТО ЛОЖЬ, ЧТО ТАЙНА ВКЛАДА В США НЕПРИКОСНОВЕННА

Разветвленной секретной службой располагает и министерство финансов. Эта служба, долгое время руководившаяся Франком Вильсоном, ведет борьбу с подделкой денежных знаков, содействует налоговым органам, обеспечивает охрану президента США и его семьи и выполняет некоторые другие обязанности. В каждом штате существует отделение секретной службы министерства финансов, а при каждом более или менее крупном банке имеются ее уполномоченные.

Борьба с фальшивомонетчиками, как надо было бы полагать, составляет главную функцию упомянутой службы, однако результаты этой борьбы ощущаются весьма слабо. В США постоянно циркулирует в обращении большое количество фальшивых банкнот различ-

ных купюр. Банки систематически публикуют данные о появляющихся в обороте фальшивых денежных знаках. Широко распространена также подделка серебряной монеты. Свою продукцию фальшивомонетки производят не только в США, но и за их пределами, а затем «импортируют» в страну. Одно время наблюдался усиленный приток фальшивых долларов из Канады, откуда они доставлялись контрабандным путем.

Но если секретная служба министерства финансов США не может похвалиться особыми достижениями в борьбе с фальшивомонетчиками, то зато велики ее «успехи» в другой области. Как известно, тайна банковских счетов и всех операций вкладчиков считается в США якобы неприкосновенной. И вот, оказывается, в это самое святое святых капиталистического быта имеет свободный доступ — и не в единичных случаях, а систематически — секретная служба министерства финансов.

Ее основной задачей и является тайное наблюдение за операциями и состоянием счета каждого вкладчика любого американского банка. Секретные агенты службы устанавливают все доходы вкладчика и следят за тем, чтобы налоги вносились им со всей суммы дохода. По их указаниям органы фиска немедленно начинают расследование, если вкладчик скрыл какой-либо источник дохода. Но дело-то в том, что таким тайным надзором охвачены не все налогоплательщики США.

Неослабное наблюдение фискалы тайной службы ведут главным образом за миллионами налогоплательщиков из простого народа; что касается кучки богачей, то они находятся вне пределов досягаемости секретной службы. Имя этим счастливым — американская плутократия. Обычно ее доходы остаются вне всякого надзора со стороны органов власти (за весьма редким исключением), а миллиардные прибыли монополий утаиваются от обложения подходным налогом. За всю историю США еще не было случая, чтобы секретная служба министерства финансов обнаружила хотя бы одного неплательщика налогов из этого круга избранных.

Эта служба действует в тесной связи с секретными службами отдельных банковских корпораций и банкирских фирм. Последние также весьма солидные организа-

ции, ведущие на каждого клиента своих хозяев специальные «дела». В «деле» сосредоточены подробные данные о клиенте и его материальном положении. Эти секретные сведения не лежат втуне, — они являются для их обладателей прекрасным источником дохода. Небезынтересно отметить в связи с этим, что в США ни одна торговая фирма, ни одно предприятие не начнет дела с неизвестным ему человеком, не запросив предварительно секретным путем сведений о нем у банка, где находится его текущий счет.

Задача этой грандиозной шпионской организации правительства и банковских монополий отнюдь не ограничивается обеспечением одних только фискальных интересов государства и соображениями распространения информации среди банкиров и предпринимателей. Она преследует и чисто политические цели: ведь текущий счет клиента — зеркало его жизни, убеждений и совести. Пирпонт Морган выразился по этому поводу так: «Дайте мне проанализировать текущий счет клиента, и я расскажу вам о всех его привычках, опишу его характер и определю его общественное положение так подробно, как этого не сделает его собственная жена».

Потому-то агенты Федерального бюро расследований столь часто «анализируют» текущие счета своих жертв¹.

ТАЙНА РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИКОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В системе министерства финансов существует также организованная на широкую ногу секретная служба по борьбе с наркоманией и наркотической контрабандой (Федеральная инспекция по борьбе с наркотиками). В Соединенных Штатах широко процветает распространение и пользование всевозможными наркотиками. Еще до войны американский писатель Уильямс опубликовал книгу под названием «Самое большое преступление». В ней указывалось, что полтора процента населения

¹ Отметим, что иметь текущий счет в каком-либо банковском учреждении или сберегательной кассе представляет собой в США обычное явление по той причине, что там принято хранить в таком учреждении даже самые мелкие сбережения и с его помощью производить почти все расчеты.

США (около 2 миллионов человек) являются наркоманами и что стоимость ежегодно тайно покупаемых американцами различных наркотических средств выражается в полмиллиарда долларов. С тех пор эта цифра возросла.

Продажа наркотиков в США запрещена, и нарушение этого закона сурово карается. Однако в стране существуют тайные притоны для наркоманов и широко распространяется наркотическая контрабанда. Это возможно потому, что организация борьбы с наркоманией имеет преимущественно декларативный, показательный характер. Убедимся на фактах.

Около 90 процентов контрабандного опиума, кокаина, героина и других наркотиков ввозится в США из Японии и других стран.

Главное внимание упомянутой секретной службы обращено на наблюдение за каналами, по которым в страну проникает контрабанда. Ее агенты имеются во всех портах США и за границей. Как только пароход пристает к пристани, они тотчас появляются на борту, и их безошибочный нюх приводит их к тайникам, где упрятано отравляющее зелье. Контрабанда конфискуется — и все... Лишь в чрезвычайно редких случаях этому сопутствует арест и привлечение к ответственности самого контрабандиста. Агентов секретной службы интересует контрабандный «товар», а не его перевозчики.

Движущим стимулом для агентов инспекции по борьбе с наркотиками является лишь высокий комиссионный процент от стоимости задержанной контрабанды, который они получают помимо полагающегося жалованья. Действуя в тесном контакте с самими контрабандистами и получая от них соответствующую информацию, агенты бюро прямо заинтересованы в «живучести» источников своего дохода. Многие из агентов, стремясь максимально расширить поле своей деятельности, содержат за свой счет по нескольку субагентов в портах и даже за границей.

Спрашивается, какую же тогда получают выгоду сами контрабандисты и экспортеры наркотиков? Дело в том, что этот вид бизнеса построен на строгом распределении «труда» и барышей: задерживается лишь часть контрабанды, а остальное беспрепятственно проникает в

страну и в свою очередь становится бизнесом для других лиц.

При такой организации «борьбы» с наркоманией нет ничего удивительного в том, что в США в течение десяти лет мог совершенно безнаказанно орудовать Ямамото Канекици. Этот японец, прозванный «желтым Аль-Капоне», известен как один из главарей преступного мира на западе США. Он монополизировал торговлю наркотиками и живым товаром на всем тихоокеанском побережье — от Мексики до Канады. Он поставлял то и другое сотням притонов и домов терпимости.

Напрасно Алан Хинд в своей книге «Японский шпионаж в Америке» пытается заверить читателя, что Ямамото «долгие годы умудрялся ввозить контрабандные наркотики под самым носом таможенных чиновников такими хитроумными способами», которые автор не перечисляет якобы «из опасения, как бы другие контрабандисты не воспользовались ими». Отбросим опасения и раскроем «секрет» неуязвимости Ямамото: подкуп агентов Федеральной инспекции. Дело в том, что Ямамото имел в Федеральной инспекции по борьбе с наркотиками своих людей, состоявших у него на постоянном содержании и смотревших сквозь пальцы на «деятельность» предприимчивого японца. При их содействии он легко распространял огромные партии наркотической контрабанды.

Чувствуя шаткость своих утверждений для объяснения многолетней безнаказанности крупнейшего гангстера, Хинд все-таки вынужден признать силу взятки. «Он (Ямамото), — пишет Хинд далее, — давал взятки — и довольно солидные — кое-каким мошенникам в кое-каких из этих органов». Но под «этими органами» Хинд подразумевает только местные полицейские управления! Он всячески пытается увести внимание читателя от тех, кто в действительности стоял за спиной «желтого Аль-Капоне».

Но любопытнее всего то, что Ямамото, попавший, наконец, на скамью подсудимых, был осужден не за ввоз наркотиков, не за торговлю живым товаром и не за шпионаж, которым он также занимался, а за... нарушение закона о подоходном налоге. Слишком могущественные силы, а не мелкие полицейские чиновники

стояли позади Ямамото, чтобы суд осмелился коснуться столь деликатных моментов его «деловой практики».

Зато всю тяжесть закона власти обрушивают на голову потребителей наркотиков, не только расплачивающихся потерей здоровья за свое слабование, но и подвергающихся тюремному заключению. Осужденный контрабандист в американской тюрьме — весьма редкое явление, а находящихся «на излечении» наркоманов там тысячи.

Ужасающее распространение наркотиков в Соединенных Штатах тщательно замалчивается печатью и проходит мимо внимания правящих кругов. Федеральную инспекцию по борьбе с наркотиками было бы правильнее назвать инспекцией по регулированию их ввоза и распространения.

* * *

Нами отмечены только наиболее крупные секретные службы федерального значения. Кроме того, такими службами располагают многие другие министерства и правительственные управления: министерство связи, министерство внутренних дел, таможенное управление, ведомство береговой охраны и т. д. Какое только американское государственное учреждение не имеет собственной тайной агентуры! Наименования у них разные, но содержание их деятельности подчинено одной цели: обеспечению грабительских интересов отдельных лиц, монополизировавших в своих руках эксплуатацию богатств страны и результатов труда ее народа.

КОМИССИЯ ДАЙСА

Мартин Дайс стоял у колыбели так называемой комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности» — органа палаты представителей США, вызывающего с полным основанием презрение и ненависть у всех честных людей Америки.

Означенная комиссия в настоящем своем виде была создана в 1938 году. Однако А. Р. Огден, автор книги «Комиссия Дайса», изданной в Вашингтоне в 1945 году, справедливо относит истоки ее возникновения к началу 1919 года.

Митинг в защиту Советской России, состоявшийся 2 февраля 1919 года в театре Поли в Вашингтоне, явился первым предлогом для расследования «антиамериканской деятельности». Оно было произведено по требованию сената генеральным прокурором США, который не смог, однако, установить что-либо предосудительное в том, что происходило на митинге.

С тех пор «большевистская опасность» стала жупелом в руках реакции, пускаемым в обращение под кричащей шапкой: «антиамериканская деятельность». Но чтобы создать превратное представление о деятельности комиссии по расследованию, ее организаторы формально распространили эту деятельность и на фашистские организации.

Бурный рост массового недовольства народа активизацией фашистских групп в США после установления в Германии власти Гитлера вынудил конгресс назначить в 1934 году специальную комиссию для расследования антиамериканской деятельности (комиссия Дикштейна)¹. Комиссия Дикштейна встала перед фактом существования в Америке организованного заговора с целью захвата власти путем фашистского переворота. Нити заговора вели к Уолл-стриту. Генерал-майор в отставке Смэдли Батлер на секретном заседании комиссии дал сенсационные показания о том, что ему было предложено организовать и возглавить фашистскую армию. На эту цель ему было отпущено 3 миллиона долларов и обещаны еще более значительные суммы. В ходе допроса были названы имена Моргана, Дюпона и некоторых других воротил Уолл-стрита. Но все эти разоблачения были внезапно прекращены, а дальнейшие допросы приостановлены.

Констатируя этот факт, еженедельник «Нью мэссес» писал, что комиссия Дикштейна «не только не проследила за показаниями, ведущими к одному пункту — Уолл-стриту, но, больше того, сознательно скрыла их... Прекращение допросов комиссией Дикштейна вскрывает ее истинный характер: получив официальную задачу

¹ Сэмюэль Дикштейн был заместителем председателя комиссии, но поскольку он внес законопроект о создании этой комиссии, ее и стали называть «комиссией Дикштейна». Официальным председателем комиссии был Маккормик.

разоблачить фашистскую деятельность, комиссия на деле оказалась в тесном сотрудничестве с фашистскими претендентами на власть; она покрыла заговор, прекратив следствие, которое привело бы к высоким финансовым и промышленным кругам, руководящим конгрессом, «дающим советы» президенту и фактически правящим страной».

Перед лицом подлинных фактов антиамериканской деятельности комиссия Дикштейна стусевалась и затем отошла в небытие, а конгресс, назначивший ее, даже не поинтересовался, почему было прекращено следствие. На некоторое время реакционные круги прекратили свои вопли об «антиамериканской» деятельности.

Между тем, американские гитлеровцы все более распоясывались и наглели. Широкая общественность, с тревогой наблюдавшая за ростом фашистской опасности, настойчиво требовала расследования подрывной деятельности и решительного обуздания бандитов. В этих условиях и появилась на сцене пресловутая «комиссия Дайса».

Член палаты представителей США от Техаса Мартин Дайс, ставленник вице-президента Гарнера, давно зарекомендовал себя в качестве ярого реакционера. Но, маскируя свои истинные убеждения, Дайс нередко выступал в конгрессе с речами в «защиту демократии» и требовал «расследования» фашистской деятельности. Когда под давлением народных масс конгресс вынужден был заняться этим вопросом, Дайс оказался наиболее подходящим кандидатом на пост главы создаваемой комиссии.

Дайс не замедлил оправдать надежды, возлагавшиеся на него реакцией. Первым «делом» его комиссии было расследование деятельности театральной организации «Федерального театрального проекта», которая была обвинена в том, что она является «ветвью коммунистической организации».

В ходе допроса членом комиссии Старнесом г-жи Фланаган, одной из деятельниц упомянутой организации, произошел комический эпизод. Давая показания о театральном репертуаре, г-жа Фланаган упомянула имя знаменитого английского драматурга Кристофера Марло. Старнес тотчас поспешил ее спросить, не является

ли упомянутое лицо коммунистом. Надо полагать, что Старнес чувствовал себя не совсем удобно, когда свидетельница пояснила ему, что Марло — предшественник Шекспира!

Дайс был достаточно искушенным демагогом и двурушником, чтобы понять необходимость создания видимости «беспристрастия» в действиях комиссии. Он широко поэтому рекламирует в 1938 году намерение комиссии вызвать на допрос известного нацистского агента Фирека в связи с его намерением посетить Гитлера. Реакционная печать подняла вокруг этого большую шумиху. По словам Огдена, она «создала отличную рекламу для комиссии, но оказалась бурей в стакане воды». Фирек ни разу не выступал перед комиссией Дайса и вскоре получил разрешение совершить свое путешествие в Европу на поклон к «фюреру».

Создав таким путем дымовую завесу, комиссия Дайса открыла поход против демократии. Она последовательно объявляет все прогрессивные организации и всех передовых людей страны «подрывными организациями» и «изменниками родины». Чтобы «доказать» эти вздорные обвинения, Дайс привлекает для свидетельских показаний подонки общества: провокаторов, всевозможных преступников, политических проходимцев и ренегатов рабочего движения. С помощью этого сброда комиссия фабрикует свои «обвинительные заключения». Материалы лжесвидетельства на заседаниях комиссии широко используются реакционной печатью.

Комиссия Дайса была использована реакцией и как орудие борьбы с «новым курсом» Рузвельта.

В «коммунизме» или «симпатиях к коммунизму» были обвинены десятки государственных деятелей из числа сторонников Рузвельта.

В лихорадочных поисках крамолы комиссия Дайса стала подводить под расплывчатое понятие «красный» многих либеральных буржуазных деятелей, которые приходили в ужас от одной мысли, что их могут счесть большевиками.

В 1940 году Дайс решил подвести итоги своей «деятельности». Он опубликовал книгу под названием «Троянский конь в Америке, отчет перед нацией». Этот сборник фальсификаций — яркое свидетельство тому, чем

занималась комиссия Дайса на протяжении двух лет с момента ее организации.

В то самое время, как все эти инсинуации изо дня в день распространялись по стране херстовской печатью как «достижения» комиссии Дайса, в тиши ее кабинетов шла другая работа, представлявшая истинный смысл ее существования. Члены комиссии и весь ее аппарат использовали свое личное влияние и связи, авторитет комиссии как органа конгресса и массу других возможностей для того, чтобы содействовать сокрытию следов преступной деятельности подлинных врагов американского народа.

Каждый раз, когда возникал вопрос о подрывной деятельности фашистских агентов и организаций, неизменно принимались все меры для ее сокрытия и отвлечения внимания широких кругов демократической общественности.

В этом направлении комиссия Дайса преуспела не меньше, чем в борьбе с прогрессивными силами. Известный американский публицист Спивак в книге «Тайные армии» (глава XI — «Комиссия Дайса замалчивает факты») писал: «Комиссия Дайса в течение многих месяцев держала под сукном документальные доказательства фашистской деятельности в США, руководимой из Германии». Она «потихоньку спрятала их в свои папки, никому не рассказав даже о существовании этих документов... Эти документы доказывают существование связи между германскими пропагандистскими организациями и агентами в Соединенных Штатах... И все же эти документы положили под сукно».

Когда на военно-морской судостроительной верфи в Бруклине были установлены акты саботажа, комиссия Дайса реагировала на это весьма своеобразно. Три гитлеровских диверсанта, заподозренных органами военной контрразведки в совершении преступления, были бесшумно изъяты агентами комиссии и доставлены в знаменитую комнату 1604 в здании суда в Нью-Йорке. Комната эта получила известность в связи с тем, что туда комиссия Дайса вызывала для допроса многих видных прогрессивных деятелей. Члены комиссии Томас и Старнес «допрашивали» трех нацистов в течение пяти минут. У них спросили, слышали ли они о каких-либо

антиамериканских действиях на военно-морской верфи. Нацисты дали отрицательный ответ, и члены комиссии отпустили их, предупредив о том, чтобы они никому не рассказывали о их вызове в комиссию. На этом и закончилось все «расследование» саботажа на бруклинской военно-морской верфи.

Три гитлеровских диверсанта, вызванных на допрос, были Вальтер Дикгоф, Гуго Вультерас и Альфред Больдт.

В другом случае комиссия вызвала одного из самых крупных немецких шпионов в США, «доктора» Игнаца Грибля. После этого он был использован комиссией в качестве... свидетеля по делу «антиамериканской деятельности» некоторых прогрессивных лиц.

Фактов прямого пособничества комиссии Дайса фашистской агентуре и избавления гитлеровцев от ответственности немало.

Когда началась война, характер деятельности комиссии ни на йоту не изменился. Дайс на всех перекрестках каркал: «Гитлер завладеет Россией через месяц». Он требовал прекращения помощи Советской Армии. Наряду с непрерывной антисоветской пропагандой комиссия Дайса продолжает борьбу и с «внутренним врагом». В марте 1942 года Дайс в письме на имя вице-президента Генри Уоллеса публично выступил с обвинением 35 членов Комитета по ведению экономической войны в том, что они якобы связаны с коммунистической партией США. Разумеется, все эти «обвинения» не имели под собой никакой почвы.

В своем ответе Уоллес указал, что Дайс стремится «повлиять на общественное мнение путем злонамеренного извращения фактов». «Если бы сейчас не было войны, — писал Уоллес, — то эту тактику можно было бы принять за бред безумца. Но война идет, и действия комиссии Дайса, вызывающие недовольство американского народа, могли бы равным образом исходить от самого Геббельса. Если бы Дайс находился на содержании у Гитлера, то его влияние на умы американцев было бы несомненно меньше. Мы, американцы, должны сделать все выводы, к которым нас обязывает эта неприятная истина».

Фашистский характер комиссии Дайса не будет пол-

ностью выяснен, если не упомянуть имя Эдварда Салливена — ее главного следователя. Биография этого джентльмена — прекрасная иллюстрация ко всему сказанному выше. Согласно данным сенатской комиссии гражданских свобод, Салливен начал свою карьеру в качестве шпиона-provokatora детективного агентства. Затем он устанавливает тесную связь с гитлеровской разведкой и принимает участие в антисоветской активности украинских буржуазных националистов в Америке.

Акции Салливена на фашистской бирже быстро шли в гору. Человек с большой уголовной практикой в прошлом (две судимости за мошенничество, обвинение в педерастии, несколько арестов и состояние на учете в уголовной полиции с 1924 года) и немецкий шпион в настоящем был признан Дайсом подходящим кандидатом на занятие поста главного следователя комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Кроме официального следственного персонала, состоявшего из подобных Саллиvenu лиц, комиссия Дайса располагала собственной секретной службой. Свыше дюжины опытных шпииков, также специально подобранных из числа отпетых гангстеров, занимались тем, что хватали на заводах и в учреждениях лиц, заподозренных в демократической деятельности, и доставляли их для допроса в комиссию.

Комиссия Дайса прекратила свое существование в самый разгар войны. Это произошло не потому, что американская реакция сочла излишним ее дальнейшее функционирование. Комиссия Дайса в своем покровительстве фашизму и пособничестве антисоветской пропаганде явно перестаралась. Прогрессивное общественное мнение заклеило ее как прямую агентуру врага и настойчиво требовало ее ликвидации.

Существо антидемократической деятельности комиссии Дайса, пожалуй, никто не выразил так предельно исчерпывающе и в столь немногих словах, как Вильям Дадли Пэлли, один из наиболее видных фашистских вожаков в США. На своем процессе в августе 1942 года, в результате которого он был приговорен за подстрекательство к измене к 15 годам тюрьмы, он заявил следующее: «Я основал «Серебряный легион» (известная

нацистская организация «Серебряные рубашки») для пропаганды тех самых принципов, которые осуществляют сейчас мистер Дайс и его комиссия». Действительно, не в бровь, а в глаз!

В этих условиях сам Дайс и его хозяева сочли благоразумным временно прикрыть фашистскую резидентуру, именовавшуюся, маскировки ради, «комиссией по расследованию антиамериканской деятельности». Формальным поводом к этому явилось то, что на выборах в конгресс Дайс не выставил своей кандидатуры, а два других члена комиссии, Старнес и Костелло, также не были избраны в палату представителей.

Покинув Капитолий, Мартин Дайс открыл детективное агентство. Видимо, намерение это таилось в его голове давно, так как он предусмотрительно снимал копии со всех находившихся в его распоряжении секретных документов, относившихся к слежке за рабочим движением и прогрессивными организациями. Этим он продолжал заниматься и находясь уже на положении частного лица. Руководство конгрессом предоставило ему полную возможность продолжать пользоваться документацией комиссии и после ее ликвидации, что Дайс и делал с помощью большого штата стенографисток.

«СОБИРАТЕЛИ СТАТИСТИКИ»

В свое время в царской России этих типов на эзоповском языке называли «собираателями статистики» или «известителями». Говоря о практике английских властей в этой области, Маркс в начале шестидесятых годов отметил, что наряду с детективами, оплачиваемыми государством либо городскими властями (речь шла о полицейском шпионаже), существуют «common informers [простые осведомители], которые шпионят на свой собственный страх и риск и оплачиваются полицией job-work [сдельно]»¹.

Под сенью американских «свобод» «известительная система» развилась чрезвычайно широко. Вскоре доносители, ставшие профессионалами (которых развелось уже столько, что их существование стало заметным для

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XII, ч. 2, стр. 287.

общества), получили почетное наименование «правительственных осведомителей». В. Т. Колиер в книге «Американизм — мировая угроза» приводит биографию одного такого тайного «блюстителя нравственности» — некоего Ховарда Мэдисона. Его «история» стала известной бостонской публике в связи с судебным делом, в ходе которого обвиняемые изобличили Мэдисона как лжесвидетеля.

«На суде выяснилось, — пишет Колиер, — что в тот год, когда он начал свою деятельность на поприще общественной морали, он «отсидел» свой срок за кражу. В другой раз он отбыл арест по приговору суда за оставление без средств к жизни жены и ребенка...» Конфуз был столь громогласным, что «само правительство было вынуждено просить суд об устранении своего свидетеля и возбудить против него судебное преследование за лжесвидетельство».

Разоблачение Мэдисона — редкое явление в американской действительности. Государственный сыск в США принимает все зависящее от него, чтобы инкогнито «правительственных осведомителей» тщательно охранялось. Но если кто-нибудь из них по своей собственной глупости всплывет на поверхность, то тогда им, не задумываясь, жертвуют, чтобы сохранить собственный престиж. Вообще же прошлое Мэдисона — стандарт для всей тайной армии «собирателей статистики» в Америке.

В настоящее время Федеральное бюро расследований охватило сеть «правительственных осведомителей» всю страну. Эта сеть организована по следующему принципу: один штатный агент «Эф Би Ай», прикрепленный к одному или нескольким объектам, руководит работой группы осведомителей, которые вербуются из числа работающих на этих объектах.

Помимо основной агентурной сети, ФБР располагает еще так называемой «параллельной» агентурой, являющейся своего рода резервом, который привлекается к «работе» во время каких-либо «чрезвычайных обстоятельств». Параллельные агенты используются также для проверки донесений основных осведомителей и для выполнения эпизодических заданий.

Особое внимание ФБР обращает на укрепление и

расширение своей секретной агентуры среди рабочих. Газета «Дейли уоркер» 15 апреля 1948 года сообщала, что в Сан-Франциско среди руководителей ряда местных профсоюзов, входящих в Конгресс производственных профсоюзов, обнаружены платные агенты ФБР. Калифорнийский совет КПП установил, что ФБР с помощью своей агентуры сорвало забастовку рабочих Аризонских соляных копей, которая имела место в конце 1947 — начале 1948 года. В результате «деятельности» агентов ФБР и полиции забастовка была прекращена, и рабочие возобновили работу на худших условиях, чем те, которые существовали раньше.

Федеральное бюро расследований принимает энергичные меры к тому, чтобы расширить свою агентурную сеть в кругах профсоюзного актива. В том же самом сообщении «Дейли уоркер» рассказывалось о том, что в городе Феникс к члену одного заводского комитета по переговорам с предпринимателем — рабочему Чарльзу Лоу перед началом забастовки явились два человека, которые, назвав себя агентами ФБР, предложили ему стать секретным осведомителем с оплатой по 50 долларов в неделю. Они объяснили ему, что его «работа» будет состоять в том, чтобы он сообщал ФБР фамилии всех рабочих и служащих, подозреваемых в принадлежности к компартии, фамилии активных членов профсоюза и лиц, связанных с ними. В заключение беседы агенты ФБР заявили Лоу: «Если кто-либо будет мешать вам в работе, скажите об этом нам, и мы освободим вас от таких людей». Лоу с негодованием отказался от сделанного ему предложения.

Руководитель районной профорганизации в городе Феникс Джек Монтгомери заявил, что он встретился с одним профсоюзным работником из другого района, и тот в порыве откровенности признался ему, что «работает в контакте с ФБР».

О чем свидетельствуют эти факты, являющиеся типичными? Они говорят о том, что в «эпоху» Трумэна государственный политический сыск еще более открыто выступает в роли защитника интересов американских монополий, что в своих методах вербовки тайная полиция, видимо, перестает заботиться о тщательности конспирации, надеясь на безотказное действие силы подку-

па. Наконец, они показывают, что щупальцы ФБР достаточно глубоко проникли в гущу реакционного профсоюзного руководства.

Деятельную помощь в насаждении на предприятиях секретной агентуры оказывают ФБР руководители различных государственных организаций.

Так, 17 января 1948 года либеральная газета «Йорк газетт энд дейли», выходящая в штате Пенсильвания, писала: «Много раз повторялось, что когда фашизм придет в Соединенные Штаты, он будет завернут в американский флаг и будет хвалиться стопроцентным американизмом. Он появился со всеми предсказанными атрибутами. Его в Пенсильванию ввел полковник Филипп Нойвилер. Помня об уроках гитлеровского гестапо, полковник Нойвилер решил создать из гражданского воздушного патруля¹ организацию доносчиков и шпионов». Писалось это в связи с заявлением, сделанным Нойвилером местным газетам. В этом заявлении он указывал, что им создана в штате Пенсильвания широко разветвленная осведомительная служба, и предлагал каждому владельцу предприятия направить в возглавляемый им отдел по одному представителю. Эти представители будут проходить обучение в специальной контрразведывательной школе. По ее окончании они возвращаются на предприятия, направившие их в школу, чтобы возглавить руководство осведомительной работой.

Этот факт также не является случайным. Федеральная политическая полиция ставит своей очередной задачей получение ее секретным персоналом специальной подготовки. Такое мероприятие рассчитано на то, чтобы борьба с «внутренним врагом» приобрела более квалифицированный характер.

«БЕЗМОЛВНЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ»

Термин «безмолвные наблюдатели» появился в дни первой мировой войны. Как известно, Соединенные Штаты объявили Германии войну весной 1917 года —

---

¹ Гражданский воздушный патруль является вспомогательным органом военно-воздушных сил США. Его задачей служит патрулирование берегов США во время войны и подготовка молодежи для службы в авиации в мирное время.

после февральской буржуазно-демократической революции в России.

С момента вступления США в войну и до тех пор, как американская армия в Европе стала достаточно реальной силой, прошло изрядное время. Только к лету 1918 года численность войск США на Западном фронте оказалась достаточной для формирования армии. К дню заключения перемирия (11 ноября 1918 года) в Европе находилось уже свыше 2 миллионов американских солдат.

В этот период в России победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Под ее влиянием «В Европе начался революционный подъем. В Австрии развертывалось революционное движение. В Венгрии возникла Советская республика. На базе революционной волны вышли на поверхность коммунистические партии Европы»¹.

Отправляя экспедиционную армию в Европу, заокеанские империалисты больше всего опасались того, чтобы «революционная бацилла» не проникла в головы сотен тысяч американцев, одетых в военную форму. В этих целях в Америке была проделана огромная «работа» по установлению политической «благонадежности» каждого гражданина США, зачислявшегося в ряды армии и флота. Только после удостоверения соответствующими органами его «лояльности» он включался в состав экспедиционных войск. Для последующего тайного наблюдения за американскими солдатами была создана гигантская организация — «армия внутри армии».

В каждом взводе, т. е. примерно на каждые 40—60 человек, имелся один «безмолвный наблюдатель». Он был непосредственно связан с одним из офицеров роты, ведавшим сыском среди подчиненных, которому он регулярно представлял свои донесения. Этот офицер направлял суммированную сводку о «политическом состоянии» роты вышестоящему офицеру полицейской контрразведки, и т. д. Руководство этой осведомительной службой осуществлял соответствующий отдел штаба армии.

В общей сложности в составе американских экспедиционных войск в Европе находилось не менее 50 ты-

---

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 221.

сяч «безмолвных наблюдателей». Каждый из них получал определенное вознаграждение и был обязан соблюдать тщательную конспирацию. Наличие такой системы было окружено глубочайшей тайной; категорически запрещалось, например, вызывать «безмолвных наблюдателей» даже в суд в качестве свидетелей по раскрытым ими делам. Этим они и отличались от своих коллег по профессии — «правительственных осведомителей», которые, если того требовали обстоятельства, фигурировали на суде в качестве свидетелей обвинения.

Впоследствии американское командование и «исследователи», писавшие о деятельности разведки и контрразведки США в первую мировую войну, пытались представить организацию «безмолвных наблюдателей» исключительно как агентуру военной контрразведки. Например, Томас Джонсон в книге «Американская разведка во время мировой войны» пишет: «Вся эта организация преследовала единственную цель, от которой она не отступала: выявлять шпионов и предателей. Безмолвные наблюдатели не должны были сообщать о нарушениях дисциплины или об отступлениях от устава, как бы серьезны они ни были».

Напрасно мистер Джонсон и иже с ним пытаются выдать черное за белое. Если «безмолвные наблюдатели» и выполняли функции агентуры военной контрразведки, то это делалось наряду с их основными заданиями. Для борьбы со шпионажем в американской армии существовала специальная служба военной контрразведки и так называемая «разведывательная полиция». Основная же задача «безмолвных наблюдателей» состояла в ведении политического сыска. Как ни пытается скрыть Джонсон именно это существо вопроса, однако он вынужден был признать, что «...безмолвные наблюдатели обнаруживали ненадежные элементы, которые немедленно отсылались туда, где они не могли вредить: в нестроевые бригады в Соединенные Штаты, в технические батальоны, а в крайних случаях, в концентрационные лагеря...»

Аналогичную оценку деятельности «безмолвных наблюдателей» дает и такое авторитетное лицо, как Бэзил Томсон, начальник английской контрразведки в войну 1914—1918 годов. Вопрос заслуживает того, что-

бы процитировать и Томсона: «...безмолвные наблюдатели, — пишет он, — подслушивали разговоры, добывались откровенных признаний у сомнительных людей и докладывали о них своему начальнику. Действие было немедленным: солдат, верность которого внушала сомнение, вдруг без всякой причины оказывался переведенным в рабочий батальон или возвращен в США».

О целях названной организации можно судить и по результатам ее деятельности. Насколько известно, ее усилиями не был изобличен ни один немецкий шпион, но по донесениям «безмолвных наблюдателей» из состава только одной 77-й пехотной американской дивизии было изъято и оставлено в тылу 800 человек по соображениям «политической неблагонадежности».

Вручая по необходимости оружие рабочему и фермеру, правящие круги США хотели быть твердо уверенными в том, что оно не попадет в руки лиц, «благонамеренность» которых вызывала хотя бы малейшие сомнения. Поэтому они не жалели ни усилий, ни средств, ни времени на фильтрацию личного состава вооруженных сил. Разумеется, подобные службы существовали и в любой другой капиталистической армии. Но американская реакция сумела создать в армии такую систему, которая далеко превзошла все известное в этой области.

«Система безмолвных наблюдателей, — пишет Джонсон, — давала в дивизиях такие прекрасные результаты, что она была распространена на все американские экспедиционные силы, на службу снабжения, порты, центры комплектования, госпитали и, таким образом, охватила все американские организации во Франции и в Англии». Эта служба политического сыска в армии настолько себя оправдала, что она не только была сохранена по окончании первой мировой войны, но действует в США вплоть до настоящего времени.

ВЕРНЫЙ ОПЛОТ «АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ»

Картина гестаповской системы Соединенных Штатов будет не полной, если мы не упомянем об американской полиции. Монументальная фигура в темносинем обмундировании, с квадратным лицом и огромными челюстями, методически жующими «гам» (жевательную рези-

ну) — обязательная деталь любой улицы любого американского города. По своему облику он так же стандартен, как и последние.

Американский полисмен — это не просто страж уличного порядка, а человек, наиболее ярко воплощающий в себе все существо капиталистической действительности: тащить и не пущать. Об этом свидетельствует его тупо-самодовольная внешность и тяжелый взгляд, с полицейским проникновением вззирающий на подопечный ему мир. В его руках «клуб» — символ капиталистической «цивилизации» — традиционная резиновая дубинка.

По характеру своей деятельности и иерархии подчинения полиция США подразделяется на федеральную полицию, полицию штатов и полицию специального назначения.

Федеральная полиция (метрополитен полис) имеет узко определенную задачу — охрану Вашингтона. В ее состав входят также самостоятельные полицейские службы по охране конгресса, Белого дома и национальных парков. Местная полиция (в штатах) делится на городскую и шоссеиную. В территориальном отношении города разбиты на так называемые полицейские станции.

Численность американской полиции огромна: заокеанская «демократия» всегда нуждалась в значительной полицейской силе для охраны «американских свобод». Согласно официальным данным, личный состав полиции США в 1901 году насчитывал 400 тысяч человек при населении в 75 995 тысяч. Таким образом, в первый год двадцатого столетия на каждые 190 американцев приходился один полисмен.

С тех пор численность американской полиции значительно возросла. В настоящее время личный состав каждой полицейской станции составляет от 250 до 600 человек (в зависимости от местонахождения), кроме детективов. Для примера укажем, что в Нью-Йорке имеется около 200 полицейских станций и 200 подстанций; сейчас численность нью-йоркской полиции достигает, вероятно, шестизначной цифры.

Моторизация, техническая оснащенность и вооруженность американской полиции стоят на исключительно высоком уровне. Масса патрулирующих по городу полицейских автомашин поддерживает непрерывную радио-

связь с полицейскими станциями. По своему внешнему виду полицейские машины почти неотличимы от обыкновенных частных машин.

Не лишена интереса конструкция специальной полицейской радиоаппаратуры, описанная журналом «Популар сайенс». Комбинированный приемо-передаточный радиоаппарат умело скрыт в корпусе машины. Передатчик смонтирован незаметно в заднем ящике для багажа, на специальных резиновых рессорах, предохраняющих его от толчков. Приемник устроен под распределительной доской. Роль антенны играет задний буфер, один конец которого изолирован от шасси машины специальной фибровой прокладкой, другой же непосредственно соединен с шасси. Вместо рупора и микрофона радиоаппарат снабжен обычной телефонной трубкой, которая висит на распределительной доске автомобиля.

Постовые полисмены снабжены переносными радиоприемниками с миниатюрным громкоговорителем. Рупор громкоговорителя помещается в боковом кармане. Он соединен проводами с приемником, подвешенным рядом с батарейками у пояса.

Хорошо организованная двусторонняя радиосвязь и другие средства связи в сочетании с моторизацией имеют целью обеспечить быстрое сосредоточение полицейских сил в нужном месте.

Следует отметить, что в Соединенных Штатах существует также частная полиция, одетая в форму и вооруженная. Частной полиции предоставлено право ареста с последующей передачей арестованного в распоряжение городской полиции. По своей численности частная полиция является весьма значительной силой. Например, в Филадельфии полиция частных организаций насчитывала перед войной 3 тысячи человек. Частная полиция действует в тесном взаимодействии с государственной полицией.

Такое же взаимодействие существует и между полицией всех видов и наименований и Федеральным бюро расследований. Формально местные полицейские органы не подчинены ни федеральной полиции, ни ФБР, но последнее практически оказывает большое влияние на их деятельность. Подготовка офицерских кадров полиции целиком проходит под руководством ФБР. Для

этой цели при ФБР создана Национальная академия полиции. Во время войны ФБР организовало 438 краткосрочных курсов, через которые было пропущено около 40 тысяч офицеров и чиновников полиции.

Разумеется, на подбор личного состава полиции обращено особое внимание. Этот вопрос является предметом особой заботы правящих кругов. Полиция комплектуется лишь из тех элементов, политическая благонадежность которых не внушает ни малейших опасений.

Особенно строго фильтруются полицейские кадры в крупных промышленных центрах. Здесь полиция в подавляющем большинстве состоит из католиков ирландского происхождения, славящихся своей реакционностью.

Должности полицейских офицеров и чиновников замещаются обычно кандидатами, выдвигаемыми местными организациями демократической или республиканской партий. Чтобы стать полицейским офицером, такой кандидат должен заслужить полнейшее доверие босса и проявить свои способности во время избирательной кампании. Тогда наградой ему явится эта по многим причинам весьма заманчивая должность. Один видный юрист, бывший президент Американской криминологической академии Сэзерланд, прямо указывает на это обстоятельство. Он пишет: «Отдел полиции рассматривается политическими партиями как «добыча». Люди получают здесь назначение за услуги, оказанные при выборах».

Во время ряда обследований американской полиции, производившихся различными комиссиями, как правило, отмечался низкий — даже для Америки! — культурный уровень ее кадров. В отчетах комиссий указывалось, что американские полисмены по интеллектуальному развитию и умственным способностям ниже уровня «среднего американца».

Среди американских полицейских колоссально распространено взяточничество. Подкупность их общезвестна. В книге «Проституция в США» Вульстон пишет, что в американской полиции «одно время», в период 1860—1870 годов, существовали официально назначенные «собиратели взяток»; числящиеся в составе полиции, они сохранялись долгое время и после ухода из нее. Однако обычно эта работа поручается адвокатам.

которые собирают и распределяют дань. Порою деньги за покровительство представляются непосредственно мэру, начальнику полиции или другим полицейским чиновникам.

Подкуп полицейской верхушки в виде так называемых «подарков», преподносимых ей на «рождество», стал в США своего рода традицией. Иногда эти «подарки» буквально баснословны: был случай, что к «рождеству» местные гангстеры «подарили» полиции города Филадельфии 250 тысяч долларов. Выражаясь словами великого русского сатирика Щедрина, американцы вполне могут сказать о своей полиции: «как пастырь верный и никогда не спящий, стерегла она стадо наше и получала от того для себя утеху великую».

Коррупция и моральное разложение полиции — хроническое явление, которое правящие круги США не только не замечают, но и всячески культивируют. Это обстоятельство столь очевидно, что оно было подчеркнуто даже специальной комиссией, обследовавшей в начале тридцатых годов состояние чикагской полиции. В своем отчете, опубликованном в печати, комиссия, правда, не называя конкретных виновников зла, констатировала, что «факторы, ответственные за деморализацию полицейской силы, лежат вне отдела полиции».

Американским полицейским охотно прощаются все «мелкие прегрешения», лишь бы при этом сохранялась внешняя пристойность и сор не выносился из избы. Более того, эти «прегрешения» даже поощряются и рассматриваются как стимул к повышению «благонадежности» блюстителей общественной безопасности. Был, однако, случай, показавший, что эта «благонадежность» является, как и все в капиталистическом обществе, всего лишь товаром, расцениваемым на доллары.

Произошло это в Бостоне, одном из крупнейших городов США. Несмотря на всякие дополнительные доходы, бостонские полисмены выражали недовольство получаемым окладом. Часть из них, стремясь добиться увеличения жалованья, образовала свой профсоюз, который вступил в АФТ, вопреки существующему положению, запрещающему полицейским быть участниками каких бы то ни было общественных и политических организаций. Начальник бостонской полиции Кэртис, ярый

реакционер, немедленно отстранил от службы девятнадцать полисменов, заподозренных им в том, что они застрельщики всей этой истории. Отстраненных поддержал рядовой полицейский коллектив. Попытка уладить конфликт, предпринятая мэром города, провалилась из-за нежелания Кэртиса пойти на уступки. Тогда подавляющее большинство полисменов забастовало.

Оставленный без охраны город стал форменной добычей для гангстеров. Они разбивали витрины, грабили магазины и квартиры. Были срочно сформированы добровольческие отряды полиции из студентов Гарвардского университета, торговцев и других мелкобуржуазных элементов. Но полисмены-любители оказались не в состоянии восстановить спокойствие. Потребовалась помощь национальной гвардии.

Между тем, местный совет профсоюзов приступил к обсуждению вопроса об объявлении в городе всеобщей забастовки с целью поддержки требований бастующих полисменов. Не желая идти ни на какие уступки, Кэртис уволил ранее отстраненных им полицейских. Тогдашний лидер АФТ Гомперс, по соображениям престижа, вынужден был вступить за только что возникший и опрометчиво принятый им в АФТ «полицейский профсоюз». Он телеграфировал губернатору штата Кальвину Кулиджу о том, что действия начальника полиции превышают его полномочия.

Кулидж резко ответил Гомперсу, что «никому, нигде и никогда не предоставлено права устраивать стачку против общественной безопасности». Американская реакция шумно аплодировала Кулиджу. Этот унылый и мало заметный человек был провозглашен чуть ли не национальным героем. Стачка полицейских была сорвана, и в бостонской полиции была проведена серьезная чистка от «неблагонадежных» элементов.

В истории американской полиции это пока что единственный случай, когда относительно столь значительная группа ее чинов вышла из повиновения начальству. Полицейское руководство извлекло из этого события соответствующий урок и стало с еще большей тщательностью относиться к комплектованию кадров.

Полиция — верный оплот реакции в деле охраны основ «американизма».

ОКО НЕДРЕМАННОЕ И ОКО ДРЕМАННОЕ

Согласно летописям времен не столь отдаленных, был в царской России прокурор Куралесич. По словам Щедрина, имел он одно око дреманое, которым ничего не видел, и другое — недреманое, которое видело пу-
стыки...

Кроме полиции общего назначения, в США существовали и существуют полицейские службы специального назначения. Назовем некоторые из них.

В период действия так называемого «сухого закона» существовала «полиция по борьбе с алкоголизмом». Она была создана в 1919 году. Судя по официальным отчетам, эта полиция развила широкую и исключительно интенсивную деятельность. Ежегодно публиковались внушительные отчетные данные, в которых значились десятки тысяч арестов нарушителей закона, десятки тысяч галлонов конфискованного спирта, тысячи обнаруженных тайных алкогольных заводов, десятки ликвидированных контрабандистских организаций. Антиалкогольная полиция располагала самой совершенной техникой: автомашинами, быстроходными катерами, пулеметами и даже самолетами.

Но сколько она ни арестовывала лиц, виновных в изготовлении и сбыте алкоголя, сколько ни обнаружено было подпольных предприятий по его производству, пьянство в Америке не уменьшалось, а возрастало. Спрашивается: почему? Дело в том, что «сухой закон» был новым большим бизнесом американской плутократии. Вот некоторые цифры. За первые восемь лет своей деятельности (из четырнадцати) антиалкогольная полиция обнаружила 70 тысяч тайных алкогольных заводов со 100 тысячами перегонных кубов. Цифра огромная, но верховный комиссар по соблюдению «сухого закона» (он же шеф антиалкогольной полиции) генерал Линкольн Эндрю вынужден был признать, что полиция открыла только 10 процентов существующих в стране предприятий по изготовлению алкоголя. В США, по его заявлению, продолжало подпольно функционировать еще не менее 630 тысяч тайных заводов с 900 тысячами перегонных кубов.

Антиалкогольный фарс длился в США четырнадцать

лет. Герберт Гувер, бывший президент и один из самых рьяных защитников «сухого закона», назвал его «знаменитым социальным и экономическим экспериментом, благородным в своих побуждениях и далеко идущим в своих намерениях». Каким надо быть беспредельным циником и демагогом, чтобы дать такое наименование гигантской операции по ограблению американского народа. По существу, на защите «сухого закона» Герберт Гувер и сделал свою президентскую карьеру.

После отмены «сухого закона» надо было найти ответственное объяснение тому, почему он провалился. Такого «стрелочника» американская плутократия нашла в лице... самой «антиалкогольной» полиции. Причина была найдена в том, что в состав полиции, мол, проникли преступные элементы, которые будто бы не вели настоящей борьбы с «бутлеггерами». И так, виновником оказалось Федеральное бюро по «прогибишен» (антиалкогольная полиция), которое видело и ликвидировало пустишки и не замечало главного противника...

Фарисействующие политиканы и вкупе с ними буржуазные историки и экономисты Америки и Англии в свое время назвали начатую в их странах антиалкогольную кампанию «великим англо-саксонским начинанием в борьбе за укрепление моральных устоев общества». Недурно придумано!

Вся многовековая колониальная и отечественная история англо-саксонских государств — это сплошное и систематическое спаивание миллионов людей, что приносит и приносит буржуазии сказочные дивиденды.

Капиталистическая рационализация труда, выразившаяся в максимальной автоматизации процессов производства, внесла в антиалкогольную политику правящих кругов англо-саксонских стран серьезные поправки. В особенности это касалось США, где методы фордизации привели к широкой замене человека машиной и где всегда имеются огромные резервы дешевой рабочей силы в лице иммигрантов.

Уже начало XX века было отмечено широким распространением алкоголизма в США.

Первая мировая война принесла США колоссальные барыши, основная масса которых досталась монополиям. Но многие миллионы долларов попали в карманы

средней и мелкой буржуазии, некоторые сбережения сделали верхушечные слои рабочего класса и фермерства. Это обстоятельство имело прямое отношение к введению «сухого закона».

Введение «сухого закона» было официально аргументировано тем, что потребление алкоголя приводило к огромным потерям в промышленности и что на производство алкоголя уходила масса сельскохозяйственных продуктов, которые могли бы экспортироваться. В обоснование всему этому приводились всевозможные расчеты экономистов и статистиков. Пропагандистская машина крупного капитала заработала во-всю, чтобы доказать целесообразность запрета на алкоголь. Отдельные пропагандисты Уолл-стрита в своих высказываниях в пользу «сухого закона» договорились до заверений, что правящие круги США стремятся ввести его будто бы для того, чтобы население смогло увеличить свои накопления.

Между тем, секрет заинтересованности монополистического капитала Америки в «сухом законе», по существу, является секретом полишинеля. По окончании первой мировой войны Уолл-стрит поставил себе целью любыми путями прибрать к рукам накопления, сделанные средней и мелкой буржуазией. Одним из этих путей и явился «сухой закон», развивший пьянство до колоссальных размеров, при значительно возросшей стоимости алкоголя. Период неустойчивого «просперити» еще более подогрел эти настроения крупного капитала, так как накопления зажиточных слоев населения продолжали расти. Затем, в годы «великого краха», когда экспорт упал до минимального предела, гнать зерно на водку оказалось выгоднее, чем сжигать его.

Когда все сбережения были высосаны и мировой экономический кризис завершил этот процесс всеобщего ограбления простых людей в США, надобность в «сухом законе» отпала. Тогда сам Рокфеллер из «сухого» стал «мокрым». спрашивается, а как же с «потерями в промышленности»? Экономисты и статистики стали доказывать обратное тому, что говорили прежде: их расчеты говорили уже, что отмена «сухого закона» благоприятно отразится на хозяйственном развитии страны. С тех пор в США больше не слышно о каких-либо

антиалкогольных намерениях правящей верхушки. Пьянство крепко вошло в быт, и нет больше необходимости в стимулировании его путем «сухих» мероприятий. Наконец, «сухой закон» способствовал распространению в стране продажности и преступности, что также соответствовало планам господствующих классов.

* * *

После первой мировой войны среди прочих новшеств «американского образа жизни» на одно из главных мест выдвинулась проблема морали и нравов.

Для того чтобы увести среднего американца в сторону от возникавших жгучих социально-экономических вопросов современности, машина пропаганды стала стимулировать тягу к сексуализму, физическим наслаждениям и т. п. Сексуальные танцы, сопровождаемые ревом саксофона, дикие развлечения и проповедь аморальности стали квинт-эссенцией послевоенного «образа жизни» Америки.

На сцене появилась «полиция нравственности». Эта полиция возникала иногда, как орган власти штата, иногда как добровольный институт «ревнителей добродетели». Организуясь на собственные средства, последние получали все права полицейского надзора в доверенной их попечению области. Был установлен предельный минимум длины женских юбок, нарушительницы которого штрафовались. Полисмены-любители со специальными жетонами на груди и полисмены в форме стали останавливать проходящих женщин и измерять длину их юбок.

В театрах была запрещена постановка пьес, в которых «нарушалась благопристойность».

«Полиция нравственности» явилась тем инструментом, с помощью которого правящая верхушка могла инсценировать видимость своей «борьбы» за «сохранение моральных устоев общества». Эта полиция в летние вечера охотилась с факелами в руках за парочками в парках и на бульварах, измеряла длину юбок и наблюдала за соблюдением закона «о нарушении обещания жениться» (в США имеется и такой закон!), но она «не видела» главного.

В течение двух послевоенных десятилетий проститу-

ция в США приняла гигантские размеры, стала легальной профессией сотен тысяч американок. Тысячи домов терпимости и всевозможных других притонов разврата густой сетью покрыли Америку. «Американская деловитость» и здесь нашла широкое поле для инициативы и изобретательности.

Говоря о своей системе «внутренней безопасности», правящие круги США утверждают, что она создана, непрерывно расширяется и совершенствуется якобы для целей борьбы с иностранным шпионажем и государственной изменой, уничтожения преступности, охраны собственности и безопасности граждан. Мы уже видели на фактах, как осуществляются некоторые из этих задач. Не интересы граждан и государства защищает эта система, а корыстные интересы капиталистических монополий, реакционной правящей верхушки современной Америки.

Ниже мы увидим, как эта система справляется со своими функциями и для чего она в действительности создана.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЖ. ЭДГАР ГУВЕР — ДОСТОЙНЫЙ ПРЕЕМНИК ГИММЛЕРА

«Блюди и умирай»

О Дж. Эдгаре Гувере вполне можно сказать, что это надлежащий человек на надлежащем месте. Вот уже четверть века, как Дж. Эдгар Гувер бесменно занимает должность директора Федерального бюро расследований, т. е. фактического руководителя всей полицейско-контрразведывательной системы Соединенных Штатов. Это, пожалуй, единственный в Америке крупный государственный чиновник с таким большим стажем несменяемости, да еще на таком деликатном посту.

Став адвокатом по окончании юридического факультета, Гувер не пошел на службу в контору какой-либо банковской или торговой корпорации, а решил попытать счастья в министерстве юстиции. В 1917 году его фигура замелькала в коридорах последнего. Пару лет спустя Гувер уже сделал головокружительную карьеру, что совершенно необычно для молодого американского адвоката: он был назначен специальным помощником генерального прокурора.

Надо пояснить, что адвокатское сословие в США исключительно многочисленно. На каждую тысячу душ взрослого работоспособного населения здесь приходится два-три представителя этой профессии. Среди служащих государственного аппарата адвокаты занимают доминирующее положение. Как в свое время писал американский сенатор Петтигру в книге «Торжествующая плуто-

кратия», — «адвокаты не очень искусны в управлении, но они прекрасно умеют подкупать, развращать и калечить правление в интересах тех, кто платит им их гонорар. И они сидят в законодательных учреждениях, в органах управления и на судейских скамьях и правят в интересах грабителей народных масс».

Гувер, обладавший исключительным нюхом, безошибочно избрал поприще своей будущей жизнедеятельности. Но, конечно, надо было проявить незаурядные способности, чтобы удостоиться столь быстрого продвижения по службе. Один из биографов Гувера проливает свет на то, что явилось фундаментом его карьеры. «Именно в эту пору (т. е. между 1917 и 1919 годами), — пишет он, — Гувер и приобрел ценный опыт в области контрразведывательной работы, связанной со вступлением США в первую мировую войну».

Какого рода была эта контрразведывательная работа, хорошо известно: с 1917 по 1919 год Гувер был главным «антирадикальным» агентом Бюро расследований при министерстве юстиции. Когда в 1918 году этому бюро было поручено принять меры против «заметного роста радикализма и распространения анархической пропаганды», деятельность Гувера сразу привлекла к нему внимание начальства. Он лично руководил налетами на квартиры и дома лиц и организаций, заподозренных в «радикальных взглядах». В это же самое время в США гремели взрывы и пылали военные склады, что было делом рук немецких диверсантов, но на это Гувер не обращал никакого внимания.

Гувер был назначен специальным помощником к человеку, который стал знаменит тем, что вписал одну из самых мрачных и кровавых страниц в историю США. Этим лицом был Митчелл Палмер. Бандит, любивший называть себя «воинствующим квакером», был организатором «великого похода на красных» в 1919—1920 годах.

Что это была за операция, можно судить по выдержке из известной в США брошюры, опубликованной двенадцатью видными либеральными деятелями в 1924 году. «Массовые аресты как иностранцев, так и американских граждан, — говорится в ней; — производились без всяких ордеров и без законных формальностей; мужчины и женщины брались под стражу и содержа-

лись в изоляции без допуска к ним друзей и защитников; квартиры подвергались обыскам без соответствующих полномочий, и имущество захватывалось и увозилось, другое имущество без нужды уничтожалось; рабочие и работницы, заподозренные в радикальных воззрениях, подвергались издевательствам и побоям. Агенты отдела юстиции проникали в состав радикальных организаций с целью собирания информации об их членах и для подстрекательства к выступлениям; эти агенты получали из Вашингтона инструкции с предписанием об организации митингов в определенное время и в определенном месте, чтобы облегчить возможность производства массовых облав и арестов».

Имя Палмера как полицейского диктатора Америки тех времен прочно «вошло в историю». Но совершенно неизвестно о том, что главным вдохновителем и непосредственным организатором вышеописанных бесчинств был скромно стоявший за его спиной молодой Эдгар Гувер. Он проявил в этом «деле», такую неиссякаемую неутомимость и изобретательность, что о нем заговорили уже в кругах двухсот семейств — хозяев Америки. Тогда же Гувер показал себя не только быстро набившим руку мастером провокации, но и человеком достаточно предусмотрительным, чтобы не сорвать свою карьеру.

Он учел, что когда антибольшевистская волна пойдет на спад, то его шефом пожертвуют, и поэтому благоразумно оставался все время в тени, предоставив ему быть увенчанным лаврами «спасителя Америки от красной опасности». Так оно и получилось. Палмера убрали. О Гувере же один из верхушки двухсот семейств в те дни сказал: «Это человек с предназначением», повторив слова Наполеона, сказанные им об известном шпионе Шульмейстере. Карьера двадцатисемилетнего Эдгара Гувера была решена. Он не был отставлен вместе с Палмером, его назначили помощником директора Бюро расследований.

ДЖИ-МЭНЫ — АМЕРИКАНСКИЕ ГЕСТАПОВЦЫ

«Джи-мэн» — сокращенно от «говернмэнт-мэн» («правительственный человек») — кличка, которую дали в США «специальным агентам» Федерального бюро рас-

следований. Появление джи-мэнов непосредственно связано с именем Гувера. Когда в 1924 году он был назначен директором ФБР, то его первым мероприятием была «чистка» аппарата. На смену старому, весьма разношерстному по возрасту и опыту, составу бюро стали постепенно выдвигаться молодые люди специфической категории. Их обычно содержат владельцы игорных и иных ночных притонов для поддержания тишины и спокойствия в своих заведениях. Сосредоточенный взгляд убийцы, стальные бицепсы и мертвая хватка рук — объединительные для них признаки.

Гувер с исключительной настойчивостью и тщательностью отбирал нужные ему кадры. Были установлены внешние стандарты и много других показателей, которым отныне должен был отвечать вновь принимаемый в ФБР агент. Каждое из предъявляемых к нему специальных требований имеет свое практическое обоснование, и поэтому Гувер был неумолим в отношении их соблюдения.

Все эти требования, характеризующие облик джи-мэнов, достаточно любопытны, чтобы на них остановиться несколько подробнее. Первая категория показателей относится к физическим и внешним данным. Агент должен быть в возрасте 25—40 лет, ростом не ниже 5 футов 7 дюймов (1 метр и 54 сантиметра), обладать сильнейшей мускулатурой и большой выносливостью. Он должен иметь отличное зрение и хороший слух (точно: слышать обыкновенный разговор на расстоянии до 5 метров). У него не должна быть бросающаяся в глаза или легко запоминающаяся наружность. Определенным должен быть также вес тела и в целом почти идеальное здоровье, что определяет врач.

Показательно, что физические данные играют в ряду прочих требований очень важную роль. Но при всей их положительности кандидат приемлем лишь тогда, когда его «крепкое, мускулистое, сильное тело скрывается под хорошо сшитым костюмом», и «что касается пулемета, — пишет Флоэрти, — то он более послушен в чистой, выхоленной руке, чем в заскорузлой, с грязными ногтями». Если указания на социально-политические признаки отсутствуют в официальной инструкции, то об этом достаточно вразумительно сказали вышепри-

веденные строки одного из литературных агентов Гувера. Короче говоря, чтобы стать джи-мэном, надо прежде всего быть «политически благонадежным».

Вторая группа требований имеет задачу обеспечить ФБР аппаратом, могущим оперировать в кругах представителей самых различных профессий и людей любой национальности. В американской печати были опубликованы данные, говорящие о том, что специальные агенты ФБР в общей сложности говорят на 36 языках, владеют 125 профессиями и ремеслами и достигли более чем среднего уровня мастерства в 36 видах спорта. Среди них имеются лица, бывшие в прошлом фотографами, страховыми агентами, продавцами, журналистами, музыкантами и т. д. Из числа штрейкбрехеров подбираются лица, знакомые с производственными профессиями. Такое разнообразие специальностей, которыми обладают агенты ФБР, дает возможность внедрять их в любую среду.

Чтобы приукрасить положение с подбором кадров ФБР, в официальной литературе указывается, что непременным условием для каждого кандидата является якобы наличие высшего образования и «высокого морально-психологического уровня». Но приведенный выше перечень прежних профессий агентов ФБР служит ответом на первое¹, а что касается морали, то от них требуют «уравновешенности характера» и готовности на все: истязай и убивай, не моргнув глазом.

Если кандидат удовлетворяет вышеозначенным требованиям, наступает следующая стадия искусства. Она заключается в том, что с ним ведутся длительные «беседы», во время которых опытный следователь старается незаметным образом выпытать интересующие его сведения. Одновременно с этим кандидат заполняет несколько специальных анкет, в которых он отвечает на множество вопросов, включительно до самых интимных и сугубо семейных. В результате тщательной проверки всего сказанного кандидатом о себе на прежних местах его работы и в среде его прошлого и настоящего окружения выявляются и проверяются все его связи. В заключение, на основании всех данных, составляется доклад о

---

¹ Юридическое образование предпочитается любому другому.

пригодности кандидата, представляемый директору ФБР. Из всех кандидатов принимаются лишь «способные стать агентами выше среднего уровня». Тщательность отбора настолько велика, что, по заявлению Гувера, на работу в ФБР принимается в среднем один из тысячи кандидатов, подающих заявления. Таким образом, лишь немногие «избранники» удостоиваются зачисления в ряды джи-мэнов.

После принятия на службу для специального агента наступает период многосторонней муштры. Эта сторона деятельности ФБР также находится под личным наблюдением шефа ФБР, так как отдел обучения и инспекции непосредственно подчинен ему. Обучаются джи-мэны в специальных школах, находящихся в Вашингтоне и других центрах страны, а также в Национальной академии полиции.

В отличие от системы многолетней непрерывной подготовки контрразведчиков, принятой в других странах, ФБР отдает предпочтение методу краткосрочного обучения агента перед выпуском его на работу, с последующим ежегодным обязательным повышением его квалификации. Тщательность отбора кандидатов в отношении наличия у них детективно-полицейских инстинктов и задатков позволяет в короткий срок делать из них законченных ищек.

В течение трехмесячного или несколько большего срока джи-мэны с исключительной интенсивностью проходят «подготовку». Ежедневно с 9 часов утра до 9 часов вечера, а в воскресные дни с часу дня до 9 часов вечера они овладевают всевозможными премудростями тайной охоты на человека: слушают лекции виднейших специалистов сыска, шпионажа и криминологии, тренируются во всех видах рукопашного боя и владении огнестрельным оружием. Отдельным из них приходится сталкиваться и с такими дисциплинами, как ораторское искусство, психология и социология, если эти агенты предназначаются для деятельности по борьбе с рабочим движением.

Но независимо от профиля агентурной специализации, каждый джи-мэн сосредоточивает свое главное внимание на том, чтобы в совершенстве овладеть различными формами физического нападения и умением ве-

сти бой, применяя все виды современного ручного оружия. Особенно широко поставлена эта область подготовки в Национальной академии полиции. Эта академия, основанная в 1935 году, находится в Квантико (штат Виргиния).

«...Когда мы прибыли на территорию обширной базы корпуса морской пехоты Соединенных Штатов в Квантико, где расположена академия, — живописует Флоэрти, автор упоминавшейся нами книги, — нам сразу слышалась непрерывная ружейная и пулеметная стрельба, эхо которой гулко отдавалось в Виргинских горах. Осенний воздух был напоен запахом пороха. ...Очень большое внимание, — пишет далее Флоэрти, — уделяется здесь физической подготовке учащихся... Любой из видов рукопашной борьбы здесь наглядно разбирается, и сразу же показываются наиболее действенные приемы». Слушатели академии, подчеркивает автор, занимаются всеми этими видами «спорта» очень усердно, упорно и серьезно, хорошо понимая, что речь идет не о завоевании спортивных рекордов... И не для борьбы с гангстерами, как пытается уверить Флоэрти, готовит с таким упорством ФБР своих агентов. Для нападения на бастующих рабочих и секретных изъятий прогрессивно мыслящих людей, для тайных убийств и террористических провокаций — вот для какой цели готовятся американские гестаповцы.

И не случайно сейчас ставится вопрос о значительном расширении контингента слушателей академии в Квантико в том направлении, чтобы «специальную подготовку» распространить на персонал явной полиции. С означенным предложением выступили... редакторы журнала «Лук». В 1947 году они опубликовали книгу, посвященную деятельности ФБР¹, в которой предлагают увеличить число «студентов» в Квантико (ежегодно там обучается 270 специальных агентов) из числа полицейских до 500 человек на каждом курсе и повысить срок обучения до двух лет.

В области овладения искусством сыска особенное внимание уделяется развитию памяти обучающегося,

---

¹ «История Федерального бюро расследования», составлена редакторами журнала «Лук», изд. «Даттон и К^о», Нью-Йорк, 1947.

его способности быстро и точно воспринимать все, что он видел, запоминать лица и внешность людей. Для этой цели применяются специальные методы. Важнейшее место в подготовке джи-мэнов занимает обучение их методам обыска, преследования и ареста.

Специальный агент — это ведущая фигура всей организации ФБР, и его подготовке уделяется огромное внимание. Весь смысл этой подготовки имеет целью сделать специального агента человеком-ищейкой и механическим убийцей. «Послушание трупа» — ее главный принцип, провозглашенный в свое время Игнатием Лойолой для членов иезуитского ордена.

Гувер позаботился о том, чтобы его преторианцы пользовались самыми широкими правами. Еще с 1932 и 1933 годов конгресс принял законы, которые значительно расширили полномочия ФБР и его специальных агентов. Им было разрешено производить аресты и пускать в ход оружие, когда заблагорассудится.

Характерно, что сотрудники ФБР не подлежат действию законов о службе в гражданском ведомстве США; на них также не распространяются обычные правила старшинства. «Здесь принимаются в расчет, — как пишет Коллинз, — только личные качества и заслуги каждого сотрудника». Иначе говоря, только прояви себя верным и ни перед чем не останавливающимся сыщиком, провокатором или палачом — и тебе простятся все прегрешения...

Установление высокого денежного вознаграждения (начальная зарплата для специального агента составляет 3 200 долларов в год, при возмещении всех расходов, связанных с служебной деятельностью) и пенсионное обеспечение после 30 лет службы завершили круг «забот» американских властей о джи-мэнах.

Приведем данные о численном составе гуверовской когорты. Как указывает Фредерик Коллинз в книге «ФБР в дни мира и войны», количество специальных агентов, работающих в самом бюро и в его местных филиалах, возросло с 851 человека в 1939 году до 4 600 человек в 1943 году; количество канцелярских служащих увеличилось за этот же период на 5 тысяч человек. По словам Джона Флоррти, автора книги «Внутри

ФБР», численность всех работников ФБР в 1943 году достигла 13 тысяч человек.

Чрезвычайно характерно, что по окончании войны численность джи-мэнов продолжает расти. Редакторы журнала «Лук» в своей «Истории ФБР» сообщают, что в 1946 году ФБР располагало 14 300 агентов. Как сообщала американская печать, в результате значительного увеличения бюджетных ассигнований на 1950—1951 год ФБР получило возможность увеличить свой штат еще на 325 новых агентов¹.

Помимо штатных специальных агентов, ФБР имеет огромное количество добровольной агентуры, состоящей из так называемых «друзей ФБР». Вербовка этих добровольцев организована в стране очень широко. Лицу, намеченному к вербовке или самому изъявившему желание «помогать ФБР», предлагается заполнить анкету и, если после соответствующей проверки кандидат оказывается подходящим, ему выдается удостоверение, снабженное фотокарточкой. В удостоверении говорится, что предьявитель является «другом-агента ФБР». Число таких добровольных помощников джи-мэнов достигает в США десятков тысяч. Никакими оперативными правами «друзья ФБР» не пользуются; в их задачу входит только тщательно наблюдать за всем и за всеми и регулярно доносить о всем слышанном и виденном. «Друзья ФБР» представляют собой своего рода резерв, из которого подбираются джи-мэны.

Одним из первых мероприятий гитлеровской шайки в тот период, когда она находилась еще в «подполье», было формирование банды отборных головорезов для охраны фашистских атаманов и выполнения различного рода «специальных поручений». Эта банда насчитывала вначале всего несколько сот человек, но затем, еще до выхода из «подполья», численность ее достигла уже четырехзначных цифр. Впоследствии члены этой банды убийц были использованы Гиммлером в качестве руко-

---

¹ В отношении численности личного состава ФБР в американской печати приводятся весьма разноречивые сведения. Так, выступая 13 января 1950 г. на заседании подкомиссии комиссии палаты представителей по ассигнованиям, Гувер, глава ФБР, заявил, что ФБР желает расширить свой штат с 9 873 человек до 10 550 человек.

водящего состава для грандиозной системы гестапо и многочисленных эсэсовских дивизий.

В период фашизации США джи-мэны, пожалуй, еще более солидная опора фашизма, чем проклятой памяти немецкие гестаповцы и эсэсовцы. Те не имели такой «высоко научной» подготовки и не были столь тщательно отобраны. Но цель, преследуемая в данном случае главой джи-мэнов Эдгаром Гувером, аналогична задаче, ставившейся Генрихом Гиммлером: создать легион палачей и ищеек, с помощью которого установить в стране режим жесточайшего террора и шпионажа.

ЗАМЫСЛЫ ГИММЛЕРА ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ГУВЕР

«Полицейская мысль» крупнейших капиталистических стран долгое время билась над разрешением проблемы учета лиц, враждебных господствующему строю, методов их быстрого розыска и безошибочного опознавания. Эта задача была центральной для политического сыска, и считалось, что с ее решением борьба с «красной» получит свою законченную организацию. Она была «навязчивой идеей» пинкертонов всех времен.

Досье¹ явилось первым шагом в деле усовершенствования полицейской техники учета и розыска. На помощь досье вскоре пришла фотография и затем система опознавания с помощью антропометрических измерений, придуманная Альфонсом Бертильоном. Но все это было далеко от того, к чему стремились полиции всех стран. Ошибки в классификации данных по системе Бертильона часто приводили к большой путанице. Бывали случаи, что данные обмера и общие данные относительно двух разных лиц оказывались совершенно идентичными.

Дактилоскопия — новая система опознавания по отпечаткам пальцев — быстро нашла свое признание у «теоретиков» и практиков сыска, но, вопреки полицейским чаяниям, получила вначале ограниченное применение. При всей заманчивости распространить ее на объекты политического розыска это оказалось невозможным. Под давлением общественного мнения законодательство бур-

---

¹ Досье — по-французски — совокупность данных и документов, относящихся к какому-либо вопросу или лицу.

жуазных стран допустило использование дактилоскопии только в отношении уголовных преступников.

В США система опознания по отпечаткам пальцев впервые была принята нью-йоркской тюрьмой Синг-Синг в 1903 году. В 1904 году министерство юстиции США организовало бюро дактилоскопии и затем установило правила систематического обмена отпечатками пальцев между тюрьмами и полицейскими управлениями по всей стране. Таким образом, в США была создана единая система дактилоскопии. Хотя официально речь шла об использовании ее только для установления личности уголовных преступников, но отпечатки пальцев брались и у политических заключенных.

Когда Гувер появился в Федеральном бюро расследований, система учета, розыска и опознания была подвергнута коренной реорганизации. Он усовершенствовал и стандартизировал ее, широко используя для этой цели возможности американской техники. На смену пухлому досье и десяткам шкафов пришли картотека и механизированные методы пользования ее содержанием.

Во время «великой красной паники» в 1919—1920 годах Гувер взял на учет и завел персональные карточки на 500 тысяч американцев, заподозренных в «радикализме» и «опасных мыслях». Это было первое «достижение» Гувера в намеченной им обширной программе «научной» постановки борьбы с прогрессом. Много позже журнал «Нью рипаблик» по этому поводу писал: «В тот мрачный период Гувер составил список в полмиллиона лиц, попавших под подозрение, как опасные, из-за своих ультра-радикальных экономических или политических воззрений или деятельности. На каждые 60 семей, проживавших в Соединенных Штатах, приходился один, внесенный в список... Гувер на 14 лет опередил Генриха Гиммлера...»

С тех пор созданная Гувером картотека стала с каждым годом дополняться сотнями тысяч имен. Гувер настолько увлекся, что занес в свои «черные списки» даже генерального прокурора США Харлана Фиска Стоуна, формально утвердившего его назначение в 1924 году директором ФБР (впоследствии Стоун был назначен главным судьей Верховного суда). На учет

был взят и член Верховного суда Феликс Франкфуртер, выступавший против инсценировки скандального судебного процесса против Сакко и Ванцетти.

Перед началом второй мировой войны Гувер поставил перед собой задачу охватить секретным учетом всех без исключения прогрессивно мыслящих американцев. Была проведена огромная работа, в которой приняли участие все филиалы ФБР. В результате ее, занесенными на карточки, оказалось несколько миллионов человек. Хотя эта «работа» была осуществлена в глубокой тайне, все-таки о ней стало известно. Опасаясь возбуждения общественного мнения, Гувер через свою агентуру стал под «большим секретом» распространять слухи о том, что «Индекс общественной безопасности» (как именуется эта секретная картотека) составлен с целью взять на учет фашистскую агентуру в Соединенных Штатах. Обстановка военного времени помогла Гуверу спрятать концы в воду.

Но то, что Гуверу казалось крупнейшим достижением в начале войны, совершенно перестало удовлетворять его по ее окончании. Результаты аналогичной работы, проделанной Гиммлером в Германии, и, главное, цель, которой он задался, лишили его спокойствия. Известно, что нацистский обер-шпик вознамерился не только установить и взять на учет всех «неблагонадежных» в Германии, но завести «дело» вообще на каждого взрослого ее жителя. Только разгром гитлеровской военной машины помешал осуществить эту бредовую затею.

Американский маньяк от сыска решил реализовать дикий эксперимент Гиммлера в Соединенных Штатах. Об усилиях Гувера в этом направлении можно судить по сообщению газеты «Нью-Йорк таймс», указывавшей не так давно, что картотека ФБР, повидимому, насчитывает уже 72 миллиона персональных карточек.

Немалых «успехов» добился Гувер также в области системы опознания, являющейся составной частью «Индекса общественной безопасности».

Среди аксессуаров американских «свобод» одно из первых мест занимает формальное отсутствие в США паспортной системы и системы прописки.

Но на самом деле в США еще в середине двадцатых годов начали вводить самую утонченную систему

паспортизации населения с помощью дактилоскопии. Каждый человек носит на кончиках своих пальцев собственную подпись, неповторимую и принадлежащую только ему одному. Вот эти самые подписи, по инициативе Гувера, и начали отбирать у каждого американца, как обязательное приложение к его персональной карточке в «Индексе общественной безопасности».

Джон Рокфеллер-младший был одним из первых американцев, давшим отпечатки своих пальцев Федеральному бюро расследований. Этот пропагандистский трюк был предназначен специально для того, чтобы показать, что в этом акте якобы нет ничего оскорбляющего достоинство человека.

Так задолго до Гиммлера Гувер, отбросив условности, нарушил закон, принятый всеми цивилизованными странами, о том, что снимать отпечатки пальцев разрешается только у преступников. В составе ФБР он создал отдел гражданской дактилоскопии. Перед войной в государственном дактилоскопическом каталоге США имелось уже 11 миллионов карточек с отпечатками пальцев американских граждан. Для сбора отпечатков ФБР широко использовало «частную инициативу». Этим делом занялись не только детективные агентства, но даже частные благотворительные организации.

В 1935 году детективное агентство под названием «Американское конфиденциальное бюро», руководимое неким Чарльзом Хэнсеном, стало открыто рекламировать это нововведение в практике частного сыска. Предложение предпринимателям своих услуг по линии дактилоскопии Хэнсен тоже замаскировал задачей «борьбы с преступностью». Хэнсен написал и широко распространял брошюру, озаглавленную «Рука преступника».

«Предприниматели слишком считаются с внешним впечатлением», — писал он в ней. Эту ошибку берется исправить его бюро. Он предлагал владельцам предприятий брать у всех рабочих дактилоскопические снимки. Полученные отпечатки пальцев сравниваются с теми, которые хранятся в архивах бюро (из этого явствует, что бюро Хэнсена уже многие годы занималось собиранием отпечатков). Если рабочий уволен с завода за какой-либо проступок, а у бюро есть его дактилоскопический снимок, он никогда уже не сможет поступить на работу к пред-

принимателям, пользующимся услугами этого бюро. «Человек может переменить фамилию, но не отпечатки пальцев», — указывал в своей брошюре Хэнсен, предлагая составить в США общую картотеку «неблагонадежных» рабочих.

Предвоенную и военную обстановку Гувер использовал для осуществления этого мероприятия. С этой целью была развернута гигантская кампания по «добровольной» регистрации отпечатков пальцев гражданского населения. Для некоторых категорий населения это стало обязательным, а именно: для государственных служащих, всего состава вооруженных сил, рабочих и служащих предприятий, выполняющих военные заказы, и для лиц, подпадающих под действие закона о регистрации иностранцев.

Согласно закону о регистрации иностранцев, подлежали взятию на специальный учет с отображением у них отпечатков пальцев как все иностранцы, проживающие в США, так и приезжающие туда хотя бы на самый короткий срок. С тех пор этой процедуре подвергаются команды всех без исключения судов торгового флота, прибывающих в Америку.

Кроме того, отпечатки пальцев стали отбираться у всех американцев, как временно выезжающих за границу, так и проживающих там постоянно.

К окончанию второй мировой войны государственный дактилоскопический каталог располагал 70 миллионами отпечатков. (В дни войны в ФБР ежедневно поступало в среднем около 100 тысяч отпечатков.) В 1947 году в каталоге было 103 миллиона карточек, в том числе сдали отпечатки пальцев 23 500 тысяч военнослужащих (в том числе бывших) и 5 500 тысяч зарегистрированных иностранцев. Фактически почти каждый взрослый житель США к 1947 году оказался зарегистрированным в Федеральном бюро расследований. Таким образом, предложение представителя реакционной организации «Американский легион» О'Нейля, требовавшего в марте 1947 года на заседании комиссии по расследованию антиамериканской деятельности «установления всеобщего сбора отпечатков пальцев, оказалось явно запоздалым. По имеющимся данным, в США насчитывается 93 миллиона человек в возрасте от 21 года и старше.

Дело уже идет к тому, что в распоряжении ФБР будет находиться не только дактилоскопический снимок, но и обстоятельнейшее дело на любого американца. В тот момент, когда беспрестанно сокращающийся разрыв между объемом данных государственного дактилоскопического каталога и «Индекса общественной безопасности» будет ликвидирован, Гувер достигнет в Америке цели, которой добивался Гиммлер в Германии. Каждый американец, подобно уголовнику-рецидивисту, будет наконец-то взят им на специальный учет!

Все дело учета и опознания сосредоточено в управлении по установлению личности ФБР. К каждому снимку «неблагонадежных пальцев» в государственном дактилоскопическом каталоге прикреплена небольшая красная наклейка. Такая же красная наклейка прикрепляется к персональной карточке владельца этих пальцев в картотеке «Индекса общественной безопасности». При отыскании нужных отпечатков пальцев и индексной карточки красная наклейка играет роль сигнала.

Все это грандиозное мероприятие по сбору дактилоскопических снимков и составлению персональных дел изображается как направленное против преступных элементов. По Гуверу выходит, что каждый американец, если не является преступником сегодня, то станет таковым завтра!

Но как ни пытаются американские гестаповцы маскировать свою деятельность, истина проскальзывает даже в писаниях их прямой агентуры. «Еще в годы депрессии, — пишет Коллинз, — карточки с отпечатками пальцев, которые ФБР получало от многих частных благотворительных организаций, давали возможность предвидеть, какое положение создастся в случае возникновения в стране чрезвычайной обстановки». Затем Коллинз описывает, как применялась дактилоскопия в связи с оказанием «помощи нуждающимся американцам» в годы мирового экономического кризиса. Помощь получали лишь те из них, кто считался «благонадежным». По словам Коллинза, среди обратившихся за помощью в благотворительные организации по отпечаткам пальцев было выявлено много лиц, известных ФБР как «уголовные преступники». Далее он пишет, что во время войны на предприятиях одного концерна было

при помощи дактилоскопии установлено наличие свыше одной трети рабочих, устроившихся под вымышленными фамилиями. «Нетрудно представить себе, — заявляет Коллинз, — какую угрозу таит в себе такое положение. Если вы не знаете настоящих фамилий и биографий рабочих фабрики, вы и не можете сказать, сколько поджигателей, шпионов и вредителей скрывается под ее крышей».

Кто поверит этому мошеннику пера, что гангстеры являлись в благотворительные общества для того, чтобы получить мизерное пособие в несколько долларов, тарелку супа, или поступали в качестве рабочих на заводы! Не гангстеры, а передовые рабочие выявлялись ФБР в случаях, описанных Коллинзом, с целью лишить их помощи или уволить с работы.

Флоэрти, напарник Коллинза, проговаривается об этом в своей книге «Внутри ФБР», рассказывая о неудавшейся попытке одного американца поступить на службу в военно-морскую базу Сан-Диего. По отпечаткам пальцев было установлено, что он сидел в тюрьме по обвинению в «революционном синдикализме» (т. е. за участие в левой рабочей организации). Конечно, этот американец не был принят на работу.

У лжи, как говорится, короткие ноги! Никаким вымыслом Гуверу и его банде не скрыть того обстоятельства, что государственный дактилоскопический каталог и «Индекс общественной безопасности» служат им оружием в борьбе с рабочим и прогрессивным движением в стране.

Гувер развил деятельность и за пределами своей страны. В период 1937—1939 годов Федеральное бюро расследований создало на территории Латинской Америки шпионско-диверсионную сеть, которая проникла во все поры правительственного аппарата, политических партий и экономики латино-американских стран. Именно с помощью гуверовской агентуры организуются в странах Латинской Америки перевороты, провокации, подрывные действия.

С конца 1945 года, в связи с новым законом о координации федеральной разведывательной деятельности за рубежом, заграничная «деятельность» ведомства Гувера значительно сокращается. В 1947 году ФБР ликвидировало свою агентурную сеть в Латинской Америке, со-

зданную во время войны «для борьбы с японо-немецким шпионажем». Но и после этого Гувер сохранил право иметь свою «инспектуру» в каждой из стран Латинской Америки. В задачу этой инспектуры входит «содействие» местным полицейским органам в борьбе с рабочим и демократическим движением. Таким образом, гуверовские джи-мэны играют роль наставников и организаторов политического сыска в опекаемой американским империализмом Латинской Америке.

В последнее время Гувер взял под свою «опеку» полицию Турции в целях обучения ее аппарата «американским методам». Так, по сообщению корреспондента агентства Рейтер из Стамбула 12 июля туда прибыли семь агентов ФБР для работы в турецкой полиции.

На Федеральное бюро расследований возложена в настоящее время организация так называемой «службы безопасности» (попросту — шпионской слежки) в дипломатических и иных представительствах Соединенных Штатов за границей.

Дух полицейщины и сыска царит в нынешней Америке безраздельно. Ни одна страна, ни один народ не знают такого количества шпионов, не подвергаются столь всеобъемлющему соглядатайству, как американцы. Монополии создали усилиями Гувера полицейское государство в полном смысле этого слова.

Гувер создал в Соединенных Штатах разветвленную систему сыска, которая порождает атмосферу террора. Рекламируя «всемогущество» Федерального бюро расследований и «великие таланты» его агентов, Гувер стремится запугать рядового американца. Цель системы сыска, созданной Гувером, — подавить всякое подобие мысли, сделать народ безвольным и послушным орудием империалистических авантюр, затеваемых во имя мирового господства американских монополий. Гувер и его ведомство все делают для того, чтобы создать в современной Америке атмосферу страха и террора. К их услугам в этом направлении печать и радио монополий.

Широко пользуясь опытом гитлеровской шпионско-террористической системы, Гувер не учитывает, однако, самого главного в этом опыте: полного и катастрофического провала гитлеровско-гимmlеровской своры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ШПИОНЫ И ДИВЕРСАНТЫ ПОД ВЫСОКОЙ ЗАЩИТОЙ

НАРОД БЫЛ ОБМАНУТ

К середине 1938 года Соединенные Штаты оказались перед серьезной угрозой. До крайности обнаглевшие агенты Гитлера откровенно проповедовали в стране идеи фашизма и расовой ненависти, вели прогитлеровскую пропаганду и раскидывали свои шпионские сети. Вражеская агентура, орудовавшая почти открыто, не встречала никакого противодействия.

«В настоящее время, — писал тогда один американский публицист, — в Соединенных Штатах не существует ни одной государственной организации, обладающей соответствующим руководством и достаточно опытными сотрудниками, которой можно было бы поручить эффективное проведение огромной контрразведывательной работы, имеющей жизненное значение для безопасности США».

7 октября 1938 года на приеме представителей печати в своей летней резиденции в Гайд-Парке президент Рузвельт заявил о необходимости укрепить контрразведку, чтобы тем самым защитить государственные тайны от покушений иностранных секретных агентов. Правительство США, указал он, намерено улучшить и расширить контрразведывательные органы армии и флота, а также работу Федерального бюро расследований и соответствующих служб государственного департамента и министерства финансов США.

До того времени контрразведывательные функции

ФБР ограничивались лишь установлением фактов подрывной деятельности отдельных фашистских агентов, и только. Никакой самостоятельной инициативы в расследовании этой деятельности и, тем более, в пресечении ее ФБР не проявляло.

В 1936 году, в связи с разоблачением и осуждением японского шпиона Томпсона, ФБР официально заявило, что по своей инициативе оно «не занимается специально шпионскими делами», а ведет их «только по просьбе различных заинтересованных ведомств, которые в каждом отдельном случае просят о помощи».

ФБР не пользовалось даже правом самостоятельно производить аресты лиц, подозреваемых в подрывной фашистской активности. В случае, если возникала необходимость в аресте какого-либо фашистского агента, дело передавалось для разрешения местным полицейским властям и «замораживалось».

Такое положение являлось следствием определенной политики американской реакции. И неудивительно, что в подобных условиях фашистская агентура в США действовала почти безнаказанно, а шпионаж и диверсии достигли огромных размеров. Перед войной агентура фашистских агрессоров действовала с исключительной активностью во многих государствах мира, но столь благоприятными условиями, как в США, она могла похвастать разве еще только во Франции.

Рузвельт потребовал, чтобы ФБР перестало быть молчаливым наблюдателем разгула нацистских бандитов и повело с ними борьбу. Согласно приказу Рузвельта от 5 сентября 1939 года, ФБР было поручено сосредоточить в своих руках ведение и расследование всех дел о подрывной деятельности агентуры фашистских разведок в Соединенных Штатах. Контрразведывательные органы армии и флота и различных гражданских ведомств обязаны были координировать проводимую ими работу с Федеральным бюро расследований. Этим же приказом всем органам предлагалось оказывать ФБР всемерное содействие.

По указанию Рузвельта начали осуществляться разные мероприятия по перестройке контрразведывательной системы США. В частности, значительное число работников военной и морской разведок, а также командного со-

става полиции прошло в школах ФБР специальную переподготовку. При многих полицейских управлениях были учреждены контрразведывательные отделения. Были отпущены крупные ассигнования¹ на нужды органов, ведавших борьбой с фашистской агентурой.

По инициативе Рузвельта было установлено (по линии контрразведки) тесное сотрудничество со всеми странами Латинской Америки. Согласно секретным статьям Гаванского акта 1940 года, предусматривался постоянный обмен между американскими странами контрразведывательной информацией и организация ими совместных мероприятий по борьбе с подрывной деятельностью гитлеровцев. Был также установлен контакт и обмен сведениями с английской контрразведкой. С этой целью заместитель директора ФБР Хью Клегг, возглавлявший «Управление по расследованию дел о государственной безопасности», в начале 1941 года был командирован в Лондон вместе с большой группой агентов.

Разумеется, что в этих условиях был вынужден проявить некоторую «активность» и сам Эдгар Гувер. Подводя итоги проделанной по требованию президента работы, Гувер в 1940 году выступил с ширококвещательным заявлением о том, что «сегодня ФБР и разведывательные службы армии и флота действуют, как одно целое».

Было бы неверным утверждать, что Гувер ограничился лишь словами и показными действиями. Он использовал все предоставленные ему возможности для создания единой системы контрразведки, но для какой цели? Созданная им гигантская машина для борьбы с пятой колонной заработала вхолостую... Гувер и его сподвижники систематически вводили в заблуждение американский народ массой ширококвещательных деклараций о мнимых достижениях возглавляемой ими системы.

---

¹ Весьма показательно, что в то время, как в послевоенные годы Гуверу нехватает отпускаемых ему на нужды ФБР средств, — в такой ответственный период, как октябрь 1939 — июль 1941 годов (период подготовки к войне с державами оси), он «не мог» использовать выделенных ФБР денежных средств. Так, за 26 месяцев, предшествовавших войне с Японией, ФБР израсходовало лишь 26 миллионов долларов из 35 миллионов, ассигнованных по бюджету на этот срок.

КАК ГУВЕР «БОРОЛСЯ» С ФАШИСТСКОЙ ПЯТОЙ КОЛОННОЙ

В то самое время, когда осуществлялись вышеупомянутые мероприятия Рузвельта, один американский публицист издал книгу о происках фашистских разведок в Америке. В ней он, между прочим, писал: «Любая система американской контрразведки, которая будет создана, несомненно должна развивать свою особую «американскую» технику и методы. Американцы не склонны к подражанию хотя бы самым образцовым иностранным контрразведывательным организациям».

Этот американец не ошибся. В борьбе с подрывной деятельностью нацистов и японских милитаристов ФБР, действительно, применяло свою особую тактику. В скором времени (это было в 1939 году) Гувер выступил с своего рода программным заявлением по этому вопросу. «Действительной мерой успешной борьбы со шпионажем, и это наша задача, — заявил он, — является не арест шпионов, а установление их местонахождения, определение его связей, а затем обезвреживание источников его информации».

Чтобы описать даже в общей форме «успехи» ФБР в «борьбе» с фашистским шпионажем и диверсиями, потребовалось бы несколько объемистых томов. В нашем очерке мы остановимся лишь на нескольких наиболее показательных фактах.

Повторяем: к 1940—1941 годам ФБР располагало всеми необходимыми данными для подлинно успешной реализации поставленной перед ним задачи борьбы с агентурой держав «оси». По словам Курта Рисса, в его книге «Тотальный шпионаж», «в распоряжении Гувера находилась армия в 150 тысяч агентов»¹. Деятельность этой «контрразведывательной армии» опиралась на достаточно мощную материальную и техническую базу.

Свой первый «удар» гитлеровской разведке Гувер нанес в 1939 году. 26 февраля этого года он сообщил корреспондентам печати в Вашингтоне, что его агенты одержали знаменательную победу, «уничтожив» крупнейшую германскую шпионскую организацию. Как писал

---

¹ Рисс, видимо, указывает общую численность контрразведывательной агентуры, находившейся в распоряжении Гувера, а не только штатный состав ФБР.

немного позже один американский журналист, «многие германские тайные агенты, прочтя это сообщение в газетах, удивлялись, как это они остались на свободе, когда германский шпионаж «уничтожен» одним ударом». Генеральный прокурор Гомер Кэммингс объявил Гуверу выговор за эту его «опробетчивость». Но было уже поздно публиковать официальное опровержение, так как большинство лиц, подозревавшихся по этому делу в шпионаже, поспешило сесть на первый пароход, отплывающий в Германию, или же удрало в Мексику и Канаду. Так, по данным американской печати, началась деятельность Гувера на поприще «борьбы» с нацистской агентурой.

Речь шла о шпионской группе «18», руководимой крупным гитлеровским агентом Игнацом Гриблем. Ее разоблачение началось с ареста Гунтера Румриха, бывшего офицера американской армии, служившего в Панаме и на Гавайях. Обнаруженные у Румриха шпионские материалы и данные им показания позволили агентам ФБР установить других участников группы. Но тут начались вещи, на первый взгляд, совершенно непонятные.

При аресте у Румриха нашли спичечную коробку, в одной из стенок которой был ловко спрятан ключ от шифра. Когда джи-мэны, действуя на основе показаний Румриха, отправились в контору доктора Грибля, то при обыске обнаружили у него, кроме других компрометирующих улик, точно такую же спичечную коробку, с тем же ключом. Однако Грибль был оставлен на свободе. Затем гуверовские агенты задержали на борту отплывающего в Германию парохода другого члена организации, некоего Лонковского, который принес для передачи связнику различные материалы, спрятанные в скрипичный футляр. Футляр с его содержимым был отобран, а самого Лонковского отпустили. Так же благополучно пребывали на свободе и другие участники шпионской группы, продолжавшие вести подрывную работу.

Гитлеровские шпионы были настолько уверены в своей безопасности, что не боялись даже появляться в качестве «свидетелей» по делу Румриха в кабинете следователя ФБР. Они вовсе не спешили покинуть берега гостеприимной Америки, вопреки тому, что писала по

этому поводу американская печать. Так, много позже после упомянутого интервью Гувера крупный участник шпионской группы Вернер Гуденберг дважды (24 и 25 мая) вызывался для дачи «свидетельских показаний». Неоднократно вызывался следователем и сам главарь организации Грибль.

Впоследствии один из журналистов, наблюдавший за ходом этого дела, писал: «Грибль и Гуденберг оказались такими «хорошими» свидетелями, что их совершенно не охраняли. За ними не была установлена слежка, их не посадили в тюрьму и не взяли с них денежный налог, как делается обычно со свидетелями в простейших уголовных делах, и это в то время, когда уже было собрано достаточно доказательств того, что Грибль и Гуденберг занимают руководящие должности в фашистском аппарате шпионажа».

Грибль, Гуденберг, Лонковский и другие шпионы бесследно исчезли один за другим, когда сочли это необходимым. Например, Грибль спокойно отбыл в Германию на пароходе «Бремен» 10 мая. Затем, после очередных «свидетельских показаний», исчез Гуденберг. Сухой язык полуофициального заявления гласил, что эти два нацистских шпиона «ускользнули» от правительственных агентов. За период агентурной разработки и предварительного следствия из 18 участников названной шпионской группы 14 человек скрылось, и только четверо предстали перед судом.

Уже в результате разоблачения организации Грибля американская общественность узнала, что осведомленность германской разведки о вооруженных силах США и военной экономике носила исключительно исчерпывающий характер. Материалы, публиковавшиеся в печати, показали, с какой легкостью проникала вражеская агентура в важнейшие оборонные предприятия и учреждения США. Последние были наводнены нацистскими шпионами. Арестованные шпионы нагло хвастали знанием самых сокровенных тайн военного и морского министерств. Им удалось заполучить сведения о новейших военных изобретениях; уже в процессе проектирования чертежи новостроящихся линкоров, стали известны гитлеровской разведке через ее агентуру в проектной фирме.

Немецким шпионам удалось проникнуть даже в Белый дом. Пробравшаяся туда под видом сестры милосердия некая Кэтти Буш доставляла нацистам весьма ценную информацию. Через несколько часов после одного секретного совещания президента с морскими конструкторами подробности этого совещания стали известны германской морской разведке.

После таких сенсационных разоблачений, свидетельствовавших о полной бездеятельности ФБР в борьбе с фашистской агентурой, Гувер понял, что для сохранения престижа ему необходимо что-либо предпринять. Этим «что-либо» явилась ликвидация в 1941 году шпионских организаций Дюкена и Людвига. Но было бы наивным полагать, что Гувер действительно начал громить и выкорчевывать фашистские гнезда в США. Ликвидация этих двух групп, в связи с чем, по адресу Гувера и ФБР расточалось много комплиментов, имели к ФБР лишь случайное отношение.

Заслуга разоблачения шпионской организации Дюкена, состоявшей из 33 человек, принадлежит американцу Вильяму Себольду. Когда Себольда во время его пребывания в Германии пыталось завербовать гестапо, он поставил об этом в известность консульство США в Кельне и попросил соответствующих указаний. Консульство запросило инструкций от государственного департамента, а тот немедленно связался с ФБР. Гуверу пришлось привлечь Себольда к разработке тех лиц, с которыми гестапо предложило ему установить контакт по возвращении в Америку. Гувер использовал это дело для саморекламы. В числе пойманных гитлеровских агентов оказался Дюкен — шпион с 30-летним стажем, приобретший известность на этом поприще еще в первую мировую войну.

В деле же Людвига причиной, вызвавшей расследование, явилась небольшая автомобильная авария, жертвой которой стал какой-то «испанец». Обыск, произведенный в номере отеля, где проживал пострадавший, установил его причастность к подрывной деятельности нацистов.

Участниками обеих случайно разоблаченных организаций оказались опытейшие немецкие шпионы. Спрашивается, кого же тогда вносили в знаменитый «Индекс

общественной безопасности», если ФБР было ранее неизвестно, что эти матерые гитлеровцы проживают в США?

Но приведенные факты — «мелочь» по сравнению с другими. В течение двух десятилетий, например, Гувер «не замечал» существования и деятельности крупной нацистской подрывной организации — «Германо-американского союза». Это свое название она приняла в 1936 году, а фактически действовала в Соединенных Штатах с 1923 года под самыми различными наименованиями. К началу второй мировой войны «Германо-американский союз» имел в США 71 отделение, объединявшее 200 тысяч немцев. Примерно 25 тысяч членов союза, отъявленных нацистов, ставших натурализованными американцами, составляли его костяк.

Эта организация являлась главным штабом гитлеровской пятой колонны в Америке; она была связана с германской разведкой, которая ее финансировала и использовала ее членов для выполнения различных подрывных заданий. Кроме того, союз представлял собой крупнейший центр нацистской пропаганды.

Местные отделения союза получали инструкции и работали по указаниям германских консульских представителей: в Бостоне — консула доктора Герберта Шольца, в Нью-Йорке — вице-консула Дрегера, в западных штатах — генерального консула Видемана, в Нью-Орлеане — консула Эдгарда Шпигеля, каждый из которых был одновременно и резидентом гитлеровской разведки в данном районе.

«Германо-американский союз» преспокойно продолжал свою деятельность и после начала войны. С помощью союза германская разведка организовала нелегальную переброску своих агентов в США. Союз обеспечивал им возможность скрываться и действовать, снабжал их фальшивыми документами. Согласно данным, опубликованным ФБР, «Германо-американский союз» помог нелегально прибыть в США в течение 1940—1941 годов, «по крайней мере, 200 крупным нацистским агентам».

«Наиболее фантастическим является тот факт, — пишут Сайерс и Канн в книге «Заговор против мира», вышедшей в США в 1945 году, — что эта обученная

армия нацистских шпионов и пропагандистов продолжала действовать на американской территории в течение семи месяцев после того, как нацистская Германия официально объявила войну Соединенным Штатам». Только в июле 1942 года, наконец, было принято решение об аресте 29 главных руководителей союза и нескольких сот из многих тысяч его активных членов. После этого союз формально прекратил свое существование, но в действительности ушел в подполье, где его деятельность не прекращалась на протяжении всей войны.

Огромное число гитлеровских шпионов и диверсантов оставалось на свободе в течение всей войны. Некоторые из них на четвертый год войны даже давали... интервью представителям американской печати. Речь идет о видном гитлеровце Гомере Мерце, у которого в ноябре 1944 года в Чикаго брал интервью Гарри Уол, репортер издающейся в Сан-Луи газеты «Стар таймс».

В свое время Мерц действовал как связник между «Германо-американским союзом» и «Серебряными рубашками» — американской фашистской организацией. В 1939 году он организовал в Чикаго филиал «Серебряных рубашек». Созданная им банда развила бешеную террористическую и пропагандистскую деятельность: устраивались демонстрации и еврейские погромы. Разгул бандитов был неописуем, и Мерца пришлось арестовать. 29 декабря 1939 года он был приговорен к десяти годам тюрьмы. В конце 1940 года Мерц снова очутился на свободе, и в Чикаго тотчас же возникла новая нацистская пропагандистская организация под названием «Пайонир нью эйдженс». Осенью 1941 года при обыске в квартире Мерца было найдено большое количество различной фашистской литературы. Однако Мерц и после этого остался на свободе.

В своем интервью репортеру «Стар таймс» Мерц заявил, что нацистское движение в Соединенных Штатах «отчасти ушло в подполье во время войны, но оно развернется с новой разительной силой по окончании военных действий». «Мы вынуждены теперь уйти в подполье, — сказал Мерц, — но наша деятельность никогда не прекратится. Мы теперь выравниваем свои ряды... Вы не сможете нас называть фашистами или нацистами после войны. Когда придет время, большие люди проявят

себя как лидеры. Некоторые из них являются крупными дельцами и промышленниками».

Подобных мерцев в США в годы войны были многие тысячи, и никто из них не может пожаловаться на неблагоприятное к нему отношение со стороны Гувера и его джи-мэнов. Если их и арестовывали, то ненадолго; если даже и осуждали, то скоро миловали: ведь надо было что-то делать для успокоения общественного мнения!

К тому времени, когда Гувер был, наконец, уже во всеоружии для борьбы с фашистской агентурой (как об этом можно было судить по его заявлениям), в США загремели взрывы. Нацисты перешли от слов к делу, от шпионажа к диверсиям.

Если обратиться к ширококвещательным рекламным заявлениям Гувера, то чего только не было сделано ФБР для предотвращения диверсионной деятельности противника. Так, подверглось обследованию около 2 500 предприятий, имеющих военное значение; после этого была разработана система необходимых мероприятий по их охране. Была создана специальная полиция по охране военной промышленности.

Однако только за четыре последних месяца 1940 года нацистская агентура организовала 18 крупных диверсионных актов, причем в результате некоторых из них были значительные человеческие жертвы. В шести случаях вышли из строя крупные оборонные предприятия: 12 сентября 1940 года в Кенвиле (штат Нью-Джерси) взлетел на воздух пороховой завод, было разрушено 20 зданий, убито 52 и ранено около 100 человек; 12 ноября взрывом были разрушены два завода компании «Юнайтед Райлвей», находящиеся в городе Вудбридже; в городе Ньюкасл взорвались пороховые заводы Американской химической корпорации и уничтожен рабочий поселок Эдинбург; 17 ноября взрыв разрушил в Бриджвилле, близ Питтсбурга, половину завода, принадлежащего Американской химической корпорации; 20 ноября взлетел на воздух авиационный завод; 22 ноября в городе Эльдorado взрыв разрушил большой нефтеочистительный завод компании «Лайон ойл рефайнери»; 28 ноября был взорван завод компании Дюпон в городе Такома. При этом следует отметить, что предпринима-

тели не терпели от этих подрывных действий никакого ущерба: они получали от государства крупные страховые премии.

В 1940 году в здании военного министерства неоднократно возникали пожары. Был такой день, например, когда в здании сразу вспыхнуло восемь пожаров. Особенно крупным был пожар, возникший 30 октября. В результате пожара было повреждено помещение корпуса связи, откуда отправлялись зашифрованные телеграммы. Во время пожара пострадали документы, принадлежавшие военной разведке.

1941 год ознаменовался еще более серьезными диверсиями: 10 января на пристани в Бруклине сгорел английский транспорт «Черная цапля», на борту которого находилось большое количество бомбардировщиков марки «Дуглас»; спустя десять дней вспыхнули пожары в двух флигелях здания морского министерства. 30 марта власти США реквизировали 30 судов, принадлежавших странам «оси» и находившихся в американских портах. После реквизиции судов 27 из 30 были выведены из строя в результате диверсий. Вслед за этим в порту Нью-Джерси произошел грандиозный пожар, уничтоживший склады, доки, продовольствие и товары на общую сумму в 25 миллионов долларов.

В течение 1941 года, согласно данным, опубликованным «Хартфордской страховой компанией», в результате диверсий, вредительства и саботажа был нанесен ущерб, который выражался цифрой в полтора миллиарда человеко-часов. Тысячи рабочих погибли во время катастроф. Потерянное по причине подрывной работы фашистских разведок рабочее время могло дать США 15 линкоров, 5 тысяч тяжелых бомбардировщиков, 65 тысяч легких танков!

9 февраля 1942 года гигантский пароход «Нормандия» водоизмещением свыше 80 тысяч тонн, превращенный во вспомогательное судно военно-морского флота, в течение одного часа превратился в огромный пылающий костер. За 27 дней до пожара на «Нормандии» Рузвельт дал специальное указание генеральному прокурору о том, чтобы ФБР уделило особое внимание предотвращению диверсий и вредительства во флоте.

После пожара образованная ФБР комиссия для рас-

следования катастрофы «установила», что «причиной пожара является небрежность и отсутствие должного наблюдения». Согласно выводам комиссии, «виновным в данном случае является морское министерство, принявшее корабль в свое ведение и тем самым взявшее на себя всю ответственность за его сохранность». Комиссия морского суда, также производившая расследование, нашла, что ответственность за пожар несет судоремонтная компания «Роббинс», осуществлявшая переоборудование «Нормандии» в военный транспорт. Наконец, третья комиссия, выделенная сенатом, указала, что «предъявить обвинение какому-либо конкретному лицу или группе лиц нет возможности». Вместе с тем указывалось, что в катастрофе повинно пожарное управление города Нью-Йорка, так как во время тушения пожара на корабле не оказалось необходимого оборудования. Однако в заключение сенатская комиссия вскользь указала: «Возможности для вредительства или любого злоумышленного действия на «Нормандии» были неограниченными».

На следующий день газета «П. М.» опубликовала рассказ своего репортера Скотта, занимавшегося, по поручению редакции, выяснением возможности вредительских действий в нью-йоркском порту. Под видом портового грузчика Скотт свободно проникал в доки и затем устраивался рабочим на «Нормандию». Проработав два дня, Скотт пришел к убеждению, что организовать на «Нормандии» любую диверсию «было пустяковым делом». Редакция «П. М.» немедленно сообщила результаты обследования Скотта руководителю отдела по борьбе с диверсией и вредительством Управления государственной безопасности ФБР. Это ответственное лицо, как сообщала редакция «П. М.», не придавало значения сообщенным ему сведениям. Все это произошло спустя два месяца после Пирл-Харбора и за несколько дней до пожара на «Нормандии».

В то время как различные комиссии изощрялись в поисках наиболее эластичных определений причин возникновения пожара на «Нормандии», один из членов палаты представителей публично бросил обвинение некоему Вильяму Дрекселю в том, что он доверил охрану парохода нацистским агентам. Дрексель, бывший упра-

вляющий «Северо-германского ллойда», создал перед войной фирму под названием «Корпорация океанского обслуживания». Член палаты заявил:

«Дрексель организовал «Корпорацию океанского обслуживания» со специальной целью: отдавать дело охраны кораблей, складов и причалов в нью-йоркском порту в руки своих людей. На «Нормандию» он послал более тридцати нацистских агентов...»

Пожар на «Нормандии» является одним из крупнейших диверсионных актов, организованных гитлеровской разведкой в США в минувшую войну. Эта диверсия была организована гитлеровцами при прямом пособничестве со стороны Федерального бюро расследований.

Десятки крупных диверсий и сотни актов вредительства и саботажа были совершены гитлеровской агентурой в последующие годы войны. Американская печать замалчивала эти факты, но о некоторых из них все-таки стало широко известно. Например, в 1943 году, по сообщению корреспондента агентства «Юнайтед пресс», произошел большой взрыв на авиационно-морской базе в Норфолке (штат Виргиния), причем погибло 17 и было ранено 257 человек. Летом 1944 года у военно-морского склада в Порт-Чикаго (Калифорния) взорвался пароход, груженный боеприпасами. По сообщению агентства «Ассошиэйтед пресс», число убитых составляло не менее 650 человек. Все здания в радиусе одной мили от района взрыва сильно пострадали.

На фоне всех этих данных, рассказывающих лишь о незначительной части ползливой деятельности нацистов в США, наглыми и циничными являются утверждения о том, что в период второй мировой войны Америка благодаря ФБР счастливо избежала диверсионных актов. Явной нелепостью выглядят попытки изобразить все эти страшные катастрофы с множеством человеческих жертв исключительно следствием несоблюдения правил техники безопасности и всякими случайностями. Издевательски звучат выводы многочисленных комиссий по расследованию, старательно обходивших подлинные причины преступлений и их истинных виновников.

Анализ условий, в которых действовали в США гитлеровские шпионы и диверсанты, неопровержимо свидетельствует, что они меньше всего опасались гуверовской

контрразведки. Они «работали» с исключительной самоуверенностью и не обременяли себя применением методов конспирации.

В детективных описаниях походов гитлеровской агентуры в США читателя прежде всего изумляет та беспечность и самонадеянность, с которой она там орудовала. Авторы этой писанины пытаются создать впечатление, что то и другое было следствием тупости и стандарта. Суть вопроса, конечно, не в этом.

Немецко-фашистская разведка строила здесь свою оперативную деятельность, так же как и в любой другой стране, на основе учета местной специфики. «Американские условия» позволяли ей быть «беспечной» и наверняка бить в цель. Разумеется, гитлеровцы широко использовали благоприятную обстановку. Они создали в США гигантскую подрывную организацию—«Германо-американский союз», под «крышей» которого легализовались десятки резидентур и тысячи шпионов и диверсантов. Они организовали, кроме того, десятки всевозможных подсобных и узкоспециальных агентурных групп. Начиная с тридцатых годов, шаг за шагом последовательно осуществлялась программа насаждения фашизма в США.

Перед читателем, естественно, возникает вопрос: как могло случиться, что вся эта систематически проводимая подрывная работа, угрожавшая государственным и национальным интересам США, допускалась системой контрразведки и тайной полиции? Если обратиться к американским источникам, то они (в том числе и работы некоторых прогрессивных публицистов) в немалой степени относят это явление на счет «американской терпимости» и «возможностей, предоставляемых американской демократией». В действительности дело обстояло далеко не так. Америка стала раем для фашистских шпионов и диверсантов вовсе не потому, что в ней господствовали демократические институты, а потому, что такие институты в ней отсутствовали.

Дело в том, что «свобода», предоставлявшаяся американской «демократией», имела и имеет сугубо односторонний характер. Она выражалась и выражается в том, что фашистские элементы имеют возможность открыто вести пропаганду, заниматься шпионажем, под-

готовливать мятежи и устраивать диверсии. Это было следствием определенной политики господствующей в стране монополистической верхушки, профашистской в своем существе. Эдгар Гувер и его подручные в своей практической деятельности и отражают эти тенденции. Поэтому они действовали если не в официальном контакте, то в молчаливом сговоре с врагами США, содействуя дальнейшей фашизации «американской демократии».

ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ПИРЛ-ХАРБОРЕ

Захват Гавайских островов являлся давнишней целью японского империализма. Этой операции отводилось важнейшее место в разработанном японской военной стратегическом плане войны с США. Согласно этому плану, Гавайи, после их оккупации, должны были сыграть роль плацдарма для нападения на территорию США. Поэтому Гавайские острова в течение нескольких десятилетий были районом особо интенсивной деятельности японской разведки.

Надо отметить, что японцы и не скрывали этих своих намерений. В десятках книжонок и многих кинофильмах, посвященных японо-американской войне (что было задолго до ее возникновения), очень часто рассказывалось, как будут захвачены Гавайи. В них фигурировали японцы в роли агентов, выполняющих различные шпионские и диверсионные задания. Например, в 1940 году некий Мацуо Киноаки опубликовал в Токио книгу под названием «Союз трех держав и японо-американская война». В ней имелась глава под названием «Оккупация Гавайских островов Японией и закрытие Панамского канала». Таким образом, нападение на Гавайи не могло быть для правящих кругов США неожиданностью.

В течение последних предвоенных лет в американской печати были опубликованы различные материалы о подрывной работе японцев на Гавайских островах. В статьях и корреспондентской информации приводились факты, иллюстрировавшие ее огромный размах, разносторонний характер и далеко поставленные цели. Прямо указывалось, что японское консульство в Гонолулу представляло собой не что иное, как разведыватель-

ную резидентуру, имевшую в своем распоряжении свыше 200 тайных агентов; рассказывалось о наличии на островах многих тысяч шпионов и диверсантов, маскировавшихся под иммигрантов; описывались всевозможные ухищрения и уловки японской агентуры. Все это с исключительной убедительностью говорило о непрерывно нарастающей угрозе для важнейшего стратегического звена в системе обороны США.

Японская разведка с огромным размахом и наглостью действовала и на самом американском континенте. Тысячи японцев американского происхождения прямо или косвенно обслуживали ее. Сотни агентов импортировались и открыто обосновывались на западном побережье Америки. И здесь, так же как и на Гавайях, японская агентура фактически располагала полной возможностью собирать шпионские сведения, пересылать их в Токио, вести антиамериканскую пропаганду и подготавливать диверсии.

7 декабря 1941 года японские подводные лодки и авиация совершили разбойничье нападение на Пирл-Харбор — крупнейшую американскую военно-морскую базу, расположенную на острове Оаху. Естественно, что хорошо проведенная агентурная подготовка имела решающее значение для успеха нападения на Пирл-Харбор.

Документально доказано, что уже в 1936 году японская разведка располагала копиями многих важнейших чертежей и схем портовых и оборонных сооружений на Гавайях. Они были получены ею от своей агентуры, работавшей в проектно и производственном отделах одной американской фирмы, осуществлявшей строительство этих сооружений. Деятельность каждого американца, служившего на островах, будь то военное или гражданское лицо, находилась под постоянным наблюдением японской агентуры.

Американские власти на Гавайях были достаточно хорошо информированы о подрывной работе японцев, им были известны многие агенты японской разведки. Однако командование вооруженными силами на Гавайских островах в лице генерала Шорта «возражало против ареста подобных лиц, пока они не давали к тому открытого повода, указывая, что такие аресты могут повредить усилиям армии создать дружеские чувства

по отношению к США среди японских резидентов на Гавайях и американских граждан японского происхождения».

Такая политика находила полную поддержку в Вашингтоне, в частности у руководящей верхушки.

Особенно усилилась шпионская деятельность на Гавайях в 1941 году, достигнув наибольшей остроты в период, непосредственно предшествовавший нападению на Пирл-Харбор. Вся обстановка, в условиях которой японцы повторили порт-артурскую диверсию, является наглядным тому подтверждением. По действиям японской авиации можно судить о том, что ее командование располагало абсолютно точными данными о местонахождении оборонительных объектов, аэродромов и крупнейших кораблей американского флота. Японским летчикам были вручены карты, на которых точнейшим образом были нанесены объекты бомбежки.

Японские разведчики, плававшие под видом рыбаков в водах Гавайского района, регулярно занимались изучением состояния дозорной службы на подходах к Пирл-Харбору. От секретной агентуры японскому командованию стало известно, что американцы не вели дальней воздушной разведки и что воздушное патрулирование побережья на острове Оаху не было регулярным. Японцы были также осведомлены о дислокации военно-морских сил США, и поэтому японские корабли не случайно подошли к Пирл-Харбору именно с той стороны, где они не могли натолкнуться на противника.

Обращает внимание и большая четкость во взаимодействии японской агентуры с японской авиацией и флотом, совершившим нападение на Пирл-Харбор. Так, за несколько часов до воздушного налета один японский разведчик выложил на принадлежавшей ему плантации большие и хорошо заметные с воздуха стрелы, которые указывали направление к важнейшим военным объектам. «Взаимодействие пятой колонны с нападающими, — пишет американская журналистка Виолетта Хейвен¹, — было столь эффективным, что японские са-

---

¹ Виолетта Хейвен специально занималась изучением методов подрывной деятельности японской разведки и, в частности, на Гавайских островах. Результаты своей работы она опубликовала

молеты бомбили только те ангары и здания, где находились самолеты и люди. Пустовавшие здания оставались без внимания».

По указанию Рузвельта была создана Объединенная следственная комиссия конгресса по расследованию событий в Пирл-Харборе. Еще в своих предварительных выводах, опубликованных во время войны, комиссия констатировала, что «японские шпионы, находившиеся до 7 декабря 1941 года на острове Оаху, собирали и передавали через различные каналы в Японию информацию о диспозиции военных и военно-морских объектов на острове... С помощью своей разведывательной службы японцы располагали исчерпывающей информацией. Японские летчики обладали подробнейшими картами и курсами». В своих выводах комиссия отметила, что подрывная работа японской агентуры не встречала какого-либо противодействия со стороны американской контрразведки.

Таковы факты.

Нападение японских милитаристов на Пирл-Харбор заставило многих американцев призадуматься над тем, что явилось причиной его успешности. Чтобы американцы не раздумывали над вопросами, могущими привести их к нежелательным для определенных кругов выводам, чтобы подальше увести их от истины, была незамедлительно начата соответствующая «разъяснительная» кампания. Вскоре после событий в Пирл-Харборе херстовская пресса, а затем и специально изданные с этой целью «литературные произведения» стали преподносить американцам «сенсационные» сообщения о «прозорливости» и всевозможных «успехах» гуверовской контрразведки в «борьбе» с японской агентурой.

Среди такого рода публикаций, пожалуй, наибольшее внимание привлекает книга Алана Хинда «Японский шпионаж в Америке»¹. Нарисованная в ней автором картина полностью подтверждает, что США были под-

---

в книге под названием «Японские джентльмены», изданной в Нью-Йорке в 1944 году.

¹ Книжка Хинда была издана в Нью-Йорке издательством «Мак-Брайд и К°» в 1943 году. В русском переводе (сокращ.) она вышла в 1947 году в издании Военного издательства МВС СССР.

линным раем для японских шпионов. Но задача автора именно в том и состоит, чтобы найти этому должное объяснение. А «объяснения» Хинда на первый взгляд несколько своеобразны. Прежде всего, он стремится создать у читателя впечатление, будто американская контрразведка была прекрасно информирована о всех кознях японцев. Федеральное бюро расследований и другие контрразведывательные органы США в изображении автора до предела всеведущи и изобретательны в своей тактике противодействия японской разведке.

Хинд развивает целую «теорию» насчет применения ФБР своих, «чисто американских», методов контрразведывательной работы. Но его «обоснования» пассивности ФБР явно несостоятельны. Вряд ли кто сочтет серьезным утверждения автора о том, что из «стратегических соображений» американская контрразведка конфискует только часть из нескольких сот обнаруженных секретных японских радиостанций, о том, что «некоторые передатчики, как и некоторые шпионы, могли принести больше пользы делу контрразведки, оставаясь на свободе» (годами!).

Совсем смехотворно выглядит следующее «пояснение» Хинда: «По перехваченным сообщениям, расшифрованным в Вашингтоне, можно было установить, какими именно сведениями располагают японские радисты. Если оказывалось, что японцы узнали какой-либо особенно важный военный секрет, то в тот объект, которого касалась информация, вносились существенные изменения, так что в случае войны сведения, полученные в Токио, пошли бы не на пользу, а во вред врагу». Гибель американских линкоров на рейде в Пирл-Харборе — яркая иллюстрация «успеха» такого рода контрразведывательной тактики!

Затем Хинд представляет дело так, что подрывные происки Японии в США не имели бы ни малейшего успеха и своевременно пресекались бы, если бы не... мягкотелость государственного департамента. Государственный департамент якобы воспрепятствовал осуществлению необходимых карательных мер в отношении таких известных японских шпионов, как Миязаки, Коно и Татибана.

Отводя удар от своего подзащитного — Гувера и его

камарильи, Хинд с пафосом «констатирует»: «Если бы американский народ в 1935 году знал то, что знал государственный департамент, если бы ему открыли глаза не только на деятельность капитан-лейтенанта Миязаки, но и на многое другое, общественное мнение могло бы заставить прислушаться к себе».

Так выглядят «объяснения» Хинда по поводу свободы действий, которыми пользовались японские шпионы в США. Из приведенных им «разъяснений» выявляются весьма странные функции некоторых государственных органов США: контрразведка, все видя и все зная, занята лишь фиксацией того, что стало достоянием японских секретных агентов; государственный департамент всячески покровительствует разоблаченным шпионам, а ведомство обороны систематически вносит существенные изменения в объекты, разведанные противником.

Вся деятельность японской разведки в Соединенных Штатах имела своей центральной задачей «обеспечить Пирл-Харбор» — это совершенно очевидно. Что бы ни писал Хинд о японском шпионаже в США, это является лишь попыткой реабилитировать Эдгара Гувера, который, по мнению Хинда, вовсе не несет никакой ответственности за катастрофу в Пирл-Харборе. Хинд пытается свалить всю вину на государственный департамент. Он с деланным возмущением пишет о горящих ушах в государственном департаменте, которые «уже не могли служить достаточным возмездием за предательство в Пирл-Харборе».

Аргументируя газетным фельетоном, опубликованным 24 ноября 1941 года в одной из американских газет, в котором говорилось о том, что японские журналисты в этом году просрочили на два месяца уплату членских взносов в Ассоциацию иностранных журналистов, Хинд восклицает: «Это было предупреждение черным по белому каждому, кто умел читать. Это было предупреждение государственному департаменту за тринадцать дней до 7 декабря!»

Говоря о периоде, предшествовавшем нападению на Пирл-Харбор, Хинду следовало бы упомянуть о действительно сенсационных материалах, опубликованных газетой «Чикаго трибюн». Эта газета, издаваемая трестом, принадлежащим известным реакционерам Маккормику

и Паттерсону, за три дня до событий в Пирл-Харборе опубликовала совершенно секретные сведения о численности армии США и планах организации американского экспедиционного корпуса в Европе. В другом случае маккормиковская газета, в связи с сообщением о морском сражении у острова Мидуэй, опубликовала секретнейший факт о том, что морская разведка США раскрыла японский морской шифр. Спрашивается, как реагировало на эти вопиющие нарушения государственной тайны ФБР, которому по долгу службы надлежало расследовать эти факты и привлечь виновных к ответственности? Никак. Видимо, Гувер и все его джи-мэны не умели тогда читать.

Демонстрируя, так сказать, «независимость» своих суждений, Хинд указывает еще и на других виновников катастрофы в Пирл-Харборе. Это — «манекены в крахмальных воротничках, заседающие в конгрессе». Словом, виновен кто угодно, — лишь бы не Гувер и ФБР, главной обязанностью которых является борьба со шпионажем!

Но в своем стремлении обелить руководителя ФБР Хинд явно перестарался, чего не заметили и его заказчики. Он категорически заявил: «Еще за добрых три года до Пирл-Харбора наши органы знали довольно точно то, что им нужно было знать». В своей предыдущей книге под названием «Паспорт предателя»¹ Хинд высказался еще любопытнее. Рассказывая о документах, найденных в номере одного нью-йоркского отеля (подробные и абсолютно точные данные о вооруженных силах и оборонительных сооружениях на Гавайских островах), принадлежавших одному немецко-японскому шпиону, Хинд писал: «Гувер своевременно передал добытые им сведения соответствующим официальным лицам, и если бы эти люди действовали, как повелевал их гражданский долг, катастрофу при Пирл-Харборе можно было бы предотвратить».

Следовательно, раз Гувер все знал — значит он сознательно допустил катастрофу при Пирл-Харборе. Мало того, что он сам при этом не выполнил своего граж-

---

¹ В русском переводе эта книга издана Военным издательством МВС СССР в 1946 году.

данского и служебного долга, — он еще укрыл от суда тех лиц, которые, получив от него информацию важнейшего значения, не приняли мер к ее использованию. Только такой вывод может сделать из всех писаний Хинда каждый здравомыслящий человек.

Мы вовсе не занимались бы разбором этой грубой и глупой стряпни, если бы она была только шпионско-приключенческим детективом. Но дело в том, что она служит серьезным целям большой политики — политики, которая получила свое дальнейшее развитие по окончании войны.

На протяжении всего предвоенного периода правящие круги Уолл-стрита и американского империализма поддерживали фашистскую Германию и милитаристскую Японию. «Золотой дождь» американских кредитов дал Германии возможность оправиться после войны 1914—1918 годов и создать мощную военную машину. Симпатии Уолл-стрита были всецело на стороне гитлеровской Германии и в первые месяцы новой войны в Европе. И неудивительно, что, оказывая поддержку готовившимся к агрессии державам «оси», правящие круги США были далеки от мысли способствовать гласной компрометации и преследованию внутри страны тех элементов, хозяевам которых они оказывали разностороннюю и систематическую поддержку в международном масштабе. Отсюда и то «своеобразие» в деятельности американской контрразведки, которое может привести читателя в недоумение.

Обеспечить проведение соответствующих махинаций для американской плутократии не представляло особого труда, поскольку она всегда имела надлежащее «представительство» в руководстве внешней политикой страны и ее полицейской системы. Руководитель ФБР Дж. Эдгар Гувер, матерый профашист и душитель демократии, оказался одним из самых надежных и опытных проводников этой «политики». Многолетняя несменяемость шефа ФБР — наглядное свидетельство его пригодности для осуществления намерений Уолл-стрита.

В свете этих фактов становятся понятными цели, которые преследовал Хинд изданием своей книги. Говоря о политике попустительства фашистской агентуре со стороны государственного департамента, Хинд тем самым

хотел переложить ответственность с плеч ФБР на ближайшее окружение Рузвельта. Не называя прямо имен, но с помощью намеков устами Хинда реакция указывала американцам: вот, мол, кто истинные виновники трагедии в Пирл-Харборе.

Но, занимаясь словесной эквилибристикой, подтасовывая факты и всячески фальсифицируя действительность, Хинд все-таки не смог свести концы с концами. Под наростом лжи ему не скрыть истины. Все написанное им нисколько не реабилитирует его подзащитного.

Если во время войны дело ограничивалось статьями херстовских борзописцев и легковесной детективщиной, то по ее окончании реакция приступила к фундаментальному обоснованию вопроса об ответственности за Пирл-Харбор в желательном для нее толковании. Поводом к этому явилось «особое мнение» двух членов Объединенной следственной комиссии конгресса по расследованию событий в Пирл-Харборе — сенаторов Фергюссона и Брюстера. В противовес большинству комиссии, состоявшему из шести человек, эти два известных реакционера представили свой самостоятельный доклад. Этот доклад, составленный в резко антирузвельтовском духе, был широко использован неким Джорджем Моргенштерном в качестве материала для объемистой монографии под названием «Пирл-Харбор. История секретной войны»¹.

Произвольно оперируя документацией, почерпнутой из упомянутого источника, Моргенштерн изо всех сил пытается «доказать», что Рузвельт является главным виновником того, что стала возможной катастрофа 7 декабря. Моргенштерн утверждает, что Рузвельт не мог не знать, что японцы нападут именно на Пирл-Харбор. В качестве главного довода в пользу этого положения Моргенштерн ссылается на текст перехваченных морской разведкой США японских шифрованных телеграмм.

Дело в том, что примерно за два месяца до начала войны американцы организовали перехват и дешифровку телеграмм, которыми обменивались японское посольство в Вашингтоне и министерство иностранных дел в

---

¹ Рецензия на эту книгу, написанная Б. Родовым, опубликована в журнале «Вопросы истории» № 9 за 1948 год.

Токио. Действительно, из текста телеграмм можно было установить, что Япония осуществит военную акцию, если США не капитулируют перед ней на дипломатическом фронте. Хотя дата и место военного выступления не указывались, но то и другое можно было, конечно, предположить.

Развивая положение об ответственности Рузвельта за Пирл-Харбор, Моргенштерн детально характеризует оперативную обстановку на Гавайях в предшествующий войне период. Привлекая этот материал, он, видимо, надеется максимально рельефнее показать все «упущения» покойного президента.

Между тем, совершенно очевидно, что аргументация Моргенштерна не выдерживает никакой критики. Катастрофу при Пирл-Харборе можно было бы предотвратить, если бы лица, возглавлявшие в тот период органы контрразведки и генеральный штаб США, выполнили обязанности, вытекающие из их служебного положения.

Как мы видели, японо-немецкая агентура располагала полной свободой действий и беспрепятственно вела подготовку к нападению на США.

В самой системе обороны Гавайев имели место факты вопиющего нарушения элементарных требований к организации дозорной службы и оперативно-тактической разведки на море.

Все эти факты были не случайными явлениями, происшедшими из недостатков организации и непредумышленных поступков отдельных лиц, а органическим следствием политики реакционных кругов США. Эти круги долгие годы занимались подстрекательством японских милитаристов к нападению на Советский Союз. Они надеялись направить экспансионистские аппетиты японских самураев в сторону СССР и сознательно закрывали глаза на подрывную деятельность японской разведки в США, прямо ей попустительствовали. Нечего и говорить, что это была политика прямой государственной измены, перед которой крупный капитал никогда не останавливается, если это соответствует его грабительским интересам.

Ответственность за предательство в Пирл-Харборе несет американская реакция, которая всей своей предшествующей политикой подготовила и сделала для япон-

цев возможным осуществление этой разбойничьей диверсии. Любимец же Уолл-стрита Эдгар Гувер — первый в списке непосредственных виновников катастрофы 7 декабря 1941 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА КАК БИЗНЕС

«К предательству мы так привыкли, что оно, так сказать, уже вошло в наш домашний обиход и даже название носит не предательства, а savoir vivre»¹.

Когда во время второй мировой войны рабочие судостроительных верфей в городе Кирни (штат Нью-Джерси) потребовали от владельцев прибавки к заработной плате несколько центов в час, один реакционный член палаты представителей от штата Джорджия, некий Кокс, заявил, что это «измена». Реакционная печать тотчас подхватила эту гнусность, которая продолжительное время была пищей для злобных выпадов против рабочих.

Подобная клевета часто фигурирует в определенного типа американской «литературе». Так, например, Коллинз в книге «ФБР в дни мира и войны» приводит ряд «фактов», имеющих целью убедить читателя в том, что виновниками подрывных действий на военных предприятиях США являлись рабочие.

В действительности же изменники и шпионы в огромном количестве обретались в кругах американской плутократии. Они кишмя кишели в директоратах и главных конторах военных концернов, в редакциях херстовской прессы, в сотнях всевозможных «патриотических» и иных «общественных» организациях, заседали даже в палате представителей и сенате.

Предавать интересы страны стало своего рода традицией для американской реакции еще с времен войны за независимость. В то время как на стороне патриотов, поднявших знамя борьбы против Англии, стояли самые широкие слои народа, аристократия — земельные собственники и торговцы — были целиком на стороне британского короля. Эти изменники получили название

---

¹ Высказывание одного из литературных персонажей Щедрина. *Savoir vivre* — по-французски — житейская ловкость, умение жить.

тори или лойялистов. По окончании войны тори со своими сторонниками, в общем около 30 тысяч человек, бежали из страны преимущественно в Канаду.

В последующее время Англия продолжала использовать в качестве своей агентуры реакционные круги, сгруппировавшиеся в рядах партии федералистов. Партия федералистов, отражавшая интересы крупной буржуазии, возникла в период выработки первой конституции США. Эта партия была правительственной вплоть до 1800 года, когда потерпела поражение на очередных президентских выборах и уступила место партии демократов, представлявшей в основном интересы зажиточных фермеров.

Федералисты строили различного рода козни против нового президента Томаса Джефферсона и образованного им правительства из представителей партии демократов. В этой борьбе они не остановились перед тем, чтобы вступить в сношения с агентами английского короля. Когда на выборах 1804 года кампания федералистов против Джефферсона провалилась, он был вновь избран, партия федералистов даже приняла участие в подготовке военного переворота.

Лидеры федералистской партии явились организаторами заговора, направленного против территориальной целостности Соединенных Штатов. Вице-президент США Аарон Бур, председатель верховного суда Джон Маршалл, один из главарей федералистов, и другие лица пытались осуществить отторжение от США обширных западных территорий Луизианы (выкупленной Джефферсоном у Франции). Эта авантюра провалилась, ибо федералисты не имели никакого сочувствия в массах, целиком поддерживавших политику Джефферсона. Убедившись в этом, заговорщики из числа высших офицеров американской армии испугались и выдали президенту предательский замысел. После разоблачения заговора Аарон Бур был схвачен при попытке бежать в Мексику и предан суду по обвинению в государственной измене.

У Джефферсона нехватило решительности привлечь к суду других заговорщиков. Оказалось, что обвиняемого в государственной измене должны были судить его непосредственные соучастники. Федералисты открыто выражали свое сочувствие Буру. В его честь устраивались

празднства, его всячески превозносили в кругах реакционеров. Открыто солидаризируясь с теми, кто защищал предателя, Маршалл, председатель верховного суда, посетил банкет, устроенный в честь Бура.

Маршалл приложил все усилия к тому, чтобы снять с Бура ответственность за антигосударственную деятельность. Он освободил его под залог и затем на самом суде дал такое определение совершенного им преступления — государственной измены, что все улики правительства потеряли свое значение. Верховный суд, под председательством Маршалла разбиравший дело Бура, вынес приговор: «Не доказано представленными уликами». Затем Маршалл приказал клерку суда подменить этот приговор решением «невиновен», и Бур был освобожден.

Так реакция спасла одного из своих видных представителей, имя которого стало для американцев синонимом предательства и измены. Только нерешительность Джефферсона дала возможность федералистам остаться неразоблаченными в связи с изменой Бура. Во время так называемой второй войны за независимость США (1812—1814 гг.) Англия широко использовала федералистов в качестве своей секретной агентуры в рядах американской армии.

Реакционные историки США не особенно любят распространяться насчет этих первых шагов отечественной реакции на поприще предательства...

В начале второй мировой войны достоянием гласности стали многие факты, касающиеся роли американских монополий в деле создания военной машины Гитлера. Позже материалы, обнаруженные министерством юстиции США, вскрыли вопиющую картину грандиозного обмана народа и многолетнего предательства Уолл-стритом интересов национальной безопасности. На всем протяжении войны капиталистические монополии не прерывали своих изменнических связей с немецкими промышленниками, маскируя их самыми разнообразными способами.

Первое, о чем позаботились воротилы Уолл-стрита, когда началась война, — это именно о том, чтобы эти связи, установившиеся в результате деловой практики предшествующих десятилетий, не были нарушены. В ок-

тябре 1939 года, через месяц после вторжения Гитлера в Польшу, один из руководителей рокфеллеровской «Стандарт ойл компани», Говард, был командирован в Европу. Он побывал в Париже, Лондоне, Гааге и Виши. Официальная цель его поездки состояла в том, чтобы вести переговоры с французскими промышленниками о поставках нефти для французской армии. На самом же деле Говард получил задание встретиться в Голландии с представителями германского концерна «И. Г. Фарбениндустри».

Во время пребывания Говарда в Лондоне стало известно об истинной цели его путешествия в Европу. В связи с этим Говард в конфиденциальном сообщении председателю правления «Стандарт ойл компани» Фаришу писал: «Я был несколько встревожен, когда было обнаружено, что я оставил эти переговоры (т. е. с французами. — В. М.), чтобы начать переговоры в Голландии с немцами...» Однако опасения Говарда были излишними: английские власти беспрепятственно оформили ему визу для поездки в Гаагу, откуда он вскоре сообщил Фаришу: «...Все мои деловые встречи в Голландии состоялись; я в течение трех дней совещался с представителями И. Г... Мы сделали все, чтобы выработать временное соглашение на период войны, вне зависимости от позиции США в этой войне»¹.

Несколько ранее этого, 25 сентября, в той же Гааге было подписано соглашение аналогичного характера между представителем химического концерна «Дюпон» и представителями того же «И. Г.». Таким образом, вопреки внешнеполитическому курсу правительства США, две крупнейшие американские монополии вступили в самом начале войны на путь тайного сговора с ведущим немецким концерном.

Это было естественным продолжением политики Уолл-стрита, оказывавшего с начала тридцатых годов систематическую помощь германскому империализму в его мероприятиях по возрождению своей военно-экономической мощи. Для осуществления этой цели были предоставлены миллиарды долларов и все достижения на-

---

¹ Впоследствии эта переписка Говарда с Фаришем была опубликована.

учно-технической мысли Соединенных Штатов: свыше 200 американских фирм в той или иной форме содействовали вооружению Германии.

Среди массы фактов, характеризующих эту помощь, заслуживает внимания следующий.

1 февраля 1933 года Феликс Дюпон подписал договор с неким лицом, называвшим себя Гиера. Под этой фамилией скрывался известный международный авантюрист и шпион Питер Бреннер. По его собственным словам, он занимался шпионажем в 13 странах, в большинстве случаев в пользу Германии и против интересов Соединенных Штатов¹. Когда концерн Дюпонов принимал его к себе на службу, Гиера не скрыл этих фактов из своего прошлого, но они ничуть не смутили его новых хозяев.

Согласно заключенному договору, Дюпоны поручили Гиера организовать нелегальный ввоз оружия в Германию через Голландию. Он был назначен уполномоченным концерна по Германии и Голландии «для ведения переговоров о продаже военных взрывчатых веществ покупателям, находящимся на этой территории». Комиссия по расследованию деятельности промышленности вооружений в свое время установила, что Гиера вскоре после своего назначения, будучи в Париже, обсуждал там с представителем Дюпонов во Франции — полковником Вильямом Тэйлором и одним из главных руководителей концерна майором Кейзи вопрос об организации контрабандного ввоза оружия в Германию. Это происходило в то время, когда продажа оружия Германии считалась в Соединенных Штатах незаконной.

Коммерческо-технические связи между США и Германией, основанные на финансовых сделках, производственных соглашениях и патентных договорах, были широко использованы германской разведкой для получения различной секретной информации. Американские монополисты сознательно шли на предоставление Германии технических данных о секретах производства важнейших отраслей промышленности, делая это в ущерб воен-

---

¹ В первую мировую войну Гиера состоял на службе у известного немецкого шпиона фон-Папена, бывшего военным атташе в США.

ной безопасности США и других государств. Об этом можно судить, например, по характеру подписанных ими соглашений с немецкими монополиями об обмене техническими секретами и патентами.

В послевоенное время в США опубликовано несколько книг¹, авторы которых обстоятельно рассказывают о закулисной деятельности в этом направлении крупнейших американских фирм. Еще в 1929 году «Стандарт ойл» заключила подобного рода соглашение с «И. Г.». Благодаря этому соглашению немцы получили доступ ко всем секретам крупнейшей в США научно-исследовательской организации «Джеско инкорпорэйтед», которая была создана «Стандарт ойл». В связи с этим Абрастер в своей книге «Мир предательства» пишет: «С помощью «Стандарт ойл» разведывательный отдел «И. Г. Фарбен-индустри» получил доступ к достижениям технической мысли (в США) и сумел пройти через двери, которые в другом случае были бы для него закрыты».

Перед самой войной, в 1938 году, «Стандарт ойл» передала «И. Г.» секрет только что разработанного ею производства нового вида синтетического каучука, известного под названием «бутиловый каучук».

Известная американская фирма «Америкэн Бош корпорэйтшн» систематически передавала своему германскому партнеру — фирме «Роберт Бош» секретную промышленную информацию. Так, последняя получила информацию об усовершенствованиях коротковолновых и высокочастотных радиостановок, используемых для связи в танковых, пехотных и авиационных частях. Эта информация — результат огромной экспериментальной работы в лабораториях военно-морского флота США и войск связи — стала известна американской фирме благодаря переданным ей, как поставщику вооруженных сил США, спецификациям и чертежам.

«Еще более разительные меры для передачи военных сведений, — пишет Бердж, — были приняты в области производства военных оптических приборов». На этом

---

¹ Уенделл Бердж — Международные картели, Корвин Эдвард — Международные картели в экономике и политике, Джордж Сельдес — Тысяча американцев, Говард Амбрастер — Мир предательства. Первые три в русском переводе выпущены Издательством иностранной литературы.

участке военной промышленности поставщиком секретной информации для немцев была американская фирма «Бауш и Ломб оптикал К^о», связанная специальным договором с фирмой «Карл Цейсс» в Германии. Согласно этому договору, «Карл Цейсс» получал от «Бауш и Ломб» отчеты о всех ее поставках оптических приборов армии и флоту США, а также другую самую секретную производственную информацию.

Другой формой предательства монополиями национальных интересов в предвоенный период было содействие немецким планам на всемерное снижение уровня выработки в США различной дефицитной оборонной продукции. Затормозить развитие стратегических отраслей промышленности в других странах было одной из самых важных задач германского империализма еще в период, предшествовавший первой мировой войне. Когда Германия начала готовиться ко второй мировой войне, эта подрывная акция стала осуществляться в еще больших размерах. И в данном случае инструментом для ее практического применения явились картельные соглашения. С их помощью немцы добились того, что в США было замедлено производство таких важнейших стратегических материалов, как синтетический каучук, магний, бериллий, алюминий и др.

Констатируя этот факт, статистическое бюро при канцелярии президента США в 1942 году в своем отчете писало: «Противник долгие годы работал над ослаблением нашего военного потенциала. При помощи патентов и картельных соглашений ему удавалось лимитировать американское производство и экспорт многих жизненно необходимых материалов. Он поднимал цены на эти материалы и сокращал их производство».

В результате этих вражеских усилий «страна воевала, — пишет Сельдес, — испытывая резиновый голод, продолжавшийся годами, из-за того, что компания «Стандарт ойл» скрывала патенты на производство синтетического каучука; точно так же стране нехватало алюминия из-за того, что группа Меллона состояла в картельном соглашении с гитлеровцами. Страна испытывала недостаток стали из-за того, что сталепромышленники отказывались расширять производство. США нехватало также магния. Такое же положение наблюдалось во всей промышленности».

После того как началась вторая мировая война, американские монополии продолжали оказывать Германии содействие. Прибегнув к «итальянской забастовке», они сорвали выполнение оборонной программы 1939 года и первой военной программы 1941—1942 годов. Так, например, правительство США заказало в 1939 году авиационной промышленности, возглавляемой «Дженерал моторс», 4 тысячи самолетов, но к августу 1940 года было выпущено всего только 33 самолета.

Осуществление программы военного производства правительство США поручило в основном 83 крупнейшим фирмам. Многие из этих фирм, выполняя заключенные контракты, поставляли армии заведомо негодные военные материалы. Правительственные органы обнаружили, например, что фирма «Юнайтед стейтс картридж компани» производила дефектные патроны, компания «Кэртис-райт» — недоброкачественные авиамоторы, фирма «Анаконда» поставляла негодный медный провод.

Вскоре после нападения на Пирл-Харбор помощник министра юстиции Тэрман Арнолд опубликовал доклад о саботаже национальной программы обороны Уолл-стритом. Это было началом разоблачения самых разнообразных преступлений монополий США во время войны. Ради своих узко корыстных целей они саботировали военные усилия страны; чтобы нажать миллиардные сверхприбыли, они не останавливались перед самым отвратительным хищничеством, вредительством и другими действиями, которые нельзя квалифицировать иначе, как государственная измена.

Эта «деятельность» монополий вызвала такое сильное возмущение трудящихся масс США, что под их давлением правительство было вынуждено создать ряд следственных комиссий. Одна из них, выделенная сенатом, возглавлялась Трумэном¹. Нельзя сказать, чтобы эти комиссии отличались особым рвением. Они действовали с исключительной осторожностью, опасаясь, как бы не ущемить интересов обследуемых. И при всем этом в материалах комиссий содержатся серьезные обвинительные данные.

---

¹ После вступления Трумэна на пост президента руководителем комиссии стал сенатор Мид.

Сенатская комиссия по обследованию состояния национальной обороны, например, была вынуждена признать, что «даже после того, как США вступили в войну, компания «Стандарт ойл оф Нью-Джерси» делала все, от нее зависящее, для того, чтобы сохранить контроль немецкого правительства над нефтью — одним из важных военных материалов». Однако дальше констатации дело не пошло: промышленники, избалованные во вредительстве, были преданы суду и... приговорены к штрафу. «...Промышленность, — пишет Сельдес в своей книге «1000 американцев», — впоследствии хвалившаяся тем, что война была выиграна ею, предала страну — предала ее за тридцать миллиардов сребреников. Документальные доказательства этого предательства содержались в правительственных отчетах, но народ так и не узнал о них».

«Правда обо всем этом замалчивалась газетами в течение всей войны и продолжает замалчиваться и сейчас... Пресса либо целиком замалчивала сообщения комиссии, либо хоронила их на последних страницах. Она замалчивала имена виновных лиц и всякий раз после публикации официальных разоблачений проводила широкие апологетические кампании по оправданию обвиненных... Обвиняемые корпорации оплачивали целые страницы в газетах и журналах, сообщая Америке о своем «патриотизме», о том, как хорошо функционирует система «свободного предпринимательства», и о том, как она сама по себе выигрывает войну».

Вместе с тем правительство не проявляло ни малейшего стремления привлечь изменников к серьезной ответственности. Все это свидетельствует о том, что деятельность разных следственных комиссий служила ширмой для предательской активности монополий.

В послевоенное время выяснилось много новых фактов предательства американской плутократии. В частности, обнаружено, что Джон Фостер Даллес, советник республиканской партии по вопросам внешней политики, помогал гитлеровцам укрыть их собственность в США от конфискации. Руководимая Даллесом юридическая фирма «Салливен энд Кромвэлл» способствовала установлению фиктивного контроля над принадлежащим немцам заводом в Спрингфилде (штат Массачусетс)

стоимостью в 8 миллионов долларов. Позднее, в результате сложной процедуры, документы на право управления этим заводом были переданы американской фирме «Делавар корпорейшн», которая вскоре перешла под контроль Даллеса. Секретное соглашение, заключенное Даллесом с гитлеровцами, оставалось неизвестным правительству США в течение всей войны.

Аналогичные факты спасения американскими промышленниками от секвестра вражеской собственности во время войны весьма многочисленны.

Сенсационные разоблачения о связях некоторых крупнейших американских фирм с гитлеровцами сделал специальный помощник министра юстиции Рогге, ездивший после войны в Германию. В результате допроса бывших высокопоставленных гитлеровцев Рогге установил, что свыше двадцати членов конгресса: бывший президент Гувер, бывший вице-президент Гарнер, бывший министр почт и телеграфа Фарли, руководитель профсоюза горняков Льюис и некоторые другие лица — были использованы гитлеровцами для ведения прогерманской пропаганды в Соединенных Штатах.

Ярким показателем истинного отношения правительства США ко всем этим разоблачениям явилось «дело Рогге». Когда Рогге, по возвращении из поездки по Германии, ознакомил своего начальника — министра юстиции Кларка со своим докладом, тот посоветовал ему, чтобы доклад оставался в секрете. Однако Рогге, вопреки совету министра, выступил с публичными разоблачениями связей некоторых деятелей США с немецкими фашистами. Американская плутократия не замедлила реагировать на попытку высшего правительственного чиновника вмешаться в ее «личные дела». Через несколько дней после того, как Рогге произнес первую разоблачительную речь в Крайтоне (штат Пенсильвания) министр юстиции Кларк объявил об увольнении своего специального помощника.

Между прочим, в одном из своих заявлений представителям печати Рогге выразил сомнение в том, что немецких промышленников будут судить как военных преступников, так как это вскрыло бы их связи с американскими промышленниками. Так оно и получилось.

После того как президентом стал Трумэн, правитель-

ственные органы США фактически прекратили дальнейшее расследование изменнической деятельности американской плутократии. Правительство Трумэна — ее послушное орудие — стало принимать различные меры к тому, чтобы даже в печать перестали проникать подобные сведения. Когда Амбрастер, например, опубликовал свою книгу «Мир предательства», она была немедленно конфискована.

Государственная измена в современной Америке — не преступление, когда она является частью капиталистического бизнеса и приносит наживу американским плутократам, этим «патриотам с ограниченной ответственностью».

В этой связи вспоминается блестящий политический памфлет А. М. Горького «Один из королей республики», написанный им во время пребывания в Америке. В нем собеседник задает вопрос символическому американскому плутократу:

«Правительство не мешает вам?» — «Правительство? — повторил он и задумался, потирая пальцами лоб. Потом, как бы вспомнив что-то, кивнул головой, — ага... Это те... в Вашингтоне? Нет, они не мешают. Это очень хорошие ребята...»

КАК МАСКИРУЕТСЯ ПОСОБНИЧЕСТВО ВРАГУ

Распространение ложных слухов с целью дезинформации противника и подрыва его моральных сил — старый метод в истории разведки. В годы первой и, в особенности, второй мировой войны этот метод получил широкое распространение в военной, политической и экономической областях. Фашистские разведки применяли его в огромных масштабах.

Распуская через свою агентуру ложные слухи, они стремились не только ввести в заблуждение, вызвать панику и деморализовать лагерь противника. При этом преследовались далеко идущие цели: заставить контрразведывательную систему противника работать вхолостую, загрузив ее до отказа расследованием массы ложных сообщений, и таким путем обеспечить маскировку и возможность подрывной работы для основных кадров своей агентуры. Применение фашистскими развед-

ками этого метода в Соединенных Штатах дает о нем наглядное представление.

Согласно данным, опубликованным в американской печати, с 1933 по 1938 год Федеральное бюро расследований в среднем ежегодно имело в своем «производстве» до 35 дел, в той или иной степени связанных с подрывной работой иностранных разведок. В 1938 году количество подобных расследований возросло до 250, в 1939 году — до 1 651, а в 1940 году — до 16 885 дел¹. Приведенные цифры отнюдь не означают, что ФБР разоблачило и привлекло к ответственности такое число фашистских агентов (число таких фактов выражается в период 1933—1938 годов гораздо более скромной цифрой — 13 человек), но свидетельствуют о степени загрузки его центрального и периферийного аппарата.

Когда началась вторая мировая война, число такого рода расследований стало расти катастрофически. Так, в один лишь день мая 1940 года ФБР приняло к «производству» 2 871 заявление. Во время войны ФБР заводило ежемесячно в среднем от 1 500 до 2 000 дел, связанных с деятельностью пятой колонны. Что же представляли собой эти «дела»?

В подавляющем большинстве заявления о тех или иных действиях фашистских агентов поступали от частных лиц, именовавших себя «патриотами», в виде анонимок или передавались по телефону. В дни особенно интенсивных операций на фронтах количество подобных телефонных заявлений по одному только отделению ФБР в Сан-Франциско доходило в сутки до 200 и не падало ниже 100. Основная масса всех этих «дел» после иногда весьма длительных и обстоятельных расследований кончалась ничем за отсутствием состава преступления и виновных лиц. Иначе говоря, «дела» эти с начала до конца были сплошным вымыслом.

Например, однажды за короткий промежуток времени в ФБР поступило около 200 заявлений о высадке вражеских парашютистов на американском континенте. Все эти сообщения оказались ложными. При расследовании в одном случае было установлено, что на-

---

¹ Эти данные опубликованы в «Истории ФБР», составленной редакторами журнала «Лук», и во многих других книгах и статьях.

званный неизвестным «патриотом» «неприятельский парашютист» в действительности оказался фермером, который шел поздно вечером по отдаленной проселочной дороге с мешком муки на спине. Другой «парашютист» тоже был американцем, окрашивавшим флагшток на крыше собственного дома, в то время как его сын играл на земле со змеем.

О той легкости, с которой в США во время войны распространялись всевозможные панические слухи, можно судить по следующим фактам. Вскоре после нападения на Пирл-Харбор многие американские газеты опубликовали сообщение, что вражеские самолеты обнаружены на расстоянии двух летных часов от Нью-Йорка. Одна из крупных ежедневных газет выпустила даже специальное экстренное сообщение, в котором предупредила население об ожидающемся налете. Почти одновременно все радиостанции США передали «молнию» с предложением следить за радиопередачами и ждать дальнейших указаний. Через полчаса огромный город был объят страшной паникой, которая еще более усилилась, когда завывли сирены воздушной тревоги. Работа на многих нью-йоркских предприятиях была приостановлена. Спустя некоторое время прозвучал отбой, но вскоре последовал новый сигнал воздушной тревоги. Потом выяснилось, что воздушная тревога объявлялась по ошибке: кто-то позвонил в Вашингтон по телефону «Нэйшэнл 7117» (это номер, по которому ФБР вызывается при чрезвычайных обстоятельствах) и заявил, что к Нью-Йорку приближаются неприятельские самолеты. Этого «чрезвычайного сигнала» оказалось достаточно, чтобы вызвать панику во всей стране и дважды полностью нарушить жизнь ее крупнейшего центра.

Систематически распространяемые слухи о массовых актах саботажа на предприятиях авиационной промышленности в сочетании с сообщениями о действительных фактах вредительства были средством, широко использованным фашистской агентурой для сеяния среди летного состава бомбардировочной авиации чувства неуверенности в качестве продукции.

Иногда ложные слухи имели своей целью создавать исключительно преувеличенное представление о силе, ловкости и возможностях неприятельских шпионов и

диверсантов. Однажды по стране с быстротой молнии распространился слух о том, что джи-мэны поймали в реке Колумбия японского шпиона, переодетого... лососем!

В результате всех этих диких измышлений довольно широкие круги населения были охвачены форменной шпиономанией, подобно эпидемии, распространившейся в начале войны по Соединенным Штатам. Фашистская агентура умышленно сеяла повсюду подозрительность, вносила замешательство и раздоры. В этой искусственно созданной атмосфере сплошного недоверия и всеобщей шпионобоязни хорошо натренированным разведчикам и пропагандистам было гораздо легче проводить свою подлую работу.

«Заболеванию» американцев шпионобоязнью немало способствовал и тот жгучий интерес, который они проявляют ко всему тому, на чем лежит печать таинственности, что является результатом повседневной пропаганды всякого рода детективщины и насаждаемого реакционной прессой нездорового культа сенсации.

Как же на эту деятельность врага реагировало Федеральное бюро расследований? Контрразведывательная тактика ФБР в этой области является единственным прецедентом в истории агентуры. Факт массовой подачи анонимных заявлений, исходивших от «патриотов», которые тщательно скрывают свое лицо, казалось бы должен был говорить сам за себя. Наконец, все сомнения на этот счет должны были отпасть, когда продолжительная практика их расследования показала, что они сплошь ложны. Между тем, с 1938 года и по день окончания войны ФБР всячески поощряло подачу таких заявлений.

Когда истинная цель потока подобной дезинформации стала для многих американцев ясной, шеф ФБР Гувер, чтобы не оказаться в смешном положении, счел необходимым выступить с публичными «предупреждениями». В одном из своих выступлений по радио, в статье, опубликованной в журнале «Америкэн», и в некоторых других случаях он указывал на «необходимость быть более осторожными в подаче заявлений с обвинениями в подрывной деятельности, поскольку большинство подаваемых заявлений не подтверждается». Приво-

для примеры расследований заявлений о шпионаже, оказавшихся безрезультатными, он даже заявил: «Болтовня продолжает оставаться нашей главной опасностью».

Но все эти выступления, конечно, ни в малейшей степени не влияли на практику работы ФБР. Его центральный аппарат и периферия попрежнему были до предела загружены расследованиями ложных доносов. Таким путем Гувер продолжал отвлекать внимание органов государственной безопасности США от действительных объектов преследования, распылял их силы и внимание.

Мы уже называли цифры, характеризовавшие масштабы распространения фашистскими разведками дезинформации в США. Еще более любопытные данные по этому поводу привел Коллинз в своей книге «ФБР в дни мира и войны». Оказывается, только за один год — с 30 июня 1940 года по 30 июня 1941 года — ФБР расследовало 68 тысяч дел, связанных со шпионажем, диверсиями и иными формами подрывной деятельности. За всю же войну, по данным одного из отчетов, опубликованных Гувером по ее окончании, ФБР получило и расследовало свыше миллиона сообщений, поступивших из разных источников! И при таком гигантском размахе «деятельности» всего каких-нибудь два десятка дел в действительности относились к тому, чем надлежало заниматься ФБР, — борьбе с фашистской пятой колонной.

Всячески поощряя подачу ложных анонимок, Гувер в то же время сдерживал развитие здоровой патриотической активности широких масс. Испытывая все более растущее беспокойство по поводу подрывной деятельности гитлеровцев и их пособников в стране, прогрессивные круги американской общественности стремились принять непосредственное участие в борьбе с вражеской агентурой. Но это вовсе не устраивало правящую реакционную камарилью, у которой любое проявление активности масс вызывает чисто животный страх. Отражая этот страх, один из рекламных агентов Гувера, Коллинз, рекомендовал американцам не быть столь ретивыми в борьбе с подрывной деятельностью. Он при этом довольно недвусмысленно заявил: «бурный патриотизм может стать опасным».

В то самое время, как любой мелкий донос, сообщенный по телефону, расследовался с исключительной скрупулезностью, ФБР игнорировало весьма серьезные разоблачения таких журналистов, как Спивак и Карлсон. Карлсон в течение нескольких лет занимался изучением фашистского подполья в США. Результаты своей работы он опубликовал затем в нескольких книгах. Вот как он описывает в книге «Под маской»¹ свои переживания в связи с этой деятельностью.

«В начале лета 1939 года редакция журнала «Форчун» отказалась от мысли печатать серию статей о подрывной деятельности фашистов в Америке, и я очутился перед дилеммой: либо всецело посвятить себя журналистике, либо продолжать мою осведомительную работу на свой страх и риск. Я мог выбрать одно из двух: или приличный доход, респектабельных друзей, обеспеченный досуг, завидное положение в обществе, — или тяжелую жизнь инвентигатора, работающего в одиночку. Последнее означало жизнь полную самопожертвования, добровольный уход из общества, бессонные ночи и вечные опасности. Я не мог опереться на какой-либо правительственный орган вроде Федерального бюро расследований».

Приведенные нами строки из книги Карлсона — яркое свидетельство тому, что ФБР совершенно не было заинтересовано в подлинной борьбе с пятой колонной. В противном случае одних только разоблачений Спивака и Карлсона было бы достаточно для того, чтобы посадить на скамью подсудимых многие десятки, если не сотни, матерых шпионов и диверсантов. Этой реальности предпочиталось расследование тысяч «дел», возникавших по инициативе агентов пятой колонны.

Но культивирование в стране доносов, которым занималось ФБР, имело своей целью не только пособничество фашизму. Оно преследовало также задачу вызвать поток постоянной информации, которую можно было бы использовать для борьбы с прогрессивными элементами. С окончанием войны эта задача стала центральной. В июньском номере журнала «Редбук мэгэ-

---

¹ Опубликована в 1943 году в Нью-Йорке издательством «Даттон и К°».

зин» 1948 года Эдгар Гувер открыто призывал к этому американцев. В статье, пропитанной звериной ненавистью ко всему прогрессивному, он пишет: «...Наш успех или провал в будущем (речь идет о деятельности ФБР. — В. М.) будет прямо пропорционален помощи, которую нам окажет каждый патриот — гражданин нашей страны. Если бы я мог поговорить по душам с каждым американцем... я бы призывал их, чтобы они узнавали все, что могут, о коммунистах и их методах».

Итак, во время войны культивирование доносов представляло собой один из методов пособничества врагу, а по ее окончании — средство подавления прогрессивного движения...

РЕКЛАМА И ЧТО ЗА НЕЙ СКРЫВАЕТСЯ

Известно, что реклама является в Америке основой деятельности любого предприятия. Ее широко используют как частные предприниматели, так и государственные организации. С помощью рекламы распространяются всевозможные продовольственные и косметические фальсификаты, продается ежедневно на десятки миллионов долларов различных недоброкачественных промышленных товаров. Чего только не может сделать в США эта всемогущая богиня — реклама.

Кому другому, а Эдгару Гуверу лучше всех знакомы тайны рекламного искусства и достигаемые им цели. Он своевременно осознал значение рекламы и для собственных целей.

Было бы наивностью предположить, что Гувер использовал рекламу лишь для афиширования собственной персоны. Поставленные им при этом задачи, как мы увидим, имели гораздо более серьезный характер. Свою пропагандистско-рекламную кампанию Гувер развернул в самом начале войны и продолжает до сих пор. Чтобы внедрить в сознание американцев желательное ему представление о тайной полиции США, Гувер выступает по радио, дает интервью, помещает в газетах и журналах статьи. Как завзятый рекламный агент, он во всевозможных вариациях бубнит об одних и тех же «фактах», которые должны убедить слушателей или читателей в его правоте.

Американцы любят цифры. Убедить их в чем-либо легче всего с помощью цифр. Зная эту черту характера американцев, Гувер широко оперирует всякими цифровыми показателями.

По его заданиям нанятая им рекламная агентура засыпает американскую печать различными «сенсационными» материалами о работе Федерального бюро расследований. Этому же вопросу посвящено значительное число книг, изданных в США во время войны и после ее окончания, в которых гуверовское предисловие обычно предшествует авторскому тексту.

Организуя такого рода рекламу, Гувер прежде всего стремится ввести в заблуждение общественное мнение насчет истинного предназначения созданной им полицейской системы. Когда читаешь книги Флоэрти, Коллинза, Рисса и многие другие или собственные статьи Гувера, явственно видно намерение авторов изобразить ФБР в качестве организации, исключительно действенной по своим методам борьбы с фашистской пятой колонной, показать, что вся его деятельность в этом направлении — сплошной триумф.

Вместо правдивого и объективного изложения действительности гуверовская рекламная агентура преподносит американцам низкопробную детективщину и оглушает их пятизначными цифрами. ...За время войны в США было арестовано 16 тысяч вражеских агентов, из которых 4 тысячи были интернированы на все время войны. Было обыскано свыше 25 тысяч помещений, захвачено свыше 3 тысяч секретных радиостанций — такими данными пестрят подобные издания. Они призваны убедить американцев в том, что отечественная контрразведка якобы своевременно вскрывала и успешно пресекала козни японо-немецкой агентуры.

Особенно расписывают наемные писатели Гувера «успехи» ФБР в период, предшествовавший войне и после событий в Пирл-Харборе. Как известно, «бездеятельность» ФБР в это время обеспечила врагу возможность совершить предательское нападение на США. Вопреки этой очевидности, Гувер, Флоэрти и др. пытаются убедить читателя в том, что в 1940 и 1941 годах в США по части обеспечения государственной безопасности все обстояло благополучно. Например, Флоэрти

нагло утверждает: «именно в то время ФБР работало весьма энергично... По всей стране было установлено наблюдение за шпионами и диверсантами, но к арестам прибегали редко, когда существовала угроза совершения диверсионного акта или было установлено, что шпион намерен покинуть пределы страны».

По его словам, «шпионы имели полную возможность заниматься своей работой, но лишь под самым пристальным и тайным наблюдением целой армии специальных агентов». «Ясна ли для вас теперь тактика Гувера, — вторит ему Алан Хинд, — который медлит открыть огонь до тех пор, пока в его поле зрения не окажутся все шпионы и предатели?»

«Эта вполне современная система борьбы со шпионажем, — говорят они американцам, — была в полной мере развернута после предательского нападения японцев на Пирл-Харбор... Тысячи специальных агентов... покрыли страну сетью, из которой нельзя было уйти. Меньше чем через неделю около 3 тысяч потенциальных шпионов и диверсантов оказались за тюремной решеткой».

Так с помощью прямого очковтирательства и словесных изощрений Гувер и его подручные сыщики от литературы всю войну усыпляли бдительность американского народа и проповедовали устранение ответственности от борьбы со шпионажем и диверсионной активностью противника. Надо заметить, что авторы, описывающие вымышленные достижения американской контрразведки, не понимают или делают вид, что не понимают всей явной нелепости их утверждений, без труда разоблачаемых при сопоставлении с действительностью.

Изображая «всемогущество» и «всеведение» ФБР, гуверовские пропагандисты ставят перед собой и другую очень «важную» цель — запугать и деморализовать прогрессивные, демократические элементы страны.

Составной частью проводимой рекламной кампании является непрерывное восхваление самого Эдгара Гувера. Какие только комплименты не расточаются по его адресу! При помощи рекламы в Америке нетрудно самому отъявленному преступнику стать «национальным героем». Эдгар Гувер обеспечил американской плуто-

кратии возможность сделать измену и предательство большим бизнесом, и благодаря этому вокруг его имени устраивается широчайшая реклама.

Отнюдь не случайно, таким образом, главарь американской охранки получил возможность недавно с большой помпой отпраздновать двадцатипятилетие своей «деятельности». Немногим позже он выступил перед подкомиссией комиссии по ассигнованиям Палаты представителей с подробным отчетом о «достижениях» руководимого им Федерального бюро расследований. «В результате разведывательной деятельности ФБР за последний год, — заявил Гувер, — было вынесено 8 415 приговоров, в том числе 2 — смертных, 8 приговоров к пожизненному тюремному заключению и приговоры к тюремному заключению в общей сложности на 20 077 лет».

Далее Гувер указал, что Отдел дактилоскопических снимков ФБР на 1 декабря 1949 года имел 113 057 485 отпечатков пальцев, из которых 93 415 550 принадлежат лицам, не совершившим преступлений. Он заявил, что деятельность ФБР в этой области должна быть расширена. Среди других «достижений» ФБР Гувер упомянул об участии ФБР в проведении программы по проверке лояльности. ФБР изучило 2 937 906 отпечатков пальцев и установило, что 177 025 государственных служащих «имели приводы в полицию или являются подозрительными людьми».

Что и говорить, достижения Гувера достойны памяти его наставника Гиммлера!

Деятельность Эдгара Гувера находит полную поддержку со стороны президента США Трумэна. Даже больше того, Трумэн сам является инициатором некоторых «охранных» мероприятий. Совсем недавно, в конце июля этого года, он потребовал от всех чиновников федеральных властей и властей штатов, в обязанности которых входит «поддержание законности», представлять Федеральному бюро расследований сведения, касающиеся так называемой «подрывной деятельности», шпионажа, саботажа и т. п. Трумэн призвал все «патриотические», как он называет, организации и отдельных граждан сотрудничать с Федеральным бюро расследований. В истории еще не было такого случая, чтобы глава государства обращался к согражданам с призы-

вом, чтобы они все поголовно стали агентами охраны. Даже фашистские правители не оставили такого прецедента. Таким образом, Трумэн перещеголял Гитлера и Муссолини.

Характерно, что поднять шумиху в печати по поводу «юбилея» Гувера было поручено таким известным разбойникам пера, как Дрю Пирсон и Уолтер Уинчелл. Американская охранка пышно и без всяких стеснений именовалась в «праздничном» сообщении агентства Юнайтед Пресс «высшим национальным учреждением». А сам обер-шпик Гувер, самодовольно оглядываясь, заявил: «Никогда не переделаешь всей работы».

Какого рода «работу» имел в виду мистер Гувер — догадаться нетрудно: некоторые итоги ее только что приведены нами. Его наглое заявление было воспринято американскими трудящимися с негодованием и возмущением. Однако сам факт предоставления Эдгару Гуверу возможности помпезно отпраздновать свой «юбилей» и активное участие в этом «событии» буржуазной печати красноречиво свидетельствуют о подлинном лице современной американской «демократии». Ибо обер-жандарм Гувер — специалист по преследованию «опасных мыслей» и снятию отпечатков пальцев у всех «подозрительных» — и есть истинный «герой» американского образа жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГАНГСТЕРИЗМ — ОСНОВНАЯ СУТЬ «АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ»

*«Банкир родит бандита»
(М. Горький).*

Соединенные Штаты — страна «свободного предпринимательства и частной инициативы». Так любят именовать США американские плутократы. Термин «свободное предпринимательство» был в свое время введен в обиход заправилами Национальной ассоциации промышленников, нашедшими, что он гораздо благозвучнее, чем слово «капитализм». В последние два десятилетия был пущен в ход новый термин — «американская система» или «американский образ жизни».

В изображении трубадуров Уолл-стрита ничем не ограничиваемое «свободное предпринимательство» означает якобы возможность для каждого американца, обладающего достаточной смекалкой и настойчивостью, стать материально обеспеченным и независимым человеком. С детства американцу твердят, что он может баснословно разбогатеть, если будет предприимчивым и ни перед чем не останавливающимся дельцом. Излюбленной темой пропаганды правящих кругов являются безустали повторяемые и всячески варьируемые в литературе, прессе, по радио и в кино басни о том, как благодаря этим качествам, бедняк стал миллионером.

Способность «делать» доллары давным-давно стала в Америке абсолютным мерилom ценности для всех без исключения форм жизнедеятельности и интеллектуального творчества. Американские «социологи» нашли и

«философское» определение этой способности, наивовав ее «практическим идеализмом», опирающимся на «равенство возможностей». За всем этим терминологическим творчеством, на первый взгляд бессмысленным набором слов, таится глубокий смысл. Авторы этих побасенок стремятся отвлечь миллионы средних американцев от дум над прозой сегодняшних дней, увлечь их в погоню за «чубом фортуны», заставить изощряться в подлости и стяжательстве. Тщательно продуманная и многообразная по характеру применяемых методов система пропаганды непрерывно разжигает собственные инстинкты, делает доллар единственным «идеалом» человека, а стремление к наживе — ведущим стимулом в жизни. Под влиянием этой пропаганды воспаленное воображение среднего американца изо дня в день тшится найти путь к богатству. Заставить всю жизнь гнаться за этим неуловимым призраком богатства — такова основная суть пропаганды идеологов «свободного предпринимательства» и «американского образа жизни».

Среди всех прочих аксессуаров «американского образа жизни» стремление к наживе — самый важный. Иссушающий и омертвляющий все живое, растлевающий все самое святое и благородное в человеке, яд этой приманки проник во все поры «американской жизни». С его помощью американская плутократия «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»¹.

Эту наиболее яркую черту американского капиталистического уклада метко охарактеризовал А. М. Горький в своем ответе на анкету американского журнала. Отвечая на один из вопросов, он писал: «Капиталисты всех стран одинаково противное и бесчеловечное племя, но — в а ш и х у ж е. Они видимо более глупо жаждут к деньгам».

В извечной погоне за долларом признаются допустимыми все способы и средства, отсутствует граница недозволенного. Тень грядущей прибыли освящает любое преступление, оправдывает его в глазах «закона». Опытный преступник, «заработавший» много долларов,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», Госполитиздат, 1949, стр. 35.

во мнении капиталистического общества прежде всего — ловкий делец, бизнесмен.

Посетив Америку, Маяковский писал: «Путь, каким вы добывали ваши миллионы, безразличен в Америке. Все — «бизнес», дело, — все, что растит доллар. Получил проценты с разошедшейся поэмы — бизнес, обокрал, не поймали — тоже. К бизнесу приучают с детских лет. Богатые родители радуются, когда их десятилетний сын, забросив книжки, приволакивает домой первый доллар, вырученный от продажи газет. — Он будет настоящим американцем».

Многие десятилетия подобной жизненной практики привели к тому, что в современной Америке преступление стало неотделимой составной частью любого бизнеса, а подчас и всем его содержанием. Гангстеризм стал основой так называемого «американского образа жизни», провозглашенного Уолл-стритом в качестве идеала и верха совершенства человеческого бытия.

«Большой бизнес» — это широчайше организованная форма систематического ограбления всего народа в непосредственном смысле этого слова, стоголавое чудовище, пожирающее все плоды труда и разума миллионов людей. Его началом было хищение огромной массы земель и других естественных богатств Америки, которые перешли в результате всего этого в руки небольшой кучки людей. Дальнейшим его выражением стал процесс капиталистической концентрации, при котором подверглась удушению мелкая и средняя собственность и монополии стали господствовать в промышленности. С помощью различных способов «плутократия установила свое право на ограбление американского народа. Через банки, железные дороги и тресты она грабила его открыто и беззастенчиво... Право грабить у себя дома уже было установлено ко времени издания закона Шермана, принятого в 1890 году»¹. Так писал сенатор Петтигру в своей книге «Торжествующая плутократия».

Особенно большой размах система всеобщего ограб-

---

¹ Закон Шермана был принят конгрессом под давлением мелкой и средней буржуазии, разоряемой монополиями. Он объявил тресты организациями, противоречащими конституции. Однако никакого практического применения он не получил и был использован реакцией для борьбы... с профсоюзами.

ления народа приняла в Америке после первой мировой войны. Главным объектом грабежа является тот самый средний американец, которого всю жизнь поучают: наживайся любыми способами. Ниже мы увидим, как практически осуществляется этот процесс, распространенный на все слои населения. Естественным следствием его является все прогрессирующее обнищание американского народа, при все возрастающем обогащении его плутократической верхушки.

Маркс в «Капитале» словами английского экономиста Дэннинга нарисовал картину нарастания активности капитала по мере увеличения его прибылей: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹.

Можно себе представить, на что способен современный монополистический капитал США, который имеет возможность получать прибыли свыше 300 процентов и располагать полнейшей безнаказанностью и свободой рук!

США — СТРАНА НАИБОЛЬШЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Соединенные Штаты, где во всей экономической и политической жизни господствует плутократия, являются страной наибольшего развития преступности и бандитизма. С начала девятисотых годов рост преступности в США принимает огромные размеры. Об этом можно судить хотя бы по данным роста страхования против краж со взломом. В 1900 году было выплачено премий по такому виду страхований 450 тысяч долларов, в 1910 году — 2 781 тысяча долларов, в 1920 году — 20 720 тысяч, в 1930 году — 35 494 тысячи долларов.

---

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 831—832.

Любопытно, что, по данным страховых организаций, около 30 процентов краж со взломом, совершенных преимущественно в торговых предприятиях, являются мошенническими проделками самих владельцев.

Показательны абсолютные данные о преступности в США в целом и по ее отдельным видам: в 1936 году было зарегистрировано 1 333 626 преступлений, в том числе 13 242 убийства, 111 074 вооруженных нападения, 278 823 кражи со взломом, 213 712 краж автомобилей. В 1940 году американской полицией было зарегистрировано уже свыше 1 500 тысяч случаев различных преступлений. Согласно официальным данным, опубликованным Гувером, каждую 21 секунду в стране происходит серьезное преступление, каждые 44 минуты — предумышленное убийство, каждые 9 минут — ограбление, каждые 100 секунд — кража со взломом, каждые 36 секунд — простая кража, каждые 3 минуты — угон автомобиля. По данным Института криминологии, в предвоенное время количество убийств в среднем достигало 12 тысяч в год. В крупных центрах ежегодно исчезает бесследно множество людей: в Сан-Франциско в среднем 2 тысячи человек, в Лос-Анжелосе — 3 тысячи, в Филадельфии — 5 тысяч, в Нью-Йорке — 13 тысяч человек.

В статье «Рабочим Магнитостроя и др.» Горький указывал, что названия «бандитской вотчины» заслуживают все более или менее крупные города Соединенных Штатов. Действительно, взять, к примеру, столицу США Вашингтон. Здесь в два с половиной раза больше убийц, чем в Нью-Йорке, и на 40 процентов больше, чем в Чикаго. По сравнению с восемью американскими городами такой же величины, Вашингтон стоит на втором месте по убийствам, на первом — по грабежам, на втором — по нищенству, на первом — по крупным кражам и на втором — по хищению автомобилей. А ведь в Вашингтоне на душу населения приходится больше полицейских, чем в других городах США, за исключением трех!

Статистика свидетельствует, что преступник в Вашингтоне имеет два шанса против одного за то, что ему удастся избежать ареста, шесть против одного за то, что он не предстанет перед судом, десять против одного

за то, что суд его не покарает, и пятнадцать против одного за то, что его не заключат в тюрьму. «Такъв Вашингтон, — писал Эрик Марсден, автор приведенных выше данных, — столица страны, основанная конгрессом как единственный город, который должен строиться, жить и развиваться по определенному плану, как памятник мечтаний, стремлений и идеалов Америки».

Статью в «Америкэн меркюри», опубликованную незадолго до войны, Марсден закончил следующей фразой: «Кулидж как-то сказал, что столица должна выражать душу Америки. Может быть, это так и есть». Нельзя отрицать справедливости этого заключения. О социально-политическом и культурном облике каждой страны можно судить прежде всего по ее столице. Вашингтон служит прекрасным выражением гангстерской сути американской действительности. Даже специальная комиссия палаты представителей США была вынуждена признать, что профессиональный порок «достиг здесь прискорбных и позорных размеров». Было установлено, что в Вашингтоне существует сговор между преступниками и полицией и потому подавляющая масса преступлений остается нераскрытой.

Вашингтон знаменит и своими трущобами, впрочем, как и все большие американские города. Один английский специалист по жилищным вопросам, посетивший Вашингтон, утверждает, что таких трущоб, как там, он не видел ни в Нью-Йорке, ни в Париже, ни даже в Каире. Множество убогих хибарок разбросано по всему городу. Многие из них находятся по соседству с Белым домом и другими правительственными зданиями и особняками богачей. «Эти лачуги — крысиные норы, очаги преступлений и болезней; полицейские не решаются обходить их поодиночке. Что же касается хваленых архитектурных красот, то Чейви-Чейз и другие пригороды представляют собой жуткое нагромождение безобразных зданий, стоящих вперемежку с лачугами из ящичков, переносными домиками для фермеров и мрачными, казарменными домами, напоминающими темные кварталы Филадельфии и Балтимора».

Всего в нескольких десятках метров от канцелярии сената в Вашингтоне находятся «негритянские гетто», обитатели которых живут в невероятной нищете. Даже

такой реакционной сенатор, как Фландерс, посетивший эти «гетто», вынужден был заявить, что он «поражен и возмущен абсолютной нищетой», в которой живут тысячи людей в кварталах, расположенных у самого сената.

Во время обсуждения в 1949 году в американском сенате законопроекта о жилищном строительстве были приведены многочисленные факты, свидетельствующие о потрясающей нищете, в которой живут миллионы американских трудящихся.

Во время сенатских прений стало известно, что одна туристка из Индии, побывавшая в Вашингтонских трущобах, указывала, что всего в нескольких кварталах от здания конгресса она увидела большое число лачуг, лишенных водопровода, отопления и освещения. Она увидела переулки, в которых жители вынуждены готовить себе пищу под открытым небом, и комнаты, в которых ютятся по 13 человек. Возмущенная лицемерными заявлениями реакционной американской печати, на все лады расхваливающей «американский образ жизни», эта индийская туристка сказала: «У нас, в Индии, люди живут в таких же плохих условиях, но мы не хвастаем своим образом жизни перед остальным миром».

Выступавший в прениях сенатор Поль Дуглас заявил, что в Вашингтоне вблизи от сената «находится один из самых ужасных районов трущоб, который я когда-либо видел». Дуглас представил фотоснимки, показывающие, в какой невероятной нищете живет население в этих трущобах. Сенатор сказал, что в Чикаго «районы нищеты занимают 12—20 квадратных миль... В Атланте (штат Джорджия) 137 тысяч человек живут в отвратительно грязных трущобах. Район трущоб в этом городе занимает 20 процентов всей территории. На этот район падает 72 процента преступлений среди детей и 69 процентов больших туберкулезом.

«Страна живых трупов» — так озаглавлена статья, опубликованная журналом «Тайм», в которой описывается один из кварталов Чикаго, известный под названием Скид-Роу. Слово «Скид-Роу» стало нарицательным понятием, служащим для обозначения американского «дна». Корреспондент журнала «Кольерс», объехавший многие города США и повсюду нашедший одну и ту же

картину, пишет: «Скид-Роу — это открытая тюрьма для людей, вся вина которых состоит только в том, что они бедны».

Трущобы американских городов — это рассадники преступности, проституции и всевозможных болезней.

В период войны преступность в США сделала резкий скачок вверх, а по окончании войны она выросла еще больше. Это обстоятельство признают руководители американской полиции. В своем выступлении на заседании международной полицейской ассоциации в декабре 1945 года Эдгар Гувер заявил, что США охватила небывалая послевоенная волна преступлений. Бандитские шайки вовлекают в свою среду преимущественно молодежь. Согласно статистическим данным, приведенным Гувером, с 1939 года в США число арестованных девушек в возрасте до 18 лет увеличилось на 198 процентов. Число арестованных юношей в возрасте до 18 лет за тот же период увеличилось: на 43 процента — за убийство, на 60 процентов — за изнасилование, на 55 процентов — за кражу автомобилей и т. д.

Немногим позже генеральный прокурор Кларк опубликовал письмо Трумэна, в котором указывалось, что количество преступлений, совершенных молодыми людьми, возросло на 350 процентов со времени вступления США в войну.

Согласно данным справочника «Уорлд алманак» за 1950 год, количество крупных преступлений в США увеличилось на 22 процента: с 1 381 тысячи случаев в 1943 году до 1 686 тысяч случаев в 1948 году. 1949 год показал дальнейший рост преступности в США. Согласно докладу Федерального бюро расследований, опубликованному в начале 1950 года, в предыдущем году было зарегистрировано 1 763 тысячи крупных преступлений. Это — рекордная цифра преступности в истории США. В 1949 году в стране произошло на 4,5 процента больше преступлений, чем в 1948 году. Теперь в США каждые 18 секунд совершается крупное преступление. Перед войной на учете ФБР числилось 4 300 тысяч преступников; в настоящее время на этом учете состоит уже свыше 6 миллионов американцев.

Американская реакция создала «теорию», что источником развития преступности в США являются якобы

эмигранты. Небезынтересно, что эта ложь была еще до войны опровергнута не кем иным, как одним из подручных Гувера. Мелвин Пэрвис был руководителем группы сыщиков, застреливших летом 1934 года известного гангстера Джона Диллингера. В 1936 году Пэрвис опубликовал книгу под названием «Американский агент», в которой описал бандитские похождения многих видных гангстеров и сделал некоторые выводы о причинах развития преступности в США. Вопреки версии, распространяемой правительственными кругами, Пэрвис утверждает, что американские преступники — это преимущественно «стопроцентные американцы».

СИСТЕМА ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Еще не так давно золото и другие ценности доставлялись в американские банки не иначе, как в бронированных автомобилях и в сопровождении огромного полицейского эскорта. В то время перестрелки, подчас целые сражения с применением пулеметов были обычным явлением на улицах американских городов. В стране господствовала так называемая «дикая» (неорганизованная) преступность. С помощью бомбы и револьвера бандиты опустошали банковские сейфы, с целью выкупа похищали богатых бизнесменов; различные шайки враждовали между собой.

По окончании первой мировой войны политический и экономический механизм США подвергся коренной реконструкции с тем, чтобы сделать все его институты гораздо более действенными в борьбе с бурно разраставшимся движением широких масс. Такой «реконструкцией» охватывается и преступный мир. Начался большой и сложный процесс объединения бандитских шаяк, аналогичный процессу трестирования и монополизации в экономике. В ходе этого процесса произошла коренная ломка гангстерских методов «работы», уже ставших традиционными для американского «дна». Постепенно на смену «дикой» преступности в лице тысяч постоянно враждовавших бандитских шаяк пришла система организованного бандитизма, состоящая из специализированных объединений, подчинивших своему влиянию целые отрасли преступной деятельности. Все

противники подобной «модернизации», а их было немало, беспощадно истреблялись.

Эта бандитская война, достигшая особого ожесточения в период от середины двадцатых до середины тридцатых годов и представлявшаяся американской печатью, как простое соперничество главарей отдельных шаек, была не чем иным, как результатом процесса «концентрации», о котором говорилось выше. Из среды уголовников один за другим выдвигались лица, претендовавшие на главенство в бандитском мире. В открытой кровавой борьбе они завоевывали это право.

Нет нужды заниматься подробным описанием всех перипетий бандитской войны. Мы вкратце осветим только ее заключительный эпизод, являющийся, пожалуй, и наиболее ярким. В течение нескольких недель конца 1935 года вся американская печать с напряженным вниманием следила за кровопролитной драмой, последовательно развертывавшейся в недрах уголовного мира. Ее главным персонажем был некий Артур Флегенмайер, по прозвищу «голландец Шульц». Он был главарем крупнейшей банды, орудовавшей в Бронксе — одном из районов Нью-Йорка. Из статьи, опубликованной в «Нью-Йорк геральд трибюн», можно было узнать, что этот известный гангстер с 1919 года привлекался к суду 13 раз за самые различные преступления (убийства, налеты, грабежи и т. д.) и ни разу не был осужден. «Его состояние, — писала газета, — оценивалось в 7 миллионов долларов — большей частью наличными деньгами... Он пользовался дружбой политических деятелей и покровительством полицейских».

Вначале «Шульц» был профессиональным вором. В эпоху «сухого закона» он занимался торговлей спиртными напитками, а позже специализировался на организации подпольных лотерей и азартных игр, а также домов терпимости. В последнее время «Шульц» занялся ростовщичеством. За его спиной в этом деле стоял один крупный банкир, финансировавший для этой же цели другую шайку — братьев Эмберг, но желавший развязаться с нею. На этой почве между «Шульцем» и Эмбергами разгорелась ожесточенная борьба: в рядах обеих шаек убийства следовали одно за другим. Финалом этой истории было убийство самого «Шульца», который

был тяжело ранен в задней комнатке небольшого ресторана в Ньюарке (близ Нью-Йорка).

Одновременно были подстрелены еще два члена шайки «Шульца».

«Шулец» умер через несколько дней. Дело «Шульца» вызвало большой шум. Газеты публиковали биографию знаменитого гангстера, интервью с его родными, друзьями, нотариусами и адвокатами; была даже напечатана полная стенограмма его предсмертного бреда... Вся страна говорила об этих происшествиях в бандитском мире, и лишь одна полиция пребывала в состоянии молчаливого зрителя. Не было произведено ни одного ареста — полиция следовала установке сверху: не вмешиваться.

Убийством «голландца Шульца» завершается первый этап кровавой эпопеи подчинения преступного мира США власти «большого бизнеса». В ходе ее были уничтожены тысячи рядовых гангстеров и десятки их главарей, не пожелавших отказаться от права на «свободное предпринимательство» в своей области. В одном только Чикаго в период установления господства Аль-Капоне над местным уголовным «подпольем» среди гангстеров было совершено свыше 500 убийств.

В конечном счете власть над всем преступным миром безраздельно сосредоточилась в руках так называемой «большой шестерки» (биг сикс). Членами этой шестерки являлись представители гангстеров «старой школы», сумевшие приспособиться к новым условиям и беспрекословно подчинившиеся Уолл-стриту. Это были: Чарльз Лючиано по кличке «Лаки» («Счастливчик»), Джейкоб Шапиро, Луис Бюхолтер, Джон Торрио, Чарльз Зигелс и Эйба Цвилман.

В Америке издано значительное количество книг, посвященных теме гангстеризма. Среди них имеются также серьезные исследования и произведения литературного характера, по-настоящему вскрывающие природу гангстеризма и его взаимоотношения с капиталистической верхушкой. Но ни одно из них не дает социально-политического анализа происшедшей «перестройки» преступного мира.

Взять хотя бы роман Айры Уолферта «Банда Тэккера». Автор нарисовал целиком взятую из жизни кар-

тину борьбы одиночки-гангстера за право «индивидуальной инициативы», его вынужденное подчинение более крупному хищнику и, наконец, разгром банды этого хищника одним из монополистов гангстеризма. Автор блестяще обрисовал практику капиталистической конкуренции, господствующую в гангстерском мире, его тесные связи, точнее переплетенность, с официальной Америкой и атмосферу страха и неуверенности, в которой живут простые люди в США. Но Уолферт не сумел обобщить тему, показать главное — наступление «большого бизнеса» на уголовную Америку с целью полного подчинения своей власти, монополизацию гангстеризма и применяемые при этом методы.

Самым характерным для современной обстановки капиталистической Америки является широкая легализация заправил преступного мира, открытое приобщение их к так называемому «порядочному обществу». Разумеется, и раньше видные главари гангстеров свободно вращались в «обществе», маскируясь, порядка ради, той или иной личиной. Например, многолетний конкурент Аль-Капоне в Чикаго Джон О'Банион ночью руководил своей бандой, а днем выступал в качестве владельца крупнейшего в городе цветочного магазина. Этот любитель орхидей был застрелен подручными Аль-Капоне днем среди своих цветов. Известный гангстер Лингль, по прозвищу «Джек», которого убили в 1930 году в переполненном вагоне метро, был одновременно репортером газеты «Чикаго трибюн». Глава крупнейшего в США газетного треста «Чикаго трибюн компани» полковник Роберт Маккормик, начиная свою карьеру разбойника пера, сочетал это занятие с руководством бандой гангстеров. Бандиты находились у него на службе под видом газетных продавцов или иных служащих, и с их помощью он вел борьбу за завоевание газетного рынка. Под пулями маккормиковских молодчиков погибло немало жителей Чикаго. По приказу Маккормика в 1893 году был убит мэр Чикаго Гаррисон, пытавшийся разоблачить его бандитские проделки. Об этом «славном» прошлом магната современной американской прессы повествует Гарольд Икес, бывший министр внутренних дел при Рузвельте, в своей книге «Американская палата лордов». Жизненный путь Маккормика — яркий пример не только

простой легализации гангстера, но и достижения их самого почетного положения в «большом свете».

Даже зарегистрированное и широко известное уголовное прошлое не служило для гангстеров препятствием к занятию ответственных официальных постов. Как пишет Колиер, автор книги «Американизм — мировая угроза», пост мэра города Бостона, одного из крупнейших промышленных и культурных центров США, занимал бывший уголовник, дважды отсидевший свой срок тюремного заключения, он же бывший член конгресса.

В условиях системы «организованного» бандитизма речь шла уже не о том, чтобы вожак шайки гангстеров мог приобрести себе место в обществе, руководствуясь только личными соображениями, но чтобы он в интересах «большого бизнеса» стал всеми уважаемым лицом среди дельцов. Став им, он продолжает возглавлять свой преступный промысел, и таким образом происходит, так сказать, естественное вращение гангстеризма в деловую, официальную и общественную жизнь страны.

Любопытным примером такой формы легализации крупного гангстера является история некоего Чермака. Мелкий служащий в различных учреждениях, даже в одном профсоюзе, Чермак добрался до поста председателя чикагского муниципалитета. Во время пребывания на этом посту Чермак был убит одним из его соперников на поприще той деятельности, о которой газеты тщательно умалчивали, когда писали о нем. После смерти Чермака стало известно, что наряду со своей официальной деятельностью он был гангстером, монополизировавшим в последнее время торговлю «живым товаром» в Чикаго. Своим наследникам он оставил 3 миллиона долларов и 50 тайных домов терпимости.

Другим не менее разительным примером того, как профессионал-гангстер становится «героем» Америки нашего времени, является «деятельность» Билла Роуза. Билл Роуз — один из наиболее популярных фельетонистов реакционной прессы США. В 1948 году журнал «Тайм» опубликовал подробную биографию этой «знаменитости». Оказывается, что с середины двадцатых годов Роуз связал свою судьбу с миром гангстеров. Вначале он занимался нелегальной торговлей спиртными напитками. Затем, следуя духу времени, Роуз пере-

ключает свое внимание на «искусство». Он открывает несколько бывших тогда в моде театров-бурлеск, являвшихся по существу притонами разврата. Дело оказалось весьма прибыльным, и Роуз в компании с другими дельцами открывает в Нью-Йорке первоклассное кабаре под названием «Казино де Пари». Перед войной Роуз — владелец крупнейшего в Нью-Йорке притона разврата «Бриллиантовая подкова». Фактически же он — главарь подпольного «треста» публичных домов. Своей «крышей» этот крупнейший монополист гангстеризма избрал занятие журналистикой.

Современные заправилы американского гангстеризма — по всем своим внешним данным вполне уважаемые джентльмены. Они занимают высокое положение в обществе, и их прекрасно оборудованные конторы с многочисленным штатом служащих арендуют самые дорогие помещения в деловых кварталах Нью-Йорка, Чикаго и других центров. Давним прошлым является время, когда главари гангстерских банд разъезжали по улицам городов в броневиках и появлялись в общественных местах не иначе, как в сопровождении множества телохранителей.

Ныне они беспечно проводят свое время в фешенебельных ночных клубах, устраивают приемы, восседают на лучших местах стадиона Мэдиссон-сквэр гарден во время спортивных состязаний или играют в гольф на загородных виллах своих друзей, куда их сопровождает единственный «кэдди» (мальчик, подбирающий мячи для гольфа). Теперь, заказывая себе костюмы у лучших портных, они не обращаются затем к тому или иному нью-йоркскому специалисту, славящемуся своим искусством вшивать по бандитской моде подмышкой костюма кобуру для револьвера так, чтобы ничего не было заметно.

В этом нет нужды, так как их особы достаточно тщательно охраняет полиция.

Преступность становится организованной тогда, когда она охватывает значительные группы людей, специализирующихся на определенных видах ее, превращающих занятие ею в свою главную жизненную функцию, когда она основывается на разделении функций и смыкается своей верхушкой с правящими кругами страны.

Все эти элементы налицо в современном американском гангстеризме.

В настоящее время бандитские шайки в США являются монополистическими объединениями, действующими на строгих коммерческих основах и распространяющими свое влияние на различные стороны экономической и политической жизни страны.

Детали этой новой организации гангстеризма в Америке обстоятельно осветил еще перед войной известный в США специалист по гангстеризму репортер Мартин Муни в книге, названной им «Концерн «Преступление».

Тысячи людей повседневно выполняют различные «производственные» функции в этом огромном и сложном «хозяйстве», объектом деятельности которого является вся страна. Возглавляется армия бандитов в каждой своей отрасли небольшим числом лиц, образующих своего рода совет директоров концерна, который самым строгим образом контролирует низовые «предприятия» и держит в суровом повиновении весь их «обслуживающий персонал».

Ныне американский гангстеризм весь синдицирован и трестирован. По характеру деятельности он подразделяется на крупную и мелкую «промышленность». К разнообразным видам этой «промышленности» относятся такие отрасли «старого» подпольного промысла, как воровство, грабеж, торговля «живым товаром» и наркотиками, различные формы мошенничества. Все воры, грабители и налетчики являются членами своей местной организации (слово «ганг» — «банда» — давно уже вышло из американского словоупотребления и заменено термином «организация»), которая входит в трест районного или городского значения и т. д. Любая операция, подобно всякому коммерческому предприятию, предварительно обсуждается руководством такого треста, затем отработывается во всех деталях и финансируется.

Эдвард Смит, репортер одной американской газеты, описал структуру современной воровской организации. Первым действующим лицом в ней является наводчик; в его задачу входит высмотреть и наметить магазины или другие объекты, которые можно ограбить. Он изучает систему их охраны, собирает все прочие необходимые све-

дения и докладывает руководству организации. На основе этих данных последнее «вырабатывает план, рассчитанный абсолютно математически до каждой секунды». Вторыми действующими лицами являются сами исполнители, т. е. воры или бандиты. Их действиями руководит так называемый «полевой капитан» — главарь самого низового звена организации.

На четвертом месте находятся «посредники», которые представляют собой «мозг» организации, так сказать, ее штаб. Это обычно внешне ничем не запятнанные люди и держатся они вдали от своих коллег. Похищенное имущество вначале отвозится к какому-либо «нейтральному» лицу — временному укрывателю, а от него переправляется к скупщику-укрывателю, являющемуся шестым звеном в преступной организации.

Затем следуют лица, которых не знают рядовые гангстеры. Первым из этой категории является так называемый «стоящий позади». «Беккер» — глава первичной воровской организации, действующей в данном районе. Он известный здесь делец, пользующийся кредитом в банке и финансирующий операции банды. Банк охотно предоставляет «беккеру» средства даже в том случае, когда знает, для какой цели они им используются. «Беккер» находится в контакте с местными властями и с их помощью обеспечивает безнаказанность и свободу действий возглавляемой им организации. Но он, в свою очередь, подотчетен вышестоящему подпольному тресту. Сам «беккер» и все «стоящие позади него» — это почтенные джентльмены с определенным положением в обществе.

Важнейшее место в деятельности «промышленности грабежа» занимает сбыт краденого. Эта отрасль организована с применением самых совершенных приемов коммерческой техники; в ней заняты многие тысячи людей, разбросанных по всей стране, но постоянно находящихся в тесном взаимодействии. Укрыватели, скупщики и сбытовики краденого занимают в организации самое почетное положение; для окружающих они — солидные бизнесмены с большими оборотами. По данным американской печати, до войны через руки этих дельцов ежегодно проходило краденых товаров на сумму в 500—600 миллионов долларов. Надо полагать, что

в настоящее время эти суммы стали еще более значительными.

Не так давно в одном швейцарском журнале были описаны методы «работы» американских гангстеров, специализировавшихся на угоне автомобилей. Мы уже приводили некоторые цифры, характеризующие этот вид «бизнеса». Трест, занимающийся им, располагает большим количеством гаражей и мастерских, куда тотчас же доставляется угнанный автомобиль. Здесь, в зависимости от тех или иных обстоятельств, над ним производят различные операции, имеющие целью изменить его внешний вид; иногда он подвергается полному демонтажу и превращается в результате в груды автомобильных частей.

Если владелец украденной машины проявляет настойчивое желание найти ее, то к его услугам не полицейский уголовный сыск, который никогда не находит украденного, а частное детективное агентство, принадлежащее некоему Кранеру. Агентство Кранера занимается только розыском угнанных автомашин и, как об этом свидетельствуют газетные объявления, дает полную гарантию в том, что каждому потерпевшему, обратившемуся в агентство, будет возвращена его собственность. Это, действительно, так. Машина возвращается к своему владельцу по уплате им 350 долларов. Несложность этой операции становится понятной, когда мы узнаем, что агентство Кранера — не что иное, как филиал подпольного треста по угону автомашин.

Крупнейшая отрасль гангстеризма — торговля «живым товаром», содержание всевозможных притонов разврата и эксплуатация одиночек-проституток. Она синдицирована во всеамериканском масштабе. Агентура синдиката огромна; важнейшую роль в ней играют поставщики «живого товара» и сутенеры.

Американская печать много писала о «пивных гангстерах» в период действия в США так называемого «сухого закона». В стране была создана огромная подпольная промышленность по производству всех видов алкогольных напитков и сеть предприятий по их продаже. Широко известно имя Аль-Капоне — одного из королей алкогольного подполья. «Сухой закон» был отменен в декабре 1933 года. Однако нелегальная вино-

куренная промышленность, созданная в США в годы «сухого закона», продолжает в значительной части существовать и поныне. Она попрежнему монополизирована и приносит ее владельцам огромные прибыли. Дело в том, что после отмены «сухого закона» на производство алкоголя были установлены высокие налоги, в особенности на дорогие сорта вин и ликеры. Подпольная же промышленность продает эти напитки намного дешевле.

Исключительно разнообразной отраслью гангстеризма является мошенничество. Для нужд уголовного подполья, с целью облегчения всевозможных мошенничеств, в США возникла даже специальная «наука» — так называемая «коммерческая криминология». В специальном «учебнике» описываются различные способы и формы мошеннической практики в торговой, промышленной, финансовой и других областях.

Особенно ходким видом жульничества являются всякие лотереи. «В Америке, — писала газета «Тудэй», — свирепствует самый настоящий лотерейный грабеж... Лотерейный грабеж остается непревзойденным по масштабам со времени спекуляции и контрабанды спиртными напитками в годы «сухого закона». Техника лотерейного бизнеса примерно следующая. Придумав для лотереи название, очень похожее на название известной легальной лотереи, подпольный синдикат печатывает несколько миллионов поддельных билетов и с помощью сотен агентов распространяет их по стране. Деньги собирают различными способами: через почтовые ящики или в маленьких посреднических конторах, кабаках, мебелированных комнатах и т. д. В «день розыгрыша» держатели лотерейных билетов становятся перед фактом, что их подло обманули. Подпольный синдикат располагает высококвалифицированными специалистами и соответственной технической базой, так как подделка билетов широко известных лотерей требует большого искусства. Лотерейный рынок США постоянно полон всевозможными поддельными билетами. Перед войной, например, США были буквально наводнены фальшивыми билетами французской национальной лотереи.

Но практикуются и «честные» варианты лотерейно-

го грабежа. Суть их состоит в том, что каждый играющий выбирает себе какую-либо цифру и делает на нее ставку; ставка вносится сборщику, который взамен вручает игроку бумажку с выбранной им цифрой. В определенные дни производится розыгрыш, и «счастливики» получают свой выигрыш. Поскольку владельцы подпольной лотереи вдобавок не платят налогов с оборота, то в итоге они «зарабатывают» огромные суммы. Таким путем в одном только Нью-Йорке лотерейный синдикат ежегодно собирает жатву в размере не менее 500 миллионов долларов. На подобном же принципе основан подпольный тотализатор и многие другие аналогичные «предприятия».

Ни в одной стране не процветает так мошенничество, как в Соединенных Штатах. Всего разнообразия его форм просто невозможно перечислить. Укажем некоторые из них. Например, там существуют так называемые магазины «боракс» (предприятия, торгующие в рассрочку). Эти магазины изобрели сложнейшую технику коммерческого жульничества, применяют всевозможные комбинации наглого обмана и хитроумия, усовершенствованные многими годами практики.

Магазины «боракс» можно видеть в самом центре любого большого американского города. Они отличаются дешевыми, крикливыми витринами и многообещающими рекламными. В них торгуют мебелью, фото- и радиоаппаратурой, музыкальными инструментами и многими другими предметами домашнего обихода. Привлеченный широковещательной рекламой, покупатель приобретает в таком магазине нужную ему вещь, вносит часть стоимости наличными, а на остальную сумму подписывает обязательство. «Торговый контракт» магазинов «боракс» — самый жесткий из юридических документов.

Как сообщала американская печать, жульнические магазины «боракс» ежегодно выманивают у доверчивых покупателей в больших и малых городах США не менее 50 миллионов долларов. Торговля «боракс», разумеется, также трестирована. Магазины этой категории работают сообща, в них действуют единые цены и способы заманивания покупателей, по телефону они передают друг другу описание покупателей.

Если вы владелец автомашины, то в США вас могут в любой момент привлечь к ответственности за аварию, которая вам и во сне не снилась. Это может произойти даже в том случае, если ваша машина в этот момент находилась в гараже. Десяток свидетелей будут утверждать, что вы виновник увечья такого-то лица. Чтобы избежать уголовной ответственности, надо уплатить «пострадавшему» изрядную сумму. На такой форме мошенничества также специализируются целые организации гангстеров.

«Производственный» персонал такого подпольного предприятия состоит из множества людей, инсценирующих несчастные случаи (это обычно лица со следами увечий, полученных в прошлом), подставных свидетелей, страховых агентов и врачей.

Другим видом практики таких организаций является инсценировка автомобильных аварий с целью получения страхового вознаграждения. Тут дело посложнее. Приходится не только сбрасывать под откос машину, но и имитировать различные увечья, полученные при аварии седоками машины. В этом случае каждый участник операции предварительно многократно репетирует свою роль под руководством опытного «режиссера». Чтобы имитация выглядела возможно правдоподобнее, применяются различные средства, вплоть до впрыскивания «пострадавшим» медицинских препаратов и нанесения им хирургических ран под наркозом. Чтобы симулировать переломы костей, в руку или ногу впрыскивают парафин и дистиллированную воду. Когда «жертвы» таким образом подготовлены, их отвозят к месту происшествия. Здесь их размещают под обломками разбитой машины...

Поистине нет предела предприимчивости американских дельцов!

РЕКЕТ, И ВО ЧТО ОН ОБХОДИТСЯ АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ

Одной из разновидностей американского гангстеризма является «рекет». Он вошел в обиход американского делового мира примерно три четверти века назад и подразумевал систематическое занятие шантажом и вымога-

тельством. Но как самостоятельная и широко организованная отрасль уголовного подполья рекет стал известен в США только с середины двадцатых годов. Очень часто рекетом произвольно называют такие синдицированные области уголовной промышленности, как торговля «живым товаром», контрабандным алкоголем, наркотиками или прсмыгел грабежа. Это неверно. Рекет — это, так сказать, мелкая уголовная промышленность. Она также специализирована и трестирована, но имеет специфический характер. Задача рекета состоит в «обслуживании» всех сторон американского быта, и в этой роли он впервые появился на родине гангстеризма — в Чикаго.

В 1927 году федеральные власти определили, что валовой доход Аль-Капоне, одного из первых монополистов гангстеризма, за истекший год выразился в сумме свыше 100 миллионов долларов. Биограф Аль-Капоне Фред Пасли, анализируя этот доход, распределил общую сумму по следующим источникам: 60 миллионов долларов — от нелегальной торговли пивом и спиртными напитками, 25 — от содержания игорных притонов, 10 — от эксплуатации публичных домов и других увеселительных заведений. В заключение баланса была указана сумма в 10 миллионов долларов дохода от рекета.

В своей первоначальной форме рекет, действительно, был простым вымогательством. К владельцу предприятия является несколько молодых людей с пистолетами в карманах. Они коротко предлагают хозяину еженедельно вносить такую-то сумму денег. В случае отказа предприятие подвергалось разгрому; бывали случаи, что строптивый делец платился собственной жизнью.

В 1929 году, согласно сообщению прокурора штата Иллинойс, в Чикаго существовал уже 91 рекет. Местные рекетиры обложили данью все отрасли предпринимательства, не исключая даже таких, как мытье окон, содержание вешалок в театре и чистка одежды. Из-за этого рядовой житель Чикаго оказался вынужденным платить за чистку костюма вместо 1,25 доллара — 1,75 доллара. Тогда же Ассоциация предпринимателей определила, что все рекеты обходятся населению Чикаго в 136 миллионов долларов.

«Вымогательство, — как писал один американский публицист, — поразило и другие американские города. Нью-Йорк смеялся в былое время над беззакониями в Чикаго. И вот Нью-Йорк стал собирать приличный урожай своих собственных рекетов: прачечный рекет, автоматный рекет, рыбный рекет, цветочный рекет, артишоковый рекет и множество других. В каждом большом городе рекетир стал теперь по крайней мере потенциальной опасностью. В течение всего лишь нескольких лет он стал общеамериканским явлением».

В дальнейшем тактика рекета несколько видоизменяется. Он не только собирает дань, но и начинает «опекать» предприятия, что выражается в самой различной форме: добивается от властей снижения налогов, содействует владельцу в его борьбе с конкурентами, охраняет его предприятие и т. д. Таким образом, происходит постепенное приобщение рекета к повседневной деятельности деловых кругов «обслуживаемого» им района, а те, в свою очередь, все глубже вовлекаются в круговорот гангстерской предприимчивости. В результате этого процесса стирается какое-либо различие между бизнесменом и гангстером. Первый в своей практике приобретает хватку второго, теряет последние остатки честности и в погоне за наживой не останавливается уже ни перед чем. Второй также уже не просто бандит-вымогатель, действующий с помощью угроз и пистолета, а делец, оказывающий «покровительство» своему клиенту и получающий за это определенное вознаграждение. Налицо не разбой и не шантаж, а «свободная инициатива», бизнес.

Значение рекета выходит далеко за рамки только уголовного промысла, ставшего бизнесом. В силу рекета преступление стало неотрывным элементом буржуазного предпринимательства.

Во что же обходится трудящимся существование «организованного бандитизма», этого всеамериканского концерна, имя которому «Преступление»? В результате ежегодно совершаемых преступлений американский народ давно уже несет громадные потери. В 1901 году бандитизм обошелся народу в 1 миллиард долларов. В 1937 году, согласно сообщению директора ФБР Эдгара Гувера, потери американцев от бандитизма достигли уже

15 миллиардов долларов, что составляло 120 долларов на каждого жителя. Линч, автор книги «Преступники и политика», исчисляет ежегодные потери населения США от гангстеризма, в среднем от 12 до 18 миллиардов долларов.

Разумеется, никакой американский делец не намерен нести убытков по той причине, что ему приходится платить рекету. Все свои потери он немедленно возмещает, перекладывая их на своих покупателей и клиентов. Таким образом, все потери от преступности целиком ложатся на плечи трудящегося населения. Вся многомиллиардная жатва, собираемая гангстерами, попадает в руки предпринимателей этого «бизнеса». Занимаясь своим подлым ремеслом, гангстеры являются только служащими множества подпольных предприятий, от которых получают определенное вознаграждение. Если кто-нибудь из них попытается утаить что-либо из проходящего через его руки, то его ждет немедленная и самая жестокая расправа. «Подпольный» мир Америки имеет свой «кодекс законов», и смерть — наиболее часто применяемое наказание за его нарушение.

Сотни тысяч гангстеров состоят на службе у «большого бизнеса», и их задача — обеспечить ему возможно большую наживу. В недалеком прошлом гангстер, выражаясь «деловым языком», действовал как «свободный предприниматель» и получал прибыль без вложения в дело каких бы то ни было средств. Сейчас же он — служащий подпольной конторы, треста, к которым и поступает вся его добыча. Если недавно банкиры и промышленники только финансировали отдельные уголовные мероприятия, то теперь они непосредственно руководят всем этим «хозяйством», большей частью через подставных лиц.

Помимо других причин, о которых мы будем говорить ниже, американская плутократия «заинтересовалась» гангстеризмом, привлеченная колоссальными сверхприбылями, которые можно извлечь из этого вида «деловой деятельности». Она его организовала и сделала гангстеризм самым прибыльным, самым большим своим бизнесом. Мелвин Пэрвис, автор упоминавшейся нами книги «Американский агент», без обиняков пишет

в своей книге, что нынешний размах преступности в Америке был бы невозможен, если бы преступление не стало там бизнесом.

ГАНГСТЕРИЗМ И ПОЛИТИКА

Создавая систему организованной преступности, американская плутократия руководствовалась не только меркантильными соображениями. Став бизнесом, гангстеризм одновременно превратился в важнейший фактор политических махинаций американской плутократии.

Надо сказать, что использование бандитизма на поприще внутренней политики — в условиях американской действительности — явление вполне естественное, полностью соответствующее нравам, господствующим в этой области на всем протяжении истории Соединенных Штатов. «Изучение давно забытого политиканства, — пишет Мак Мастер в своей книге «Отцы страны», — показывает, что во лжи, подкупах, взяточничестве, нечестном захвате государственных должностей, нечестном голосовании, протезировании, короче — во всех хитростях и трюках, которыми характеризуется нынешнее политиканство, люди, основавшие наше государство и национальное правительство, ни в чем нам не уступали...»

В США издавна сложилось представление о политическом поприще, как о деятельности, которая может быстро обеспечить умелому человеку все блага жизни, поднять его на самый верх социальной лестницы. Известный американский журналист Франк Кент в своей книге «Политические нравы Соединенных Штатов», изданной два десятилетия назад, указывает, что среди американцев «в общем преобладает та мысль, что политика — это азартная, носящая индивидуальный характер, игра, в которой отдельной личности предоставляется полная свобода проявления ее характерных черт и в основе которой нет никакой философской системы или каких-либо установленных принципов».

Поэтому множество бизнесменов, обуреваемых жадной стяжательством, обладающих большой предприимчивостью и не отягченных грузом совести, обращают свои деловые устремления в область буржуазной политики, в область политиканства и политического шулерства.

Они являются мастерами интриг, подлостей, всевозможных происков и многих других приемов, практикуемых во внутриполитической жизни Америки. Профессия политика особенно привлекает людей, стремящихся одновременно к наживе и к власти. Тот же Кент справедливо отмечает, что в этой профессии шансы добиться почетного положения и обогатиться представляются в Соединенных Штатах гораздо чаще, чем в других областях.

Профессионалов — «политишен» (так называют в Америке дельцов, занимающихся политиканством) в США великое множество. По некоторым данным, число их к концу двадцатых годов достигало полумиллиона человек. Сейчас их, несомненно, больше. Значительная масса «политишен» являются работниками аппарата партий или выполняют другие официальные функции, но немалое число из них — крупные и мелкие дельцы, орудующие закулисно. Последняя категория особенно осязается американцами во время всяких избирательных кампаний. Они ходят по домам и принуждают голосовать за того или иного кандидата.

«Я ненавижу тип этих людей, — сказал однажды один прогрессивный американец, — мордатых, грубых, наглых. Обязательно у них во рту слюнявая сигара, шляпа налета чересчур набекрень, тупые глазища и фальшивый перстень на толстом пальце».

Конечно, лишь немногие «политишен» делают настоящий, большой бизнес и «большую политику» в масштабе отдельных городов и штатов и, тем более, всей страны. Но было бы неверным преуменьшать роль и значение остальной массы. В целом многотысячная армия этих видимых и невидимых политиканов олицетворяет собой политическую природу американского капитализма. Она, эта армия, представляет собой ту силу, которая приводит в движение механизм «политической машины» американской плутократии, делающей президентов, сенаторов, членов палаты представителей, губернаторов. Она — живое воплощение всех пороков и мерзостей американского монополистического капитализма. Без «политишен» немыслимо существование буржуазного строя и функционирование пресловутых «американских свобод».

Сила и влияние «политишен» состоит в том, что именно с их помощью правящие круги создают сверху донизу угодный им аппарат местного и федерального управления. В США ежегодно происходит до двух десятков различных «выборов». Только официальных «выборных» должностей насчитывается свыше полумиллиона. Выдвижение кандидатов на любую выборную должность производится партийным аппаратом демократической и республиканской партий. Назначения на массу других, невыборных должностей осуществляется также в порядке закулисных партийных комбинаций. Главная задача армии «политишен» каждой партии — борьба за продвижение своих кандидатов на все должности, от поселкового мэра до президента.

Центральной фигурой партийного аппарата является так называемый «босс» (по-английски — хозяин). Формально он только руководитель местного партийного клуба (и то не всегда), а фактически — подлинный хозяин города, штата, выдвигающий кандидатов на все должности. Его ближайшими помощниками являются «участковые капитаны» (специальные уполномоченные партийного клуба), которые руководят избирательными участками и отвечают перед боссом за успех выборов каждого выдвинутого им кандидата. Подпольный штаб босса, или так называемый «ринг» (по-английски — круг), — это средоточие местной политической и административной власти, сыска и полициищины и, что самое важное, место распределения наживы.

К мнению о том, что босс — наиболее значительная фигура в политической жизни США, единодушно приходят все, кто изучал закулисный механизм американской партийной и избирательной системы. Вот, например, как профессор Чикагского университета Мерриам характеризует объем власти босса в своей книге «Американская партийная система»: «Босс намечает и выбирает членов законодательных, исполнительных и судебных органов, назначает и снимает должностных лиц, контролирует и направляет официальную политику». Ясное сказать нельзя.

Сила и влияние босса заключаются в том, что он в данном районе, городе является, так сказать, доверенным лицом большого бизнеса, которому вручена вся

полнота фактической власти и предоставлена полная свобода действий. Он — местный глава «политишен», которые беспрекословно ему подчиняются и действуют только по его указаниям.

Из каких же элементов формируются кадры «политишен» и подбираются боссы?

В стране, где гангстеризм, подобно гигантскому спруту, протянул свои щупальцы во все области быта и жизнедеятельности народа, — кто и что может обеспечить господствующей верхушке наилучший контроль над политической активностью масс и направление ее в надлежащее русло, как не те же самые гангстерские элементы, как не контакт с их лидерами. Тем более, когда господствующая верхушка, соответственно своим экономическим и политическим интересам, придала гангстеризму организованную форму. Использование гангстеризма для целей политического характера — это другая сторона системы «организованной» преступности.

Еще в те времена, когда преступность в США была «дикой», местные партийные боссы широко использовали ее. С помощью бандитских шаяк, оперировавших в районе, путем угроз и насилий они принуждали избирателей голосовать за выдвигаемых ими кандидатов. Постепенно это стало обычаем, и наиболее предприимчивые из гангстеров находили для себя весьма выгодным перевоплощение в «политишен», а их вожаки шли еще дальше и иногда сами делались местными партийными заправилами. Так в течение десятилетий складывался механизм «политической машины» американской «демократии» и утверждались ее «традиции».

Характеризуя особенности развития гангстеризма в США, глава чикагской комиссии по преступности Гарри Чемберлин в начале тридцатых годов прямо указал на сращивание ее с политической системой. «Преступность является большим сложным делом, — писал Чемберлин в американском «Журнале уголовного права». — Раньше связь преступников покоилась на взаимной дружбе и взаимности интересов, но в настоящее время она поставлена на деловую почву... Преступная шайка в настоящее время превращена в организацию профессионалов... Гангстеры содержат постоянную армию вооруженных людей и доказали свои способности в дни вы-

боров во многих больших городах страны. Избирательные мошенничества во время предвыборных собраний и на выборах обнаруживают тесный союз, существующий между участником шайки и политической заправилкой. Основа такого союза ясна... Не требуется особой фантазии, чтобы понять, что бандитские группы часто становятся политическими клубами и что глава вооруженной банды зачастую признается политическим вожаком в определенном районе».

Местные промышленники с благословения босса очень часто прибегали к услугам банды рекетиров для борьбы со стачками на своих предприятиях. Рекетиры и гангстеры еще в середине двадцатых годов были не только вооруженной силой для подавления выступлений рабочих, но и агентами сыска, «взаимодействовавшими» с частными детективными бюро и государственными органами. Чикагские предприниматели заключили на этот счет специальное соглашение со знаменитым Аль-Капоне. С этого момента его подручные стали пролезать в профсоюзные организации с целью шпионажа и часто с оружием в руках защищали интересы владельцев против рабочих.

Как отмечает один исследователь гангстеризма в США, бандиты не ограничивались формальным оказанием помощи местным боссам, — они постепенно приобретали «личный вкус» к партийной деятельности и устанавливали организационные связи с одной из партий (демократической или республиканской), т. е. становились ее членами.

Особенно широко, как мы уже отмечали, использовали гангстеров во время выборов. Это стало важнейшей «традицией» двухпартийной системы в США. Двей, директор частного детективного агентства по борьбе с рекетом, созданного в Нью-Йорке в 1935 году, вынужден был признать следующее: «В каждом городе, где выборы контролируются партийным аппаратом (а это повсеместно в США — В. М.), — писал он в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», — определенные люди ходят от одного места выборов к другому и голосуют. Они не оплачиваются. Средний районный партийный лидер обыкновенно не тратит на это денег. Но гангстеры получают эквивалентную защиту. Услуги во время выборов компенсируются

защитой через уголовные органы — это традиционный метод. Когда член рекета попадает под следствие, его оправдывают. Когда поставщик голосов арестовывается, он находит друзей в суде».

Таким образом, совершенно очевидно, что как в прошлом, так и в настоящем кадры «политишен» вербуются преимущественно из преступных элементов или людей, связанных с ними. Это — партийный костяк демократов и республиканцев.

Интересным примером полного сращивания местной партийной организации с преступным миром служит знаменитая «Таммани холл». Для полноты картины мы сделаем небольшой исторический экскурс. После войны за независимость в Нью-Йорке образовалось «Общество Таммани холл» (или «Колумбийский орден») — своего рода демократическая организация бывших участников войны, боровшихся с англичанами и до войны и называвших себя «сыновьями святого Таммани». В 1800 году «Общество Таммани» впервые выступило на политическую арену, поддерживая Джефферсона и занимая прогрессивную позицию в вопросе об избирательном праве.

Но затем деятельность «Таммани холл», официально ставшего клубом нью-йоркской организации демократов, начинает мало-помалу принимать иной характер. Став еще при Джефферсоне фактически муниципальной организацией Нью-Йорка, «Таммани холл», с одной стороны, превращается в оплот самой махровой реакции, а с другой — начинает широко использовать свои возможности для мошенничеств и преступлений в целях обогащения своих членов. Естественно, что такая «тактика» очень быстро привела к тому, что между «Таммани холл» и гангстерским «подпольем» Нью-Йорка установилось полнейшее взаимопонимание и теснейший деловой контакт.

Почти вся полутораветковая история «Таммани холл» — это сплошная цепь преступлений, колоссального грабежа и политического террора. Все это оставалось безнаказанным и покрывалось потому, что члены «Таммани холл» занимали в Нью-Йорке все важнейшие посты и пользовались большой поддержкой со стороны своих единомышленников в конгрессе и правительстве. Лишь в очень редких случаях, когда преступления были

из ряда вон выходящими, виновных привлекали к ответственности. Туид, бывший в свое время боссом демократов в Нью-Йорке и главарем «Таммани холл», по праву слышет одним из крупнейших, если не крупнейшим мошенником в мире: он ухитрился украсть 6 миллионов долларов. Кража была столь грандиозной, что Туида не могла спасти даже «машина» «Таммани холл»; он был арестован и впоследствии умер в тюрьме.

Специальная правительственная комиссия, под давлением общественного мнения, обследовавшая деятельность «Таммани холл», выявила ужасающие факты. Она установила, что самый мелкий участник этой преступной шайки, — а их были сотни, — имел средний годовой доход в 100 тысяч долларов. Газета «Дейли уоркер» по этому поводу писала: «...Можно представить себе, сколько миллионов эта банда вымогателей ежегодно крадет из карманов трудящихся Нью-Йорка. Их щупальцы проникают во все уголки жизни каждого рабочего. Эти бандиты засели в профессиональных союзах, их полицейские избивают рабочих, их инспекторы здравоохранения дают детям рабочих недоброкачественное молоко... «Таммани» вымогает мзду у всех торговцев продовольствием и посредством этого невидимого налога увеличивает в стране дороговизну. Он ставит своих людей к руководству школьными делами и этим разлагает его. «Таммани холл» — подлинный спрут, разжиревший на рабочей крови. Все, кто родились и выросли в Нью-Йорке, знают, что над всей их жизнью всегда висит тень этого чудовища».

Таков достаточно красочный облик партийного ринга демократов в Нью-Йорке. «Таммани холл» — это не только партийный центр, но и в полном смысле рекетир-ринг, настолько тесно переплетение преступной верхушки Нью-Йорка с руководством «политической машины». Характерно, что вокруг «Таммани холл» объединились все реакционеры, мошенники и бандиты, вне зависимости от принадлежности к демократической или республиканской партии.

В настоящее время огромное влияние на политическую жизнь Нью-Йорка оказывает некий Фрэнк Костелло, возглавляющий национальный синдикат игорных домов. Как и многие другие боссы преступного мира

США, Костелло начал свою карьеру в период действия так называемого «сухого закона». Им было создано тогда своего рода «акционерное общество», занимавшееся контрабандным распространением алкогольных напитков. Затем, в 1929 году, Костелло одним из первых среди гангстерских главарей становится на путь создания системы организованной преступности. Он был одним из инициаторов «съезда» гангстеров в Атлантик-Сити, на котором произошло разделение всей территории США на отдельные районы, каждый из которых был предоставлен в полное распоряжение какой-либо «организации гангстеров».

После отмены «сухого закона» Костелло избрал объектом своего внимания игорные дома, которые он объединил в один огромный концерн. Как указывает в своем отчете «Комиссия по вопросам организованных преступлений» штата Калифорния, синдикат, возглавляемый Костелло, получает ежегодно от деятельности различного рода автоматических рулеток доход, достигающий двух миллиардов долларов. Около 20 процентов этой суммы, то есть по крайней мере 400 миллионов долларов, Костелло тратит ежегодно на «взятки и подкупы государственных служащих». Благодаря этой системе взяток и подкупов Костелло пользуется огромным влиянием особенно в Нью-Йорке и в штате Луизиана. Как заявил представителям печати бывший помощник мэра Нью-Йорка Кленденин Райян, Костелло в действительности является «сверх-мэром» города Нью-Йорка и держит в своих руках аппарат демократической партии города.

В январе прошлого года в одном из самых фешенебельных ночных кабаков Нью-Йорка Костелло организовал «благотворительный обед». На обеде рядом с «королем игорного мира» восседали пять членов верховного суда штата Нью-Йорк и другие видные чиновники. В данном случае Костелло выступал не как гангстерский босс, а в качестве вице-президента так называемой «Армии спасения», занимающейся, как известно, не только «благотворительной», но и шпионско-провокационной деятельностью. Поистине нет предела предприимчивости американских гангстеров.

Не менее любопытной является фигура босса штата Калифорния Арти Самише. Журнал «Кольере» посвятил ему специальный очерк, который называется «Тайный

босс Калифорнии». Для характеристики этого закулисного правителя целого штата предоставим слово автору статьи.

«...В Калифорнии есть человек, — пишет он, — который не занимает никакого официального поста. Он ответственен только перед теми, кто его нанимает. И, однако, этот человек может проталкивать или замораживать законы в нашем законодательном собрании. Он назначил нашего генерального прокурора. Он избрал мэра города Сан-Франциско и сказал ему, кого следует назначить полицейским комиссаром. Он обладает достаточной властью, чтобы назначать или проваливать губернаторов...

В чем источник такой силы этого босса, в чьих интересах он ведет свою деятельность? Самиш является приказчиком калифорнийских банкиров, владельцев железных дорог, химических компаний, торговцев спиртными напитками, хозяев увеселительных заведений. Его клиенты имеют миллионные состояния. Для них Самиш проводит соответствующее законодательство».

В течение свыше трех десятилетий Самиш безраздельно господствует над штатом Калифорния! Самые вопиющие преступления, совершаемые им, остаются безнаказанными.

Среди тысяч политических подлецов, лицемеров и демагогов, подвизающихся в современной Америке, имя Тома Пендергаста, безусловно, самое «выдающееся». Это — наглядный пример жизненного пути крупного «политишен»: кабатчик становится гангстером-бутлеггером, затем уважаемым бизнесменом, местным партийным боссом и заканчивает свою карьеру в качестве политического «лидера общенационального масштаба». В период «сухого закона» Том Пендергаст содержал в своем родном Канзас-Сити тайный притон разврата под вывеской шикарного отеля и одновременно вел крупную оптовую торговлю пивом и контрабандным виски. В то же время он был руководителем клуба демократической партии в графстве Джексон.

Такая разносторонняя деятельность оказалась весьма прибыльной, и Пендергаст вскоре стал крупным капиталистом. Монополизировав поставку бетона для дорожного строительства в своем графстве, он разбогател

еще больше. Но его манила перспектива быть политическим лидером федерального значения, «делать» тех, кто «правит» страной. И, не покидая своего Канзас-Сити, «Большой Том» путем сложных интриг и всяческих комбинаций распространяет свое влияние на весь штат Миссури — становится его боссом. Пендергаст не делает из этого тайны, — наоборот, он этим громогласно козыряет. На страницах «Нью-Йорк таймс» он цинично разглагольствует о своей власти и применяемых им методах: «Я хозяин. Я хозяин благодаря моим способностям. Я знаю все организаторские уловки. Я знаю, как выбирать участковых капитанов и как подойти к бедняку. В распоряжении каждого из моих служащих имеется фонд, за счет которого он может купить пищу, уголь, обувь, одежду. Когда бедный человек приходит к моим людям просить о помощи, мы просто набиваем его брюхо, обогреваем его тело и заставляем голосовать так, как нам нужно».

Было бы по меньшей мере наивностью представлять себе, что правящие круги США позволят каждому, хотя бы и незаурядному авантюристу или бизнесмену по собственному желанию выдвинуться на роль руководителя «политической машины». «Посвящение» в боссы — это приобщение к той немногочисленной касте, которая правит Соединенными Штатами. Члены этой касты, так же как и боссы, очень часто не занимают никакого общественного и официального положения, но адрес их точно известен: Уолл-стрит. Они соперничают и конкурируют между собой в погоне за наживой и властью, но в борьбе с массами они едины, их связывает общность страха перед грядущей ответственностью за совершаемые преступления и объединяет круговая порука.

«Быть верным своей шайке», по словам одного американского публициста, — это аксиома политической деятельности в Соединенных Штатах. Покойный сенатор Бойс Пенроз, бывший продолжительное время боссом республиканцев в штате Пенсильвания, сформулировал этот священный завет плутократии несколько образнее: «стоять за своих собственных мерзавцев».

Вся жизнь и деятельность «Большого Тома» — нагляднейшее подтверждение сказанному. Это — общенациональный тип босса. Его методы, как и личность ти-

пичны для всей «политической машины» США. Своей важнейшей задачей Пендергаст считал проведение «подходящих» кандидатов на все руководящие посты в штате и в члены конгресса. Успех этих своих собственных кандидатов он обеспечивал на выборах старыми, испытанными способами. Избирательная машина отрегулировалась им каждый раз до последнего винтика.

Основной агентурой Пендергаста в момент выборов были так называемые «пловцы» (по старой избирательной терминологии в США), иначе говоря, подручные участкового «капитана», в функции которых входит обеспечить явку на выборы соответствующего числа избирателей, заблаговременно распропагандированных им в пользу такого-то кандидата. За это «пловцам» выплачивается определенное «поштучное» вознаграждение. Сейчас эту публику именуют иначе, но суть их деятельности та же. Чтобы собрать нужное число голосов, Пендергаст широко прибегал к использованию так называемых «привидений» и «соней». Первые — это давным-давно умершие избиратели; их фамилии заносятся в избирательные списки, а голосуют за них подставные лица. Вторые — это избиратели, переехавшие в другую местность, но за определенную мзду голосующие за определенного кандидата на прежнем месте жительства.

Решающей же силой, которая в любых условиях гарантировала Пендергасту нужный исход выборов, являлись так называемые «наездники» — попросту местные гангстеры. Главарь этих последних, итальянец Джонни Лазиа был видной фигурой в Канзас-Сити: он был главой рекетир-ринга и главным помощником босса. Сотни публичных домов, игорных и иных притонов были для Лазиа источником крупных доходов. Пендергаст и не думал скрывать своих взаимоотношений с вожаком гангстеров, он открыто признавался в этом. «Лазиа — это один из моих главных адъютантов, — писал он, — и я больше заинтересован в его благополучии, чем в чем бы то ни было».

Джонни Лазиа, официально состоявший в рядах демократической партии, одно время «сам себя выдвинул» на роль босса демократов в первом районе Кан-

заса. Он поручил своим подручным попросту украсть настоящего босса, всех его «капитанов» и других помощников, а затем сам стал выполнять функции местного партийного руководства. «Большой Том» снисходительно отнесся к этой «шутке» своего «адъютанта». Но он же впоследствии, не задумываясь, приказал «убрать» своего Джонни, когда этого потребовали интересы «высокой политики»: Лазиа был убит в самом центре Канзаса пулеметным огнем из засады.

Таковы «политические нравы» и гангстерские методы современной американской плутократии.

«Наездники» Лазиа во время избирательных кампаний практиковали различные методы «собираения» голосов. Некоторые из них, спозаранку являясь на избирательный участок, голосовали вместо многих десятков «сомнительных» избирателей, о чем они нагло заявляли последним, когда те приходили на участок. Другие, вооружившись до зубов, разъезжали по городу на машинах, демонстрируя свою готовность применить оружие против «несознательных» избирателей. Используя все эти методы, Пендергаст, если бы захотел, смог бы, выражаясь словами одного американского журналиста, провести на выборах рыжего пса против апостола Павла.

Главным ставленником Пендергаста был Гарри Трумэн. «Большой Том» его заметил, когда ему понадобился человек на пост выборного судьи штата. И Трумэн стал судьей. Затем он продвигает его в сенат и выше. В июне 1947 года Икес, бывший министр внутренних дел США, опубликовал в газете «Нью-Йорк пост» статью, разоблачающую деятельность Пендергаста. Икес писал, что Трумэн «в течение долгого времени пользовался помощью аппарата Пендергаста. При его поддержке Трумэн впервые был избран в сенат. При его поддержке Трумэн был переизбран в сенат на второй срок. Благодаря сотрудничеству Пендергаста с другими лидерами политической машины различных городов — мэром города Джерси-Сити (штат Нью-Джерси) Франком Хэг, бывшим председателем национального комитета демократической партии и бывшим губернатором Нью-Йорка Флинном, бывшим председателем национального комитета демократической партии Хэннегеном в

мэром города Чикаго Келли, Трумэн стал вице-президентом США, а впоследствии президентом».

«Большой Том» умер 26 января 1945 года, и Трумэн, находившийся в Вашингтоне, вылетел на армейском бомбардировщике в Канзас-Сити, чтобы присутствовать на похоронах своего босса.

Три года с немногим спустя в США была опубликована книга Мориса Миллигена, бывшего прокурора Западного округа штата Миссури, занимавшего этот пост с 1934 по 1944 год. Пендергаст и Миллиген были «политическими» противниками. Миллиген вел с местным боссом демократов ожесточенную борьбу, в ходе которой разоблачил множество совершенных им преступлений. Он даже сумел привлечь его в 1939 году к судебной ответственности за... неуплату налогов, в результате чего Пендергаст был приговорен к 15 месяцам тюремного заключения, 10 тысячам долларов штрафа и уплате свыше 400 тысяч долларов как суммы, утаенной им от внесения в качестве подоходного налога. Но только когда матерый гангстер умер и прошел еще изрядный срок, Миллиген рискнул предать гласности историю преступлений этого босса.

В своей книге Миллиген дает любопытное описание одной из избирательных кампаний в Канзас-Сити, во время которой Пендергаст столкнулся с организованным противодействием некоторой части местных жителей.

«Пендергаст, — пишет Миллиген, — решил одержать победу во что бы то ни стало. Его когорта располагала мощным политическим аппаратом, каждый избирательный участок был «организован» до максимально возможных пределов, в фальсифицированных избирательных списках фигурировало более 50 000 «привидений». Но всего этого «боссу» было еще мало. На улицах города появились автомашины без номеров. В них сидели хулиганы, в большинстве случаев вооруженные».

Этими хулиганами была обстреляна штаб-квартира оппозиции, находившаяся в самом центре города. Ими же были избиты многие из участников оппозиционной группы.

«Весь день совершались насилия. Полиция бездействовала. Не видя конца произволу, отчаявшиеся граждане обратились к губернатору штата Миссури с телеграммой,

в которой указывали на творившиеся безобразия и просили принять меры. Результат был такой же, как если бы телеграмма была отправлена на планету Марс»...

Упомянувшийся нами сенатор Пенроз говорил, что бывают моменты, когда в связи с теми или иными обстоятельствами становится необходимым одного из «своих собственных мерзавцев» «бросить на растерзание волкам». Но тогда, поучал он единомышленников, необходимо «стоять за остальных». Судебное преследование Пендергаста было вызвано, с одной стороны, именно необходимостью как-то удовлетворить общественное мнение, возбужденное колоссальным размахом преступной деятельности канзасского босса, а с другой стороны — внутренними и межпартийными распрями на почве стяжательства и протекционизма.

Пендергаст просто зарвался. Пока он брал взятки у «мелочи», ему все прощалось, но когда он начал вымогать и получил 750 тысяч долларов у крупнейших американских страховых компаний, ему тотчас же дали по рукам. Большой бизнес не мог простить такого своеволия даже Пендергасту. Именно это и привело его в тюрьму.

«Большим Томом» «пожертвовали», но за «остальных стояли крепко». «Политическая машина» Пендергаста продолжает действовать и сейчас. На смену старику Тому пришел его племянник Джим. Осуждение Тома Пендергаста не повлияло на дружбу Гарри Трумэна с ним и его преемником. «Он был моим другом, а я был его другом», — заявил он репортерам на могиле покойного и не замедлил принести присягу на верность новому боссу. По словам Миллигена, «в кабинете Джима Пендергаста сейчас висит портрет президента Трумэна, снабженный следующим автографом: «Джеймсу М. Пендергасту — другу, товарищу и советнику».

Свою «исправность» «политическая машина» Пендергастов наглядно продемонстрировала в 1946 году. Те же самые методы обеспечили успех и кандидатам нового босса. От избирателей поступила масса заявлений о различных фальсификациях в ходе выборов. Проведенное расследование, которое местные власти были вынуждены назначить, полностью подтвердило факты, указанные избирателями. Было предъявлено обвинение 71 лицу. Поддельные бюллетени и прочие уличающие

обвиняемых материалы были свезены в здание суда в Канзасе, где их сложили в стальные ящики, а последние поместили в подвал с бронированной дверью.

Но власти не спешили начать расследование, они искали способов, как бы безболезненней покончить с этим «неприятным делом». Из затруднительного положения их вывели «наездники» Пендергаста: просверлив стальную дверь подвала, они похитили все избирательные материалы.

Скандал был столь громким, что председатель избирательной комиссии просил Федеральное бюро расследований немедленно начать следствие. Но последнее ответило, что не имеет соответствующих полномочий... В цитировавшейся нами выше статье Икес спрашивал, даст ли Трумэн приказ министру юстиции провести тщательное расследование ситуации в Канзас-Сити. «Страна, — писал он, — ожидает от Трумэна ответа на этот вопрос».

Ответ этот не получен американцами до сих пор. Зависимость от босса, возникшая в дни, когда благодаря ему Трумэн получил пост судьи, продолжает довлеть над президентом и теперь». «Никто... не может опровергнуть утверждения, — пишет Миллиген, — что без помощи босса Пендергаста карьера Гарри Трумэна закончилась бы довольно далеко от Белого дома... Биографы могут стремиться свести к минимуму значение политического союза между Томом Пендергастом и Гарри Трумэном, но история остается историей, нельзя затмить факт лишь желанием забыть о нем». Действительно, факты упрямая вещь!

ТРЕСТ УБИЙЦ И БАНДЫ «ОТРАВИТЕЛЕЙ»

«Убийство — это наш способ улучшения расы. Пусть у других народов свои системы, наша система — убийство. Это американская система, а потому — самая лучшая». Читатель, наверно, подумает, что эти строки являются бредом сумасшедшего, — нет, это выдержка из статьи, опубликованной в американской печати. Автор статьи Дж. Х. Уоллис приводит данные, свидетельствующие о том, что по количеству убийств США стоят на первом месте в мире. Но самое интересное признание автора, основанное на фактах, — это то, что

убийство не является в Америке наказуемым преступлением.

«Если только один из ста убийц подвергается смертной казни, а сравнительно немногие попадают в тюрьму, то где же подавляющее большинство? — задает вопрос Уоллис и тут же отвечает: — Убийцы живут среди нас, они свободны, как любой из нас. Они возвращаются в обществе, ведут дела. Эти мужчины, женщины и подростки, убившие людей, занимаются, чем им вздумается, едят, пьют, спят, любят и вступают в брак. При желании любят других убийствами и готовятся к очередным преступлениям. И таких — тысячи».

В современной Америке, как пишет американский писатель и критик Оден в статье, опубликованной в журнале «Харперз мэгэзин», «убийца — это бунтарь, предъявляющий свое право на всемогущество», а «убийство — это не что иное, как метод негативного творчества».

В 1926 году чикагский судья Кавана заявил, что в США гуляет на свободе самое меньшее 135 тысяч убийц. В 1936 году, спустя десять лет, другое лицо подсчитало, что в США находятся на свободе уже 281 тысяча убийц. В 1940 году в Нью-Йорке было обнаружено существование «треста убийц», который совершал убийства на основании соответствующих контрактов. Трест специально подготовлял для своей преступной деятельности молодых людей. Вначале их обучали воровству, затем использовали в качестве шоферов автомобилей, которыми пользовались при убийствах, а затем превращали их в профессиональных убийц. Трест действовал по всей стране, всем предлагая свои услуги. Арестованные двое убийц из этого треста сообщили много подробностей о его деятельности. По их словам, трест имел массу «контрактов» и получал огромные прибыли, однако очень скромно оплачивая «труд» самих исполнителей. Они высказали предположение, что трест связан с какой-то влиятельной политической организацией, ибо если «исполнители» треста по совершении убийства и арестовывались, то затем их вскоре выпускали на свободу.

Прогрессивный английский журналист Дерек Картэн в своей недавно опубликованной книге «Такова Америка»

пишет, что в США «имеется компания под названием Акционерная компания убийств. Она функционирует в Нью-Йорке и частным порядком доставляет убийц ценой от 500 долларов (за ликвидацию рядовых граждан) до 20 тысяч и более (за устранение политических деятелей)».

Это последнее обстоятельство и приоткрывает завесу над тем, кто и в каких целях заинтересован в том, чтобы в США все возрастали банды убийц и чтобы им была обеспечена фактическая безнаказанность. Как известно, террор — это испытаннейший способ реакции в борьбе с освободительным движением масс. Использованию вооруженных гангстеров в качестве террористических банд для устрашения трудящихся отводится в планах американской плутократии первостепенное место. Именно из этих соображений правящие круги США, вопреки действующим законам, всячески способствуют вооружению бандитов. Несмотря на запрещение продажи оружия лицам, не имеющим разрешения на его ношение, приобрести в США пистолет любой марки так же легко, как купить сигару. Лишь в очень редких случаях магазины, торгующие оружием, требуют у покупателей предъявления соответствующего разрешения. Фабриканты, производящие оружие, и торговцы, распространяющие его по стране, ведут свои операции в огромных масштабах. До войны промышленность США выпускала ежегодно более 500 тысяч револьверов, и все они продавались. Бандиты без малейшего труда добывают даже такое смертоносное оружие, как пулеметы. Пистолеты-пулеметы системы Томпсона, выпускающие 600 пуль в минуту, — излюбленное оружие американских гангстеров.

Если у рядового американца, не связанного ни с полицией, ни с преступным миром, обнаружат оружие, то его осудят. Но гангстер не только может носить и хранить любое оружие, но и волен использовать его, как ему заблагорассудится. Например, среди бела дня и в самом людном месте откроет стрельбу по намеченной жертве, и находящийся рядом полисмен «не заметит» этого «события» или благоразумно удалится.

Наконец, хотя продажа и перевозка взрывчатых веществ в США ограничиваются законами, преступный

мир без каких-либо трудностей добывает для своих нужд большое количество динамита и нитроглицерина.

По словам бывшего генерального прокурора США Гомера Каммингса, высчитано, что в подпольном мире Соединенных Штатов насчитываются миллионы людей, носящих смертоносное оружие. Американские гангстеры располагают прекрасным вооружением, и слабый контроль над производством и продажей оружия и боеприпасов в США преследует совершенно определенные политические задачи.

Картина использования американской реакцией гангстеризма в политических целях будет неполной, если не упомянуть об «идеологической» стороне вопроса. Среди преступного мира США усиленнейшим образом культивируются фашистские настроения. Многие видные бандитские главарь одновременно состоят членами фашистских организаций и даже возглавляют их. Например, Чарльз Лючиано, один из виднейших монополистов гангстеризма, был вместе с тем лидером общества «Союз Сицилии» — организации итальянских фашистов в США. Итальянским фашистом был и Джонни Лазиа, что ничуть не мешало ему состоять также и членом демократической партии США. Недаром Муссолини наградил в 1938 году Тома Пендергаста орденом Короны Италии. Фашизм пустил глубокие корни в мире гангстеров. Активизация деятельности фашистских организаций в США имеет непосредственное влияние на развитие бандитизма.

Главарь американских гангстеров давно уже уловили «дух времени» и при всяком удобном случае демонстрируют свою готовность служить целям антисоветской пропаганды. Еще пресловутый Аль-Капоне, после осуждения по обычному обвинению в неуплате налогов, удалившийся на «покой» в тюрьму на островке Алькатрас, избрал там занятием для себя писание антисоветских статей. Газеты Херста как величайшую сенсацию стали публиковать галиматью этого головореза, начавшего свою карьеру шулером в известной в Нью-Йорке шайке «Пять точек» и закончившего ее в амбула херстовского журналиста, поставляющего свою продукцию из тюрьмы.

Было бы, конечно, странным, если бы в этом деле обошлось без обычной американской детали — сыска. В гангстеризме сыск занимает виднейшее место. Но не поймите нас превратно, читатель! Речь идет не о деятельности государства, направленной к искоренению преступности, а о секретной службе бандитских организаций, используемой в своих интересах властями и политическими партиями. Крупные шайки гангстеров всегда имели свою тайную агентуру как для наружного наблюдения, так и внутреннего осведомления. Гангстеры — шпики с точки зрения техники этого дела — нередко работают лучше секретных агентов полиции.

В прошлом эта агентура использовалась главарями преступного мира исключительно для наблюдения за своими конкурентами, жертвами. Ныне бандитский сыск используется преимущественно в целях политической борьбы. Создать хороший собственный аппарат сыска — первейшая задача каждого босса. Аппарат этот — важнейший залог успеха его деятельности. И поэтому каждый босс не жалеет для этого никаких усилий и средств. «Его секретное бюро отлично, — пишет цитировавшийся нами выше профессор Мерриам, — его агенты и шпионы находятся повсюду; от них он получает скорую и исчерпывающую информацию относительно враждебных сил и планов, настроения общественного мнения и состояния всех сил, играющих важную роль в данном районе. Он располагает профессиональной армией, получившей хорошую тренировку в политической войне».

Пендергаст, например, имел разветвленную шпионскую организацию, которая действовала по всему штату Миссури и информировала босса обо всем, мало-мальски представлявшем для него интерес.

Особенно развивают свою деятельность секретные организации местных боссов в момент выборов. Они тщательно за всем наблюдают и выявляют всех «инакомыслящих». Кроме того, на них возлагается выполнение одной деликатной функции, играющей во время избирательных кампаний весьма существенную роль. Им поручается распускание всяких слухов по адресу кандидатов противной стороны. Данные о такого рода приеме избирательной борьбы, получившем наименование «кампании нашептывания», впервые были опубликованы

в американской печати в 1920 году во время состязания между Гардингом и Коксом за президентский пост, но практикуется он в США политическими партиями с незапамятных времен.

Каждый босс использует для этой цели своих шпионов, которые снабжаются соответствующим материалом и всеми способами распространяют его по городу. Очень часто их деятельность бывает рассчитана на более серьезные последствия, например провоцирование расовых и иных выступлений, распространение антисоветской и фашистской пропаганды. «Группы отравителей» (они действуют группами, каждая в определенном районе, но участники их занимаются своим подлым ремеслом индивидуально) — мало известная разновидность американского сыска, получившая широкое применение в последнее время. От этих «отравителей» исходят и молниеносно распространяются всякие вымыслы о «красной опасности» и тому подобная чушь. Один видный американский наблюдатель писал: «Поразительно, до чего быстро вымысел, передаваемый из уст в уста, может в городе с миллионом жителей обойти всех, пропитать все население. Поразительно также, какое огромное количество людей может поверить самым превратным слухам, в особенности если последние носят непечатный характер. Это нашептывание представляет собой коварное и гнусное явление. В каждой большой кампании, исход которой сомнителен, можно ожидать появления этих «групп отравителей».

Еще в прошлом веке известный британский государственный деятель лорд Солсбери дал меткое определение тому, как понимают англо-саксы политическую деятельность. Он сказал: «Политика — просто бизнес». Мы не знаем, был ли известен этот афоризм английского лорда главарю канзасских бандитов «Большому Тому», но он многим позже аналогичным образом охарактеризовал суть того, что американцы подразумевают под термином «политика». Пендергаст поучал своих ставленников, продвигаемых им к власти, что «политика это такое же деловое предприятие, как и всякое другое».

Использование гангстеризма американской плутократией в своих экономических и социально-политических интересах является грандиозным «деловым предприя-

тием», бизнесом. В нем тесно сочетаются барыш и политика, демагогия и расизм. Бандитские вожаки оказались способными учениками заправил Уолл-стрита. Это «предприятие» стало для последних источником колоссальных прибылей и вместе с тем оплотом против сил прогресса и культуры.

КУЛЬТИВИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАХА

Как и всякое капиталистическое предприятие, американский концерн «Преступление» нуждается в соответственном «паблисити», т. е. рекламе. Реклама эта организована с небывалым даже для американской практики размахом. Тысячи газет и журналов, радио, десятки издательств, кино и театры изо дня в день занимаются тем, что всяческими способами прививают американцам «вкус» к преступлениям, рекламируют их как наивысшую форму «негативного творчества», как самую существенную деталь «американского образа жизни». Насажение культа гангстеризма теснейшим образом переплетается с пропагандой стяжательства: все способы позволительны, когда человек стремится к наживе.

Американская печать всегда уделяла огромное внимание освещению бандитизма, она смаковала и детальнейшим образом обсуждала любое событие в мире гангстеров, делала его величайшей сенсацией. Тем самым печать постоянно способствовала развитию в стране преступности. Некоторые криминологи и публицисты в этой связи специально занимались исследованием вопроса об объеме материала, относящегося к преступности, который публикуется в американских газетах. Так, например, Френс Фентон в 1911 году установила, что в 57 американских газетах более 8 процентов всех материалов касались гангстеров и совершенных ими преступлений. В 1929 году Джозеф Холмс на примере 12 столичных газет выявил, что этот процент колебался уже от 11,8 до 33,1.

Был произведен интересный подсчет, показавший, какое внимание мировая буржуазная пресса уделила личности известного американского гангстера Аль-Капоне. Оказалось, что о нем было напечатано 1 587 422

столбца, кроме того, в газетах и журналах было помещено 5 050 его фотографий.

Весьма показательно, что ныне американская пропаганда стремится вновь возродить интерес к этой «легендарной» личности. В конце 1947 года нью-йоркские газеты сообщали о том, что подготавливается съемка фильма, повествующего о жизни и «деятельности» известного гангстера. Кинофирма привлекла к участию в постановке фильма жену бандита, проживающую в Чикаго, переговоры с которой вел его бывший адвокат. Картина «Жизнь Аль-Капоне», видимо, должна засвидетельствовать молодым американцам, каких вершин «славы» они могут достигнуть, если пойдут по его стопам.

Это стремление непрерывно поддерживать у американцев нездоровый интерес к явлениям преступности, равно ко всему аморальному, таит в себе глубокий политический смысл: отвлечь народ от «опасных мыслей». Мощный аппарат капиталистической пропаганды имеет своей центральной задачей обеспечить изображение американской жизни не как арену ожесточенной экономической и политической борьбы классов, а «как трехъярусный амфитеатр, охватывающий спорт, преступность, сексуальность».

Процесс морального растрепания людей осуществляется не от случая к случаю, а организован самым «деловым» образом. С малых лет американцу начинают преподносить в самом натуральном изображении все тонкости ремесла бандита, поучают его, как можно безнаказанно совершить любое преступление, возвращают в нем самые человеконенавистнические, зверские инстинкты. Его мозг отравляют ядом аморализма, чудовищными картинами изощренных злодеяний. Героем ребенка делают гангстера, шпиона и сыщика, окружаемых ореолом романтики.

В Соединенных Штатах издается 250 ежемесячных детских журналов, так называемых «комикс», выходящих многомиллионным тиражом. По своему содержанию они приспособлены к тому, чтобы ребенок получал в самом красочном виде представление о всевозможных формах преступления и сыска в настоящем и будущем.

Англичанин Баден-Пауэлл (основатель бойскаутской

организации, цель которой состоит в том, чтобы с самого раннего возраста готовить буржуазную молодежь к поприщу сыска) писал, что искусство шпионажа — это вроде игры в охоту на человека. Так вот, когда смотришь на многокрасочные иллюстрации в этих «комиксах», снабженные лишь краткими пояснениями, то видишь перед собой такую дикую фантастику охоты человека за человеком, такое море крови, что даже взрослому, выдавшему виды человеку становится не по себе. Вряд ли в специальных пособиях по криминологии и судебной медицине можно встретить описание таких чудовищных преступлений, как в американских «детских» журналах.

Надо заметить, что вся эта грубая стряпня, развращающая подрастающее поколение культом гангстеризма и сыска, консультируется и апробируется очень часто известными в США светилами психиатрии и педагогики.

В Америке широчайшим образом рекламируются и получают огромное распространение самые настоящие «учебники» для начинающих преступников. В 1948 году наиболее ходкой новинкой на американском книжном рынке была книга «Как безнаказанно совершить убийство». Автор книги, некий Даниель Ф. Эхерн, бывший киносценарист, 18 раз подвергался арестам за кражи и другие преступления. На своем произведении он заработал изрядный капитал: в короткий срок его книга разошлась в США в количестве 200 тысяч экземпляров — небывалый тираж!

Малолетние гангстеры знакомятся с методами совершения преступлений прежде всего с помощью кинофильмов. Не так давно американские профессора педагогики Блюмер и Хаузер опубликовали книгу «Кинофильмы и преступность», в которой они на примере множества фактов показывают, какие широкие возможности предоставляет американское кино начинающим преступникам для повышения своей «квалификации». В книге приведено 30 способов воровства, грабежа и жульничества, популяризируемых в различных кинокартинах.

Культивированию преступности среди американской детворы служат и выпускаемые в США в продажу детские игрушки. Летом 1949 года игрушечный магазин в

Атлантик-Сити рекламировал новую детскую игрушку, рекомендованную покупателям, как «набор инструментов, необходимых при совершении преступления». Как сообщала газета «Батай», «набор» состоит из револьвера, кинжала, ножа и топорика.

В последнее время ассортимент детских игрушек, продаваемых в США, усиленно пополняется атомными новинками. Целая фабрика занята их массовым производством. Если в первом случае речь идет о чисто «внутриамериканском» явлении, то во втором — это не что иное, как пропаганда международного разбоя, пропаганда «неизбежности» новой мировой войны.

Прямым следствием разнузданной пропаганды гангстеризма среди молодежи является колоссальный рост преступлений, совершаемых подростками. Но ужаснее всего тот факт, что часто такой малолетний преступник, воспитанный «комикс» и кино, руководствуется просто желанием «попробовать быть жестоким». Характерным примером осуществления подобного желания может служить нашумевшее в США дело Фреда Смигельского в городе Харрисоне (штат Нью-Джерси).

Осенью 1947 года, этот 14-летний подросток убил своего 11-летнего двоюродного брата Джеки Престона. На следствии Фред Смигельский заявил, что совершение им зверского убийства было продиктовано желанием «доказать жестокость». Из всей картины преступления, сенсационно преподнесенного херстовской прессой, видно, что убийца подражал методам убийств, о которых ежедневно слышал в передающихся по радио инсценировках рассказов о гангстерах или читал и видел в иллюстрированных изданиях.

Газета «П. М.» в статье, посвященной делу Смигельского, писала, что указанный мальчиком мотив преступления «представляет собой один из самых убийственных обвинительных актов, предъявленных нашей цивилизации». «Мы, американцы, — писал автор статьи Макс Лернер, — учим наших детей быть безжалостными, высмеиваем их, когда они проявляют чувствительность или человеческие чувства... Вся наша цивилизация пронизана насилием человека над человеком. Это отражено в наших кинофильмах до такой степени, что мы уже не считаем хорошей картиной, в которой нет не-

скольких смертей. Этим насыщены наши радиопрограммы... Это отражено в нашей деловой психике, которая твердо противостоит всему, что не является доходным в самом жестком смысле слова. Этим проникнута вся наша культура».

Система насаждения среди подрастающего поколения американцев культа гангстеризма и сыска теснейшим образом переплетается с антисоветской и антикоммунистической пропагандой, для ведения которой используется малейшая возможность.

Издание и распространение этой омерзительной «литературы» для детей и юношества непосредственно инспирируется таким органом, как Федеральное бюро расследований. Об этом можно судить хотя бы по рекомендации, сопровождающей каждую книжонку из серии «Специальный агент», в которой указывается: «Эта серия книжек написана в сотрудничестве с Федеральным бюро расследований. Изображаемые положения являются подлинными. Персонажи тоже подлинные... «Содержание этих книжек заключается портретом главы американской охраны Эдгара Гувера и рекламным объявлением руководимого им ведомства.

Таким образом, одновременно достигаются две цели: культивируется преступность и порок — во-первых, пропагандируется сыск и подбираются для него кадры — во-вторых.

Ведущим персонажем во всей этой стряпне является так называемый «сюпермэн» — «сверхчеловек». По своей профессии — он в основном детективный агент, который обладает сверхъестественной силой и чудодейственными возможностями. Его задача состоит якобы в борьбе с преступниками. Однако по сути дела успехи «сюпермэна» в этом направлении более чем сомнительны. Противостоящие ему гангстеры, вопреки всем унижениям и изобретательности «сюпермэна», неизменно преуспевают и совершают самые дерзкие грабежи, убийства и налеты. Американская действительность — яркое подтверждение сказанному.

Американские «комиксы» оказывают чудовищное влияние на американских детей. Об исключительной вредности такого сорта «литературы» пишут и некоторые американские ученые. Так, один из них Джерсон Лэгмэн

в «Журнале психотерапии» констатирует: «Комикс» преуспели в одном: они дали каждому ребенку Америки такой полный курс параноидной мании величия, какой никогда не преподносился детям даже в гитлеровской Германии, они внушили им такую уверенность в моральном оправдании физической силы, о котором не смел и мечтать ни один из немецких фашистов».

Столь же тщательно разработана методика насаждения культа преступления среди взрослых. Произведения на детективную тему сейчас — самая ходкая книжная продукция в Америке и самый модный «литературный» жанр. Пекутся они, как блины, и по строго установленному шаблону в смысле своего воздействия на психику читателя. Одна разновидность детектива имеет своей задачей «вызвать дрожь», другая — «вызвать потрясение».

В США детектив всегда был в почете у литературной критики и хозяев издательств, но теперь как первая, так и вторые не довольствуются былым стандартом для подобного сорта изданий. Ныне они требуют от поставщиков этой литературной макулатуры такой изощренности в подаче материала, чтобы читатель был загнан в состояние полного транса. Издатели требуют, чтобы в детективе были такие обязательные элементы, как убийство, кровосмешение, отравление, налеты. Чем больше в «произведении» нагромождено всяческих комбинаций уголовной эксцентрики, тем более восторженно оно встречается американской прессой.

Культ преступления и сексуализма стал господствующим и в американском театре и кино. По тому же шаблону, что и в литературе, создаются сотни фильмов и десятки пьес, до отказа насыщенных эпизодами кровавой «экзотики» и половой извращенности. Гангстер и сутенер, садист и эротоман — самые положительные персонажи в них!

С помощью «комикс» и детектива мощная машина американской пропаганды вовлекает в систему организованной преступности все новые и новые «кадры», создает огромную армию потенциальных убийц и нравственно растленных людей. Буржуазная молодежь и морально неустойчивые и деклассированные элементы легко становятся жертвой их пагубного влияния. Что

касается прогрессивной интеллигенции, широких трудящихся масс, то капиталистическая пропаганда ставит своей задачей, используя эти методы, утратить их, подавить их волю к борьбе.

Чувство страха и неуверенности — это обычный спутник «маленьких» людей в капиталистическом обществе, где человек человеку — волк. В мире, где господствует жесточайшая эксплуатация и конкуренция, и не может быть иного состояния. В условиях жесточайшей эксплуатации, массовой безработицы и вечного страха перед кризисом простой человек находится там под гнетом чувства неуверенности, всасывает с молоком матери отчаяние и тоску, со страхом взирает в будущее. Господствующие классы всеми способами стремятся усилить это состояние у людей, находящихся у них в кабале. Устрашенного, запуганного человека гораздо легче держать в повиновении. Таким образом, страх используется американской реакцией как средство воздействия на массу.

Воздействие это непрерывно, и самым мощным инструментом, используемым в этих целях, является радио. Американское радио еженедельно передает около 80 программ, каждая из которых имеет своей задачей нарушить душевное равновесие слушателей. Наиболее усердствует оно в своем стремлении вызвать у них нервный шок в воскресные дни. Журнал «Лайф» не так давно подсчитал, что в Нью-Йорке, например, воскресная программа трех радиостанций состоит в непрерывной передаче, на протяжении пяти часов, всяких криминальных историй. В течение одного вечера слушатели бывают свидетелями того, что, по меньшей мере, 12 человек оказываются отравленными, заколотыми, застреленными, выброшенными из окна, сброшенными с самолета.

Развитие бандитизма в США приводит к тому, что американцы не испытывают чувства безопасности ни у себя дома, ни на улице. «Пользуясь снисходительностью властей, — писала еще перед войной одна американская газета, — гангстер и рекетир устроили себе государство в государстве. Их законы — страх и насилие. Это признак слабости управления. Обстрел среди бела дня городской площади из пулемета для обеспечения бегства человеку, совершившему ограбление, — это, может быть,

естественно для правосознания средних веков, но должно уничтожить в нас самодовольное чувство того, что мы достигли высшей степени цивилизации. Угроза похищения наполняет ужасом сердце матери. Похищение маленького ребенка и привязывание его к столбу, как будто это собака, лишает нас веры в наличие власти. Таковы явные факты, уничтожающие наше чувство безопасности».

Государство, располагающее аппаратом полиции, явной и тайной, не обеспечивает своим гражданам безопасности от грабителей и убийц, потому что его правящие круги не заинтересованы в этом.

Одной из форм одурманивания населения является культивирование в стране всякой мистики и суеверия, что вместе с тем служит и источником наживы для определенных элементов. Современная Америка — подлинный рай для шарлатанов, промысляющих знахарством и гипнозом, прорицательством, астрологией и множеством других видов «психообмана». Осенью 1948 года в нью-йоркской академии наук был заслушан доклад доктора Вульфа о знахарстве в Соединенных Штатах. По данным докладчика, американцы расходуют ежегодно на оплату различных знахарей и мнимых гипнотизеров 94 миллиона долларов. А согласно официальным статистическим данным, американцы расходуют каждый год на всевозможных гадалок и «ясновидящих» 125 миллионов долларов. Большие средства уходят на приобретение различных сонников, гороскопов, амулетов и пр. Директор одного из нью-йоркских музеев доктор Джон Саудерс утверждает, что свыше 10 миллионов американок носят в своих сумочках заячьи лапки, якобы «приносящие счастье».

Оказывается, чтобы в Соединенных Штатах достичь полной жизненной удачи, следует приобрести всего только... левую заднюю лапку дикого зайца, убитого серебряной пулей на кладбище при луне, тринадцатого числа, в пятницу, рыжим, косым и хромым наездником на белой лошади. Имеются и другие более «действенные» средства, вроде «медяков с век мертвеца», продаваемых по 10 долларов за штуку, и множество всяких других «талисманов», приносящих «счастье» или предохраняющих от «дурного глаза» и т. п.

В США имеются даже специальные учебные заведения, пользующиеся правами высших, которые готовят кадры шарлатанов всевозможных «профессий». Одним из них является «Колледж универсальной правды», находящийся в Чикаго. Как сообщала «Нью-Йорк геральд трибюн», в США в 1947 году насчитывалось около 25 тысяч «специалистов», занимающихся «психообманом».

Современная Америка — это страна тьмы, страха и отчаяния, в которой правящая верхушка прилагает отчаянные усилия к тому, чтобы миллионы простых людей были оболванены, обезволены, морально развращены и уstraшены. Пропагандистская машина американской плутократии создает в стране такую психологическую атмосферу, в условиях которой можно было бы «заставить народ согласиться на обязательное военное обучение или на предоставление колоссальных сумм, требуемых для смертоубийственных бактериологических или атомных орудий войны». Мы цитируем выдержку из статьи, опубликованной недавно журналом «Сатэрдэй ревью оф литерчур».

Таким образом, даже американский журнал, как известно, не отличающийся левизной взглядов, вынужден признать, что американская «пропаганда на нынешнем этапе обладает одной зловещей ноткой: ноткой страха, а неизменный спутник страха — ненависть».

КАК ЭДГАР ГУВЕР «УНИЧТОЖИЛ» ПРЕСТУПНОСТЬ В США

Джон Флоэрти, автор книги «Внутри ФБР», описывая период прихода Эдгара Гувера к руководству Федеральным бюро расследований, пишет: «То было время, которое можно назвать эрой «романтического воспеания преступности». Закоренелые гангстеры объявлялись чуть ли не национальными героями. Грабители, убийцы, похитители людей жили припеваючи... Такое положение стало даже своего рода «традицией». И Гувер решил с ней покончить раз и навсегда».

Это было написано Флоэрти в 1943 году. Надо обладать из ряда вон выходящим цинизмом, чтобы на два-

дцатый год работы Гувера в ФБР сделать подобное заявление. Выше нами было приведено достаточно официальных данных, свидетельствующих о колоссальном росте преступности в США именно за эти годы. Каждому ясно, что при желании полицейско-сыскная система, возглавляемая Гувером, была бы способна если не полностью искоренить преступность в США (что в капиталистической действительности невозможно), то хотя бы несколько приостановить ее дальнейший рост.

Федеральное правительство и местные власти в течение последнего полувека всячески афишируют свои «намерения» и «усилия» ликвидировать гангстеризм в Соединенных Штатах. Они не жалеют и значительных средств на всевозможные обследования, организуемые с целью изучения преступности. Время от времени публикуются многотомные результаты деятельности различных «обследовательских» комиссий. Только одна «Национальная комиссия по соблюдению и обеспечению законности» опубликовала 14 томов, посвященных этому вопросу.

Перед войной американская реакция широко рекламировала назначение Томаса Дьюи на пост «особоуполномоченного по борьбе с бандитизмом и контрабандой». Будущему кандидату в президенты была предоставлена полная свобода действия и фонд в 500 тысяч долларов. Как писал в 1940 году журнал «Лайф» по поводу деятельности Дьюи в этой должности, «он действовал, исходя из принципа — «цель оправдывает средства», и часто пренебрегал гражданскими свободами». Дальше слов, разумеется, и в этом случае дело не пошло. Наоборот, именно в тот период, когда Дьюи «боролся» с гангстеризмом, последний получил еще более широкое распространение.

Преступность в США не смогла бы принять таких грандиозных размеров, если бы с ней боролись по-настоящему. Ни одна преступная организация не продержалась бы более или менее долго, если бы полиция и власти этого не захотели.

Контакт между гангстерами и властями в лице полиции и суда был установлен еще во времена «дикой» преступности. Первый враг преступника — полицейский — не устоял, увидев горсть золота. Гангстеры при-

менили то же средство и по отношению к руководителям полиции и суда. Таким образом руководители полиции и рядовые полицейские были втянуты в систему рекета.

Нередко взаимоотношения полиции с преступным миром приобретали еще более тесный характер. В свое время в Нью-Йорке произвел большой шум сенсационный процесс лейтенанта полиции Беккера. В течение продолжительного времени Беккер фактически руководил шайкой шулеров «Пять точек», которая действовала в самых фешенебельных салонах. Когда у Беккера возникло подозрение в том, что один из членов шайки, Розенталь, стал выдавать ее тайны, он немедленно приказал его убить. Это убийство привело к разоблачению всей шайки.

В результате возникшего судебного дела четыре ее участника и сам Беккер были посажены на электрический стул.

Во время «сухого закона» подкупленным оказался почти весь личный состав так называемой антиалкогольной полиции. Упомянутый нами Мартин Муни, касаясь этого вопроса, писал: «Деньги говорят, большие же деньги поют песни сирен. Эта истина полностью оправдалась во времена запрещения торговли алкоголем. Крупный капитал взял под свою защиту нелегальную торговлю спиртными напитками». В тот период речь шла уже не о подкупе отдельных полицейских, а об организованном взаимодействии всей системы полиции с преступным «подпольем». Руководители полиции и вышестоящие власти вовсе не были заинтересованы в том, чтобы широкие круги населения узнавали о повсеместном и почти поголовном сверху донизу разложении полицейских органов. Поэтому они всяческими способами препятствовали обнародованию подобных материалов.

Ярким примером этого служит обследование состояния чикагской полиции в конце тридцатых годов. В связи с тем, что через печать и другими путями стали известны факты злоупотреблений и других преступлений, совершенных чинами чикагской полиции, ее шеф, Рэссель, вынужден был как-то реагировать на это.

Это было время, когда разгул бандитов в Чикаго достиг крайних пределов. В течение 15 предшествующих

месяцев в районе Чикаго было брошено 157 бомб. Гордон Гостеттер и Томас Эвун, авторы книги «Рекет как он есть», описавшие все эти бандитские операции, указывают, что ни в одном случае полиция не нашла виновных.

Рэссель предложил американскому институту криминологии и муниципальной комиссии по преступности произвести обследование работы полиции Чикаго. Выделенная упомянутыми организациями специальная комиссия около двух лет занималась этим делом. В результате ее работы появился обширный доклад на 280 страницах, озаглавленный «Проблемы чикагской полиции», который был опубликован. Но этот объемистый доклад совершенно обходит самую тему обследования, т. е. вопрос о преступных действиях работников полиции. Любопытно, что в предисловии имеется весьма откровенное заявление комиссии о том, что «вопрос о подкупности полиции согласно договоренности был нами исключен».

В последнее время контакт американской полиции с гангстерами стал еще более тесным. Этому немало способствует то обстоятельство, что гангстеры, в свою очередь, становятся деятельными помощниками полиции в борьбе с рабочим движением, вообще с прогрессивными элементами. Из среды полиции выходят такие видные руководители системы организованной преступности, как Гровер Уэйлен. Этот бывший инспектор нью-йоркской полиции, приобретший известность своим умением инспирировать любые провокации, стал в начале тридцатых годов одним из вожakov преступной организации «Таммани холл». Другие гангстеры, как, например, Джонни Лазиа, державший в своих руках всю полицию штата Канзас, или Билл Роуз, один из друзей и доверенных Эдгара Гувера, оказывали непосредственное влияние на деятельность полиции. Так гангстеризм сросся с полицией и службой «безопасности» в США.

Американская полиция и сыск, руководимые Эдгаром Гувером, боролись лишь против тех преступников, которые залезали в карман воротил монополистического капитала. Так, например, в США теперь совершенно не слышно об ограблениях крупных банков, собственности, принадлежащей магнатам промышленности, или о похищении их самих или их детей с целью выкупа. Ор-

ганы полиции и сыска в США проявляют высокую эффективность в деле обеспечения безопасности верхушечных слоев буржуазии.

Это характерное явление в деятельности американской полиции стало особенно заметным еще в самом начале процесса «реорганизации» преступного мира, т. е. перехода его от «диких» к организованным формам «деятельности». Вильям Болито, автор книги «Естественная история взятки», пишет по этому поводу следующее: «Полиция рьяно охраняет лидеров общества. В свое время считалось равносильным самоубийству для самых развязных бандитов Испании и Корсики коснуться кого-либо из друзей короля. Так и в настоящее время в Чикаго «Золотой берег» и в несколько меньшей степени крупные магазины центральной части города являются фактически священными и вполне застрахованы от террора».

Аналогичная картина и во взаимоотношениях гангстеров с органами прокуратуры и суда в Соединенных Штатах. О том, как далеко зашла американская юстиция в покровительстве и связях с уголовным «подпольем», свидетельствует дело Гастона Беллока Миинса. Этот агент Федерального бюро расследований был тесно связан с шайкой контрабандистов, орудовавшей в штате Огайо. Как пишет Эллен, автор книги «Только вчера», «он (Миинс. — В. М.) собирал с них взятки, которые они охотно платили за покровительство со стороны центральных властей. Для этой цели он снимал в гостинице две смежные комнаты. В одной из комнат он обычно ставил большую чашу из-под золотых рыбок на стол и через замочную скважину из соседней комнаты мог видеть, как тот или другой контрабандист приходил в назначенный ему час и минуту и оставлял в чаше крупные суммы купюрами в тысячу или пятьсот долларов. Как только контрабандист удалялся, Миинс входил в комнату, пересчитывал деньги и приходовал поступление. Таким образом он собрал в общей сложности 7 миллионов долларов». Деньги эти Миинс передавал некоему Смиуту, являвшемуся доверенным лицом генерального прокурора Догерти в Вашингтоне. Когда Смит стал проявлять признаки «неблагонадежности», его тотчас убрали: он «покончил самоубийством».

В американских судах наблюдается поразительно высокий процент «смертности дел», касающихся обвинений в тяжелых преступлениях. В один период, согласно официальной статистике, на каждые 100 обвинений в совершении важных преступлений в Нью-Йорке только 4 заканчивались осуждением обвиняемых, в Чикаго — 4,9 процента, в Цинциннати — 11 и т. д. Весьма часто американские суды в отношении заведомых преступников-рецидивистов выносят условные приговоры или даже ограничиваются только наложением штрафов. К этому надо добавить, что масса уголовных дел не доводится до стадии «обвинения» и «умирает» еще в процессе следствия. Подавляющая же масса преступлений вообще остается нераскрытой. В руки полиции, а затем правосудия попадают преимущественно те преступники, которые пытаются «работать» самостоятельно и отказываются входить в соответственные своей «профессии» преступные организации; их, как и раньше, именуют «дикими». Следствие и судебное разбирательство в отношении каждого мало-мальски крупного гангстера обычно превращается в гнусную профанацию.

Это становится совсем неудивительным, когда мы узнаем, что в свое время секция уголовного права и криминологии Юридической ассоциации представила в ассоциацию доклад, в котором указывалось, что «гангстеры часто получают возможность избирать в судебские органы своих собственных адвокатов. Обвиняемые в том или ином преступлении, они добиваются передачи дела из жюри присяжных своему собственному ставленнику — судье».

Американские суды в своей практике доходят до такой степени цинизма, что даже способны вынести решение о возврате наследникам умершего гангстера награбленных им денег, конфискованных властями, признав требование «наследников» справедливым.

В этих условиях, как пишет Генри Родс в книге «Преступники, каких мы заслуживаем», «нельзя говорить о существовании какого-то подполья в США, потому что очень трудно установить границы между уголовным преступлением, бизнесом и политической деятельностью».

Американские гангстеры — это многотысячная дей-

ствующая армия реакции, задача которой состоит в том, чтобы содействовать воротилам Уолл-стрита в эксплуатации широких масс и их устрашении с помощью террора. Это настолько очевидно, что просто нелепо говорить о гангстеризме, как о подпольном явлении. В современной Америке нет уголовного «подполья», — здесь имеет место тесный и открытый союз господствующих классов с гангстеризмом. Те и другие представляют собой части одного целого — капиталистического общества.

Если чикагский памятник «копу» (полисмену), стрелявшему в народ, символизирует господство сыска и полицейщины над «демократической» Америкой, то союз буржуазии с бандитами увековечен бронзовой статуей Джимма Пендергаста, воздвигнутой в Канзасе основателю этой «династии» самых известных гангстеров среди боссов и самых выдающихся боссов в мире гангстеров.

Гангстеризм — высшая и последняя форма развития «свободного предпринимательства» и «американского образа жизни», последняя стадия морального разложения капиталистического общества. Только гниением, только далеко зашедшим моральным и духовным разложением американской плутократии можно объяснить разгул гангстеризма в США.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ФАШИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В США

Патриотизм — одно из самых благородных проявлений человеческого духа. Чувство патриотизма, любовь к родине издавна присущи народным массам. Движимые этим великим чувством, трудящиеся всех стран поднимаются на борьбу против национального и классового гнета, против чужеземных завоевателей и вдохновителей агрессивных войн. Ярким примером проявления благородных идей патриотизма служит беззаветная любовь и преданность советских людей своей социалистической Родине, их сплоченность вокруг партии Ленина — Сталина.

Но если для народных масс патриотизм — стимул, вдохновляющий их на великие подвиги и победы, то для реакционной буржуазии это святое чувство — лишь маска, прикрываясь которой, они творят самые подлые дела. Такого рода патриотизм в кавычках является весьма ходким товаром на американской бирже.

Еще со времен войны за независимость американская плутократия осознала все политические и коммерческие выгоды, которые ей принесет постоянное жонглирование «патриотическими» лозунгами. С тех пор лжепатриотизм, махровый национализм и расизм, получив наименование так называемого «американизма», прочно вошли в обиход деловой практики господствующих классов США.

КУ-КЛУКС-КЛАН В ПРОШЛОМ

Ку-Клукс-Клан — одна из старейших тайных террористических организаций американской реакции. Датой ее зарождения считают 1865—1866 годы, когда в шта-

те Теннесси возникла первая клановская ячейка. Обычно указывают, что причиной создания этого секретного ордена явилось поражение рабовладельческого Юга в гражданской войне 1861—1865 годов. После окончания гражданской войны южане создали Клан как выражение своей оппозиции победившему Северу, как организацию, взявшую на себя защиту интересов рабовладельцев, против освободительного движения негритянских масс.

В узком смысле это отвечает действительности, но в целом вопрос о первопричинах, приведших к возникновению Ку-Клукс-Клана, надо рассматривать, конечно, в гораздо более широком историческом аспекте. Появление Клана было предопределено всем ходом развития социально-политической истории Соединенных Штатов еще задолго до гражданской войны; последняя явилась лишь толчком, ускорившим его создание.

Вопрос о применении реакцией тайных шпионско-террористических методов борьбы с освободительными устремлениями трудящихся негров фактически восходит к сороковым — пятидесятым годам. Несмотря на жестокие репрессии и все усиливающийся гнет, недовольство негров часто выливалось в форму вооруженных восстаний, к которым присоединялась нередко и белая беднота. Массовый характер приняло также бегство негров в Северные штаты и в Канаду. В целях борьбы с национально-освободительным движением и эмиграцией негров, плантаторы создали разветвленную и многочисленную службу тайного надзора и сыска. Именно этой службе принадлежит инициатива использования для целей полицейского розыска собак, прошедших специальную дрессировку, которых посылали для ловли беглых негров.

Во время гражданской войны рабовладельцы создали еще специальные «летучие» карательные отряды для «поддержания спокойствия» в районах, населенных неграми, которые массами переходили на сторону северян.

Эта система действовала вплоть до окончания гражданской войны, и ее-то надо считать фактической предшественницей Клана. Но если эта система не шла дальше выполнения полицейских функций, то создание Клана явилось не только продолжением ее практики, но и тайной оппозицией рабовладельцев, разбитых в гражданской войне.

Организация Ку-Клукс-Клан представляла собой попытку самых черных сил американской реакции с помощью террора затормозить прогрессивное развитие страны. Клан явился первой боевой организацией американской плутократии, замаскировавшей свою реакционную сущность пропагандой идей расизма. Своей официальной задачей Клан ставил якобы только борьбу с «африканизацией», т. е. с неграми, получившими «свободу» в результате гражданской войны.

Основателем Клана был генерал армии конфедератов Натан Форест, в функции которого входило обеспечение безопасности тыла от негритянских восстаний во время войны. Он собрал своих бывших карателей, полицейских и шпионов, охотившихся в недавнем прошлом за неграми, и начал насаждать в Южных штатах клановские организации. В короткий срок Клан распространился по всему Югу и стал насчитывать тысячи активных членов и еще большее число сочувствующих.

Факты, относящиеся к самой начальной стадии деятельности Клана, неопровержимо свидетельствуют о том, что он отнюдь не ставил своей единственной задачей преследование негров. Наоборот, в тот период активность Клана была направлена прежде всего против прогрессивно настроенных «белых». Он вел ожесточенную борьбу и с представителями власти в лице чиновников и офицеров, направляемых Севером в южные штаты. Основной формой деятельности Клана был террор. Нападения на намеченные жертвы всегда тщательно подготавливались, отличались стремительностью действий и заканчивались убийствами или жестокими истязаниями.

Поскольку объектами преследования Клана стали представители правительства, власти предприняли для его обуздания кое-какие шаги. В некоторых Северных штатах, граничивших с Южными, организации Ку-Клукс-Клана были распущены. Одновременно там были изданы законы, согласно которым принадлежность к Клану каралась тюремным заключением. Федеральное правительство начало судебное расследование деятельности Клана, в связи с чем было арестовано до тысячи человек.

В 1869 году глава Клана, именовавшийся «великим

магом», объявил о роспуске организации. В изданном по этому поводу приказе он объявил: «Невидимая империя достигла той цели, ради которой она была создана. Гражданское право теперь достаточно обеспечивает жизнь, свободу и собственность... Лучшим элементам общества не приходится более опасаться за сохранность своей собственности».

Это было маневром со стороны Клана, рассчитанным на то, чтобы усыпить бдительность широких масс, все острее реагировавших на его преступную деятельность. Вместе с тем и судебное преследование, начатое правительством против Клана, потонуло в ворохе бумаг и всевозможных следственных процедур. На самом деле организация продолжала существовать, она лишь более тщательно законспирировала свою деятельность и глубже ушла в «подполье».

Клан сошел со сцены только тогда, когда политические противоречия между промышленниками Севера и плантаторами Юга стали постепенно сглаживаться и обе стороны нашли единый язык на базе общности эксплуататорских интересов. Это было время, когда американская реакция искала более эластичных форм и методов подавления эксплуатируемого большинства, вне зависимости от цвета кожи.

И НЕНАВИСТЬЮ МОЖНО ТОРГОВАТЬ

Возрождение Клана произошло незадолго до начала первой мировой войны. Авантюрист из Атланты (столица штата Джорджия) «полковник» Уильям Джозеф Симмонс вместе с несколькими десятками бывших клансменов приступил к вербовке членов в ряды возрождаемой организации. Симмонс получил образование в духовном протестантском училище и, прежде чем стать «полковником», был пастором. В своем штате он был известен как отъявленный реакционер и расист. «Весь мир, — заявлял он, — должен принадлежать только англо-саксонской расе», и проповедывал союз американцев с англичанами для порабощения ими остальных народов.

Воссоздание Клана происходило в обстановке глубочайшей тайны. Лишь в 1915 году, когда было завербо-

вано более или менее значительное число членов, глава Клана официально известил о том, что «невидимая империя проснулась от полувекового сна». В одном из лесов штата Джоргия в необыкновенно таинственной обстановке произошло «коронование» Симмонса в качестве главаря Клана. Резиденцией штаб-квартиры Клана был объявлен город Атланта. Однако на протяжении первых пяти лет существования Клан имел весьма скромный «успех».

Новый Клан целиком позаимствовал от старого все особенности организационной структуры, фантастическую терминологию его иерархии и ритуальную бутафорию. На языке клансменов Клан именуется «невидимой империей», которую возглавляет «имперский маг». Последнему подчиняется совет «имперских вождей» («кленселей»). Руководители клановских организаций в штатах именуются «кморлами». Затем следуют всякие «драконы», «гниены», «домовые» и т. д. На самом низу иерархической лестницы стоит «кук» — рядовой клансмен.

Согласно «Кморану» — так именуется устав ордена, — главарь Клана пользуется неограниченной властью; он может соглашаться или не соглашаться с мнением совета «кленселей». Однако при известных обстоятельствах последние имеют право отстранить своего главу.

Руководители отдельных клановских организаций во всей своей деятельности руководствуются указаниями «имперского мага». Центральный штаб Клана подразделяется на оперативный, административный и хозяйственный сектора. Кроме того, имеется сектор печати и пропаганды.

Своей главной целью воссозданный Клан провозгласил: «стоять на страже интересов американизма». Как гласит его устав, орден поставил своей задачей «объединить белых людей мужского пола — родившихся в Америке граждан Соединенных Штатов¹, не-иудеев; та-

---

¹ Устав Клана запрещает прием в члены лиц, родившихся вне США. Из иностранцев свободный доступ в его ряды предоставлен только англичанам. Клан пытался распространить свое влияние и на Англию и даже пропагандировал идею создания «всемирной невидимой империи». С этой целью в Англию была командирована специальная делегация, но эта затея потерпела неудачу.

ких, которые не связаны никакими обязательствами по отношению к чужому правительству, нации, секте, чья репутация и чьи занятия¹ безупречны для культивирования и способствования патриотизму в отношении нашей формы правления; чтобы... всегда поддержать первенство белой расы» и «сохранять, защищать и поддерживать все учреждения, права, привилегии, принципы, традиции и идеалы чистого американизма».

Это откровенно расистская демагогия в своем практическом преломлении означает пропаганду дикой вражды уже не только по отношению к неграм (что официально провозглашалось как главная задача старого Клана), но и ко всем иммигрантам, проживающим в Соединенных Штатах. Пропаганда расовой ненависти теснейшим образом сочетается с насаждением среди клансменов культа религиозного фанатизма, что выражается в натравливании «ревностных протестантов» на католиков и последователей других вероучений.

Главным же содержанием клановской пропаганды является воспитание изуверской нетерпимости ко всему прогрессивному, ко всему, на чем лежит печать демократии. Но об этом ниже.

Такова несложная «идеология» нового Ку-Клукс-Клана. Как писал Джон Меклин в работе, посвященной истории этой организации¹, пропаганда Клана «построена на основе так называемой «американской триады ненависти»: ненависти мещанина к социализму, ненависти протестанта к католику и ненависти «стопроцентного» к неграм и иммигрантам». Эта социально-политическая программа борьбы за «стопроцентный американизм» рассчитана прежде всего на привлечение в ряды Клана так называемых средних американцев, т. е. мелкой буржуазии и чиновничества.

Как уже указывалось выше, весьма существенной частью клановой структуры, точнее — ее внешним оформлением, является сугубая таинственность и сложная

---

¹ Литература о Ку-Клукс-Клане относительно незначительна. Книга профессора социологии Дортмудского колледжа *Джона Моффета Меклина* «Ку-Клукс-Клан. Этюд об американской душе», изданная в Нью-Йорке в 1925 году, является одной из наиболее серьезных.

ритуальная бутафория, сопровождающая все действия ордена. Все, что касается Клана, его заповеди стремятся окружить непроницаемой стеной тайны, изобразить самих себя и свою деятельность как нечто сверхъестественное, от жизни потустороннее. Начиная с названия ордена¹, титулов его должностных лиц и многих других непонятных слов, встречающихся в его обиходе, и кончая всевозможными церемониями — все имеет своей целью произвести соответственный психологический эффект.

По характеру своего внутреннего распорядка Клан во многом напоминает тайные общества средневековья.

Члены его, как правило, не должны знать друг друга в лицо или обнаруживать свою принадлежность к ордену перед посторонними; они связаны только с определенным клановским вожаком. В подчеркнута театрализованной обстановке происходит прием («посвящение») новых клансменов. Эта шутовская церемония достаточно любопытна, чтобы сказать о ней несколько слов. «Посвящаемого» ночью приводят в далеко отстоящую от города уединенную местность, где все уже подготовлено для совершения обряда. Обстановка, в которую попадает новичок, примерно следующая. Перед ним высится огромный крест с ярко пылающими на его концах факелами. Возле креста — коленопреклоненные вожаки клановской организации в черных одеяниях; на их лицах маски, изображающие череп. В нескольких шагах от них огромные чучела, задрапированные в кроваво-красные плащи. Это «великие циклопы», стоящие на страже американского национального флага, развевающегося над их головами. Сам ритуал посвящения сопровождается произнесением нелепого набора слов и другими дикостями.

Вначале собрания клансменов происходили в глубокой тайне и только ночью в отдаленных местах — в лесах, горных ущельях, пещерах или поместьях кланов-

---

¹ Название «Ку-Клукс-Клан» составилось из исковерканного греческого слова «клякрос» — круг, с добавлением кельтского слова «клан» — буквально потомки, а в широком смысле — род, община. Слово «Ку-Клукс» воспроизводит звук взводимого курка.

ских вожаков. Присутствующие на собраниях облечены в шутовские наряды — белые балахоны и остроконечные белые колпаки-капюшоны; зияющие отверстия для глаз, носа и рта придают этой маске жуткий, злобный вид. На груди у каждого эмблема ордена — белый крест на черном фоне, с ромбом посередине. Затем тайна собраний и многие конспиративные детали внутриорденской практики стали постепенно отпадать, и ими продолжали пользоваться исключительно для целей внешнего воздействия.

В новых условиях своего существования Клан, прибегая ко всей этой клоунаде, ставит своей задачей не только и не столько устрашать суеверных негров (как на это часто указывают), сколько влиять таким путем на психику американцев. С одной стороны, Клан продолжает использовать все таинственное и непонятное как способ запугивания трудящихся масс, устрашения своих противников, а с другой — таинственность и балаганщина служат приманкой для привлечения новых сообщников, особенно из среды буржуазной и деклассированной молодежи.

Надо знать психологию американского среднего буржуа и мещанина, его постоянную тягу ко всему необычайному и сверхъестественному, представить себе его сознание, систематически отравляемое преподносимой ему во всевозможных видах уголовно-детективной фантастикой, чтобы понять, насколько обоснована ставка Клана на спекуляцию таинственностью, насколько глубокими корнями уходит она в психику и быт американской провинции.

Американские дельцы из всего умеют извлекать выгоду. Возродив Клан и дав ему для выполнения широкий социально-политический заказ, американская плутократия одновременно превратила эту затею в бизнес. Главным источником средств, потребовавшихся для воссоздания Клана, явились даяния промышленников и банкиров. Особенно щедрыми оказались текстильные фабриканты штатов Теннесси, Джорджия и Северная Каролина. Но, раскрывая свои кошельки, бизнесмены тотчас позаботились о том, чтобы вложенные деньги с соответственными процентами были незамедлительно возвращены назад.

С первых дней своего существования новый Клан стал предприятием, основанным на коммерческом расчете. Для руководства этой стороной его деятельности к нему были прикомандированы два известных в Америке специалиста по «сбору пожертвований» и созданию популярности начинающим организациям — Эдуард Кларк и Елизавета Тайлер. Кларк был агентом Южной рекламной ассоциации, и его имя стало известным в Америке в связи с тем, что он сумел «сделать» много миллионов долларов на рекламе деятельности таких, казалось бы, бесприбыльных организаций, как «Ассоциация памяти Теодора Рузвельта» и «Американское общество помощи Ближнему Востоку». В его опытных руках торговля «ненавистью», которая является основным товаром Клана, пошла исключительно бойко, и вскоре орден стал весьма доходным предприятием.

Кларк поставил дело на следующих началах: для каждого клансмена был установлен вступительный взнос в сумме 10 долларов; при переходе на вторую ступень клансмен уплачивал еще 8 долларов. Главное заключалось в том, чтобы у определенных лиц создать стимул заинтересованности в привлечении новых клансменов. Для этого Кларк установил, что из каждых 10 долларов, собранных в качестве вступительных взносов, 4 доллара шли в карман «клингла» (вербовщика), 1 доллар получал сам Кларк, $\frac{1}{2}$ доллара — руководитель вербовки новых клансменов в масштабе штата, остальная сумма поступала в кассу Клана — в «имперское казначейство» в Атланте.

Спустя короткий срок, Клан стал располагать такими денежными средствами, которых не имела в своем распоряжении ни одна тайная политическая организация в мире. И быть клинглом стало одной из выгоднейших профессий послевоенного десятилетия.

В этом, главным образом, и кроется секрет огромного роста численности Клана после первой мировой войны. В 1921 году он насчитывал свыше 100 тысяч членов, а в 1924—1925 годах — во много раз больше.

В середине тридцатых годов Клан стал серьезной политической силой в федеральном масштабе. Особенно сильно было его влияние в штатах Юга, Среднего Запада и на Тихоокеанском побережье. Значительные

слои мелкой буржуазии вслед за представителями крупного капитала являлись горячими сторонниками «белых капюшонов», в которых они видели верный оплот защиты своих узко корыстных интересов. По характеру структуры и деятельности Клан представлял собой чисто боевую организацию. В каждом штате у него имелись вооруженные отряды, оснащенные даже пулеметами и бомбами со слезоточивым газом. Большие запасы оружия и боеприпасов хранились в тайных складах, находившихся в укромных местах. Для обеспечения быстрой переброски своих банд в нужное место и быстрого реагирования на те или иные события Клан располагал большим автотранспортом и имел собственную службу связи.

Но вскоре влияние Клана стало падать. Причиной этого было все растущее возмущение демократической общественности, трудящихся масс по поводу совершаемых Кланом преступлений. Сыграло свою роль и противодействие, оказывавшееся всем мероприятиям ордена со стороны католической церкви, находившейся с ним тогда в резко враждебных отношениях. В известной степени оказали свое влияние и распри среди заправил Клана на почве борьбы за власть. Бесконтрольное хозяйничанье огромными орденовскими средствами, попросту говоря, хищения, которыми занимались Симмонс и Кларк, привели к «кризису» руководства. После упорной борьбы Симмонс, получив солидные отступные, подписал «отречение от престола». Был убран также и Кларк. Новым главой Клана был избран проходимец Хайрам Уэсли Эванс, зубной врач из Техаса.

В конце тридцатых годов Клан резко меняет свой внешний облик. Было объявлено об отмене употребления балахонов и масок, об отказе от политической деятельности и о переименовании организации в «Рыцари большого леса». Целью новой организации является якобы исключительно культурно-просветительная деятельность. Этот факт был кое-кем ошибочно воспринят как крушение ордена и уход его с политической арены. На самом деле Клан временно ушел в «подполье», чтобы реорганизовать свои силы применительно к новой политической обстановке, создавшейся в результате мирового экономического кризиса.

«НЕВИДИМАЯ ИМПЕРИЯ» В НАШИ ДНИ

«Как только в нашей стране возникают условия, угрожающие нарушением социального спокойствия, обнаруживается определенная тенденция прибегать к средствам, которые законом не предусмотрены». Так пишет профессор Меклин в своем труде о Ку-Клукс-Клане. Автор делает, хотя и в весьма осторожной форме, вполне правильное заключение, что причины социально-политического порядка являлись важнейшей предпосылкой к возрождению Клана.

Американская плутократия воссоздала Клан как террористическую организацию для борьбы с рабочим и демократическим движением, как фактор активного противодействия силам прогресса и культуры, как оплот мракобесия и изуверства. Применительно к обстоятельствам и духу времени эта широчайшая программа «социального устрашения» и регресса стала осуществляться под флагом борьбы с коммунизмом. Провозгласив коммунизм противоамериканским движением, Клан объявил, что в борьбе с ним все средства позволительны.

Под влиянием такого рода пропаганды «подавляющая масса клансменов, — писал Меклин, — стала разделять стереотипное представление об иностранцах, как о большевиках, о профессиональных союзах, как об очагах социализма в буржуазном государстве. Маскируясь «патриотическими» целями, Клан начал наступление прежде всего на профсоюзы и с помощью террора пытался воспрепятствовать развитию в стране забастовочного движения.

Свою деятельность в этом направлении он начал еще задолго до кризиса 1929—1932 годов, с борьбы против забастовки рабочих судостроительных верфей в городе Мобиле (штат Алабама) в 1918 году. Клан добился прекращения забастовки путем похищения его руководителей. С тех пор почти ни одна крупная забастовка в США не обходилась без воздействия на ее ход со стороны пресловутого Клана. Он оказал активнейшую помощь предпринимателям во время всех крупных забастовок, охвативших ведущие отрасли промышленности. Чем шире разрасталось в США движение протеста рабочих масс, тем острее делались методы Клана, не

останавливавшегося перед самыми зверскими средствами устрашения. Например, пытаясь сорвать забастовку текстильщиков в Элизабеттоне (штат Теннесси), клансмены убили ее руководителей.

Клан повел ожесточенную борьбу не только с бастующими, но и против всех профсоюзов, деятельность которых хотя бы в малейшей степени имеет левое направление. Каждый рабочий-активист рассматривается Кланом как «распространитель опасных идей». Его особым «вниманием» пользуются рабочие-иммигранты, используемые американской плутократией в качестве дешевой рабочей силы. Среди них агентура ордена тщательно выявляет демократические элементы и наиболее передовые из их числа стремится всяческими способами «ликвидировать».

Характеризуя борьбу Клана против рабочего движения газета «Дейли уоркер» писала: «...Защищенные масками и пользуясь покровом темноты, подобно всем преступникам, клансмены действуют страхом, как средством удержания рабочих в рабстве у капитализма... Расовые предрассудки, религиозный антагонизм, ненависть, порожденная национализмом, — все это превращается жуликами Ку-Клукс-Клана в звонкую монету... Как и следовало ожидать, для членов Клана нет ничего более ненавистного и страшного, чем самое слово «коммунизм». Ибо в классовом самосознании и в организации рабочих они видят конец своего господства. Поэтому они готовы применять любые методы, чтобы помешать рабочим организовываться для борьбы с Кланом и капитализмом».

В свете этих фактов большой интерес представляет позиция реакционного руководства профсоюзов США по отношению к Ку-Клукс-Клану и проводимой им антирабочей террористической деятельности. Ярким документом, иллюстрирующим это отношение, является резолюция о Клане, принятая съездом Американской федерации труда в Цинциннати: «Американская федерация труда, — говорится в ней, — не может ни поддерживать, ни осуждать какую-либо организацию, братство или общество американских граждан, если только эта организация не создана с целью вмешательства в права, возможности и свободу наемного труда».

Точно реакция и ее прислужники когда-либо открыто признавались в том, что они организуются для этой цели! Даже Клан — эта организация голого террора — тщательно маскирует свои истинные цели и, когда ему это выгодно, прикидывается другом рабочих. Так было, например, в штате Канзас, где во время одной избирательной кампании клансмены, широко используя демагогию, буквально охотились за голосами рабочих-избирателей. Что же, как не прямое поощрение и поддержка Клану, скрывается за строками «каучуковой» резолюции, принятой в Цинциннати по предложению лидеров АФТ!

Верхушка растленной бюрократии реформистских профсоюзов — верная агентура американского капитализма — по существу, тайная союзница Клана. Она фактически взаимодействует с Кланом во всех мероприятиях плутократии по подавлению активности рабочих масс. Именно поэтому с такой ненавистью было встречено Кланом возникновение в середине тридцатых годов Конгресса производственных профсоюзов, на первых порах, как известно, занимавшего прогрессивную позицию. Когда перед второй мировой войной КПП значительно активизировал свою деятельность в штатах Юга, это встретило сильнейший отпор со стороны Клана. Дело в том, что в результате предумышленной бездеятельности АФТ местные капиталисты с помощью Клана добились того, что значительные массы трудящихся в южных штатах оставались неорганизованными, низкооплачиваемыми и бесправными. Чтобы не потерять своего влияния, АФТ была вынуждена вслед за КПП активизироваться на Юге. На этом факте особенно наглядным представляется взаимодействие руководства АФТ и Клана в предыдущее время.

Руководящая верхушка Конгресса производственных профсоюзов в лице Мэррея и Кэри также тесно сотрудничает с Кланом. По вполне понятным причинам эти господа тщательно скрывают сие и действуют втихомолку. В последнее время в порядке осуществления закулисного сговора главарей обеих организаций клановцы самым активным образом принимают участие в преследовании прогрессивных элементов, состоящих в союзах, объединяемых КПП.

Ярким примером тому служат события в городе Бессемере (штат Алабама). Местное отделение профсоюза рабочих горнорудной промышленности упорно отказывалось подчиниться реакционному курсу, проводимому верхушкой КПП. Чтобы расшатать единство профсоюзной массы, Мэррей и его подручные пустили в ход такие «действенные» средства, как провокации, клевету, подкуп. Когда же стало ясно, что этими методами цель достигнута не будет, в ход был пущен прямой террор. Банда вооруженных наемников, подсланных Мэрреем, разгромила упомянутое отделение профсоюза в Бессемере и устроила кровавое побоище на улицах города. В этом бандитском налете участвовала группа клансменов, которые ворвались в здание радиостанции, где зверски избили секретаря — казначея профсоюза Трэвиса, выступавшего перед микрофоном.

Чтобы замести следы и скрыть свою связь с Ку-Клукс-Кланом, Мэррей поспешил развернуть на страницах органа КПП — газеты «СИО-ньюс» кампанию против этой погромной организации. В ряде статей и заметок газета стала рекламировать якобы ведущуюся КПП борьбу с расовой дискриминацией и всячески превозносить его руководство в качестве «защитника трудящихся негров». Такова несложная тактика предательства и гнусного лицемерия, осуществляемая кликой Мэррея в сотрудничестве с Кланом.

Профсоюзы — не лидеры, а низовая членская масса — рассматриваются Кланом в качестве одного из главных противников.

Под давлением масс профсоюзные органы зачастую оказываются вынужденными выступать против фашистской деятельности Клана. Так было, например, в штате Джорджия. В связи с происходившими здесь традиционными погромными церемониями Клана, профсоюзные организации южных штатов выступили с разоблачением попытки Клана возбудить расовую и религиозную ненависть и потребовали от федерального правительства принятия решительных мер для пресечения деятельности Клана.

Борьба Клана с рабочим движением и профсоюзами с особой силой подчеркивают его фашистскую сущность.

Клан ожесточенно борется против всякого проявле-

ния прогрессивного движения. Где только начинает успешно развиваться прогрессивное движение и в какой бы то ни было форме, там сейчас же для борьбы с ним возникают организации Клана. С не меньшим ожесточением, чем передовых рабочих, он преследует школьных учителей, заподозренных в сочувствии теории Дарвина, известных своими прогрессивными убеждениями журналистов, адвокатов, короче говоря, всю передовую трудящуюся интеллигенцию.

Клан возродился как организация крупного финансового и промышленного капитала. В этом нетрудно убедиться хотя бы на следующих фактах. Одна из первых ячеек нового Клана была создана на заводах Форда с его собственного благословения. Воссоздание Клана и его развитие происходили при непосредственном участии и прямой помощи Генри Форда, который лично встречался с «полковником» Симмонсом — главой нового Клана — и давал ему установки.

Первое свидание Форда с Симмонсом произошло в Монт-Клемансе, живописном городке, расположенном неподалеку от Детройта, фордовской вотчины, на берегу озера Сен-Клер. Форд тогда намеревался выставить свою кандидатуру в президенты, и во время этой встречи, в частности, обсуждался вопрос о мероприятиях Клана для поддержки Форда во время избирательной кампании. В 1922 году Форд присутствовал на собраниях клановского руководства и ночных ритуальных церемониях, происходивших в лесах штата Мичиган. А в следующем, 1923 году он уже формально вступил в ряды Клана и стал почти открыто оказывать ему разнообразное содействие. Все это происходило тогда, когда Клан еще выступал против католиков, а ведь Форд был «набожным» католиком ирландского происхождения.

Если и были случаи, когда некоторые представители плутократии выступали с открытым порицанием Клана, то это было лишь определенным отвлекающим маневром. В действительности воротилы Уолл-стрита всеми силами и средствами поддерживали и поддерживают Ку-Клукс-Клан.

Исключительно тесны связи Клана с правительственной администрацией во всех ее звеньях. Они основываются на том, что многие сенаторы, члены палаты пред-

ставителей, губернаторы, судьи, полицейские чиновники и служащие различных учреждений были в прошлом или являются в настоящем членами Клана. Одно время, как известно, многие высшие офицеры армии и флота вступили в ряды ордена.

Говоря о проникновении Клана в правительственные верха в период президентства Гувера, журнал «Американ Меркюри» писал: «Выборных должностных лиц Клан ставит под угрозу бойкота и забаллотировки, проводя всюду, где не встречает отпора, своих людей — вплоть до сената и губернаторских должностей. За годы послевоенной реакции сенат превратился постепенно в сборище мошенников, поставленных туда Кланом, креатур антитрактивной лиги, трезвеннический фанатизм которой разжигается законами самогонного дела, шулеров от либерализма, за спиной которых орудуют банкиры, скоморохи и изуверы самых немислимых разновидностей».

Во все периоды существования Клана правительство США сохраняло по отношению к нему, что называется, «благожелательный нейтралитет». Об этом свидетельствует множество фактов. Наиболее разительными из них являются «обследования» правительственными органами деятельности Клана. По существу, можно говорить лишь об одном «обследовании», происшедшем в 1921 году, поскольку тогда была хоть предпринята попытка его начать.

Под влиянием все нарастающего возмущения общественности действиями Клана административная комиссия палаты представителей вынуждена была заявить о том, что будет проведено специальное расследование. Осуществить это было поручено... министерству почты; кроме того, министерство финансов должно было установить доходы ордена и выяснить, уплачивались ли им соответствующие налоги. Федеральному же бюро расследований, которому фактически и надлежало заняться этим вопросом, было предложено лишь выяснить клансменов, состоящих на службе в вооруженных силах США.

В связи с намечавшимся расследованием американская пресса подняла большую шумиху. Было сообщено о привлечении к ответственности главы Клана — Сим-

монса. Но затем «расследование» неожиданно приняло характер прямого поощрения «обвиняемых». Административная комиссия палаты представителей ограничилась одним допросом (даже без принесения обычной присяги) Симмонса, который превратил допрос в трибуну для пропаганды идей «американизма». После пространной речи, в которой была изложена «Азбука Ку-Клукс-Клана», Симмонс для вящего эффекта упал в обморок, после чего его приближенные заботливо вывели «фюрера» из здания конгресса.

Вслед за этим комиссия палаты представителей поспешила постановить, что «нет основания для принятия правительственных мер против Клана, так как в его официальных документах (!) не обнаружено ничего, что отличало бы его от прочих братских орденов». Спустя несколько дней, печать США опубликовала следующее сообщение: «Предполагавшееся расследование конгрессом вопроса о Ку-Клукс-Клане временно прервано. После десятиминутного заседания при закрытых дверях административная комиссия палаты представителей, подвергшая в утреннем и дневном заседаниях Вильяма Дж. Симмонса, верховного мага Клана, строгому допросу, единогласно постановила не вызывать более никаких свидетелей, в данное, конечно, время».

Характерно, что в ходе «расследования» комиссия палаты отказалась заслушать свидетельские показания бывшего видного клансмена Райта, который выразил желание сообщить комиссии важные сведения, сильно компрометирующие Клан. В частности, он заявлял, что приведет данные об участии в деятельности Клана многих членов конгресса. На это заявление Райта никто не обратил внимания, и о нем лишь вскользь было сообщено в печати.

Так закончилось первое «расследование» деятельности Клана, предпринятое правительством США. В тот самый день, когда в печати было сообщено о его прекращении, состоялся парад нескольких тысяч «белых капюшонов» в штате Техас.

Впоследствии этот вопрос поднимался различными правительственными органами не раз, но дальше болтовни дело не шло. После вступления США в войну с Германией и Японией, когда широкие массы стали вы-

ражать резкий протест по поводу преступной деятельности в стране различных фашистских организаций, снова встал вопрос о Клане. Дайс от имени возглавляемой им комиссии палаты представителей обещал произвести обстоятельное расследование деятельности Клана. Разумеется, Дайс и не подумал выполнить данное им обещание.

В этой связи приведем любопытную справку о Дайсе, которую дает американский публицист Карлсон в своей книге «Под маской». Глава так называемой «Национальной рабочей лиги» (преемницы пресловутого «Черного легиона») Паркер Сейдж в одном из своих писем к Карлсону¹ писал: «Дайс не может принести нам большой вред... Мы обнаружили, что Дайс является или, во всяком случае, являлся членом Ку-Клукс-Клана. Нам нечего его бояться». Надо полагать, что осведомленность Сейджа в столь деликатном вопросе не подложит ни малейшему сомнению.

Кстати, в этом же письме он сделал еще одно интересное признание. «Федеральное бюро расследований, — заявил Сейдж, — никогда не интересовалось нами (речь шла о таких черносотенных фашистских организациях, как Клан и «Черный легион». — В. М.), а мы никогда не интересовались им. Надеемся и впредь не иметь с ним ничего общего».

Имеется достаточно других фактов, обнаруживших принадлежность к Клану видных американских политиков и представителей высшей правительственной администрации. Например, перед войной в печати были опубликованы материалы, устанавливавшие принадлежность к Клану члена верховного суда США Хьюго Блэка.

В материалах о Клане, помещаемых в американской печати, часто можно встретить утверждения о том, будто органы власти и отдельные чиновники боятся Клана и поэтому, мол, опасаются братья за расследование его преступных действий. Это, конечно, может касаться только мелких провинциальных чиновников, а не высших правительственных органов. Само собой разумеет-

---

¹ Карлсон, занимавшийся расследованием подрывной деятельности фашистских организаций, маскировался под их единомышленника.

ся, что последние при желании располагают всем необходимым для ликвидации Клана и привлечения к ответственности его главарей. Но они этого не делают по той причине, что американская реакция заинтересована в существовании Клана, а они — покорные исполнители ее воли. Поэтому-то и ФБР, руководимое Гувером, как бы не замечает этой «тайной» бандитско-террористической организации. Ведь Клан играет не менее важную роль, чем само ФБР, в обеспечении «безопасности тыла» американской псевдодемократии.

Излюбленным методом Клана является устройство «парадов» клансменов и других публичных церемоний. Истинное назначение всех этих дневных и ночных балаганных шествий состоит в устрашении трудящихся. И, естественно, что подобные мероприятия Клана всегда находят полную поддержку властей. Обычно они организуются в тот момент, когда в стране «нарушается социальное спокойствие или возникают предпосылки к этому».

Летом 1940 года Клан провел «смотр своим силам» во многих городах США и, в частности, в Нью-Йорке, Сан-Франциско и в Лос-Анжелосе. В другом случае в «параде», устроенном Кланом в Лонг-Айленде, близ Нью-Йорка, участвовало свыше 10 тысяч человек, шествовавших в белых балахонах и капюшонах. Место «парада» было оцеплено несколькими тысячами машин, которые образовали четырехугольник. Номера машин были предусмотрительно обернуты черным материалом. Однажды шествие клансменов было организовано в самом центре Вашингтона на глазах правительства.

В мае 1946 года тысяча членов Ку-Клукс-Клана, в полной своей форме, устроила ночью в горной местности недалеко от города Атланты церемонию, во время которой было принято несколько сот новых членов. Эту церемонию наблюдало свыше тысячи зрителей. Во всех без исключения случаях, когда Клан устраивал свои церемонии, полиция не только не препятствовала их проведению, но, наоборот, всячески содействовала, обеспечивая нормальное движение автотранспорта с прибывающими клансменами и охраняя их. Это лишний раз свидетельствует о прямой заинтересованности правя-

щих кругов в существовании этого фашистского ордена.

Еще в начале тридцатых годов Клан по требованию своих хозяев коренным образом изменил свою программу и тактику действий. При новом «великом драконе» Джемсе Колскотте, сменившем Эванса, в ряды Клана стали приниматься не только протестанты, но и католики, лишь бы они были «стопроцентными американцами». Стремясь мобилизовать все свои резервы, Уолл-стрит дал установку прекратить соперничество и склоку между Кланом и католическими реакционными организациями. На этой почве, вопреки его прежней «программе», возникло единство Клана и с иностранными реакционными элементами.

При Рузвельте был принят закон о запрещении Ку-Клукс-Клана, но реакция приложила все усилия, чтобы сорвать его осуществление. Орден снова ушел в «подполье», а в некоторых штатах с помощью местных властей перекарасился в «культурно-просветительную» организацию. Например, в штате Джоргия, который является цитаделью ордена, его организация получила от властей штата свидетельство о том, что она не является политическим объединением, и это дало ей возможность продолжать свою деятельность. Получение этой фальшивки стало возможным потому, что бывший губернатор штата Толмэдж и другие местные власти находятся в тесной связи с Кланом.

Во время войны Клан проявил себя не только как реакционная террористическая организация, но и как откровенно фашистская прогитлеровская организация, поставившая своей целью прямое пособничество врагу путем подрывной работы внутри страны.

Еще при Эвансе нацисты пытались установить контакт с Кланом. Они командировали к нему специального представителя, предложившего внести 75 тысяч долларов в качестве «вступительного взноса», с тем чтобы ему было предоставлено место в руководстве Кланом. Но Эванс отклонил это предложение.

Его преемник Колскотт вступил на путь тесного сотрудничества с нацистами в лице «Германо-Американского союза». Деловой контакт между ними был закреплен 18 августа 1940 года в торжественной обста-

новке в Нордлэнском нацистском лагере (штат Нью-Джерси). По этому случаю в лагере был устроен совместный парад членов Клана и членов «Германо-американского союза». Представителем Клана для связи с нацистами был назначен Клапрот, один из членов клановского руководства.

Новые союзники вскоре выработали совместный план действий против рабочего движения и для подрыва военной программы Рузвельта. В связи с этим происходит новое видоизменение характера деятельности Клана. От тактики голого террора против рабочих он переходит к методам глубокого проникновения в профсоюзы, стремится провести в них на руководящие посты своих людей, развертывает работу по «психологической обработке» трудящихся. Лозунг ненависти к трудящимся заменяется лозунгом «защиты их интересов». Одновременно ставится задача вовлечения в ряды Клана белых, вне зависимости от социальной принадлежности и религиозных воззрений. Но, разумеется, этот белый должен быть противником «красных». Объектами такого рода деятельности ордена стали прогрессивные профсоюзы и предприятия, выполняющие военные заказы.

Новая программа действий была изложена Колскоттом в секретном обращении к членам Клана. «Проникайте в каждый союз, каждый цех, отдел и завод... — призывал он их. — Все руководители Объединенного союза рабочих автомобильной промышленности и Конгресса производственных профсоюзов красные. Мы должны американизировать их. А этого можно добиться путем вовлечения в Ку-Клукс-Клан каждого белого, протестанта, каждого американского христианина».

После нападения Японии на Пирл-Харбор деятельность Клана целиком сосредоточивается на срыве военных мероприятий правительства. С этой целью используются все средства, чтобы снизить темпы производства и уменьшить выработку военной продукции.

Летом 1943 года работа военной промышленности была внезапно нарушена целым рядом инцидентов, возникших на почве пропаганды расовой ненависти. Они были организованы клановской агентурой во взаимодействии с другими фашистскими организациями в важнейших промышленных центрах страны.

В мае 1943 года банда клановцев, вооруженных дубинами и кусками цепей, сорвала работу 16 тысяч негров, выгнав их с территории Алабамских верфей. Работа на этом важном военном объекте была прервана на два дня. В июне 1943 года по этой же причине на несколько дней была прервана работа на военных предприятиях города Бомонта в штате Техас. В Лос-Анжелесе, Филадельфии, Бостоне, Нью-Джерси, Чикаго, Нью-Йорке и других центрах военной промышленности члены Ку-Клукс-Клана совместно с нацистами спровоцировали беспорядки на почве антисемитской пропаганды.

Наиболее серьезными были беспорядки, вызванные расистскими провокациями клансменов в Детройте, являющемся важнейшим центром военной промышленности в США. С самого начала войны Клан и другие фашистские организации усиленно пытались вызвать враждебное чувство к неграм в Детройте, где в связи с войной сильно возросло использование негритянской рабочей силы на местных предприятиях. Эти организации всячески сеяли расовую ненависть.

Беспорядки начались с попытки силой помешать вселению негров в новые дома. В результате провокации было убито 36 человек и ранено свыше тысячи, главным образом, негров. Местные власти оказались «не в состоянии» справиться с распоясавшимися бандитами. Губернатор штата объявил в Детройте военное положение.

Ни в одном из упомянутых случаев ни ФБР, ни другие правительственные органы не обнаружили истинных виновников беспорядков. Никто из них не был привлечен к судебной ответственности.

После смерти Рузвельта, хотя изданный им закон о запрещении Клана не отменен, орден вышел из «подполья». Уже в начале 1946 года американская печать приводила факты открытого возобновления Кланом своей деятельности в ряде штатов. Прежде всего официально зарегистрировалась организация Клана в штате Джоргия; затем сообщалось, что в штате Флорида клановская организация вышла из «подполья» еще в сентябре 1944 года; приводились и другие аналогичные факты. Летом того же года руководитель клановской организа-

ции в штате Джорджия заявил представителям печати, что в штате насчитывается свыше 20 тысяч членов Клана.

Возобновление деятельности ордена сопровождалось рядом террористических выступлений против негров. Например, в Фрипорте, предместье Нью-Йорка, полицейский офицер без всякого повода застрелил трех негров— ветеранов войны. По мере приближения к президентским выборам террор против негров все более усиливался. Еще во время первичных выборов клансмены предупреждали негров, чтобы те не участвовали в голосовании, хотя верховный суд США незадолго до этого формально подтвердил право негров принимать участие в голосовании на первичных выборах.

Клан всячески стремился воспрепятствовать поддержке неграми прогрессивной партии США. Перед домами многих негритянских лидеров, заявивших о поддержке партии, клансмены зажигали кресты, что означает угрозу расправы. В ответ на программную декларацию прогрессивной партии о борьбе против дискриминации негров, руководитель Клана Грин заявил, что «Ку-Клукс-Клан никогда, ни при каких обстоятельствах не допустит равенства белых и негров». Главарь клановской организации в штате Теннесси Стоунер пошел дальше своего шефа. Он подал в конгресс петицию с требованием, чтобы конгресс официально признал негров «детьми дьявола».

Исключительную активность Клан проявил в борьбе против прогрессивной партии. Он мобилизовал все свои силы для срыва ее предвыборных митингов.

Характеризуя «достижения» вышедшего из «подполья» Клана, нью-йоркский корреспондент английской «Нью кроникл» не так давно писал: «Современный Ку-Клукс-Клан расширил свою деятельность, организовав террористические филиалы в западных и среднезападных штатах и включив в число своих жертв не только негров, которых он линчевал, но и белых организаторов профсоюзов». В настоящее время Клан всячески стремится увеличить число своих членов. Он создает даже детские клановские организации, чтобы с малого возраста прививать их участникам бандитские навыки и чело-
веконенавистнические инстинкты.

Возобновление деятельности Клана в различных

районах США вызвало решительный протест прогрессивной общественности. С официальным протестом выступили и некоторые профсоюзы. В заявлениях по этому поводу указывалось, что Клан возобновляет свою деятельность вопреки изданному несколько лет назад декрету федерального суда, согласно которому Клан был запрещен как национальная организация. В связи с волной протестов против преследования негров и требований объявить Ку-Клукс-Клан вне закона, министерство юстиции США в начале августа 1946 года сообщило, что оно «расследует» деятельность этой организации в штатах Нью-Йорк, Мичиган, Калифорния, Флорида, Теннесси, Миссисипи и Джорджия. Однако министерство при этом указало, что своей задачей оно ставит... лишь определить, нарушает ли деятельность Клана федеральные законы или законы штатов, после чего будет начато судебное преследование нарушителей федеральных законов.

Понятно, что это был лишь жест. Несмотря на массу фактов, изобличающих Клан в различных преступлениях, никакого судебного преследования против него начато не было.

Говоря о Ку-Клукс-Клане, нельзя не рассказать о применяемых им методах расправы и устрашения. Излюбленным методом нового Клана попрежнему остались так называемый «тар энд фэзер партис» («пикник с дегтем и перьями») и суд Линча. Наметив жертву, клансмены днем или ночью, нередко на глазах полиции и властей, нападают на нее и, вымазав дегтем или смолой, валяют в пуху и перьях от распоротых перин, а затем под оглушительный вой или пенье американского гимна вешают, сжигают на костре, топят в реке или расстреливают.

Во Флориде клансмены истязают свои жертвы более утонченно. Они постепенно обваривают их в так называемых «потогонных ящиках». Этот способ применялся полтора века назад в английских пловучих тюрьмах, где содержались каторжники. «Потогонный ящик» представляет собой высокую деревянную коробку, обшитую железом. В ней может поместиться стоя один человек. В стенках ящика имеются отверстия, сквозь которые проведены трубы. По трубам пропускается го-

рячий пар. Человека держат в ящике до тех пор, пока его тело не покроется волдырями, и он затем умирает в страшных мучениях.

Дикие расправы над своими жертвами Клан может учинять даже в любом общественном месте. Однажды имел место такой случай. В одном из нью-йоркских театров должен был выступать со своей новой программой известный цирковой артист Грехэм. Гвоздем его выступления была пародия на клансмана. В шутовском белом наряде, с куклой, одетой, как и он сам, под клансмана, Грехэм появился на сцене. Несколько острот, дружный взрыв смеха публики — и в артиста полетел град тяжелых предметов. Грехэма вывели из театра полуживым; ему пришлось немедленно выехать из Нью-Йорка.

В отношении белых Клан практикует иногда вместо убийства немедленную высылку из данной местности. В течение одного-двух часов человек должен, бросив дом и семью, бежать куда глаза глядят. Очень часто расправа над белыми совершается в глубокой тайне. Противник Клана просто бесследно исчезает. Так было, например, с редактором местной газеты в городе Мемфисе (штат Теннесси), выступившим на страницах своей газеты с разоблачениями преступной деятельности Клана.

Разнообразны и способы, применяемые орденом для завоевания симпатий среди населения. С этой целью, чтобы изобразить себя в качестве гонимой «патриотической» организации, Клан инсценировал однажды взрыв здания своей организации в штате Огайо.

Для обеспечения охраны своих организаций и всяких церемоний Клан располагает собственной полицией и секретной службой. Последняя является также серьезным инструментом Клана для борьбы с рабочим движением. Действует она на этом поприще в тесном контакте с органами государственной тайной полиции США. Внутри Клана насаждение культа сыска является важнейшей задачей его руководителей. Поэтому «там, где господствует Клан, люди говорят с опаской», — констатирует профессор Меклин. Пастор Богард из Литтл-Рок, бывший клансмен, поясняет, почему это так: «Каждый член Клана — присяжный детектив. Ему раз навсегда приказано глядеть в оба, а язык держать за

зубами». Короче и яснее не выскажешься. Каждый клансмен, кем бы он ни был и где бы он ни работал, обязан систематически информировать орден обо всем ему известном. Благодаря этому осведомленность Клана исключительно широка.

Таковы прошлое и настоящее этой сильнейшей «тайной» фашистско-террористической организации, внешний облик и внутренняя суть этого ордена американской реакции, его задачи и практическая деятельность.

АМЕРИКАНСКИЙ ЛЕГИОН

Американский легион является «крупнейшей организованной угрозой демократии в Соединенных Штатах в настоящее время». Такой вывод сделал Джастин Грей — автор недавно опубликованной в Америке книги под названием «Неамериканский легион». Утверждение Грея можно считать достаточно веским, поскольку в недалеком прошлом он был одним из руководящих лиц в Легионе — заместителем директора «Комитета по американизации».

О Легионе в США говорят довольно часто. Реакционная пресса при каждом подходящем случае всячески превозносит его успехи по утверждению основ «американизма». Но вместе с тем следует заметить, что за тридцать с лишним лет его существования о нем в американской печати и литературе упоминается меньше, чем о какой-либо другой из организаций, играющих более или менее заметную роль в жизни страны, — даже меньше, чем о Ку-Клукс-Клане — ордене, претендующем на сугубую секретность. О подлинной истории Легиона, как пишет прогрессивный американский публицист Джордж Сельдес, «никогда не упоминается в газетах и популярных журналах».

Это обстоятельство не случайно. Соответствующие круги США с особой тщательностью охраняют от нескромных взоров закулисную сторону возникновения и деятельности Легиона. Они создали и настойчиво стремятся сохранить легенду, представляющую Легион в качестве «независимого» объединения участников мировой войны, призванного «охранять и защищать конституцию Соединенных Штатов, поддерживать закон и порядок,

содействовать установлению мира и благополучия на земле» (из устава Легиона). Между тем, множество фактов, в то или иное время ставших известными, неопровержимо свидетельствует о совершенно иных, противоположных целях этой организации.

В упомянутой книге Джастина Грея, в его же статьях, появившихся в журнале «Нью рипаблик» и в ранее опубликованных книгах «Американский фашизм» Джона Спивака и «1 000 американцев» Джорджа Сельдеса, впервые приподнята завеса над тем, что в действительности представляет собой Американский легион.

Прежде всего, фальсификации подвергалось все то, что относится к созданию Легиона. Если обратиться к официальным данным, то, согласно им, Легион зародился в Париже в феврале 1919 года в результате случайной встречи группы американских офицеров, обсуждавших различные проблемы, связанные с демобилизацией армии. Участники этого совещания якобы пришли к мысли создать сообщество демобилизованных солдат и офицеров для целей, указанных впоследствии в его уставе.

На самом же деле дата основания Легиона относится к более раннему периоду. Один прогрессивный деятель сказал как-то, что новый Ку-Клукс-Клан и Американский легион — это братья-близнецы американского фашизма. И тот и другой организационно оформились почти одновременно — в переломный момент развития рабочего движения в США. Реакция создала Легион в качестве вспомогательной силы в борьбе с растущим революционным движением, во-первых, и чтобы взять под свое влияние будущих ветеранов войны — во-вторых.

Организация, получившая наименование «Американского легиона», возникла в марте 1915 года. Именно тогда она была зарегистрирована властями, как созданная с целью «поднятия патриотизма и организации американских граждан, не находящихся в составе вооруженных сил, но пригодных для службы во время войны или угрозы таковой». Руководителями организации были известный реакционер Теодор Рузвельт-младший, Джулиен Девис, А. М. Уайт и другие.

И не случайно поэтому много позже «собравшиеся

в Париже американские офицеры» избрали своим руководителем того же Теодора Рузвельта-младшего, который, возвратившись в Нью-Йорк, зарегистрировал там новую организацию Американского легиона в штате Нью-Йорк. Это было летом 1919 года. Несколько позже Легион штата Нью-Йорк объединился с Легионом, организованным в 1915 году, и они образовали единую федеральную организацию. Такова истина.

Эти факты, относящиеся к возникновению Легиона, были впервые преданы гласности Джорджем Сельдесом 24 сентября 1945 года в издаваемом им еженедельнике «Ин фэкт». До того они тщательно замалчивались руководством Легиона, «словно, — как пишет Грей, — это была семейная тайна». Созданию объединенного Легиона в 1919 году предшествовал созыв в Париже американским генеральным штабом совещания по вопросу «Об укреплении морального состояния армии». Среди двух десятков участников этого совещания шесть или даже более «случайно» оказались руководителями Легиона 1915 года.

Об истинной цели создания Легиона в 1919 году откровенно писал его первый национальный командор Д'Олье в статье, опубликованной десять лет спустя: «Вспомните, — писал он, — положение вещей после перемирия. Нервы во всем мире были напряжены до крайности. Царил страх перед большевизмом. Социальный переворот в России совершили недовольные солдаты, а на земном шаре было очень много солдат, занятых только помыслами о своих невзгодах». Это обстоятельство вынужден признать и Ричард Джонс в своей полуофициальной истории Легиона, написанной в 1946 году. Говоря о настроениях руководителей Легиона в 1919 году, Джонс констатирует: «Всех очень тревожил вопрос, какую позицию займет после войны рядовой солдат по отношению к крайнему политическому радикализму...»

«С самого начала своего существования, — отмечает Грей, — Американский легион находился под господством крупных магнатов». Грей приводит имена многих видных финансистов и промышленников, которые направляли деятельность Легиона в начальной фазе его существования: Эйбеля Дэвиса — председателя правления банка «Чикаго тайтл энд трест», Дэвида Гудрича — ди-

ректора «Гудрич роббер К^о», Франка д'Олье — директора страхового общества «Пруденшал» и других.

Особенно тесные связи Легион установил с Национальной ассоциацией промышленников. Из 29 «национальных командоров» Легиона, избираемых ежегодно, 26 были ставленниками НАП. За последние пять лет ими были: в 1942 году — директор Экспортно-импортного банка Стамбо, в 1943 году — президент «Мемфис стрит. рейлуэй компани» Уоринг, в 1944 году — член одного из руководящих комитетов НАП Атертон, в 1946 году — президент «Аркитекс керамик корпорейшн» Стелл, в 1947 году — бывший вице-президент «Конлан электрик корпорейшн» Гриффис.

В рядах так называемой «королевской семьи» Легиона — так именуется в целом его руководство — и лидеров местных филиалов также много представителей большого бизнеса. «В настоящее время близость между Национальной ассоциацией промышленников и Американским легионом, — пишет Грей, — является настолько очевидной, что её можно проследить на повседневной деятельности обеих организаций».

Уолл-стрит оказывает Легиону систематическую финансовую поддержку. В 1943 году Легион получил от НАП 20 миллионов долларов в так называемый «фонд американизации». Материальная помощь не ограничивается отпуском наличных средств. Очень часто местные организации Легиона получают от монополий различного рода «подарки» — помещения под учреждения Легиона и др.

Столь же тесно Легион переплетен с правительственной верхушкой и администрацией отдельных штатов. По данным Джона Спивака, президент США Трумэн, 5 министров, генеральный прокурор США, 3 члена верховного суда, 44 сенатора, 195 членов палаты представителей и 26 губернаторов входят в Американский легион. Через свои «местные посты» Легион оказывает большое влияние на действие властей.

«Под прикрытием борьбы с коммунизмом, — пишет Грей, — лидеры Легиона проводят программу, во многом напоминающую действия Гитлера». Свою приверженность фашизму открыто высказывали многие его руководители. Еще в 1922 году Элвин Оусли, один из

«национальных командорёв», заявил: «Фашисты в Италии — то же самое, что Американский легион в Соединенных Штатах». Будучи командором Легиона, Оусли намеревался последовать примеру Муссолини, т. е. совершить поход на Вашингтон. Руководство Легиона тщательно поддерживало связи с международным фашизмом.

В период первого президентства Рузвельта лидеры Легиона по указке Уолл-стрита организовали заговор с целью фашистского переворота. Они пытались привлечь к участию в заговоре отставного генерала Батлера. Тот отказался стать изменником и раскрыл весь замысел. Но плутократия использовала все свое влияние, чтобы воспрепятствовать расследованию, — ей это, как известно, удалось. Тогда Батлер решил предупредить общественное мнение о фашистской угрозе. В своем выступлении по радио он раскрыл подлинное лицо Легиона.

«...Обыкновенный гражданин — ветеран прошлой войны, — говорил тогда Батлер, — думает, что Легион является патриотической организацией для увековечивания памяти о войне, для содействия сохранению мира, заботы о раненых и ухода за могилами погибших на войне. Но разве Американский легион похож на такую организацию? Нет, тысячу раз нет, ибо он контролируется банкирами. В течение ряда лет банкиры, покупая большие клубные помещения для собраний Легиона, финансируя его создание и используя всякие другие способы, пытались сделать из Легиона штрейкбрехерскую организацию. Руководство Легиона не заинтересовано ни в патриотизме, ни в мире, ни в раненых ветеранах, ни в сохранении памяти погибших на войне... Нет, оно заинтересовано только в использовании этих ветеранов, под руководством офицеров Легиона, для своих целей».

В 1938 году в США вновь была сделана попытка фашистского переворота, возглавить который должен был отставной генерал-майор Мосли. И в этом случае среди инициативной группы по организации заговора фигурировали имена лидеров Легиона, в частности руководителя Комиссии по американизации Гомера Шайс. О фашистском существе Легиона свидетельствует и тот

факт, что один из виднейших деятелей фашизма в США Гамильтон Фиш был одним из первых основателей Легиона, автором введения к уставу Легиона и одним из влиятельных его лидеров в течение ряда лет.

«Американский легион, — констатирует Грей, — может сыграть ту же роль, которую сыграли «Огненные кресты», «Стальной шлем» и даже СА и СС... В потенции все условия для этого уже существуют, как во всякой организации ветеранов, которой руководят силы реакции».

«Высокие цели», записанные в уставе Легиона, в своем практическом преломлении означают борьбу с рабочим и фермерским движением, подавление прогрессивной интеллигенции, расправу со всеми не «сто процентными американцами». В этой области деятельность Легиона знаменуется применением чисто фашистских методов. В активе Легиона — избиения и убийства передовых рабочих, разгром редакций прогрессивных газет, организация штрейкбрехерских банд. Борьбу против демократического движения Легион ведет в тесном контакте с реакционным руководством Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, НАП и Национальной ассоциации фермеров — организации крупного капитала, аналогичной НАП, но действующей в сельском хозяйстве.

Реакция рассматривает Легион, как силу, которую можно использовать для вооруженного подавления забастовок, беспорядков и других «социальных инцидентов». На этот счет на одном из съездов Легиона, происходившем в начале рузвельтовского «нового курса», было принято специальное решение.

Значительна роль Легиона в качестве поставщика штрейкбрехеров для промышленников. Американский журнал «Тайм» по этому поводу писал: «Начиная с 1919 года Американский легион является самой мощной штрейкбрехерской силой в Соединенных Штатах. Каждому, желающему стать членом Легиона, задаются вопросы: «Будете ли вы бастовать, если профсоюз примет решение о забастовке? Если Американский легион даст задание сорвать стачку, будете ли его выполнять?»

В послевоенное время Легион стал проявлять еще большую активность на «фронте» борьбы с «внутрен-

ним врагом». Молодчики в темносиних пилотках¹ нападают на помещения демократических организаций, срывают митинги прогрессивных граждан, пуская в ход при этом не только кулаки, но и химические бомбы и оружие. Банда фашиствующих хулиганов из Легиона совершила в августе этого года нападение на слушателей концерта Поля Робсона в Пикскиле. Бандиты намеревались линчевать Поля Робсона.

Американский легион в свою очередь располагает собственной секретной службой, широко используемой для вышеуказанных целей. Как это ни странно, «попечению» секретной службы Легиона поручена область народного образования. До войны Анна Уоллес, указывая на это обстоятельство, писала в «Нью-рипаблик» следующее: «В последние годы была организована широкая система шпионажа не только в университетах, но и во всех школах. Шпионскую работу проводят «патриотические» организации под покровительством Американского легиона. Отвратительнее всего то, что шпионажем заставляют заниматься самих студентов, которым платят за доносы на их товарищей и преподавателей». В университетах, отмечала Анна Уоллес, осуществляется «сложная система психологического воздействия и контроля над каждой мыслью, каждым словом и шагом студента... Организации демократической Национальной студенческой лиги запрещены в ряде университетов, ее члены считаются «нежелательным элементом».

Так же несомненно и то, что секретная служба Легиона ведет свою работу в полном взаимодействии с системой государственного сыска. Эти связи возникли при самой его организации. Небезызвестный Уильям Доновен, возглавлявший в минувшую войну «Бюро стратегической информации», был одним из основателей Легиона. Журнал «Кен» однажды опубликовал статью, в которой разоблачались связи секретной службы Американского легиона с государственными контрразведывательными органами США.

Интересные данные по этому вопросу приводит

---

¹ Темносиняя пилотка с вышитым золотом названием «поста» (местной организации) указывает на принадлежность к Легиону.

в своей книге Грей. Глава ФБР Эдгар Гувер выделил для постоянной связи с Легионом, по существу — для руководства его секретной службой, одного из своих помощников — Ли Пеннингтона. «Пеннингтон, — пишет Грей, — постоянно обменивается материалами о «подрывных элементах» с «комитетом по американизации», созданным Легионом, регулярно посещает штаб-квартиру легиона в Индианаполисе, часто дает советы лидерам организации, оказывает постоянное влияние на деятельность Легиона, а часто ее направляет».

Подобно всем крупным детективным агентствам, специальным службам монополий и самому ФБР, секретная служба Легиона располагает особыми «индексами», в которых концентрируются собираемые ею по всей стране данные о «политически неблагонадежных» американцах. Чтобы быть занесенным в этот индекс в качестве «подрывного элемента», достаточно произнести речь, которую потом процитировали бы «Дейли уоркер», «Нью рипаблик» или другие органы.

Как указывает Грей, в этом индексе имеются следующие разделы: 1) картотека различных прогрессивных организаций; 2) картотека прогрессивной печати — газет, журналов, текстов радиопередач, речей, листовок и книг; 3) персональная картотека на лиц, берущихся на учет как «подрывной элемент».

Не менее тесными являются взаимоотношения Легиона на этом поприще с пресловутой Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

Большую активность проявляет руководство Легиона в подготовке кадров по борьбе с «подрывной деятельностью». Для этой цели им не так давно был организован в Вашингтоне так называемый «Семинар по борьбе с подрывной деятельностью». Этот «семинар» прошли 75 специально отобранных руководством легионеров, состоявших во время минувшей войны на службе в американской разведке. В числе лекторов, поучавших слушателей «семинара» последним достижениям в области политического сыска, были такие «знаменитости», как Уильям Буллит — провокатор и шпион с больше чем тридцатилетним стажем «деятельности» на этом поприще и Томас — бывший глава пресловутой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

В поисках новых кадров для секретной службы руководство Легиона всячески стремится популяризировать «профессию» шпиона и провокатора. Так, в одном из номеров журнала «Американский легион» этой цели посвящена статья под названием «Люди, которые шпионят для Соединенных Штатов». В статье говорится о том, что десятки тысяч штатных агентов американской разведки заняты в странах Восточной Европы добыванием шпионской информации и организацией «оппозиции» против существующих там режимов. В заключение статья без обиняков призывает: «Те, кто по своим данным подходит для секретной работы за границей и для сыскной работы в Америке., должны адресоваться на имя «центрального разведывательного органа» в Вашингтоне». Журнал гарантирует «полную занятость» всем, кто выразит такое желание.

Одной из основных задач Легиона является идеологическое воспитание легионерской массы и пропаганда третьей мировой войны. Для руководства этим делом создан специальный «Комитет по американизации». В распоряжении комитета находится большая пропагандистская машина: он издает два журнала, проводит специальные радиопередачи, большое количество различной пропагандистской литературы систематически раскладывается местным организациям Легиона.

Цель «идеологической обработки» легионеров состоит в том, чтобы превратить их в верноподданных ландскнехтов реакции, готовых по ее первому приказу делать все, что угодно. В этих целях американская плутократия всеми способами культивирует в легионерской среде самые низменные, аморальные и зверские инстинкты. Наглядным показателем итогов «идеологической обработки» легионеров являются их съезды. Местопребыванием штаб-квартиры Легиона служит город Индианаполис (штат Индиана), но его федеральные сборища происходят и в других городах США. Так, на съезде Легиона, состоявшемся летом 1947 года в Нью-Йорке, жители имели возможность наблюдать, как банды хулиганов, именуемых легионерами, в продолжение изрядного времени совершенно безнаказанно бесчинствовали на улицах города. Чего только не претерпели нью-йоркцы от этих «стопроцентных американцев»: обливание помоя-

ми из окон отелей, тыканье в лицо каким-либо гнильем, побои и всяческие другие издевательства. Американская реакция предоставляет членам Легиона полную возможность «забавляться», как им заблагорассудится. Она даже всячески поощряет эти «забавы», к услугам легионеров — десятки специальных магазинов, торгующих предметами так называемых «практических шуток». Цель этих «забав» ясна: чем разнузданнее будет бесчинствовать легионер сегодня, тем хладнокровнее он будет истязать и убивать завтра.

Во время съездов легионеры не только пьянствуют и бесчинствуют. Они занимаются и более опасными делами. Трибуна последних съездов Американского легиона была широко использована для пропаганды третьей мировой войны, для разжигания в стране шовинистических настроений. А. Я. Вышинский в своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 18 сентября 1947 года заклеил поджигателей войны из среды американской реакции в том числе и застрельщиков войны из Американского легиона.

Американский легион насчитывает в своих рядах свыше миллиона человек. Состав его неоднороден как по социальному признаку, так и по политическим взглядам его приверженцев. Несмотря на то, что руководство Легиона сплошь реакционное, сумело развратить фашистской идеологией значительные массы ветеранов, среди последних можно встретить и прогрессивно мыслящих людей. Например, летом 1932 года прогрессивно настроенные легионеры организовали поход на Вашингтон, осадили Белый дом и требовали выплаты пенсий. Наличие таких элементов в рядах Легиона выявилось также во время некоторых забастовок, когда были случаи отказа ветеранов выступать против бастующих рабочих.

По окончании второй мировой войны, в связи с вступлением в Легион новых ветеранов, наглядно познавших, что представляет собой фашизм, эти оппозиционные настроения усилились. Даже на съезде в Нью-Йорке в 1947 году, куда отбирались наиболее проверенные в «идеологическом отношении» легионеры, в дыму всеобщего шовинистического угара прозвучали трезвые

голоса. По сообщениям печати, с предостережениями против военного психоза выступил на съезде бывший «национальный командор» Легиона Луи Джонсон. Бывший морской министр Даниэльс призвал ветеранов «не подливать масла в огонь истерическими проповедями во имя войны, а поднять голос протеста против духа войны».

ЧЕРНЫЙ ЛЕГИОН

Американская плутократия всячески изощряется в способах устрашения трудящихся масс. В мае 1936 года в штате Мичиган была раскрыта тайная террористическая организация под названием «Черный легион». Разоблачение этой организации произошло в связи с убийством некоего Чарльза Пула, ее участника, который был «казнен» за несоблюдение дисциплины. Это событие так всколыхнуло общественное мнение страны, что под его нажимом власти были вынуждены начать спешное расследование. И вскоре американская печать запестрела сенсационными сообщениями.

Было установлено, что Черный легион — строго за-конспирированная организация, членство в которой считается секретным. Каждый вновь принимаемый член под страхом смерти обязывался ни при каких обстоятельствах не разглашать своей принадлежности к легиону.

Газета «Дейли уоркер» сообщила, что во время обыска в жилищах тюремного персонала округа Джексон были обнаружены черные колпаки и балахоны, оружие, плетки и фашистская пропагандистская литература. «Нью-Йорк пост» опубликовала рассказ одного члена раскрытой организации, нарисовавшего жуткую картину террора, царившего внутри нее, и совершенных ею бандитских преступлений. Несмотря на то, что первоначальная активность властей быстро выдохлась, день за днем американцам становились известными из различных источников все новые факты, относившиеся к Черному легиону.

Оказалось, что Черный легион, именовавшийся также «Объединенным братством Америки», был создан в 1933 году в штате Мичиган; затем он распространился и на ближайшие штаты. Он был организован на военных началах. Его составными частями были полки и от-

ряды специального назначения: отряды смерти, отряды факельщиков, экзекуционные отряды. Все эти наименования были не просто результатом терминологического творчества руководителей легиона, — они отражали истинную цель их предназначения. «Каждый отряд имел свое специальное «патриотическое» задание: бомбить помещения рабочих организаций, сжечь дом кого-либо из «врагов», убить политического противника. Выполнение каждого задания контролировалось специальными карательными отрядами, и малейшее неповиновение каралось хлыстом и револьвером». Во время расследования власти нашли список с указанием 50 лиц, которые были присуждены легионом к смерти за те или иные «проступки».

Как писал много позже Джон Рой Карлсон, уже цитировавшийся нами американский публицист, также занимавшийся расследованием деятельности Черного легиона, «его членами были бывшие ку-клукс-клановцы, штрейкбрехеры, насильники, сутенеры, выпущенные на свободу убийцы и шулера, отбывшие наказание бандиты и хулиганы». Это «общество» дополнялось полицейскими, тюремщиками и чиновниками. Так, по заявлению бывшего начальника полиции города Понтиака — Экхарда, около трети полицейских и муниципальных служащих состояли членами Черного легиона. Главой Черного легиона был некто Вильямс Шепард, по прозвищу «Дробовик Шепард», патентованный гангстер.

Численность Черного легиона, по сообщениям печати, варьировалась от ста тысяч до нескольких миллионов. Это несомненное преувеличение. Но надо полагать, что в его рядах находилось несколько десятков тысяч человек.

Свое существование легион «отмечал» беспрестанными убийствами. Его жертвами были преимущественно передовые рабочие, профсоюзные работники и другие прогрессивные деятели. Одной из первых жертв легиона был Джордж Марчук, активист союза рабочих автомобильной промышленности и организатор совета безработных в Линкольн-парке.

В одном случае причиной убийства человека был отказ стать секретным осведомителем легиона. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Руководителю отделения Черного легиона в Детройте было поручено организовать осведомление среди коммунистов, работавших на заводе Форда. Получив это задание, он наметил к вербовке одного коммуниста, являвшегося одновременно профорганизатором. Члены легиона похитили этого коммуниста и увезли его за город, где ему было предложено стать секретным осведомителем. Когда он категорически отверг это предложение, его зверски замучили и труп выбросили поблизости от одной фермы. Во время судебного расследования неожиданно нашелся человек, который заявил, что он был свидетелем похищения этого коммуниста, и выразил прямую готовность указать его убийц. Это показание стоило свидетелю жизни: он был убит в тот же день.

Американский писатель Альберт Малц, занявшийся расследованием этого случая, выяснил весьма любопытные вещи. Им было установлено, что членами Черного легиона в Детройте состояли многие ответственные служащие завода Форда и местных органов власти. В частности, Малц обнаружил принадлежность к легиону начальника отдела личного состава фордовского концерна и нескольких высших полицейских чиновников Детройта.

Спустя несколько месяцев после разоблачения Черного легиона в Нью-Йорке в издании «Уоркерс лайблери паблшерс» вышла брошюра Джорджа Морриса, озаглавленная «Черный легион в действии». Эта исключительно интересная по своему содержанию книга явилась подлинным обвинительным актом против Черного легиона. Автор сумел собрать более обширный обличительный материал, чем тот, который фигурировал в протоколах судебного следствия, кстати говоря, уже затухавшего, и газетных отчетах. Он не увлекся одним только сенсационным описанием террористической деятельности Черного легиона, а прежде всего установил «политическое лицо» организации.

Моррис неопровержимо доказал, что Черный легион — боевой отряд крупного финансового капитала, что он во всей своей практике тесно связан со многими видными деятелями республиканской партии, с федеральными и местными властями. Тогда впервые было упомянуто имя Рандольфа Херста — газетного короля, шедшего финансировать Черный легион.

Из огромного количества фактов, приводимых Моррисом, мы укажем на два, пожалуй, наиболее ярко характеризующие методы организации. В период предвыборной кампании Черный легион получил задание направить всю свою активность на дискредитацию коммунистической партии. С этой целью члены легиона подожгли рабочие лагеря в Детройте и обвинили в этом коммунистов, затем разбросали по городу фальшивые листовки, выпущенные якобы компартией США. Эти листовки призывали население к восстанию и террору. Херстовская печать в связи с этим начала очередную антисоветскую истерию.

Другой факт не менее показателен. Незадолго до своего «разоблачения» руководители Черного легиона разработали план, имевший целью спровоцировать в Детройте антисемитскую кампанию. Автором плана был некий Чарльз Мэк Котчен, работавший консультантом молочного отдела в детройтском департаменте здравоохранения. Котчен составил план отравления тифозными бактериями молока и сыра, поставляемых в еврейские магазины для того, чтобы таким путем вызвать среди покупателей антисемитские настроения.

Разумеется, ни первое, ни второе преступление не только не инкриминировались легиону в ходе следствия, но и вовсе не были упомянуты в его материалах. Шумиха, поднятая прессой вокруг Черного легиона, вскоре затихла, а возбужденное против него судебное преследование фактически окончилось ничем. «Когда, наконец, была предпринята попытка раскрыть скандальную мичиганскую историю, — пишет Карлсон, — лишь очень немногие из членов легиона были арестованы по подозрению в убийстве. Но главные виновники не попали на скамью подсудимых. Дело было замято. Кто-то поставил выгородить виновных».

Судебное дело о легионе заглохло, но сам он не переставал действовать. Он лишь изменил вывеску, что было обнаружено уже в начале следующего года. Премником Черного легиона оказался «Легион действия», обосновавшийся в городе Толедо. Вскоре выяснилось, что личный секретарь Херста сделал крупный взнос в фонд этой организации. Называя себя «подлинно американской национальной патриотической организацией»,

«Легион действия» открыто провозгласил своей главной целью борьбу против прогрессивного и, в частности, рабочего движения.

Почти одновременно в штате Кентукки начал действовать новый террористический филиал старого легиона — организация так называемой «Черной ноги». Вместо черных капюшонов и балахонов с изображением скрещенных костей и черепа, которые носили легионеры, члены «Черной ноги» натягивали на голову черный чулок с отверстиями для глаз. В этом облачении они совершали по ночам свои бандитские нападения. Каждого члена организации при приеме предупреждали, что за разглашение тайны его убьют: повесят или сожгут.

В 1938 году бывший Черный легион преобразовался в «Национальную рабочую лигу», которая объединила все его остатки. Резиденцией руководства лиги, возглавляемой Паркером Сейджем, стал Детройт.

Летом 1943 года около 1 200 членов лиги, вооруженных ножами, дубинками и огнестрельным оружием, организовали нападение на негров, переселявшихся в коммунальные дома. Это послужило началом больших беспорядков в Детройте. Паркер Сейдж и Гарланд Олдермэн, секретарь лиги, были арестованы по обвинению в подстрекательстве к мятежу, но их сейчас же выпустили на поруки. Вскоре глава лиги Сейдж заявил, что «лига официально ничем не скомпрометирована» и продолжает свою деятельность... Лига существует и поныне.

ЧЕРНЫЕ СИЛЫ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

Вряд ли в какой-либо другой стране имеется такое множество всяких фашистских и расистских организаций, как в США. Начало их образованию было положено в первые годы после войны 1914—1918 годов, когда господствующие классы Америки ухватились за эти организации, как панацею от «красной опасности». Вместе с тем с первых же своих шагов эти организации были использованы множеством опытных дельцов в качестве весьма прибыльного бизнеса. К этому прежде всего приложили руку такие известные агенты монополий по «паблисити», т. е. по рекламе всего, чего угодно, —

от зубочисток до политической идеологии, — как Эдуард Кларк и Элизавета Тайлер, пустившие «в ход» Ку-Клукс-Клан, и Айви Ли, проделавший то же самое с Американским легионом.

«Большевицкая угроза» стала для массы бизнесменов источником немалых и систематических доходов. Особой изобретательности для этого даже не требовалось: «Бесчисленные патриотические общества появились на свет божий, — писал Эллен в своей книге «Только вчера», — каждое со своим ответственным секретарем. Секретари должны были жить, а поэтому должны были раскрывать все новые и все более серьезные опасности. Бесчисленное количество джентльменов сообразило, что они могут одержать победу над чем угодно, вымазав любой ненавистный объект большевицкой краской».

Коммерция, претворенная в «политику американизации» страны, принесла в виде одних только членских взносов, собиравшихся с членов различных «патриотических», т. е. шовинистических и расистских, обществ сотни миллионов барыша. За два десятилетия, приведшие человечество от первой ко второй мировой войне, политический бизнес, лицемерно наименованный «патриотизмом», дал и другие результаты, а главное — создал массовую базу для расистского фашистского движения. Сотни тысяч обывателей (сознание которых затуманено изо дня в день ведущейся фашистской пропагандой и отравлено ядом нетерпимости), объединяемых десятками всевозможных обществ с «патриотической» вывеской, были и являются тем фундаментом, на котором держится господство американской плутократии. Из этой среды последняя набирает свой непосредственный оплот — полицейско-административную систему, аппарат юстиции и другие институты принуждения и подавления масс.

Еще в начале тридцатых годов, в результате обострившейся внутривнутриполитической обстановки, реакция стала усиленно добиваться сплочения всех своих сил в единое целое. В 1934 году главари нацистского Германо-американского союза и Ку-Клукс-Клана обсуждали вопрос о создании общеамериканской фашистской партии. Ряд фактов свидетельствует о том, что уже тогда заправилы Уолл-стрита стали видеть в установлении ре-

жима фашистской диктатуры единственный путь к водворению в стране «социального спокойствия». С их благословения лидеры американского фашизма незадолго до начала второй мировой войны заявляли во всеуслышание: «Мы должны работать над тем, чтобы подготовить приход фюрера в Белый дом. Тогда перед нами люди Америки окажутся бессильными, как дети».

Различные причины, в том числе интриги и постоянные дразги среди лидеров «патриотических» организаций, помешали реакции претворить в жизнь свой замысел о создании большой антирабочей политической партии фашистского типа. В первой половине войны такая попытка вылилась в создание комитета «Америка — прежде всего». Об этой организации видные американские публицисты Сейерс и Кан в своей книге «Секретная война против Америки» пишут, что «вся пятая колонна США, организованная за восемь лет неустанным трудом держав оси, присоединилась к движению, возглавляемому комитетом «Америка — прежде всего».

Комитет «Америка — прежде всего» был основан в сентябре 1940 года Дугласом Стюартом-младшим — молодым юристом из Иельского университета. Свою политическую деятельность 24-летний Стюарт начал незадолго до этого, когда он на съезде республиканской партии проявил себя в качестве непримиримого изоляциониста. Вскоре после съезда Стюарт выступает с идеей создания в общенациональном масштабе организации, объединяющей противников прогрессивного курса. В этом деле он сумел заручиться поддержкой Чарльза Линдберга, Генри Форда, бывшего помощника государственного секретаря Уильяма Касла, сенатора Уилера, чикагского промышленника Роберта Вуда, т. е. всех тех видных реакционеров, которые были сторонниками «умиротворения» агрессоров и яростными противниками рузвельтовской политики. При прямой поддержке и участии названных лиц Стюартом и был создан комитет «Америка — прежде всего», ставший важнейшим орудием фашистской политической деятельности в Соединенных Штатах.

С момента своего возникновения и по день событий в Пирл-Харборе комитет «Америка — прежде всего» вел широкую и трескучую пропагандистскую кампанию, ста-

вившую своей задачей во что бы то ни стало удержать США от вступления в войну.

Но в годы войны под нажимом общественного мнения большинство «патриотических» организаций, объединяемых комитетом «Америка — прежде всего», было вынуждено уйти в «подполье» или было распущено правительством Рузвельта.

Однако американские фашисты и после этого продолжали вести легальную подрывную деятельность в целях оказания помощи гитлеровской Германии. В 1943 году Джералд Смит, бывший член фашистской организации «Серебряных рубашек», основал новую националистическую политическую организацию под названием «Америка — прежде всего». Эта организация в почти незамаскированной форме немедля развернула кампанию за мир на основе переговоров с державами оси, которая особенно усилилась после Сталинградской битвы. В августе 1944 года «Америка — прежде всего» созвала в Детройте свой национальный съезд. Одним из ведущих участников и ораторов съезда был Гомер Мерц, бывший активный член «Германо-американского союза» и организации «Серебряных рубашек». Мерц выступил на съезде с откровенной нацистской резолюцией по «еврейскому вопросу».

Процесс консолидации черных сил американской реакции в широких масштабах возобновился сразу же после войны. Впрочем, американская печать еще до окончания войны приводила данные, говорящие о том, что реакционные организации США начали восстановление своей организационной структуры и связей, прерванных во время войны, что они вновь стремятся к объединению своих сил.

Но как только война окончилась, профашистское движение вышло на политическую сцену Америки уже без всякой маскировки. Спустя два месяца после капитуляции гитлеровской Германии, группа известных реакционеров создала организацию «Американское действие». В руководящий совет «Американского действия» вошли все наиболее известные лидеры фашизма в США: генерал Вуд из комитета «Америка — прежде всего», Эдуард Хэйс из Американского легиона, руководитель «Христианского фронта» известный фашистский радиопро-

Чарльз Кофлин и другие. В этом включении многих фашистских главарей в руководство «Американского действия» явственно видна рука Уолл-стрита, стремящегося создать объединенный штаб «американизации».

Не секретом является и то, кого реакционные круги прочат на роль формального главы создаваемого ими «единого фронта», — это Джералд Смит. Он — один из наиболее видных фашистских руководителей в США, давно уже выступающий с идеей объединения Ку-Клукс-Клана, Американского легиона, «Христианского фронта» и множества других «патриотических» обществ в единую фашистскую организацию. Хотя Смит официально (к этому, вероятно, имеются соответственные соображения) не вошел в состав руководства «Американского действия», но он всячески поддерживает и фактически направляет его деятельность.

Среди различных мероприятий в этом направлении, осуществляемых в настоящее время реакцией, особое место занимает борьба за ветеранов второй мировой войны, за их «идеологическую» обработку и вовлечение в ряды «единого фронта». Обстоятельно рассказывает об этом Джон Рой Карлсон в своей книге под названием «Заговорщики»¹. И не случайно, что это дело также вверено Джералду Смигу, являющемуся руководителем организации «Националисты-ветераны второй мировой войны». Среди свыше чем 200 более или менее значительных шовинистических и расистских организаций, действующих сейчас в Соединенных Штатах, эта организация является одной из наиболее фашистски настроенных.

В период подготовки к последним президентским выборам Джералд Смит и его организация проявляли исключительную активность. Смитом был организован так называемый «христианский крестовый поход националистов». На съезде «националистов» в Сент-Луисе, состоявшемся в конце августа 1948 года, Смит был выдвинут кандидатом на пост президента. По сообщениям печати, на съезде присутствовали «делегаты» от 30 штатов, которые приняли программу, призывающую к за-

---

¹ Книга издана в 1946 году в Нью-Йорке издательством «Даттон и Ко».

прещению иммиграции в США жителей Азии, евреев и представителей цветных рас. Принятая программа осуждает Организацию Объединенных Наций и призывает к созданию «сильной христианской Германии» как оплота против коммунизма.

Но все эти смиты, хэйсы, кофлины и прочие кандидаты в «фюреры» — лишь жалкие марионетки в руках тех, кто стоит за их спиной. Национальная ассоциация промышленников — вот кому они служат и кто им платит. Полвека этот подлинный генеральный штаб американского капитализма пребывал в тени; о нем говорили лишь как о простом объединении предпринимателей — и только. Между тем дело обстояло иначе.

Еще свыше 100 лет назад американская буржуазия стала создавать свои классовые организации для борьбы с рабочим движением. Вначале они возникали в рамках отдельных отраслей промышленности и в больших городах, а затем предприниматели стали объединяться в федеральном масштабе. Так они организационно оформляли свою солидарность в борьбе с рабочим классом. В этих целях в распоряжение создаваемых ассоциаций были отпущены значительные денежные средства.

Когда в стране вспыхнуло движение за сокращение рабочего дня, американские капиталисты приступили к созданию особых фондов для борьбы с рабочими организациями. В 1872 году 400 нью-йоркских предпринимателей приняли решение, обязывавшее каждого из них внести в специальный фонд не менее 1 тысячи долларов.

В конце XIX века в США существовало уже свыше десятка крупных федеральных предпринимательских объединений. Наиболее мощной из них считалась Национальная ассоциация промышленников, основанная в 1895 году на съезде нескольких сот промышленников в Цинциннати. Как указывает Хилкуит, автор книги «История социализма в САСШ», в начале XX века НАП насчитывала около 3 тысяч членов. Для борьбы с рабочим движением она имела специальный фонд в размере полутора миллионов долларов и большую детективную службу — до 12 тысяч шпиков разной «квалификации», внедренных в профсоюзы.

В 1947 году членами НАП состояло 16 тысяч отдельных лиц и фирм, располагавших в общей сложности

капиталом свыше 60 миллиардов долларов. Задачи и практическая деятельность НАП исключительно разнообразны. Вопросы внешней и внутренней политики и экономики, проблемы законодательства, пропаганда идей «американизма» и, конечно, все относящееся к борьбе с рабочим классом — все это представляет сферу интересов и влияния НАП, во всех этих вопросах она диктует свою волю.

Для осуществления своей деятельности НАП располагает огромным аппаратом, возглавляемым по каждой группе вопросов особым комитетом.

Но было бы наивным полагать, что НАП — это 16 тысяч ее членов. Не одна, а 207 крупнейших американских корпораций контролируют организацию. На примере НАП мы видим наиболее яркую форму диктата большого бизнеса, наиболее показательное претворение в практику идеи монополизации промышленности и концентрации капитала. Без всякого преувеличения можно сказать, что в стенах НАП, а не в Белом доме и Капитолии вершатся судьбы Америки. НАП — это подлинное правительство Соединенных Штатов.

И не 207 корпораций являются этим правительством, а только тринадцать. Главы тринадцати могущественнейших американских монополий (или лица, представляющие их особы) — настоящие хозяева НАП. Они-то и образуют никогда не сменяемое и никому не подотчетное закулисное правительство — так называемый «Особый совещательный комитет» (или «Комитет специальных конференций»).

Через свой «Комитет американизации» и другие органы НАП фактически руководит фашизацией страны и ее переводом на рельсы подготовки новой войны.

В начале 1950 года американская реакция предприняла новые шаги по объединению своих сил на базе «борьбы с коммунизмом». Во-первых, «невидимая империя» США, т. е. сообщество бандитов в балахонах и капюшонах, провела свой учредительный съезд в Джексонвилле в штате Флорида. На этом сборище представителей от большинства клановских организаций был избран «император» «невидимой империи», по имени Натан Второй. Таким образом, произошло возрождение Ку-Клукс-Клана в том виде, каким он был в середине прош-

лого века, когда его террористическая деятельность была наибольшей по своим масштабам. Выборы «императора» в Джексонвилле выглядели бы не больше чем шутовской комедией, если бы за этим событием не таился новый маневр реакции, а именно — стремление объединить в стране самые черные силы погромщиков.

В то самое время, когда во Флориде заседал учредительный съезд «невидимой империи», в Нью-Йорке происходила двухдневная конференция ряда других фашистских организаций. В качестве заправил конференции выступали такие заслуженные деятели шпионажа, террора, провокации и предательства, как бывший посол США в Москве Бедел Смит, как конгрессмен Карл Мундт, одно время возглавлявший пресловутую комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, как Мэтью Уолл, один из главарей Американской федерации труда и его партнер по предательству интересов трудящихся Кэри из Конгресса производственных профсоюзов, а также многие другие им подобные господа, представлявшие Американский легион, фашистские еврейские организации и т. д. Дирижировали конференцией представители Национальной ассоциации промышленников, т. е. доверенные Уолл-стриита.

«Общая цель этой конференции, — как говорится в принятой ею резолюции, — заключается в уничтожении всемирного коммунизма».

Пожалуй, наиболее откровенно циничным было выступление на конференции Кэри, который заявил: «В минувшей войне мы объединились с коммунистами для того, чтобы бороться с фашистами. В новой войне мы объединимся с фашистами, чтобы разгромить коммунистов». С весьма «практическим предложением» выступил Мундт: он требовал создания повсюду, во всех предприятиях, учреждениях, учебных заведениях и школах специальных «фаланг» для шпионской слежки за рабочими, служащими и учащимися, являющимися коммунистами или подозреваемыми в «прокоммунизме».

Сборища в Джексонвилле и Нью-Йорке — вехи на пути фашизации Соединенных Штатов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МЕТОДЫ И ТЕХНИКА АМЕРИКАНСКОЙ ОХРАНКИ

ВОТ ОН ГДЕ, ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Попасть в «свободную» Америку для прогрессивно мыслящего человека всегда было делом весьма затруднительным. Как писал в этой связи о себе самом Эгон Эрвин Киш, он был «особой, с американской точки зрения, весьма подозрительной». Прежде чем ему удалось, наконец, воспользоваться гостеприимством дяди Сэма, ему трижды отказывали в визе на въезд. Первый раз это было вызвано наличием в его паспорте русских отметок, и после длительных справок в Государственном департаменте был получен отказ. Во второй раз, когда ходатайство о визе возбуждалось уже в другом городе и по другому паспорту, никаких департаментских справок уже не потребовалось, так как «неблагожелательный» иностранец был уже взят на «примету», и ему сразу заявили, что он «на вечные времена лишил себя права вступить на «божественную» почву Америки, ибо он публично подчеркивал, что Сакко и Ванцетти пали жертвой самого варварского юридического убийства». В третий раз, когда Э. Киш считал свою «вину» поросшей былью, дело обернулось таким же образом. И только в четвертый раз, наконец, знаменитый писатель смог осуществить свое желание.

Чтобы воспрепятствовать приезду в США людей, известных своими прогрессивными, демократическими убеждениями, американские власти всегда создавали множество рогаток. Процедура начиналась с секретного изучения политического облика лица, изъявившего желание посетить «страну свободы». Затем это лицо было обя-

зано удостоверить свою «благонамеренность» — представлением поручительства «солидного американца», дать консулу США подписку в том, что оно всецело признает американскую конституцию, отвергает методы насильственного свержения правительств и что оно не является ни анархистом, ни коммунистом. Однако удовлетворением этих требований процедура получения разрешения на въезд в США еще не исчерпывалась.

Следующая стадия ее начиналась уже после получения визы, по приезде в американский порт. Здесь немедленный доступ на «обетованную землю» получали только пассажиры кают-люкс и первого класса, а все прочие смертные обязаны были пройти еще дополнительную проверку. Проверка эта нередко затягивалась на целые сутки, а то и двое, в течение которых пассажиры находились под бдительным надзором на борту парохода, или же, если это было в Нью-Йорке, их переводили в полицейский изолятор Эллис-Айланд, возле «статуи Свободы». Здесь производилась тщательная проверка паспортов и личный опрос их владельцев. Если вы литератор, то упаси вас боже ответить положительно на обязательный в этом случае вопрос о том, пишете ли вы на политические темы. При утвердительном ответе все ваши предыдущие усилия пойдут насмарку и в разрешении сойти на берег вам будет отказано.

Но и это не все. В заключение возможность предоставления вам временного гостеприимства в Америке обуславливалась еще выполнением требования министерства труда — немедленно внести залог в 500 долларов, дабы «гарантировать страну от новых предложений рабочей силы». К примеру говоря, Маяковский, несмотря на наличие визы, был впущен в США только после взноса им залога в 500 долларов.

Такая процедура, с теми или иными изменениями, существовала в течение многих десятилетий. Сейчас дело стало еще сложнее. Спустя два года с немногим после разгрома гитлеризма, осенью 1947 года, министр юстиции Кларк, выступая на съезде Национального биржевого клуба, заявил, что Соединенные Штаты не допустят въезда в страну «любого лица, не верящего в нашу форму правления», и будут высылать всякого иностранца, придерживающегося подобных взглядов.

За словами последовали действия. В начале 1948 года Кларк одобрил новые правила иммиграции в США, которые были распространены не только на новых иммигрантов, но и на всех иностранцев, прибывающих в США. Согласно опубликованному заявлению министерства юстиции, новые правила рассчитаны на то, чтобы обеспечить более жесткий контроль над иностранцами, въезжающими в Соединенные Штаты в качестве посетителей, над их деятельностью в пределах страны. Период, в течение которого иностранцам разрешается пребывание в США, сокращен до шести, а в некоторых случаях до трех месяцев. Каждый из приезжающих в США иностранцев обязан зарегистрироваться в секции регистрации иностранных агентов департамента юстиции, что связано с новой процедурой заполнения всевозможных анкет, а затем сообщить свой адрес Управлению по вопросам иммиграции и натурализации.

Иначе говоря, правительство США распространило на всех иностранцев, желающих посетить США, закон о регистрации иностранных агентов, изданный в 1938 году. Как известно, формально этот закон имел задачей борьбу с фашистской агентурой и ее подрывной деятельностью. Ныне он целиком обращен против прогрессивных иностранцев. Оскорбительные правила, вроде обязательного взятия у приезжающих отпечатков пальцев, специально введенные для облегчения наблюдения за подрывной агентурой держав оси, стали применяться американскими властями даже в отношении иностранцев, приглашаемых в США прогрессивными общественными организациями на какие-либо съезды или конференции. В случае невыполнения вышеупомянутых требований гости американских общественных организаций становятся перед угрозой привлечения их к уголовной ответственности.

Разумеется, все эти ограничения, налагаемые на иностранцев, приезжающих в Соединенные Штаты, касаются лишь тех из них, кто причисляется к так называемым «красным». Фашисту, преступнику и реакционеру любой национальности и масти обеспечивается там полное благожелательство и понимание властей.

Произвольно распространив закон об иммиграции, т. е. закон об ограничении приезда в США на постоян-

ное местожительство, и закон о регистрации иностранных агентов, имевший своей целью пресечение подрывной деятельности японо-немецкой агентуры, на нежелательных временных посетителей страны, американские власти преследуют определенные полицейские цели. Заставив такого «гостя» насильственно зарегистрировать себя в качестве «агента иностранной державы», они лишают его возможности свободно выступать и выражать свое мнение даже по самому пустяковому вопросу, так как в любой момент «гость» может быть арестован и против него может быть возбуждено судебное преследование по обвинению в самых тяжких преступлениях. Вот пример: лишь только делегации СССР и Советской Украины прибыли по приглашению Американского славянского комитета в Нью-Йорк для участия в американском Всеславянском конгрессе, — им вручили грозные извещения, подписанные мистером Эллифом, начальником секции регистрации иностранных агентов. От советских делегатов требовали выполнения различных унижительных процедур, предусмотренных рузвельтовским законом для фашистских шпионов и диверсантов. Представители некоторых американских газет, найдя этот поступок «беспрецедентным» в практике международных отношений, обратились за разъяснениями в Государственный департамент. Представитель Государственного департаментa Уайт разъяснил им, что, по мнению Государственного департаментa, этот вопрос относится к компетенции... министерства юстиции.

Практика дискриминации и всяческих издевательств над прогрессивно настроенными иностранцами, находящимися в США или приезжающими туда, стала определенной системой. Государственный департамент не впустил в США таких, например, «опасных» лиц, как французские профсоюзные деятели Рейно и Ле Брэн, подверг суровым ограничениям прибывшего в Нью-Йорк корреспондента газеты «Юманите» Поль Куртада и священника из Южно-Африканского Союза Скотта. Американские власти запретили въезд знаменитому французскому ученому Жолио Кюри, пользующемуся уважением во всем мире, а когда он приехал в Нью-Йорк, его посадили в полицейскую тюрьму. Этот список можно было бы значительно расширить.

В последнее время органы Государственного департамента стали отказывать иностранцам в выдаче въездной визы, если возникают даже малейшие сомнения насчет их «благонадежности». В августе 1948 года консульство США в Лондоне отказалось предоставить визу на въезд в США настоятелю Кентерберийского собора Хьюлетту Джонсону, который был приглашен Национальным советом американо-советской дружбы для прочтения курса лекций. Консул США заявил Джонсону, что американские власти «неодобрительно относятся к пригласившей его организации».

На это Джонсон ответил: «Повидимому, в США не допускаются никакие шаги, направленные к укреплению американо-советского взаимопонимания или дружбы. Америку называют страной свободы слова, но, очевидно, слова о дружбе с Советским Союзом не относятся к этой категории»¹.

В марте 1949 года правительство США отказало предоставить визы на въезд в Соединенные Штаты ряду европейских деятелей культуры, приглашенных для участия в работе Конгресса деятелей науки и культуры США в защиту мира. По этому поводу английский делегат профессор Бернал заявил, что ему было отказано в визе после выяснения его политических взглядов американскими представителями в Лондоне. Другой английский делегат доктор Кроутер рассказал представителям печати о том, как чиновник консульства США в Лондоне подробно расспрашивал его относительно его участия во Вроцлавском конгрессе. Когда Кроутер попросил разъяснений, этот чиновник ответил, что информация о Кроутере была получена им секретным образом и что он не может дать никаких объяснений.

В августе 1949 года управление по вопросам иммиграции и натурализации при государственном департаменте запретило въезд в США канадской журналистке Маргарет Гоулд только на том основании, что она после войны посетила СССР и написала статью о достижениях Советского Союза. По этой причине, как указал корреспондент Юнайтед Пресс в сообщении из Торонто,

---

¹ Впоследствии под нажимом общественного мнения виза на въезд в США Джонсону была предоставлена.

ее присутствие в США «противоречило бы интересам Соединенных Штатов».

Наконец, недавно был запрещен въезд в США делегации Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

В результате огромного развития во всех странах движения за мир запрещение въезда в США приняло массовый характер. Все иностранные граждане, известные своей деятельностью в защиту мира, тотчас заносятся Федеральным бюро расследований в свой «черный список», и им навсегда закрывается доступ в Соединенные Штаты. Недавно в канадской печати сообщалось о том, что в настоящее время насчитывается 11 тысяч канадцев, которым не только запрещен въезд в США, но и не разрешено проживание поблизости от границы.

В деле возведения вокруг Соединенных Штатов «великой китайской стены» американские чиновники проявляют столь много усердия, что не обходится и без курьезов. Приведем один такой случай, имевший место летом 1949 года. В Нью-Йорк из Стокгольма на самолете прибыл шведский правый социал-демократ, доктор философии Таге Линдбум. Цель его приезда в США состояла в изучении американского рабочего движения и участия в этом движении американцев шведского происхождения. Шведское правительство выделило Линдбуму для этой цели специальную государственную стипендию, и он имел при себе рекомендации американского посольства в Швеции. Однако по прибытии в Нью-Йорк он был подвергнут двухчасовому допросу американскими иммиграционными властями, арестован и выслан на «Остров Слёз». Только после вмешательства шведского консульства в Нью-Йорке, шведского посольства в Вашингтоне и шведского министерства иностранных дел Линдбум был возвращен с «Острова Слёз». Как сообщал нью-йоркский корреспондент газеты «Свенска дагбладет», одной из причин ареста Линдбума явилось его научное звание доктора философии, которое было указано в паспорте. «Такое звание, — писал корреспондент, — показалось американским чиновникам таинственным».

Говоря об этом происшествии, шведская газета «Ню даг» писала: «Арест Линдбума показывает, насколько далеко зашли американцы в охоте за «подозрительными

элементами». Для американского капитализма нет более безопасных «радикальных интеллигентов», чем этот социал-демократический доктор философии. Если бы инцидент с Линдбумом не представлял собой зловещего симптома далеко продвинувшейся фашизации США, он мог бы лишь вызвать иронию».

Американская общественность в ряде случаев выражала свое негодование по поводу подобной политики дискриминации. В начале 1948 года декан факультета журналистики Колумбийского университета Акерман заявил резкий протест по поводу того, что новые ограничения выдачи виз иностранцам «изолируют американские университеты от международных течений и мнений, неугодных генеральному прокурору. ...Эти правила запрещают иностранным деятелям в области просвещения и журналистам принимать приглашения на лекции и участвовать в конференциях, проводимых в американских университетах».

В качестве примера Акерман указал, что университет пригласил директора Венецуэльской школы журналистики Акоста Сайгнеса принять участие в конференции, состоявшейся в Нью-Йорке, но американский консул в Каракасе отказал в выдаче визы, несмотря на то, что Сайгнес представил письменное заявление о непринадлежности к коммунистической партии. Акерман заявил, что новые правила заставляют университеты выбирать иностранных гостей, исходя из учета их политической принадлежности, а не заслуг в области науки.

Устанавливая режим дискриминации в отношении определенных категорий иностранцев, намеревающихся побывать в США, реакция пытается изолировать прогрессивную общественность страны от всяких связей с внешним миром, помешать взаимодействию сил, борющихся за мир, демократию и прогресс. Отказывая во въезде в США известным деятелям культуры и науки, реакция демонстрирует лишь свой страх перед прогрессом и неуверенность в собственных силах.

Если в прошлом доступ в США прогрессивно мыслящих людей был сопряжен со многими препятствиями, то ныне он для них вовсе закрыт.

Вместе с тем очень жестко регулируется и выезд из страны поданных США. Еще в сентябре 1939 года

государственный департамент специальным распоряжением резко ограничил для американцев возможность заграничных поездок. Разрешение на выезд стало выдаваться при наличии только «срочной деловой необходимости», подтвержденной соответственным учреждением и поручительством двух лиц. Разумеется, это мероприятие было целиком направлено против тех элементов, выезд которых за границу был для властей по тем или иным причинам нежелателен. Свою силу это распоряжение сохранило и до настоящего времени.

Для примера можно взять хотя бы случай с корреспондентом газеты «Дейли уоркер» Мэджиллом. 28 января 1948 года он подал заявление о выдаче заграничного паспорта для поездки в Палестину. После большой задержки государственный департамент отверг просьбу корреспондента. В связи с этим редактор «Дейли уоркер» заявил протест государственному секретарю, указав, что отказ в выдаче паспорта «противоречит свободе печати и свободному обмену информацией, о поддержке которых США постоянно говорят в ООН».

Известному прогрессивному американскому писателю Говарду Фасту, намеревавшемуся выехать в Англию для участия в английском конгрессе сторонников мира, был также запрещен выезд из США.

Вот он где, настоящий железный занавес!

Газета «Дейли уоркер» в связи с этим писала: «Те, кто управляют нашей страной, действуют так, как будто они охвачены огромным страхом — страхом перед тем, что простой народ, пробудившись, разберется в политике грабежа и выкачивания прибылей, проводимой двумя главными партиями, и отвергнет эту политику... Все меры подавления и преследования являются свидетельством шаткости и слабости власти монополистического капитала в Америке. Не веря в то, что они могут осуществить свою программу в условиях свободы, монополисты пытаются уничтожить эту свободу. Так начинается фашизм».

Но если политически порядочному человеку сейчас крайне затруднительно пересечь границу США, то для преступных элементов или богатых дельцов сия операция не представляет ни малейших затруднений. В любом порту, находящемся поблизости от побережья

США, всегда можно найти людей, промышляющих «живой» контрабандой. В зависимости от «конъюнктуры» и времени года, а также некоторых иных обстоятельств, за сумму от нескольких сот до нескольких тысяч долларов эти лица беспрепятственно доставляют свою «клиентуру» на американскую территорию. «Барашки в бумажках» чудодейственно влияют на полицейских чиновников в пограничных органах, которые в этих случаях «не замечают» никаких нарушений иммиграционного режима.

После окончания войны большое количество американских летчиков, демобилизованных из армии и не сумевших найти себе работу, занялось контрабандным ремеслом. Журнал «Мэгэзин дайджест» детально описывает организацию воздушной контрабанды. Автор статьи отмечает, что «нелегальная» доставка в США иностранцев по воздуху представляет особо выгодное дело, так как «тарифы» за перевоз очень высокие. На обратном пути из США в Мексику и другие латино-американские страны воздушные контрабандисты перевозят prostitutes.

Попутно с «живым грузом» летчики доставляют в США различную контрабанду: всевозможные наркотики, драгоценные камни, швейцарские часы и многие другие товары. В качестве посадочных площадок в США летчики-контрабандисты пользуются заброшенными аэродромами, построенными во время войны.

СЛЕДЯТ ЗА КАЖДЫМ ШАГОМ НЕОТСТУПНО

Если вы иностранец и едете в Соединенные Штаты на американском пароходе, то уже на водных просторах Атлантики начинаете знакомиться с методами американского сыска и его представителями. На каждом пассажирском пароходе, плывущем под звездным флагом, всегда имеется достаточное количество шпииков, которые своей назойливостью могут испортить вам настроение и аппетит, если вы слишком впечатлительны. Когда Эгон Эрвин Киш впервые ехал в Америку, то первое, что он отметил в своих путевых записках, — это назойливость пароходного детектива.

В рассказе, который Киш ведет от имени своего вы-

мышленного двойника, доктора Беккера, он писал об этом так: «Д-р Беккер выслушивал все это без удовольствия; особенно же ему не нравились частые появления некоего широкоплечего молодого человека в роговых очках, беспрепятственно проходившего через самые запретные двери парохода. Тот, правда, подчеркивал, что едет в Америку впервые, но все старался втянуть д-ра Беккера в политический разговор».

Так было двадцать с лишком лет назад. Так обстоит дело и теперь, только детективов стало больше.

Одной из наиболее модных тем, которая время от времени оживленно трактуется желтой американской прессой, являются разные небылицы о мнимых ограничениях для иностранных корреспондентов, находящихся в Советском Союзе, о «надзоре» за их деятельностью и тому подобная чушь.

Когда писатели И. Эренбург и К. Симонов посетили в 1946 году Соединенные Штаты, некоторые газеты преподнесли своим читателям очередную сенсацию о том, что советские официальные представители запретили писателям всякое общение с американской печатью и что их будто бы неотступно сопровождают «представители ГПУ». Например, крупнейшая бостонская газета, поместив на первой странице фотографии Эренбурга и Симонова, снабдила снимок огромным заголовком: «Советский консул запретил красным писателям общение с местной прессой».

Кто поверит, чтобы эта газета могла не знать об отсутствии в Бостоне советского консульства. И. Эренбург в своей книге «В Америке» рассказывает, как пытался оправдаться редактор газеты, напечатавший это лживое сообщение. По его словам, «произошло недоразумение»: на вокзале писателей увел член «совета», по-английски «каунсел», а репортеру, мол, послышалось консул — «кенсел».

Сообщая о поездке И. Эренбурга по Америке в сопровождении «тайного советского агента», газеты, напечатавшие эту сенсацию, попали в еще более глупое положение. Они превратили в «агента ГПУ» не кого иного, как чиновника государственного департамента Нельсона — единственное лицо, которое сопровождало И. Эренбурга в его поездке по южным штатам. По

просьбе Нельсона писатель именовал его во время путешествия «Биллем Бенедиктовичем».

Журнал «Тайм», писавший о поездке И. Эренбурга, с пафосом резюмировал: «Он пользовался свободой, о которой часто, но тщетно мечтают американские корреспонденты в Москве». Так писал журнал на 70-й странице № 23 за 1947 год. А на 30-й странице того же номера журнала сообщалось, что американский журналист Джон Фишер в течение трех месяцев один разъезжал по Украине. Правда опередила вымысел, и журнал уподобился лжецу, невольно уличившему самого себя!

Знаменитый римский поэт в одной из своих сатир говорит: «Если изменить имя, то сказка сказывается о тебе». Так и в данном случае. Все, что американская печать измышляет насчет всяких «тайных агентов ГПУ», имеет место лишь в самих Соединенных Штатах.

Прогрессивно настроенным иностранцам, — будь то временные посетители страны или ее постоянные обитатели, — хорошо знакома система непрерывного тайного надзора за всеми их поступками и словами, осуществляемая в США. Она настолько всеобъемлюща и дошна, что не замечать ее нельзя. Один западноевропейский общественный деятель, побывавший после войны в США, рассказывает много любопытного о том, как за ним неотступно следовали американские ищейки.

Агенты наружного наблюдения американской охраны, чтобы не быть опознанными, в большинстве случаев работают по способу так называемой «цепочки», сообщает упомянутый общественный деятель. Этот способ обеспечивает возможность частой сменяемости агентов, участвующих в слежке. Такая «цепочка» располагает двумя-тремя автомашинами, оборудованными двусторонней радиосвязью, и насчитывает достаточное количество агентов. Наличие радиосвязи дает возможность агентам систематически информировать о передвижении и поступках наблюдаемого и получать, в свою очередь, соответственные указания.

Наблюдение отнюдь не было прекращено и после того, как охране должно было стать ясным, что ничего предосудительного с «американской точки зрения» не совершается. Иногда, гуляя по Нью-Йорку, любопытствуя, что предпримет следующий за ним «хвост», рас-

сказчик выкидывал следующий трюк. Он спускался на станцию метро, где было мало людей, и заходил в вагон поезда. Затем в последний момент, когда поезд уже отправлялся, он выходил обратно на платформу. Агент, вошедший за ним в вагон, чтобы не выдать себя, вынужден был оставаться в отходившем поезде. Но гуверовские ищейки достаточно предусмотрительны: на этот случай на платформе оставались один-два резервных агента.

При наблюдении за квартирами агенты используют телескопические бинокли.

Если объект наблюдения покидает город, уезжая на машине или поездом, то слежка за ним продолжается, хотя бы он исколесил всю страну. При автомобильном путешествии на границе штата происходит (иногда на ходу) передача наблюдения от одной группы агентов другой группе, принадлежащей к составу местного филиала Федерального бюро расследований или другого органа сыска. Агенты, следующие на ведущей машине, периодически сменяются, чтобы не быть замеченными.

В ходе слежки наблюдаемого часто фотографируют. Фотографирование производится с помощью весьма миниатюрных аппаратов, некоторые из них умещаются на ладони. Нередко снимки делаются на большом расстоянии с помощью телескопического объектива, установленного в стоящей на улице закрытой автомашине или ином месте. Очень часто агент охраны фотографирует нужное лицо, выдавая себя за уличного фотографа, который моментально снимает прохожих, а затем пытается получить заказ на только что сделанный снимок. Это явление так обыденно в США, в особенности у отелей и в других общественных местах, что ни у кого не вызывает подозрения.

Особенно американские ищейки стремятся зафиксировать с помощью фотоаппарата встречи наблюдаемого с другими лицами. Такие «фотодоказательства» нередко фигурируют на судебном следствии и в суде, когда власти хотят доказать встречи обвиняемого с кем-либо или пребывание его в каком-либо месте.

Иной американец любит козырнуть тем, что в США проживание как на частной квартире, так и в гостинице будто бы не связано ни с какими формальностями,

например в виде прописки. В действительности, как мы уже указывали, это далеко не так. Если вы нанимаете квартиру в частном доме, то владелец вам ее не сдаст, пока вы не сообщите ему вашего рода занятий, наименования и адреса предприятия, где вы работаете. Наконец, вас должно рекомендовать лицо, ему известное. В гостинице вы получите номер только после заполнения соответствующей анкеты. Но всем этим дело не ограничивается. И в первом и во втором случае вы немедленно станете объектом внимательного изучения со стороны детективной службы местной полицейской станции. В полном контакте с этими органами государственного сыска работают детективные бюро, которые содержат владельцы всех мало-мальски крупных гостиниц для внутреннего наблюдения за жильцами.

ТРИ СТЕПЕНИ

Американская охранка предусматривает три степени своих «взаимоотношений» с лицами, подозреваемыми в «опасных» мыслях, обвиняемыми в какой-либо из форм прогрессивной деятельности и т. п. Следует оговориться, что речь идет не о полицейской новинке, а о вековой практике, правда, значительно усовершенствованной в последние годы.

«Первая степень» в американской полицейской терминологии означает акт задержания, т. е. ареста обвиняемого, что обычно сопровождается обыском его местожительства. В статье четвертой так называемого «Билля о правах» — первых десяти дополнений к конституции США, принятых под давлением народных масс, — говорится:

«Не будет нарушаться ни право личной собственности граждан, ни право неприкосновенности их жилища, бумаг и вещей от неосновательных обысков и арестов; не должны издаваться никакие приказы об аресте и обыске иначе, как в достоверных случаях, подтвержденных уверениями и присягой, причем в приказе должно быть точно описано подлежащее обыску место и подлежащее аресту лица».

Так гласит закон, и он, действительно, скрупулезно соблюдался, когда во время второй мировой войны дело шло о привлечении к ответственности фашистских аген-

тов. Даже тогда, когда налицо были все улики, преступники оставались безнаказанными.

В американской печати однажды был описан следующий случай. Органы американской контрразведки установили, что в районе Лос-Анжелоса действует какая-то «нелегальная» радиостанция, систематически посылающая в эфир зашифрованные сообщения. В результате интенсивного расследования местонахождение радиостанции было более или менее точно определено. Но для ее окончательного обнаружения необходимо было произвести обыск в нескольких домах, где проживали лица, известные как заведомые агенты держав оси. И вышестоящие власти отказали в выдаче ордера на обыск, ссылаясь на отсутствие «достаточных оснований». Благодаря этому резидент фашистской разведки получил возможность попрежнему осуществлять секретную радиосвязь со своим центром в течение многих месяцев. Только стихийное бедствие, происшедшее в районе, привело к тому, что нелегальная радиостанция была наконец обнаружена. Но и после этого власти ограничились всего лишь высылкой ее владельца из пределов страны.

Во всех же прочих случаях охранка и полиция «забывают» о существовании статьи четвертой дополнений к конституции и действуют по своему «усмотрению». Уже «первая степень» в ее практическом применении являет нам картину полицейского произвола, царящего в Соединенных Штатах.

«Вы идете по своим делам, и вдруг сыщик схватывает и обыскивает вас... Вы сидите в кругу семьи, — внезапно врывается отряд полицейских и обшаривает ваш дом... Невозможно? Увы! Читайте, как «стремящаяся отличиться» полиция ежедневно нарушает права граждан в Америке».

Эта тирада открывает скандально-разоблачительную статью в журнале «Америкэн». В статье аккуратно перечисляются виды наиболее часто практикуемых властями беззаконий, направленных против так называемых «конституционных прав» рядового американца. Эти беззакония весьма деловито разбиты на группы и снабжены рубриками: «Незаконные вторжения в дома и обыски», «Подслушивание телефонных разговоров», «Вымогатель-

ство денег», «Незаконное задержание», «Применение физического насилия и пытки».

Уже одно разнообразие этих рубрик дает полное основание автору статьи заявить: «Я установил, что нарушение гражданских свобод со стороны тех, кто должен был являться главным стражем этих свобод, свирепствует по всей стране». Нью-йоркский судья Франк Оливер, характеризуя американскую «законность», вынужден был признать: «Любой дом может быть объектом вторжения и обыска, будь то днем или ночью, без какого бы то ни было ордера и вообще без причины!»

Все эти возмутительные беззакония, творимые охранкой и полицией над рядовыми гражданами США, старательно «объясняются» журналом «Америкэн» одной лишь причиной: стремлением американских жандармов показать, что они, мол, не даром «едят свой хлеб».

На деле, разумеется, факты, приводимые в журнале «Америкэн», свидетельствуют совсем о другом: они неопровержимо доказывают, что столь раздуваемый американской пропагандой миф о «свободе личности» в Соединенных Штатах фальшив от начала и до конца! Современная Америка есть типичное полицейское государство, в основе которого лежит полный произвол правящих кругов и их террористического аппарата.

Местное законодательство (в отдельных штатах) по существу аннулирует федеральные гарантии основных свобод, предоставляемых американцам конституцией.

В штате Нью-Йорк, например, полиция может без всякого ордера ворваться в номер гостиницы на предмет установления, не находится ли в нем женщина, не связанная узами брака с лицом, занимающим этот номер. В положительном случае следует арест обоих и последующее присуждение к тюремному заключению. Оказывается, что и в целом ряде других штатов этим карам подвергаются лица, предпочитающие свободный союз формальному браку. Конечно, избежать их можно, но для этого надо уплатить чинам полиции соответственное «вознаграждение».

Согласно статье 178 Уголовно-процессуального кодекса штата Нью-Йорк, полиции предоставляется право ареста без ордера и с применением силы. Все необходимое оформление в виде выписки ордера и предъявления

его обвиняемому допускается в неопределенное время после ареста. Не так давно верховный суд США узаконил практику полицейского произвола в федеральном масштабе. Он фактически отменил упомянутую статью четвертую «Билля о правах», разрешив полиции производить обыски без судебных ордеров. Естественно, что американская печать умолчала об этом новом «дополнении» к конституции США.

Статья первая дополнений к конституции США обеспечивает американцам свободу слова и собраний. Интересным образчиком того, как это понимается, к примеру, в штате Кентукки (и не только здесь), служит действующий там местный «закон против синдикализма и мятежа», принятый 26 марта 1920 года. Этот закон предоставляет чинам полиции право силой разгонять любое собрание, которое они признают незаконным. Если же во время рассеивания митинга, признанного противозаконным, кто-нибудь будет убит, то даже в том случае, если убийство совершено самими полицейскими, все лица, ответственные за созыв митинга, «признаются виновными в убийстве и подлежат смертной казни».

Вот до чего могут дойти в своем законодательном «творчестве» люди, ослепленные ненавистью к народу и его законным правам!

Всем местным органам власти в США предоставлено широкое право осуществлять по своей инициативе первоначальные мероприятия, необходимые для обеспечения «общественного спокойствия», вопреки всем федеральным гарантиям свободы слова, собраний и печати. Способы, применяемые при этом полицией, весьма разнообразны. Каждое собрание, на котором намечается выступление лица, известного своими прогрессивными убеждениями, или где могут обсуждаться вопросы, противные духу «американизма», находится под угрозой полицейского запрета иногда без всякого, хотя бы формального, обоснования, объяснения или предупреждения. Чтобы сорвать то или иное собрание, полиция часто «встречает» на вокзале ожидаемых ораторов и предлагает им без промедления покинуть город, угрожая в противном случае арестом. Иногда полиция воздействует на владельцев помещений, предоставляемых под митинги, и те отказывают устроителям.

Широко практикуемым методом срыва собраний прогрессивных организаций является нападение на них фашистских банд. Действиями этих банд обычно руководят тайные агенты охраны, а гласная полиция во всех случаях пребывает в состоянии «нейтрального» наблюдателя творимых бесчинств. Таким образом, формально власти не запрещают созыва собрания, но фактически организуют его разгром.

Именно так произошло с митингом, созданным организацией «Прогрессивные граждане Америки» в Филадельфии на городской площади, перед историческим «Залом независимости» (в этом зале была подписана декларация о независимости США). Давая разрешение на созыв митинга, городские власти заявили, что они не гарантируют «безопасности его участникам». Лишь только митинг начался, молодчики из Американского легиона предприняли настоящую атаку на собравшихся, применяя химические бомбы со слезоточивым газом и оглушая ораторов ревом сирен.

Во время последних президентских выборов подобные нападения фашистских хулиганов на предвыборные митинги членов демократических организаций происходили довольно часто. И ни в одном из этих случаев полиция не принимала мер для восстановления порядка и ареста виновных.

Когда охранка находит необходимым подвергнуть аресту профсоюзного работника или другого либерального деятеля, то арест его может быть произведен без всякого соблюдения процедур, предусмотренных законом. Просто выписываются тайные приказы об аресте и заключении этих лиц в тюрьму без предъявления каких-либо юридически обоснованных обвинений. Например, пытаясь помешать проведению съезда американского Всеславянского конгресса, созданного в сентябре 1948 года, иммиграционные власти арестовали накануне открытия съезда секретаря конгресса Пиринского. Пиринского обвинили в том, что он иностранец, являющийся членом организации, выступающей за «насильственное свержение американского правительства».

Любому полисмену в США предоставляется право пристрелить задержанное и конвоируемое им лицо в том случае, если он сочтет, что это предотвратит бегство.

«Люди, пытающиеся избежать ареста за маловажные проступки, — пишет Колиер, — часто бывают в результате этой полицейской свободы ранены, а иногда и убиты».

Приведем еще один любопытный образчик того, как американцы пользуются «демократическими свободами». Так, для того, чтобы группа людей прошла организованным порядком по улицам города, надо прежде получить специальное полицейское разрешение. Если же шествие или демонстрация будут организованы самовольно, без предупреждения полиции, или возникнут стихийно, то полиция вольна предпринять без предупреждения любые действия, вплоть до открытия огня. Участники «самовольного шествия» подлежат немедленному аресту и затем присуждаются к тюремному заключению. В Бостоне в день 1 Мая был случай, когда полиция, зайдя на окраинной улице города небольшую группу мужчин и женщин, возвращавшихся организованным порядком с митинга, без предупреждения обстреляла «шествие». Многие были арестованы и жестоко избиты. Подобные факты имеют место повсюду.

Американские законы предоставляют лицу, пострадавшему от каких-либо противозаконных действий полиции или других властей (арест, обыск и т. д.), право подать в суд и требовать денежного возмещения за нанесенный моральный ущерб. Но это только на бумаге. На деле же суды просто не рассматривают подобных дел, а человеку, пытающемуся предъявить полиции иск, грозит опасность быть самому привлеченным к ответственности за какой-нибудь вымышленный проступок.

Такова «первая степень».

Если американец не разделяет полицейской точки зрения на пользование своими правами и свободами, декларированными в конституции, и проявляет это свое несогласие в активной форме, его изолируют. Процесс принудительной доставки «свободного» американца в соответственные места именуется на языке полицейской техники «второй степенью». Хотя сия операция и весьма кратковременна, но американец ничем не гарантирован от того, что в ее ходе он не будет избавлен от всякого дальнейшего разбирательства своих «погрешений».

Яркий случай подобного рода был описан летом 1948 года в журнале «Коронет». В статье, озаглавленной «Кто сказал, что американцы свободны», рассказывается о вопиющем факте полицейского произвола.

К некоему Роберту Холлу, проживавшему в штате Джоргия, когда он у себя дома отдыхал после работы, пожаловали местный шериф и двое полицейских. Без предъявления ордера на арест они надели Холлу наручники и увезли его. Когда машина остановилась у здания тюрьмы и Холл выходил из нее, шериф и полицейские стали его жестоко избивать. Затем полумертвого Холла втащили в тюрьму и бросили в камеру. Здесь он, не приходя в сознание, умер.

Автор статьи, Харрис, в связи с этим случаем делает следующий вывод: «Если мы с вами подумаем над тем, что произошло с Робертом Холлом, то поймем, что он не обладал правами гражданина и члена общества, как не обладаем этими правами и мы с вами, и что так называемые права и свободы имеют в современной Америке едва ли большее значение, чем права и свободы евреев при гитлеровском режиме». Как указывает автор, убийцы Холла, разумеется, остались безнаказанными.

Наиболее осязаемое представление о своих конституционных правах американец получает тогда, когда его взаимоотношения с полицейскими или следственными властями переходят в «третью степень». Термин «третья степень» достаточно известен; он получил «права гражданства» в Соединенных Штатах. Как охарактеризовала его около двадцати лет назад Национальная комиссия по обеспечению законности в США, он подразумевает «применение методов, навлекающих физические или психические страдания на человека с целью получения от него необходимой информации».

Американское законодательство официально декларирует за обвиняемым «право молчания». Полицейским и судебно-следственным властям по закону даже вменяется в обязанность предупреждать обвиняемого о том, что он имеет право хранить полное молчание и не обязан представлять какие-либо доказательства против самого себя. Все это наглая ложь. «Свободная» Америка всегда была страной, где процветали всяческие насилия над

арестованными и допрос «с пристрастием» был обычным явлением. И, конечно, не случайно термин «третья степень» возник в Соединенных Штатах.

«Оставьте всякую надежду вы, входящие сюда» — эти слова из дантевской «Божественной комедии» были бы подходящей надписью на дверях американских полицейских, судебно-следственных и тюремных учреждений. Каждый американец, перешедший порог этих учреждений, становится объектом такого издевательства и подвергается таким насилиям, что разнообразию применяемых здесь методов и их действенности могли бы позавидовать средневековые испанские инквизиторы и турецкие янычары.

В свое время судебный репортер Левайн опубликовал книгу под названием «Третья степень». В этой книге приведен обильный фактический материал, неопровержимо свидетельствующий о том, что еще задолго до рождения гестапо американская охранка практиковала методы, позже вошедшие в обиход Гиммлера. Ныне «третья степень» представляет собой совокупность собственной практики и гестаповского опыта, перед сочетанием которых бледнеет все, ранее известное в этой области.

По своему характеру американская «третья степень» подразделяется на методы психологического воздействия и методы физического «внушения», применение которых происходит в порядке постепенного усиления.

По линии психологии дело начинается с так называемого «затяжного допроса». «Методика» такого допроса заключается в том, что его ведут непрерывно (иногда в течение 96 часов) несколько друг друга сменяющих лиц, нередко заставляющих обвиняемых все время стоять на ногах. Цель его — истощить энергию допрашиваемого, до предела ослабить его психику. При допросе на лицо обвиняемого наводят яркий ослепляющий свет, что делают беспрерывно или периодически. Затем практикуется на длительный период полное или почти полное лишение сна, а вслед за этим начинается допрос. Некоторых, в особенности женщин, оставляют в ночное время в помещении морга, заполненного трупами. В качестве более сильных мер подавления силы нравственного сопротивления арестованного применяют симуляцию

подготовки казни на электрическом стуле, намерения линчевать и многие другие методы устрашения.

Особо надо остановиться на «научных» способах, применяемых американской охранкой для «чтения в сердцах человеческих». Еще в самом начале тридцатых годов чикагская научно-техническая лаборатория полиции сообщила об изобретении ее сотрудником и запатентовании специального аппарата, названного им «обнаруживатель лжи» (lie detector). Прибор представляет собой аппарат, регистрирующий колебания частоты пульса и дыхания допрашиваемого. При каждом вопросе, задаваемом обвиняемому, лицо, ведущее допрос с помощью названного прибора, определяет, какой из них вызвал у него повышенную эмоциональность.

Таким «научным» способом определяется, когда допрашиваемый говорит правду или неправду.

В разное время в США были запатентованы и другие подобные «изобретения». Совсем недавно американский биохимик Курт Лайон выступил с предложением, взбудоражившим весь полицейско-сыскной мир Америки. Он предложил создать аппарат, с помощью которого, по его словам, можно было бы «анализировать и контролировать заразную болезнь коммунизма и создавать здоровые умонастроения, делающие подобные несчастья невозможными». Воистину, неисповедимы пути «изобретателей» из американской охранки. Завтра, надо полагать, они изобретут аппарат, позволяющий установить контроль над мышлением марсиан и жителей других планет.

Но наряду с этими, по сути дела безвредными для допрашиваемых приборами, применяются и средства, угрожающие их жизни. Из них укажем на так называемую «сыворотку истины». Это специальный наркотический препарат, состоящий из скополамина с примесью хлороформа. Он всprыскивается обвиняемому, дабы привести его в состояние «сумеречного сна», по достижении которого начинается длительный допрос.

По мнению деятелей американского гестапо, действие этого наркотического препарата приводит обвиняемого в такое состояние, что у него парализуются все «центры лжи» и он «неспособен лгать». Медицинские эксперты заявляют, что этот наркотик вызывает у лица, подверг-

шегося его воздействию, состояние дремотного полусна, парализует его волю и подавляет моральную сопротивляемость. Вместе с тем они указывают, что применение этого препарата недопустимо, так как он приводит к расстройству психической деятельности и дает высокий процент смертности.

Методы физического воздействия на обвиняемых, применяемые американской охранкой, еще более разнообразны. Если допрашиваемый не склонен следовать полицейским указаниям, то ему для начала «показывают золотую рыбку», что на полицейском жаргоне означает простейшие формы избияния. Его бьют кулаками, ногами, а когда не хотят, чтобы на теле длительное время были следы избияния, используют резиновую палку. Людей избивают до умопомешательства.

Удар резиновой дубинкой по затылку головы — это такая «мелочь», которая сопровождает почти любой «разговор» полисмена с привлечшим его внимание «подозрительным» лицом. Получивший удар валится как подкошенный и испытывает сильнейшее головокружение, подобное тому, какое бывает во время морской качки: становится настолько беспомощным, что не в состоянии шевельнуть рукой. В таком состоянии «виновный» бросается как куль в полицейскую машину и доставляется в полицейское отделение. Впоследствии за эту самую «доставку» с него взыскивается пять долларов. Так «охраняется» «свобода личности» на улицах американских городов.

Американский буржуазный журналист Фредерик Браунелл в статье «Это может случиться с вами», разоткровенничавшись, сообщает: «Во многих полицейских отделениях избияние задержанных считается частью служебного долга. «Блюстители порядка» ценятся с точки зрения их способности нанести удар в челюсть или в живот, чтобы «успокоить» болтуна, который настаивает на своих правах. Для детектива, выполняющего задание, удар в пах ногой является одним из средств принуждения к подчинению».

«Не бойтесь выдать им как следуют» — этот «лозунг», провозглашенный в свое время главой полиции Нью-Йорка Валентайном, превратился в своего рода руководство к действию и стал методом обращения жандармов

со всеми «подозрительными» американцами. То же можно сказать и о призыве комиссара полиции Валлендера «выбить дух из порочных элементов».

В южных штатах в полицейских застенках используют особое орудие истязания. Вот как описывает это местное «изобретение» корреспондент одной американской газеты: «Оно сделано из двойной полосы кожи, длиною в два фута, шириною в два вершка и толщиной в полвершка, и весит от трех до шести фунтов. На конце этой ременной плетки сделана рукоятка. После первого удара ею на теле образуется кровавый синяк, а ощущение боли может быть сравнено только с уколами тысячи булавок при каждом ударе... Этим орудием иногда наносится до 100 ударов, и жертва после экзекуции часто уносится прямо в покойницую».

Когда эти способы телесного истязания не достигают цели, начинают применять всевозможные пытки: высверливают здоровые зубы, вливают воду или другую жидкость через ноздри, сажают в особые парильные камеры или в камеры, где заключенные подвергаются резкому изменению температуры от самой низкой до самой высокой и обратно, сдавливают яички полового органа, пускают в камеру слезоточивые газы (кстати говоря, некоторые американские тюрьмы используют гиммлеровский опыт и заменяют электрический стул газовой камерой для приведения в исполнение смертных приговоров) и т. д.

Укажем еще на варварский способ предупреждения бегства арестованного, также являющийся продуктом «изобретательства» американских охранников. Речь идет об аппарате, называемом «орегонским сапогом» (его изобрели в штате Орегон). Этот аппарат представляет собой железный каркас, который надевается на ногу заключенного. Пока нога находится в состоянии покоя, каркас не касается ее, но как только она приходит в движение, каркас начинает сжимать ногу, и чем интенсивнее будет движения ноги, тем сильнее становится сжатие.

Мы далеко не исчерпали всего разнообразия каждой из трех степеней «взаимоотношений» американской полиции и охраны со «свободными» гражданами США, всех методов и средств, с помощью которых полицейско-

террористический аппарат правящих кругов США «опекает» миллионные массы американского народа, ведет за ним круглосуточную слежку, уделяя особое внимание тем, кто зачислен в разряд «подозрительных» и «неблагонадежных» лиц.

Но и того, что сказано, вполне достаточно. В еще более бесправном положении находятся в США ненатурализованные иностранцы. Иммиграционные власти, точнее — политическая полиция по делам иностранцев, буквально терроризируют их. Они подвергаются аресту, следствию и судятся тайно без какого-либо даже показного применения к ним «правовых процедур». В отношении «неблагонадежных» иммигрантов широко применяется метод депортации, т. е. высылка из страны. Всевозможные издевательства полицейских властей над иммигрантами и применение пыток — обычное явление.

Ничто, пожалуй, так ярко не иллюстрирует всей лжи о так называемых американских «свободах», как именно эти «три степени» — от мелочно-придирчивого полицейского вмешательства в частную жизнь граждан до самых утонченных методов психических и физических истязаний инакомыслящих, равно белых и цветнокожих. Вот она, американская «демократия» в ее подлинном виде!

ПРОВОКАЦИИ И ПРОВОКАТОРЫ

Царская охранка рекомендовала своим агентам в отношении «крамольников», внушающих только подозрения, руководствоваться правилом «дождаться поступков». Современное американское гестапо в этом случае предлагает агентуре не «дождаться поступков», а самим их создавать.

Об этом свидетельствует, прежде всего, характер подготовки специальных агентов Федерального бюро расследований. Как пишет Коллинз, «историограф» Гувера, «ему нужны агенты, которые умеют находить такого рода улики... Для практического обучения будущих агентов вашингтонского отделения ФБР готовятся вымышленные дела...» Хотя затем Коллинз всячески оговаривается насчет того, что подставными лицами при этом являются якобы сотрудники ФБР и что «обучаемые не всегда тренируются только на вымышленных делах».

уже сам факт такого метода обучения говорит сам за себя. Из сказанного Коллинзом совершенно очевидно, что каждый желающий стать «джимэном» в ходе своей подготовки должен доказать умение быть агентом-provokатором.

Provokация — самый распространенный метод в борьбе американского сыска против прогрессивных сил.

В девяностых годах прошлого века Чикаго стал одним из самых крупных центров рабочего движения США. Активную роль в нем тогда играли бунтарско-анархистские элементы, по инициативе которых в Чикаго был организован Центральный рабочий союз, развернувший широкую пропаганду за установление восьмичасового рабочего дня. Борьба за сокращение рабочего дня вызвала живой отклик среди масс рабочих. На второй день объявленной забастовки к ней примкнуло 80 тысяч человек. Забастовка была очень мирной, а солидарность рабочих великолепной. Господствующие классы усмотрели в развертывании забастовочного движения известную угрозу и решили покончить с ним.

Сделано было это с помощью provokаторов, во множестве подвизавшихся среди анархистов. На состоявшемся 4 мая 1886 года на площади Хеймаркет в Чикаго рабочем митинге в связи с локаутами на заводах сельскохозяйственных машин Маккормика в группу полицейских «неизвестным» лицом была брошена бомба. Виновника, конечно, не обнаружили, но предлог для организации широкой кампании террора был наличен. Не только в Чикаго, но по всей стране полиция арестовала и бросила в тюрьму множество рабочих-активистов без предъявления им каких-либо обвинений. Капиталистическая печать требовала от властей разгрома рабочего движения и беспощадной расправы с его лидерами.

Были арестованы также и лидеры забастовки, которых обвинили в том, что их речи и статьи сделали возможными подобного рода эксцессы. Хотя всем было известно, что происшедшее явилось результатом предумышленных действий властей, суд признал обвиняемых виновными и всех, за исключением одного, приговорил к смертной казни. Некоторые из арестованных просили о помиловании и казнь была им заменена пожизненным заключением. Четверо же были повешены 11 ноября

1887 года. На камне братской могилы казненных высечены слова предсмертной речи одного из них: «Придет день, когда наше молчание будет иметь больше силы, чем наши голоса, которые вы сейчас заглушаете» Рабочее движение по сей день чтит жертвы чикагской расправы.

После расправы с рабочими в Чикаго, власти перешли к открытому подавлению революционного рабочего движения. «В этой своей борьбе, — пишет Бимба в «Истории американского рабочего движения», — буржуазия не остановилась ни перед какими средствами, не жалея даже своих слуг — полицию. Постоянно организовывалась провокация, в результате которой множество жертв пало с той и другой стороны. В конце концов, многообещавшее движение восьмидесятых годов было временно уничтожено».

Еще более широко стала использоваться американской охранкой провокация, как метод подрыва рабочего движения, во время первой мировой войны и после нее. Крупнейшим актом провокации, организованным в этих целях, было «дело» Тома Муни, известного деятеля рабочего движения. 22 июля 1916 года в Сан-Франциско во время военного парада была брошена бомба; при взрыве погибло 10 человек. Детективы треста «Пасифик газ энд электрик компани» указали на Тома Муни, как на лицо, бросившее бомбу. Он был арестован и предан суду. Муни давно был ненавидим буржуазией за свою прогрессивную деятельность, и было ясно, что эта провокация была подстроена, чтобы посадить его на электрический стул.

Все обвинение против Муни было «основано» целиком на лжесвидетельстве ряда лиц, никогда не видевших его, причем главный свидетель в момент взрыва, как это позже было установлено защитой, находился в 142 километрах от Сан-Франциско. Наконец, самым убедительным доказательством в пользу Муни были три снимка, произведенных случайными фотоаппаратами за несколько минут до взрыва. На этих снимках Муни был заснят со своей женой за два километра от места происшествия. Фотографии неопровержимо устанавливали ложность показаний, данных под присягой свидетелями обвинения.

Однако верховный суд штата Калифорнии не пожелал считаться ни с одним фактом, говорившим в пользу обвиняемого. Он был признан виновным и приговорен к смертной казни, замененной ему впоследствии пожизненной каторгой.

1919 год был отмечен множеством провокаций. Стремясь разжечь в стране «антибольшевистские» настроения, реакция организовывала эти провокации десятками. При этом широко практиковался новый метод — отправление почтовых посылок, в которые вкладывались адские машины. Характерно, что когда эти посылки были адресованы высшим правительственным чиновникам или видным капиталистам, то ни одна из них не взрывалась и многие из них даже не попадали к адресатам. Вот факты.

Сенатор Томас Гардвик, председатель комиссии сената по делам эмиграции, отсутствовал, когда подобная посылка была получена в его доме. Она взорвалась в руках его служанки — негритянки. Мэр города Сиэтля известный реакционер Оль Гансон совершал турне по стране, выступая с речами о «большевистской угрозе». Это было известно из сообщений печати. В его отсутствие «адская машина достаточной силы, чтобы взорвать стену здания городского муниципалитета», была обнаружена в почте, поступившей на его имя.

Чиновнику посылочного отделения нью-йоркского почтамта Чарльзу Каплану «случайно» пришла в голову мысль, что принятые им шестнадцать почтовых посылок, доставленных якобы из универсального магазина бр. Гимбель, имеют «подозрительный» вид. Они были адресованы генеральному прокурору Палмеру, министру труда Вильсону, министру почт Бурлесону, директору бюро по делам иммиграции Каминетти, судьям Лэндису и Холмсу, Джону Рокфеллеру, Пирпонту Моргану и другим правительственным деятелям и капиталистам. Каплан без всякой видимой причины отдал их полиции, которая нашла в них бомбы. 36 таких почтовых посылок стандартного типа, обвернутых в коричневую бумагу, в короткий срок было «обнаружено» полицией.

Разумеется, реакция неистовствовала; печать стала еще больше вопить о «красной опасности». Список предполагаемых получателей, «констатировала» американ-

ская пресса, «был ярким доказательством того, что бомбы были отправлены красными чужестранцами». Грубая стряпня американской охранки была сигналом для черносотенных банд: в стране было совершено множество насилий над прогрессивно мыслящими людьми, разгромлены помещения различных демократических организаций.

Чтобы еще более подогреть чувства реакционных слов, была начата инсценировка «покушений» путем бросания бомб. Во многих американских городах они были «предназначены» высшим правительственным чиновникам, ни один из которых, конечно, не пострадал. Любопытным образчиком такого типа «покушений» является взрыв бомбы, брошенной в Вашингтоне на улице перед домом генерального прокурора Палмера.

Происшествие произошло вечером. Палмер сидел в своей библиотеке, в нижнем этаже дома, окна которого были обращены на улицу. Когда он вышел из нее, потушив свет, и направился во второй этаж, чтобы лечь спать, раздался взрыв. Сам Палмер не пострадал при взрыве, а фасад его дома отделался незначительными повреждениями: кое-где осыпалась штукатурка и были выбиты стекла. Бомба была брошена не в окно библиотеки, а на улице, неподалеку от парадной двери дома. На месте взрыва были найдены части разорванного на куски человеческого тела, а вблизи, как сообщали газеты, лежал номер радикального издания. Вряд ли к приведенному нами описанию «покушения» на Палмера нужны какие-либо комментарии. Как гласит латинская поговорка, понимающему довольно!

Когда «великая красная паника» пошла на убыль, американская охранка попыталась вновь ее вызвать. 16 сентября 1919 года ею была организована одна из величайших (по количеству жертв) в мировой истории провокаций. В самом центре Нью-Йорка, у здания пробирной палаты, находящегося напротив дома банкирской фирмы Моргана, произошел грандиозный взрыв. Был полдень, и масса служащих выходила из контор и устремлялась завтракать в близлежащие кафе и рестораны. В результате взрыва было убито 30 человек и несколько сот человек ранено. Все это были мелкие банковские служащие, курьеры и прочий низший персонал

различных банковских и иных фирм. И опять «случайно» из представителей правительственной администрации и плутократии никто не пострадал. В доме Моргана были выбиты стекла, один служащий его конторы был убит и несколько десятков ранено; весь же руководящий персонал находился на заседании в другой половине здания. Виновники, как и во всех предшествующих случаях, найдены не были!

Сотни различных провокаций организуются охранкой и в последующие годы. Они попрежнему отличаются исключительной грубостью по форме и преследуют те же цели борьбы с прогрессивным движением. Очень часто провокация служит средством для срыва стачек.

Вот пример из недавнего прошлого. На одном из крупных овощно-консервных заводов секретный агент «специальной службы» Национальной ассоциации фермеров с целью спровоцировать рабочих бросил в одного из них химическую бомбу, наполненную слезоточивым газом. Понимая, что это провокация, рабочие никак не реагировали на этот поступок и продолжали работать. Однако вскоре на завод явился вооруженный отряд Американского легиона во главе с полковником Гаррисоном для «подавления беспорядков». Без малейшего повода со стороны рабочих легионеры жестоко расправились с ними; многие из них были ранены.

В послевоенное время Федеральное бюро расследований «ознаменовало» свою деятельность крупнейшей антисоветской провокацией — так называемым «делом Редина». Лейтенант советского военно-морского флота Редин с 1942 года находился в городе Сиэтле, где под его наблюдением велась приемка от американского морского командования боевых кораблей для военно-морского флота СССР. Вплоть до весны 1946 года т. Редин выполнял эту ответственную работу.

27 марта 1946 года, по распоряжению начальника сиэтлского филиала ФБР Гарри Мэйнора, т. Редин был арестован и брошен в тюрьму. Вслед за арестом советского офицера американская реакционная печать начала ожесточенную антисоветскую кампанию. В течение трех месяцев желтая пресса смаковала различные подробности «дела Редина». Указывалось, что он якобы зани-

мался шпионажем и, подкупив некоего Кеннеди, морского инженера, будто бы получил от него три «секретных документа», которые содержали данные о секретном оборудовании миноносца «Иеллостоун». Особенно подчеркивалось то, что ФБР располагает «неопровержимыми» уликами против советского офицера, добытыми агентами ФБР при помощи специальной аппаратуры, зафиксировавшей все «шпионские» беседы Редина с Кеннеди.

25 июня в сиэтлском суде начался судебный процесс «советского шпиона». Лишь только на суде стали выявляться первые подлинные детали «дела Редина», как американская печать, дотоле смаковавшая его, неожиданно потеряла к нему всякий интерес. Причины к этому оказались достаточно вескими. Американцы увидели перед собой честного советского офицера, ставшего объектом гнусно и примитивно состряпанной провокации. Оказалось, что все «дело» о «советском шпионаже» было сплошным вымыслом американской охраны.

Ни одно из обвинений, выдвигавшихся против Редина, на суде не подтвердилось. Наоборот, на суде стало ясным, что Кеннеди и его жена являются агентами-провокаторами Федерального бюро расследований, действовавшими по поручению и под непосредственным руководством Гарри Мэйнора — начальника отделения ФБР в Сиэтле. Самым любопытным моментом слушания «дела Редина» в суде явилось оглашение автоматической записи «тайных» переговоров Редина с Кеннеди. При прослушивании пластинок, представленных в суд ФБР в качестве «неопровержимых улик» против «советского шпиона», публика услышала из рупора вначале детские голоса, а затем рецептуру приготовления какого-то блюда из риса, рассказываемую женой Кеннеди супруге Редина, и ни одного слова, произнесенного им самим.

Мы ограничились лишь кратким изложением существа «дела Редина», ибо оно было обстоятельно освещено в статье Д. Заславского под названием «Черное дело американской охраны», опубликованной в свое время в газете «Правда». И совершенно прав Д. Заславский, когда делает вывод, что «подлости во всей этой грязной истории столько же, сколько и технической безграмотности».

Именно эти два фактора — подлость и техническая безграмотность — прежде всего отличают каждую из множества провокаций, организованных американской охранкой за свою вековую историю.

НАУКА И ТЕХНИКА НА СЛУЖБЕ СЫСКА

До начала тридцатых годов, как об этом можно судить по данным, опубликованным в печати, достижения науки и техники не играли значительной роли в работе американского сыска. Детективы старой, догверовской школы относились с предубеждением к применению научно-технических способов в области своей профессии.

Первая полицейская научно-техническая лаборатория была создана в 1930 году при управлении чикагской полиции. В 1932 году такая же лаборатория была организована в Вашингтоне при Федеральном бюро расследований. Эта лаборатория вскоре превратилась в крупный исследовательский институт, обслуживающий нужды всей системы американской полиции и сыска.

В упоминавшейся нами книге «Внутри ФБР» Джон Флорти довольно подробно описал организацию технической лаборатории ФБР. Во время войны в лаборатории, точнее — в целой группе различных лабораторий, объединяемых общим наименованием, работало свыше 300 ученых самых разнообразных специальностей. Специальные лаборатории производят анализы крови, почерков, волос и множество других исследований.

При лабораториях имеются различные коллекции вспомогательного назначения. Например, коллекция текстильных красок и пятен, стандартных образцов веревок, всевозможных изделий из синтетических материалов, с данными о фабрикантах, производящих эти изделия. Коллекция резиновых изделий насчитывает 1 800 образцов резиновой подошвы и каблуков разных фирм, с их фабричными марками и рисунками, и 4 тысячи образцов автомобильных шин. В коллекции машинописных шрифтов собраны образцы шрифтов всех известных моделей пишущих машинок, включая модели многолетней давности. Очень любопытна коллекция сывороток для

определения крови лошадей, собак, оленей и других животных.

Как указывается в «Истории ФБР», в послевоенный период научно-техническая оснащенность американской охраны значительно возросла. ФБР сейчас располагает таким новейшим оборудованием, как радар, направленное радио, еще более усовершенствованной микрофотоаппаратурой и т. д.

В изображении гуверовской рекламной агентуры вся эта разнообразная техника используется якобы для борьбы с преступностью. Материал, приведенный нами в главе о гангстеризме, без труда опровергает эту ложь. Вся научно-техническая база, которой располагает американский сыск, целиком используется для борьбы с демократией. При помощи техники тайная полиция самым бесцеремонным образом вторгается в быт американцев.

Например, в широких масштабах практикуется нарушение тайны частной переписки граждан; для этого применяется деликатная аппаратура, не оставляющая никаких следов при вскрытии почтовых отправлений. Перлюстрация почтовой корреспонденции в США не является гуверовской «новинкой». Еще в первую мировую войну приобрела известность так называемая «американская черная комната». Этот «черный кабинет», руководимый капитаном Гербертом Ярдлеем, насчитывал в своем штате свыше 200 оперативных работников, «обрабатывавших» ежемесячно не менее 8 тысяч писем. Наряду с перлюстрацией корреспонденции лиц, подозревавшихся в шпионаже, подвергалась вскрытию переписка прогрессивных деятелей. Организация, созданная Ярдлеем, продолжала свою деятельность и по окончании войны.

Американский сыск вторгается в частную переписку граждан даже по поводу сугубо личных моментов их жизни.

Другим явлением, свидетельствующим о чрезвычайном интересе властей к тому, о чем говорят между собой американцы, является система подслушивания. В арсенал технических средств политического сыска подслушивание вошло очень давно, вскоре после изобретения специальной аппаратуры для этой цели. Ныне оно

доведено до большой степени технического совершенства и является обязательным элементом прославленного американского «сервиса». Конгресс узаконил подслушивание, как мероприятие, якобы имеющее своей целью борьбу с фашистским шпионажем, и разрешил судебным властям использовать добываемые таким способом данные в качестве юридической документации.

Телефонные разговоры граждан, проживающих в гостиницах, и ведущиеся из автоматов общественного пользования, находятся под самым тщательным контролем. На телефонных станциях ведется учет всех вызовов каждого частного абонента, в каждой гостинице имеются регистрационные ведомости телефонных переговоров всех проживающих. Частные телефонные компании оказывают государственным органам сыска самую деятельную помощь. Для этой цели в их архивах много лет хранятся соответствующие учетно-регистрационные материалы.

Излагая судебные процессы, на которых материалы механической звукозаписи фигурировали в качестве документов обвинения, печать США достаточно подробно описывает применяемую аппаратуру для подслушивания и звукозаписи. Она демонстрируется и во многих американских кинофильмах детективного характера. Например, в одном фильме о работе чикагской полиции показана аппаратура, при помощи которой осуществляется подслушивание телефонных разговоров в большой гостинице. С этой целью в номерах лиц, за которыми ведется наблюдение, или смежных с ними комнатах устанавливается аппаратура различных типов. Иногда в гостиничных номерах или каких-либо других помещениях, сдаваемых в наем, в стенах скрытно монтируются объективы киноаппаратов. В частных квартирах установка микрофонов и диктографов производится под видом ремонта телефона, электроосвещения, газа.

Бывший председатель Федеральной комиссии связи Флай в статье, опубликованной в журнале «Лук», пишет, что в Соединенных Штатах широко распространена практика подслушивания телефонных разговоров, в особенности широко проводимая Федеральным бюро расследований. Флай констатирует. «С одной стороны, наше

правительство проповедует демократию во всем мире. С другой стороны, оно практикует подслушивание телефонных переговоров и поощряет такую практику».

Отмечая, что служащие штабов и городских муниципалитетов и элементы из самых подонков общества также занимаются широким подслушиванием телефонных разговоров, Флай отмечает, что «в настоящее время ФБР... может подслушивать тайным образом телефонные разговоры в каждом доме Соединенных Штатов... Информация о подслушивании скрывается от американской общественности более тщательно, чем даже секреты атомной энергии».

Промышленность США выпускает разнообразнейшую акустическую и электрическую аппаратуру для подслушивания и звукозаписи. Советские писатели Ильф и Петров во время своего пребывания в Соединенных Штатах также были «обслужены» подобным образом. В одном из портовых городов местный «общественный деятель» устроил у себя вечер в честь «русских гостей». После ужина хозяин на некоторое время исчез, оставив гостей с группой местных писателей, известных своими прогрессивными убеждениями. Вскоре в печати был разоблачен истинный смысл «гостеприимства», оказанного Ильфу и Петрову этим «общественным деятелем».

Сообщалось, что названный «деятель» является секретным осведомителем «специальной службы» Национальной ассоциации судовладельцев и что он пригласил советских писателей с целью «улучшить их в ведении антиамериканской пропаганды». Чтобы располагать документальными доказательствами, шпики установили в одной из комнат своей квартиры диктограф в надежде, что он зафиксирует «предосудительные» разговоры, которые будут вестись в его отсутствие Ильфом и Петровым. Сообщение, опубликованное в печати, исходило от монтера, устанавливавшего диктограф.

Подслушивание телефонных разговоров практикуется и частными детективными агентствами. В свое время комиссия Лафоллета установила, например, что агентство Пинкертон длительное время занималось подслушиванием телефонных разговоров Гомера Мартина, председателя союза рабочих автомобильной промышлен-

ности в Детройте. Таким путем Пинкертон выведаль многие данные о профсоюзных делах.

В настоящее время, как не так давно заявил известный американский писатель Трумбо, ни один представитель прогрессивного профсоюза не отваживается говорить по телефону из опасения, что его подслушают. О том, насколько всеобъемлющим является ныне этот полицейский метод, можно судить по следующим фактам, просочившимся в печать.

В феврале 1946 года сенатор Чарльз Тоби, из штата Нью-Гэмпшир, заявил в сенатской комиссии по морским делам, что его частная беседа по телефону с представителем компании «Стандарт ойл» стала известна некоторым посторонним лицам. Сенатор заявил, что, как он полагает, в его кабинете был установлен диктофон. Тоби сделал это заявление в ходе свидетельских показаний по делу Эдвина Поули.

Спустя полгода, стало известно, что была также произведена запись телефонных разговоров председателя комиссии по военным делам палаты представителей Мэя.

В конце 1947 года газета «Вашингтон пост» опубликовала снимок, на котором изображен аппарат для подслушивания, найденный репортером под скамейкой в парке Вашингтона. Провода от этого аппарата шли к расположенному вблизи полицейскому участку.

Первые два факта говорят о том, что полицейской слежки не избегают и некоторые члены конгресса, отнюдь не причисляемые к либеральным деятелям. В этом случае Эдгар Гувер опять-таки идет по стопам Гиммлера, который годами вел наблюдение за самыми видными нацистами, не исключая даже членов гитлеровского правительства, так сказать, «на всякий случай».

Последний факт еще более характерен. Американская охранка протянула свои щупальцы даже к садовым скамейкам, — авось они станут свидетелями каких-либо «антиамериканских заговоров». Это не просто новое мероприятие по усилению полицейского контроля над «опасными мыслями». Это — свидетельство животного страха, испытываемого реакцией, уповающей лишь на полицейских и шпииков.

В заключение любопытно отметить, что когда в штате

Нью-Йорк с обычным для «американской демократии» лицемерием был издан местный закон, по которому подслушивание разрешалось лишь с санкции суда, суд не замедлил в течение нескольких лет выдать миллион (!) таких разрешений.

Американская плутократия не жалеет средств и усилий на самое широкое оснащение своей гестаповской системы всеми достижениями науки и техники, чтобы сделать ее предельно совершенной для борьбы против демократии и прогресса.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА РЕАКЦИИ

I

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В 1783 году в Версале был подписан договор, по которому в результате вооруженной борьбы американского народа Англия оказалась вынужденной признать независимость Соединенных Штатов.

Еще задолго до начала войны за независимость американская буржуазия готовилась к захвату власти. Подготовка эта носила строго конспиративный характер. Буржуазия образовала секретные боевые организации, наименовав их «комитетами связи», «спасения» и т. д. Эта подпольная система возглавлялась «Центральным комитетом безопасности». В течение всего переходного периода, т. е. с момента восстания и до падения английского господства, эти конспиративные организации тайно выполняли также полицейско-карательные и контрразведывательные функции.

Роль их с этой точки зрения станет вполне ясной, когда мы охарактеризуем тогдашнюю политическую обстановку в Соединенных Штатах. В стране царила сильная безработица. Тысячи безработных ремесленников и рабочих пребывали в состоянии революционного брожения. «Сознавая необходимость в перемене власти, они не останавливались ни перед какими преградами. Так, ими были организованы восстания в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и Чарлстоне... Их возбуждение переходило

все границы закона и порядка с точки зрения обывателей»¹.

В целях борьбы с властями безработные организовывались в различные тайные сообщества. Крупнейшим среди них было общество под названием «Сыновья свободы», возникшее еще в 1764 году.

Буржуазия боялась, что революционные настроения масс могут обратиться против нее самой. С помощью специально созданных секретных боевых организаций она стремилась отвлечь от себя эту опасность. В этом и заключался главный смысл существования тайных организаций. Надо заметить, что американские буржуазные историки старательно замалчивают это обстоятельство и изображают подпольные «комитеты связи» исключительно в виде антианглийских революционных организаций.

В действительности же тайный «Центральный комитет безопасности» и его филиалы представляли собой первые органы по обеспечению «внутренней безопасности» страны, но исключительно в интересах буржуазии.

До тех пор, пока вновь сконструированные органы государственной власти не приступили к выполнению своих функций, подпольный «Центральный комитет безопасности» фактически был тайным правительством, которое американская буржуазия наделила диктаторскими полномочиями. Под его руководством местные подпольные организации буржуазии захватили руководство полицией, судами и вообще всем государственным аппаратом.

Богачи использовали все возможности, не останавливались перед насилием, террором и обманом, чтобы сосредоточить в своих руках контроль над органами власти и отстранить от участия в них рабочих, ремесленников и фермеров. Они вооружали своих наемников и лихорадочно готовились к тому, чтобы противостоять натиску масс, обманутых в своих чаяниях на перемену к лучшему после свержения английского ига.

Между тем недовольство трудящихся классов бы-

---

¹ Ч. Бирд и М. Бирд. Развитие американской цивилизации, т. I, стр. 212—213.

стро нарастало. В 1783 году отряд солдат революционной армии разогнал конгресс, заседавший в Филадельфии, и заставил конгрессменов бежать в штат Нью-Джерси. В Массачузетсе в 1786 году ветеран войны за независимость Даниэль Шейс во главе вооруженных фермеров поднял восстание и захватил несколько городов. На подавление восстания потребовалось шесть месяцев. Восставшие фермеры уничтожали долговые обязательства и закладные. Повсюду трудящиеся тем или иным путем выражали недовольство своим положением и требовали его улучшения.

В борьбе за утверждение своего господства правящие классы издают законы, дающие право применять жестокие репрессии против лиц, в той или иной форме выступающих против правительства. Правительство США пыталось создать впечатление, будто все «зло» исходит от иностранцев, якобы возбуждающих недовольство широких народных масс. В 1798 году издаются «закон о мятежах» и «закон об иностранных врагах». Правительству предоставляется право высылать из США «нежелательных иммигрантов» в административном порядке.

Такова была обстановка в Соединенных Штатах на заре их независимости. И не случайно американские буржуазные историки называют этот период «критическим периодом в американской истории».

Война американского народа за независимость имела глубоко революционное значение. Ленин считал ее «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн»¹.

Однако трудящиеся массы, боровшиеся за демократические права и за землю, не добились осуществления своих надежд. Американская «революция» ни на йоту не изменила ранее существовавшего в Соединенных Штатах социального порядка. Господство промышленной и торговой буржуазии вкупе с землевладельческой аристократией и плангаторами-рабовладельцами осталось непоколебленным.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 176.

ПРАВДА О КОНСТИТУЦИИ США

Захватив и удержав в своих руках власть, американская буржуазия приступает к решению следующей задачи, заключавшейся в том, чтобы закрепить свое политическое господство законодательным путем.

В мае 1787 года в Филадельфии было создано конституционное собрание. Правящая верхушка приложила все усилия к тому, чтобы его состав соответствовал ее интересам. Еще согласно принятой в 1781 году первой конституции нового государства, получившей название «Статьи конфедерации», большинство трудящихся было лишено избирательных прав. Для избирателей был установлен чрезвычайно высокий имущественный ценз. Женщинам и рабам запрещалось принимать участие в выборах.

Ко времени созыва конституционного собрания автор декларации независимости Томас Джефферсон и автор революционных книг «Здравый смысл» и «Права человека» Томас Пейн были за границей. Другие сторонники демократии, находившиеся в Соединенных Штатах, бойкотировали конституционное собрание. Эти обстоятельства развязали реакции руки и дали ей полную возможность соответственным образом сконструировать состав «народных представителей».

В числе 55 членов филадельфийского собрания было 24 ростовщика, 15 рабовладельцев и 11 промышленников и торговцев. Эти люди были призваны выработать конституцию США. Собравшиеся делегаты находились под впечатлением недавних восстаний и опасались новых проявлений народного недовольства, что оказывало большое влияние на деятельность конституционного собрания. Свою работу оно проводило в обстановке строжайшей секретности. Никто не знал, о чем говорили эти «народные избранники» на заседаниях собрания.

Когда спустя четыре месяца была обнародована выработанная собранием конституция, стало ясно, почему его деятельность была окружена такой тайной и для чьей пользы оно работало. В принятом 17 сентября 1787 года проекте конституции, состоявшем всего из семи пунктов, ни слова не говорилось о правах граждан и демократических свободах. Народ, вынесший на своих

плечах всю тяжесть войны, был полностью отстранен от участия в управлении страной.

Конституция США, начинающаяся словами «Мы, народ США», предоставила право голоса всего 120 тысячам человек, что составляло только 3 процента от 4 миллионов населения США того времени. Рабочие были целиком лишены избирательных прав; из фермеров им пользовались только наиболее зажиточные.

Реакционность предложенной для ратификации штатам конституции была настолько очевидной, что только 39 из 55 делегатов собрания в Филадельфии согласились подписать этот документ, ставший основным законом Соединенных Штатов.

Чтобы скрыть от народа то, что происходило в филадельфийском собрании, было предложено уничтожить протоколы его заседаний, но затем они были переданы на хранение Вашингтону. Однако один из авторов конституции и секретарь собрания Джеймс Мэдисон вел свои собственные записи. Спустя пятьдесят лет он их опубликовал. Из записей Мэдисона видно, с какой грубой откровенностью делегаты съезда отстаивали интересы буржуазии и пренебрежительно отзывались о народе.

«Народ, — говорил Шерман, делегат из Коннектикута, — должен иметь как можно меньше отношений к правительству». Представитель штата Виргиния Рандольф в своем выступлении заявил, что «все зло происходит от бешенства и глупостей демократии». Другой делегат, Диккинсон, высказался следующим образом: «Собственники являются лучшими защитниками свободы; ограничение права голоса для рабочих масс является необходимой защитой против опасного влияния этого множества обнищавших, которыми наша страна, как и все остальные, изобилует».

Такого рода взгляды были руководящими для составителей конституции «свободной» Америки.

«...Составление конституции, — как пишет Саймонс, — носило в значительной мере характер тайного заговорщического государственного переворота, которого будто бы избежала Америка, если судить по заявлениям большинства историков. Небольшая группа лиц, являвшаяся наиболее яркой выразительницей интересов правящего класса и господствовавшая во все время революции, в

значительной мере утрачивала свое господство. Поэтому она направила свои усилия на восстановление его путем тайной контрреволюции»¹.

После закрытия филаделфийского собрания между реакцией и демократическими силами разгорелась ожесточенная борьба, которая достигла наибольшей остроты к моменту возвращения Джефферсона из Франции. Под влиянием Джефферсона и его сторонников, а также по той причине, что некоторые штаты (Нью-Йорк, Виргиния и др.) категорически требовали принятия демократических дополнений к конституции, ставя это условием своей принадлежности к федерации, конгресс пошел на уступки. 25 сентября 1789 года конгресс принял так называемый «билль о правах», представлявший собой десять добавлений к конституции США. Этот билль «предоставил» народу некоторые демократические свободы: свободу слова и собраний, право личной неприкосновенности граждан и их жилища и свободу вероисповедания.

Все содержание настоящей книги посвящено тому, чтобы показать, как в действительности американский народ в прошлом и настоящем лишается этих прав, записанных в основной закон США.

СВОБОДА ДЛЯ БУРЖУАЗИИ, ТЮРЬМЫ ДЛЯ РАБОЧИХ

Лишь только рабочие попытались воспользоваться «дарованными» конституцией правами, на них обрушился град преследований. Уже конец XVIII века был отмечен рядом выступлений рабочих против буржуазии. В отдельных случаях борьба эта носила довольно организованный характер. Так, известны факты стачек в судостроительной промышленности и среди моряков. Любое проявление недовольства рабочих своим положением, выражавшееся в самой законной форме, подавлялось жесточайшим образом.

Забастовка портовых рабочих в Нью-Йорке в марте

---

¹ А. М. Саймонс. Социальные силы в американской истории, стр. 62.

1800 года была подавлена отрядом войск. В связи с забастовкой буржуазная печать подняла широкую кампанию против рабочих, осмелившихся открыто выступить на защиту своих прав. В 1802 году произошла новая стачка нью-йоркских портовых рабочих, требовавших увеличения заработной платы. Рабочие организовали демонстрацию, но вызванные войска разогнали ее. Руководители стачки были арестованы и заключены в тюрьму. Такой же участи подверглись участники многих других выступлений, происходивших в начале XIX века.

Спустя несколько лет после принятия конгрессом «билля о правах» каждая попытка рабочих воспользоваться им квалифицировалась уже как заговор против существующего экономического и политического строя. В подобных «заговорах» были обвинены в 1806 году и два раза в 1809 году сапожники Филадельфии, в 1809 году в Нью-Йорке и в 1814 и 1815 годах в Питсбурге— рабочие обувной промышленности.

Например, обвинительное заключение против бастовавших сапожников Филадельфии гласило, что «подсудимые виновны в организации сообщества с целью увеличения своей заработной платы», а такое сообщество рассматривается как «преступный заговор». Привлеченные к суду по этому делу рабочие выразили свой протест против предъявленного им обвинения, который был опубликован одной левой газетой в ноябре 1806 года.

«В конституции нашей страны сказано, — писали рабочие, — что граждане имеют полное право собираться мирным образом для обсуждения вопросов для общей их пользы. Хозяева собираются для обсуждения своих интересов и проводят свои резолюции... Мы же, с другой стороны, не имеем права определять, что мы хотим или не хотим брать за нашу работу. Если совещание людей, собравшихся для урегулирования вопроса об оплате их собственного труда, может быть изображено, как покушение на свободу нации, будущее нашего штата очень печально... Все это мы говорим для того, чтобы информировать население о нашем поведении и показать, что слово «свобода» есть только пустой звук, если за наш поступок мы должны быть оторваны от наших семей и приравнены к преступникам и убийцам».

Это обращение филиладельфийских сапожников к на-

роду не помогло им, и они были осуждены на различные сроки тюремного заключения.

Приведенные нами факты характеризуют «американские свободы» в первые годы после их провозглашения. Для борьбы с рабочими буржуазное правительство США уже тогда предоставляло в распоряжение предпринимателей по первому их требованию войска и полицию, действия которых всегда считались «законными», какими бы насильственными они ни были. Суды выносили самые суровые приговоры рабочим за то, что те пытались законным путем добиться увеличения своей заработной платы и сокращения рабочего дня.

С ростом индустриализации Соединенных Штатов в первой четверти XIX века там зарождается организованное рабочее движение. Для защиты своих интересов рабочие начинают объединяться в профессиональные союзы (следует отметить, что и ранее имели место случаи создания рабочими нелегальных профессиональных объединений). К 1836 году численность рабочих, организованных в союзы в портовых городах США, достигла 300 тысяч человек.

Буржуазия с негодованием встретила эти мероприятия рабочих. Профессиональные союзы были тотчас признаны властями «преступными» нелегальными организациями, каждое выступление которых рассматривалось как мятеж. В период 1819—1837 годов было 11 случаев привлечения властями к судебной ответственности профессиональных организаций. В каждом из этих случаев рабочие организации объявлялись «изменническими». Их участникам предъявлялось обвинение в заговоре «с целью мешать развитию торговли и промышленности». Власти пытались изобразить дело так, что существование профессиональных союзов вредит интересам не только предпринимателей, но и рабочих и что они поддерживаются исключительно иностранцами.

В то самое время как весь механизм власти и сила печати были брошены на борьбу с рабочими организациями, возникают различные воинствующие буржуазные ассоциации, получающие полную поддержку со стороны правительства.

С еще большей ненавистью встретила буржуазия возникновение политических организаций рабочих. В 1828

году, по почину Союза профессиональных объединений Филадельфии, была создана под названием «Партия рабочих» первая в США политическая организация рабочих. Затем рабочие партии возникли и в других городах. Буржуазия немедленно приняла меры к разгрому возникших организаций. С одной стороны, против них была начата широкая кампания в реакционной прессе, обвинявшей их в том, что они якобы пропагандируют государственную измену и раздел имущества; с другой — буржуазия внедрила в состав новых партий значительное число своих агентов, занявшихся подрывом и разложением их изнутри. Эта тактика правящих кругов быстро привела к желательным для них результатам: внутри рабочих партий стали возникать фракции, поведшие между собой самоубийственную борьбу, что завершилось распадением этих партий в начале сороковых годов.

Лишь с большими усилиями в середине XIX века рабочие добились признания права легальности для своих профессиональных и политических организаций. Но и впоследствии эти организации не раз были вынуждены уходить в подполье и подвергались жесточайшим репрессиям. Когда в период президентства Линкольна в стране начались забастовки рабочих как протест против повышения цен, буржуазия попыталась немедленно применить уже испытанные методы борьбы. В штатах Нью-Йорк и Массачусетс предпринимателями было внесено предложение объявить рабочие организации нелегальными. Только противодействие широких масс предотвратило принятие соответствующего законодательного акта, ставившего рабочие организации вне закона.

Вопреки усилиям буржуазной демократии установить в стране «гармонию между трудом и капиталом», классовая борьба принимала все более ожесточенный характер. Наибольшей остроты она достигает в периоды промышленных кризисов. Последняя четверть XIX столетия ознаменовалась в США массовыми стачками рабочих (за период 1880—1900 годов произошло около 24 тысяч забастовок), решительно ставших на путь организованного отпора наступлению буржуазии.

В 1877 году в США произошли серьезные события. Страна уже несколько лет переживала сильный эконо-

мический кризис, армия безработных насчитывала до 3 миллионов человек. Зима 1877 года была особенно тяжелой. Тысячи вымирали от голода. Между тем, капиталисты проводили политику систематического снижения заработной платы. Особенно сильно был снижен заработок рабочих на железных дорогах. В ответ на это железнодорожники объявили забастовку, которая охватила свыше 100 тысяч человек.

Стачка быстро распространилась на важнейшие железнодорожные магистрали. Компании пытались пустить поезда с штрейкбрехерами, но рабочие воспрепятствовали этому. Произошли столкновения между вооруженными рабочими и войсками. Волнения вспыхнули во многих городах (Питтсбурге, Филадельфии, Чикаго, Нью-Йорке и других). Наиболее серьезный характер события приняли в Питтсбурге и Сен-Луи, где рабочие принудили войска отступить и фактически захватили власть в свои руки. Однако силы были неравны. Охваченное страхом правительство бросило крупные войсковые части на подавление рабочего движения, которое было ликвидировано с большой жестокостью.

В 1885—1886 годах по стране прокатилась новая волна забастовочного движения, охватившего железнодорожный транспорт и многие отрасли промышленности. Но и на этот раз выступления рабочих были подавлены войсками.

Значительно возросшая активность широких масс показала буржуазии, что она нуждается в более сильно организованной власти на местах. С этой целью во всех промышленных центрах были построены новые арсеналы и расквартированы воинские части.

В расправе с рабочими американский капитализм не останавливался ни перед чем: насилия, локауты, массовые расстрелы, провокация были обычным ответом правящих кругов на требования рабочих об улучшении своего положения.

Среди методов, применявшихся буржуазией в борьбе с рабочим движением, одним из самых действенных был подкуп. «Огульное обвинение лидеров американского профдвижения в том, что они находятся на иждивении у капиталистов, — пишут Говард и Дэнн в своей брошюре о «рабочем» шпионаже в США, — было бы, ко-

нечно, чрезвычайной несправедливостью, но факт, что множество рабочих «избранников» окутано туманом подозрений. Непреложно и то, что значительное число их прямо или косвенно получали мзду за информационную и пропагандистскую работу от капиталистов».

При помощи подкупа буржуазия, например, привлекла на свою сторону руководство организации «Рыцари труда» и парализовала деятельность этой крупнейшей в конце XIX века в США рабочей профессиональной организации. Совершенно точно известно, что лидер «Рыцарей труда», так называемый «великий мастер», Тирнес Паудерли был платным агентом американской плутократии. Благодаря тактике Паудерли, «Рыцари труда» стали, как писал Энгельс, политически нейтральной организацией. Во время великой забастовки 1886 года Паудерли издал секретный циркуляр, предписывавший членам ордена не принимать участия в движении за восьмичасовой рабочий день. За свое многолетнее предательство Паудерли был щедро вознагражден буржуазией: после ухода в 1893 году из генерального совета «Рыцарей труда» он получил прекрасную пожизненную синекуру.

Рабочее движение в стране «великой заатлантической демократии» развивалось в обстановке неослабного полицейского контроля и жестоких репрессий со стороны правительства и монополистических организаций, методы которых в борьбе с массами были аналогичны мероприятиям, применявшимся реакционными режимами Европы. Политические и профессиональные организации рабочего класса США были вынуждены уходить в подполье и всячески конспирировать свою деятельность. Но и в обстановке легальности деятельность рабочих организаций была сопряжена с неменьшими трудностями, и они также подвергались преследованиям.

Американская действительность конца XIX века, нередко именуемая буржуазными историками «золотым веком» заатлантической «демократии», служила для трудящихся прекрасным подтверждением известных слов «Манифеста Коммунистической партии» о том, что, достигнув господства, буржуазия «поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли».

«ВЕЛИКАЯ КРАСНАЯ ПАНИКА»

Лишь только отгремели последние залпы первой мировой войны, как реакция начала новый поход против демократии. Неделю спустя после заключения перемирия нью-йоркский мэр Хайлен запретил вывешивать на улицах красные флаги, и полиция получила приказ «разгонять все незаконные сборища».

Первые удары были нанесены рабочему классу: началось сокращение заработной платы, увеличение рабочего дня, ущемление профсоюзных прав. Затем последовало массовое сокращение производства, приведшее к огромной безработице. Одновременно с каждым днем росли цены на предметы широкого потребления. Рабочий класс ответил на это стачечной борьбой. Осенью 1919 года в Соединенных Штатах бастовало около 2 миллионов человек. Против стачечников были брошены войска и полиция, в ход пущены пулеметы и газы. Стачки углекопов, железнодорожников, моряков были потоплены в крови. Рабочие организации были разгромлены, некоторые руководители стачек — похищены и убиты.

Борьбу рабочих за повышение заработной платы, за права профсоюзов реакция изобразила как «восстание против принципов американизма», инспирированное «иностранными агентами» и коммунистами. Подстрекаемое Уолл-стритом и поддерживаемое всей реакционной печатью, правительство начало «крестовый поход» против «красной опасности». Его возглавил генеральный прокурор Палмер — «воинствующий квакер», как он сам любил себя называть. Органы прокуратуры и Федерального бюро расследований изо дня в день передавали в печать для опубликования самые фантастические сообщения о заговорах, бомбах, иностранном золоте. Оглупленный и запуганный американский обыватель, читая эти сообщения, приходил в ужас.

Для борьбы с «красными» правительство стало широко применять закон о шпионаже, принятый в 1917 году, в связи с вступлением США в войну. Еще во время войны этот закон был использован против левых антимилитаристских элементов. На основании закона о шпионаже была разгромлена рабочая профессиональная организация «Индустриальных рабочих мира». В сентябре

1917 года власти объявили ее нелегальной, лидеры ее и свыше тысячи рядовых членов были посажены в тюрьму.

Тогда же были созданы различные так называемые «патриотические» организации, перед которыми была поставлена задача содействовать правительственным органам в ловле «иностраннных шпионов». Одной из наиболее разветвленных организаций подобного типа была «Американская протекционная лига», создавшая свои филиалы почти во всех штатах. Она объединяла шовинистические мелкобуржуазные элементы, занявшиеся выявлением противников империалистической войны.

За всю войну 1914—1918 годов в Соединенных Штатах было осуждено не более полутора десятка германских шпионов и диверсантов. Вильгельмовская разведка, располагавшая в США огромным количеством тайных агентов, не имела оснований быть в претензии на суровость применения к ним закона о борьбе со шпионажем. Картина резко изменилась, когда окончилась война. Спустя несколько месяцев тысячи американцев неожиданно превратились в «шпионов». В середине 1919 года в тюрьмах США находилось более двух тысяч человек, приговоренных по обвинению в «шпионаже». За одно только распространение листовок, требовавших снятия блокады с Советской России, людей приговаривали к 20 годам тюрьмы.

В действительности под флагом «борьбы с иностранными шпионами» правительство начало грандиозную кампанию против сторонников прогресса и демократии. Сенат США ассигновал на эти цели 2 миллиона долларов и создал специальную комиссию под председательством сенатора Лоска. Был издан специальный закон об аресте и высылке из страны «анархистов-иностранцев», согласно которому с июля 1919 по январь 1921 года было произведено 6 328 арестов. Министерство юстиции, возглавлявшееся Палмером, поставило своей задачей уничтожить все существующие рабочие профессиональные и политические организации. Только что возникшие коммунистические организации были немедленно загнаны в подполье, вне закона была объявлена и социалистическая партия.

«...Арестовывали направо и налево, арестовывали с

требуемым законом ордером на арест, арестовывали без него. Все, что только можно было использовать в качестве вещественного доказательства, — литература, членские списки, книги, газеты, стенные плакаты, — все, с мандатом на обыск или без него, было изъято. В эту же и последующие ночи (речь идет о ночи накануне нового 1920 года — *В. М.*) многие другие коммунисты или заподозренные в коммунизме лица были захвачены в их квартирах. В общей сложности свыше 6 тысяч человек было арестовано и посажено за решетку., зачастую без предъявления им какого бы то ни было обвинения... В конечном итоге стало известно, что в результате налетов по всей стране на этих опасных людей — вооруженных якобы до зубов — было найдено ровным счетом 3 револьвера и не было обнаружено никаких взрывчатых веществ. Но... газеты были полны сообщений, исходивших от сотрудников мистера Палмера, об открытых новых доказательствах гигантского заговора против безопасности страны...»

Так пишет Эллен, бывший редактор журнала «Атлантик монтли», в своей книге «Только вчера» о последнем периоде президентства Вудро Вильсона, которое вошло в американскую историю как эпоха «Новой свободы».

Невозможно в кратком очерке описать всех бесчинств, всего разгула дикого террора обезумевшей реакции в начале тридцатых годов. Это истерическое состояние, длившееся несколько лет, привело к резкому повышению роли полицейщины и сыска. Обстоятельство это было констатировано «Американским союзом защиты гражданских свобод», возглавлявшимся доктором Гарри Уордом. Союз издал в 1924 году брошюру под названием «Шпионская система в национальном масштабе с руководящим центром в министерстве юстиции», в которой было изложено множество «фактов, свидетельствующих о колоссальном росте за последнее время правительственной секретной полицейской системы, занимающейся шпионажем, запугиванием, пропагандой и провокациями».

«Великая красная паника» была мыльным пузырем, раздутым до невероятных размеров американской плутократией, напуганной Великой Октябрьской социалисти-

ческой революцией в России. Она была маневром, задуманным и осуществленным реакцией с целью внушить американцам при помощи гнуснейшей кампании лжи и клеветы страх к «красным». Этот маневр был рассчитан на то, чтобы оправдать применение террора и гигантское усиление тайной и явной полиции, с помощью которых реакция сломала волну необычайно возросшей активности широких масс после первой мировой войны.

II

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

«Запорю! С этим словом начались исторические времена».

(Щедрин. История одного города.)

12 апреля 1945 года скончался президент Франклин Делано Рузвельт. Смерть Рузвельта развязала руки реакции. К исполнению обязанностей президента приступил Гарри Трумэн. Вскоре же после лицемерного заявления нового президента о том, что он якобы пойдет по пути своего предшественника, в частности, в деле сотрудничества с СССР, реакционные круги с благословения самого же Трумэна добились резкого изменения внешней и внутренней политики США.

Монополистический капитал, поставив перед собой далеко идущие цели внешней экспансии, одновременно приступил к решительному расчищению своего тыла внутри страны, чтобы получить полную свободу рук. Был разработан и стал последовательно осуществляться план всеобщего подавления демократии. Проведение его в жизнь началось с удаления из состава правительственной администрации всех сторонников «рузвельтовского курса». На место отстраненных были назначены лица, известные своими реакционными взглядами, выдвинутые финансовыми, промышленными и военными кругами.

Опираясь на полную поддержку правительства Трумэна, реакция предприняла широкое наступление на жизненный уровень масс и демократические свободы, завоеванные трудящимися в долголетней борьбе. Законодательным путем урезаются права трудящихся, запрещаются забастовки, ограничиваются права профсою-

зов и т. д. Все эти действия правительства США показали, что президент Трумэн, выступая с заявлениями о том, что он будет продолжателем рузвельтовской политики, преследовал чисто демагогические цели. Так называемая «доктрина Трумэна» и ее детище — «план Маршалла», мероприятия по «проверке лояльности» государственных служащих и многие другие факты полностью подтверждают это. Новый президент наглядно засвидетельствовал, что он — послушный слуга монополистического капитала и реакции.

«Общественная безопасность» — высший закон — это выражение, употребляемое со времен древнего Рима, является излюбленным лозунгом политической реакции, которая обыкновенно маскирует им свои самые незаконные деяния, совершаемые будто бы ради спасения общества от грозящих ему опасностей. Но никто им так широко и цинично не пользовался, как это делает американская плутократия. Она пытается изобразить свою беспощадную расправу со всем прогрессивным в стране как борьбу со «страшным» коммунизмом, якобы угрожающим самому существованию Соединенных Штатов». Под предлогом защиты «американского образа жизни» правящие круги США творят над передовыми людьми Америки такие чудовищные насилия, которые сравнимы только с бесчинствами гитлеровской банды.

«Когда мы говорим о терроре, охватившем сегодняшнюю Америку, — писал не так давно Говард Фаст, — реакционеры, небрежно усмехаясь, заявляют, что в США никого не преследуют, за исключением, быть может, нескольких коммунистов, которые, мол, получают по заслугам».

Заправила Уолл-стрита, видимо, не отличаются особой изобретательностью, если не могут найти чего-либо поновее в качестве дымовой завесы для своих преступных деяний, чем давным-давно разоблаченный жупел «красной угрозы». Как и тридцать лет назад, прикрываясь им, они ведут борьбу не только против коммунистов, но и против всех прогрессивных сил Америки. «Истина заключается в том, — заявляет Говард Фаст, — что вся страна находится в тисках холодного террора и жесточайших репрессий».

Американская реакция идет по старому пути, кото-

рый проделали Гитлер в Германии и Муссолини в Италии. Известно, однако, чем кончили Гитлер и Муссолини... Воистину: кого боги хотят погубить, того они лишают разума...

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

Война близилась к концу (это было в январе 1945 года), когда палата представителей США одобрила законопроект об учреждении постоянной «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности». Законопроект был внесен членом палаты от штата Миссисипи Джоном Рэнкином, широко известным своими реакционными взглядами и деятельностью. Выступая по радио 15 января, Рэнкин нагло заявил: «Я подхватил знамя борьбы, когда Дайс его выпустил из своих рук».

Так произошло возрождение учреждения, заклеяменного американским народом как центр политической инквизиции и орган «контроля над мыслями» на фашистский образец. Спустя несколько месяцев после смерти Рузвельта комиссия, по указке Уолл-стрита, организует первую послевоенную антисоветскую кампанию. Объектом своих преследований она избирает «Национальный совет американо-советской дружбы», против руководителей которого Ламонта и Морфорда возбуждается судебное преследование по обвинению в «неуважении власти», выразившемся в отказе представить комиссии протоколы и архив совета. Характерно, что палата представителей подавляющим большинством голосов санкционировала предложение комиссии об отдаче Ламонта и Морфорда под суд.

Это был первый шаг, за ним последовали другие. И года не прошло с момента окончания войны, как реакционная печать США была уже полна злобными выпадами против Советского Союза, изошряясь в распространении самых подлых инсинуаций по адресу нашего великого народа, благодаря героическим усилиям и колоссальным жертвам которого был разгромлен фашизм, были спасены цивилизация и будущее человечества. Газеты «Нью-Йорк уорлд телеграмм», «Нью-Йорк джорнэл энд америкэн» и им подобные стремились перещеголять друг друга в подаче читателю самой «достоверной информации» о том, что, как якобы известно го-

сударственному департаменту и министерству юстиции, «опытные пропагандисты, тщательно обученные Москвой, прибывают в Соединенные Штаты во все возрастающем числе...»

За ним следом поползли по стране зловещие слухи о надвигающейся новой войне, которая, по мнению «некоторых людей в военном министерстве и генеральном штабе», должна начаться в скором времени против Советского Союза. Слухи эти вначале распускались исподволь опытными в сих делах мастерами провокации, направляемыми и оплачиваемыми монополиями. Но вскоре никем не сдерживаемые, наоборот — всячески подстегиваемые определенными кругами поджигатели войны распоясались во-всю: ничем не маскируясь, они стали открыто призывать к нападению на СССР и использованию с этой целью атомного оружия.

Главным застрельщиком и вдохновителем антисоветской кампании была неизменно все та же пресловутая комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Комиссия старательно избегала рассмотрения вражеских действий фашистских агентов в минувшую войну, она никак не реагировала на опубликование двух списков (около 800 человек) членов гитлеровской партии, проживающих в США, и не заинтересовалась, чем они занимаются. Мало того, комиссия привлекла в качестве своего советника известного фашистского главаря Смита, руководителя организации «Америка — прежде всего», и открыла ему доступ к своим архивам. В своем органе «Крос энд флэг» Смит опубликовал материалы по поводу одного расследования, произведенного комиссией, в ознакомлении с которыми перед этим было отказано члену конгресса Паттерсону, неоднократно выступавшему с критикой деятельности комиссии.

Комиссия не упускала ни одной возможности, чтобы вызвать антисоветские настроения: она все время является рассадником самой несусветной, самой дикой клеветы против СССР.

Известный прогрессивный публицист Альберт Кан недавно опубликовал острый политический памфлет под названием «Предательство в конгрессе», посвященный разоблачению истинной сущности упомянутой комиссии и ее деятельности в качестве центра фашистской пропа-

ганды. Альберт Кан приводит интересный образчик того, как зарождается антисоветская клевета. Для дачи показаний Рэнкин вызывает в комиссию известного лжеца и авантюриста, матерого гитлеровца Уильяма Буллита. Между ними происходит следующий разговор:

«Рэнкин: Правда ли, что в России едят людей?»

Буллит: Мне довелось видеть фотографию скелета ребенка, съеденного его родителями.

Рэнкин: Вы сказали, что шестьдесят процентов членов американской компартии не являются американцами. Правда ли, мистер Буллит, что коммунисты отправились в южные штаты, набрали там негров и отправили их в Москву изучать революцию? Известно ли вам что-либо о том, что они обучают негров взрывать мосты?

Буллит: Да».

Это гнусное лжесвидетельство давно уже разоблаченного фашистского шпиона, Буллита, немедленно передается для опубликования в печать.

Когда в майском номере прогрессивного журнала «Мэссес энд Мейнстрим» за 1948 год было опубликовано открытое письмо 32 представителей американской интеллигенции, обращенное к советским писателям, реакция подняла истошный вой. Грубо извращая истинный смысл этого обращения, реакционная печать заклеила лиц, его подписавших, кличкой «антиамериканцев» за то, что они осмелились поднять свой голос в защиту мира и дружбы между США и СССР.

Реакционные круги США всячески пытаются воспрепятствовать дружбе народов СССР и Соединенных Штатов в борьбе за мир. В этом гнусном деле комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности играет первую скрипку. Именно в результате поощрительной позиции этого руководящего в стране полицейско-следственного органа фашистские элементы подняли голову, стали вести себя все более вызывающе, все более разнузданно. Чувствуя свою безнаказанность, опираясь на прямую поддержку влиятельных кругов, они дошли до таких наглых антисоветских выходов, как совершение террористического акта против украинского представителя на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций Г. Д.

Сталника, как наклеивание клеветнических, враждебных СССР плакатов у здания советского посольства, как похищение советских граждан.

Ни в одном из упомянутых случаев ни комиссия палаты представителей, ни другие следственно-полицейские власти не предприняли должных мер для быстрого пресечения деятельности фашистских бандитов, направленной против государственных интересов США, обнаружения виновных и привлечения их к ответственности.

С осени 1945 года комиссия по расследованию антиамериканской деятельности начала всеобщий поход против всех прогрессивных антифашистских организаций. Эти организации были признаны «подрывными», и комиссия опубликовала их список. В нем значились: Национальный совет американо-советской дружбы, Объединенный комитет помощи эмигрантам-антифашистам, Национальный совет по борьбе с расовой дискриминацией и многие другие.

За «неуважение к конгрессу» были подвергнуты судебному преследованию председатель и 17 членов Объединенного комитета помощи эмигрантам-антифашистам. Они отказались представить инквизиторам дела комитета. Среди привлеченных были видные прогрессивные деятели Соединенных Штатов: врачи Барский, Ауслендер, Миллер, писатель Фаст, профессор нью-йоркского университета Брэдли, адвокат Джастиз, г-жа Лейдер и другие.

После двух лет гонений, преследований и допросов одиннадцать членов упомянутого комитета были присуждены к длительному тюремному заключению и к 500 долларов штрафа каждый. Когда подсудимые обратились с апелляцией в верховный суд, последний отказался ее рассмотреть. Как писал по этому поводу Говард Фаст в своем открытом письме американскому народу, эти одиннадцать мужчин и женщин «понесут наказание за двойное преступление. Во-первых, они — антифашисты, во-вторых, они в течение долгих лет старались лечить больных, накормить голодных, помочь искалеченным борцам за республиканскую Испанию. За это их заклеили преступниками».

7 июня 1950 года одиннадцать прогрессивных аме-

риканцев-антифашистов начали отбывать тюремное заключение.

Затем комиссия по расследованию антиамериканской деятельности занялась выявлением «коммунистического влияния в Голливуде». В Голливуд выезжал главный следователь комиссии Стриплинг, особенно интересовавшийся тем, при каких обстоятельствах ставился известный фильм «Песнь о России». Газета «Дейли уоркер» в связи с этим отмечала, что целью комиссии является оклеветать киноартистов и сценаристов — участников прогрессивного движения. Известные сценаристы Джон Говард Лоусон, Дальтон Трумбо и другие в результате «расследования» были приговорены федеральным судом к тюремному заключению и денежному штрафу за отказ ответить на вопрос комиссии палаты, являются ли они коммунистами. Член комиссии Рэнкин потребовал даже высылки в Англию Чарли Чаплина по той причине, что Чаплин якобы ведет в Голливуде образ жизни, «вредный для существующего в Америке строя».

Как пишет Альберт Кан в упоминавшейся нами книге, поводом для преследования Организации ветеранов войны по борьбе с дискриминацией явилось слово «демократия». Главный адвокат комиссии Адамсон в своем заключении по возникшему «делу» отмечал, что «в памфлетах и в другой литературе, издаваемой этой организацией, неоднократно упоминается демократия». «Я удивляюсь, — указывал Адамсон обвиняемым, — неужели вы недостаточно знакомы с историей Соединенных Штатов, чтобы не знать, что наш государственный строй не основан на принципах демократии».

Вольно или невольно, но Адамсон сказал то, что и требовалось доказать!

Стремясь лишить американский народ правдивой информации о событиях, о внутренней и внешней политике США, комиссия по расследованию антиамериканской деятельности обращает особое «внимание» на прогрессивных радиообозревателей. В конце 1945 года она занялась расследованием выступлений восьми радиообозревателей: Кингдона, Иоганнеса Стила, Гейлмора и других. Это было сигналом для радиоорганизаций, в которых работали упомянутые лица. Радиостанция «Дабл'ю игрек зет» внезапно аннулировала контракт с компа-

нией, которая поддерживала обозревателя Гейлмора, а радиостанция «Дабл'ю о ви» без всякой причины уволила обозревателя Джекобса. Гонения на прогрессивных радиокomentаторов принимают особенно широкий размах зимой 1946—1947 годов: радиостанция «Уор» прекращает выступления Кингдона, радиостанция «Ухн» — Стила, радиокomпания «Нэйшнл Бродкастинг компани» увольняет четырех комментаторов — Вандеркука, Годдарда и других, радиостанция «КФИ» — шесть обозревателей. К 1948 году все американское вещание было «очищено» от всякого прогрессивного веяния, и радиослушатель стал получать только одностороннюю, целиком отвечающую интересам реакции информацию.

Наряду с распространением провокационных слухов о новой мировой войне, американская реакция вот уже более четырех лет занимается систематическими инсинуациями по поводу так называемого «красного шпионажа». Время от времени появляющиеся в американской печати сенсационные сообщения по этому поводу являются частью тщательно продуманной кампании, имеющей целью отвлечь среднего американца от острых политических и экономических проблем, разжигать антисоветские настроения.

«Дело» сотрудников журнала «Амерейша», привлечение к себе внимание всей передовой общественности, показало, что обвинение в шпионаже вновь стало средством воздействия и борьбы с лицами, критикующими политику правительства Соединенных Штатов.

Летом 1945 года журнал «Амерейша» поместил на своих страницах ряд материалов, резко критиковавших политику США в Японии и Китае. Вслед за их опубликованием редактор журнала Джеффи, помощник редактора Митчелл, сотрудники государственного департамента Сервис и Ларсен, бывший сотрудник морской разведки Рот и журналист Гейн были арестованы по обвинению в нарушении закона о борьбе со шпионажем.

Газета «П. М.» писала по этому поводу, что аресты «запугивают и заставляют молчать правительственных чиновников, не согласных с политикой министерства, и закладывают основы для преследования газетных корреспондентов, публикующих информацию, которая вызывает критику государственного департамента».

Реакционная печать пыталась использовать «дело» сотрудников журнала «Амерейша», чтобы возбудить враждебные настроения против Советского Союза. Она изображала арестованных в качестве «агентов-пропагандистов коммунистического Интернационала».

Одновременно уже тогда были предприняты попытки дискредитации коммунистической партии и ее лидеров. В марте 1946 года председатель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Вуд и члены комиссии Рэнкин, Томас и Мундт в заявлении для печати обвинили американских коммунистов в том, что они якобы помогают иностранным шпионам узнать секрет атомной бомбы. Еще ранее с заявлением об утечке информации, относящейся к проблеме атомной энергии, выступил генерал-майор Гровс, руководивший тогда производством атомных бомб, и некоторые другие представители военных кругов.

Все эти заявления вызвали резкие протесты со стороны передовой общественности США, квалифицировавшей обвинения против коммунистов как совершенно лживые. Демократическая общественность прекрасно понимала, что подобного рода заявления преследуют цель активизации борьбы с прогрессивными элементами в стране.

Осенью 1947 года в печати Херста и Паттерсона, в частности в нью-йоркской газете «Сан», были опубликованы сенсационные сообщения о якобы раскрытой шпионской организации, которая будто бы «непрерывным потоком снабжала Советский Союз секретной информацией, связанной с безопасностью США». Комментируя эти сообщения, вашингтонский корреспондент газеты «П. М.» Стоун вскрыл подоплеку их опубликования. В статье под заголовком «Что скрывается за разглашением секретов о преследовании красных» Стоун заявил, что упомянутые сообщения рассчитаны на то, чтобы запугать нью-йоркский суд присяжных, побудить его вынести обвинительные вердикты ряду бывших чиновников правительства, сторонников Рузвельта. Стоун, между прочим, напомнил, что статьи о шпионаже появились как раз после сообщения о том, что суд присяжных не вынесет обвинительных приговоров.

В течение нескольких месяцев, предшествовавших президентским выборам 1948 года, комиссия по рассле-

дованию антиамериканской деятельности заполняла печать всевозможными выдумками о «советском шпионаже». В начале августа исполняющий обязанности председателя комиссии Мундт сделал представителям печати заявление о том, что комиссия имеет основания считать, что так называемая «коммунистическая шпионская сеть все еще действует в Вашингтоне».

Эта истерическая кампания достигла своей кульминационной точки 27 сентября, когда комиссия опубликовала доклад, требующий немедленного предъявления обвинительного акта пяти лицам, замешанным в так называемом атомном шпионаже. Однако спустя два дня организаторам антикоммунистической кампании был нанесен серьезный удар: даже само министерство юстиции вынуждено опубликовать и опубликовало заявление, в котором подвергло критике доклад комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и признало, что нет никаких доказательств шпионажа, о котором кричала комиссия.

Еще ранее президент Трумэн в своем выступлении на пресс-конференции по этому же вопросу вынужден был признать, что кампания шпиономании рассчитана на то, чтобы «отвлечь внимание общественности от инфляции». Трумэн добавил, что вся имеющаяся информация была представлена суду присяжных, который не нашел в ней ничего, что оправдало бы предъявление тому или иному лицу обвинительного акта.

Как заявление министерства юстиции, так и выступление Трумэна были продиктованы, естественно, не стремлением к истине или желанием защитить демократические права и оградить граждан от злобной клеветы, а исключительно предвыборной борьбой партий и личным соперничеством. Не мешает напомнить, что большинство в конгрессе, как и в пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности принадлежало республиканцам, с которыми Трумэн вступил в тот момент в решительное избирательное сражение. Таким образом, в то время как руководство республиканской партии, в предвыборных целях используя комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, всячески раздувало шумиху о так называемом «советском шпионаже», правительство Трумэна, чтобы привлечь голоса

избирателей, было вынуждено признать ложь всех этих сенсационных измышлений о «шпионаже», которые печать так бесстыдно афишировала.

Придя к власти, демократическая партия, вопреки вышеприведенным заявлениям Трумэна и министерства юстиции, серьезно дискредитировавшим комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, сделала все, чтобы сохранить эту пресловутую комиссию в настоящем ее виде и дать ей возможность продолжать свою пагубную для американского народа деятельность. Чтобы закрепить правомочность комиссии и ее статут, демократы внесли в конгресс предложение, которое и было принято, о сохранении всех существующих комиссий. Этот нехитрый трюк дал им возможность отвести на будущее какую-либо постановку вопроса о существовании комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Член палаты представителей от рабочей партии Маркантонио разоблачил это замаскированное мошенничество руководства демократической партии. В своем заявлении представителям печати он сказал:

«На тайном совещании лидеров демократической партии было решено устранить возможность всякой борьбы против комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Все громкие разговоры о том, что правительство против комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, являются ложью. Оно никогда об этом не думало, и факты доказывают это. Совершенно новое предательство по отношению к народу».

В результате поддержки правительства комиссия уже не довольствуется «расследованием» деятельности американцев. Она пытается теперь распространить свою деятельность на маршаллизированные страны, в частности, намеревается «расследовать» действия ученых Франции, Бельгии и Голландии.

По сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, член комиссии республиканец Макдоуэлл заявил, что комиссия заинтересовалась сообщениями печати о том, что Франция, Бельгия и Голландия намерены создать международную астрономическую обсерваторию в Бельгийском Конго. Игнорируя тот факт, что этот район принадлежит Бельгии, а не США, Макдоуэлл заявил, что комиссия

желает узнать, почему ученые избрали местом для обсерватории район крупнейших в мире урановых месторождений. Макдоуэлл указал, что он просил члена комиссии установить источник средств на строительство обсерватории и уточнить прочие подробности.

В последнее время значительно активизировалась деятельность комиссии в самих Соединенных Штатах. Так, она развернула в широких масштабах деятельность в области проверки школьных учебников и библиотечных фондов на предмет изъятия «крамольных» изданий. По сообщению прогрессивного бюллетеня «Ин фэкт», комиссией составлен «черный список» запрещенных книг, в который включено 563 названия. Комиссия потребовала от 71 учреждения — колледжей и управлений по вопросам просвещения отдельных штатов присылки списков используемых ими учебников с тем, чтобы иметь возможность проверить, не оказывают ли они «подрывного влияния».

В первую очередь подлежат изъятию учебники, критикующие «систему свободного предпринимательства». Так, например, университетский учебник, посвященный конституционному устройству США, запрещен из-за наличия в нем слов: «Пресса становится капиталистическим предприятием». В школьных библиотеках города Бирмингама в штате Алабама запрещено распространение популярного школьного журнала по той причине, что на обложке одного из номеров был помещен снимок трех смеющихся детей, среди которых — один негритенок. Дело дошло до того, что в нью-йоркских школах объявлена «крамольной» книга Марка Твэна, «Янки при дворе короля Артура».

В ряде американских городов в числе изъятых литературы находятся научные труды Чарльза Дарвина, сочинения историка Чарльза Бирда, произведения публициста Линкольна Стеффенса и многие другие труды, принадлежащие перу известных деятелей культуры, науки и литературы. В Филадельфии полиция без предъявления ордера на обыск устроила налет на 50 книжных магазинов и изъяла две тысячи книг, признанных «крамольными», в том числе несколько романов Эрскина Колдуэлла.

В городе Лос-Анжелосе комиссия по расследованию

антиамериканской деятельности обнаружила театральную труппу «Артистическая лаборатория», которая занималась разработкой образцовых постановок произведений Шекспира, Мольера и других европейских и американских драматургов. Комиссия обвинила труппу в проведении «советской пропаганды» на том основании, что «лаборатория поставила на сцене две пьесы русского, по имени Чехова». Обвинение в ведении «советской пропаганды» выдвинуто также против общедоступной библиотеки в городе Солт-Лейк-Сити (штат Юта), которая выставила на своих полках ежемесячный информационный бюллетень советского посольства и журнал «Совет Раша тудэй».

Поход против «крамольной» литературы и учебных изданий принимает в США все более разнузданный характер. Американский журнал «Нейшн» указывает, что хотя в Соединенных Штатах пока еще не устраивали публичных сожжений книг, как это имело место в нацистской Германии, но дело явно идет к этому.

Такова неприглядная роль комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, вполне правильно охарактеризованной председателем «Национальной федерации борьбы за конституционные свободы» Маршаллом в качестве «авангарда крупнейшей в мире пятой колонны, состоящей из различных антирабочих, фашистских групп США».

С момента создания комиссии, действующей на правах постоянного органа палаты представителей, ее последовательно возглавляют махровые реакционеры, отъявленные фашисты: Вуд, Харт, Рэнкин, Томас, Мундт. На основе неопровержимых документов бывший помощник генерального прокурора США Рогге доказал, что Томас (так же, как и Дайс) в прошлом состоял членом Ку-Клукс-Клана. Рогге дважды требовал, чтобы Томас был вызван на этом основании для допроса, но ему дважды в этом отказали.

В 1948 году газета «Дейли миррор» сделала не менее сенсационное разоблачение. Она сообщила, что с января 1940 года Томас включил в платежную ведомость некую Миру Мидкифф, наименовав ее клерком своей канцелярии. Позже он зачислил в качестве ее мнимых сотрудников нескольких своих родственников и

друзей. Значительная часть причитающейся всем этим лицам зарплаты систематически присваивалась Томасом. Согласно американским законам, этот поступок квалифицируется как «обман правительства с целью лишить его денег и имущества», наказуемый максимально приговором к 32 годам тюремного заключения и 40 тысячам долларов штрафа.

Но американские судьи предприняли все зависящее от них, чтобы вызволить разоблаченного казнокрада. В течение целого года под разными предлогами оттягивался суд над Томасом. То он не мог явиться в суд по причине «физического и умственного переутомления», то был «занят» его защитник. Наконец, пытались прекратить дело «по давности». Однако жульничество Томаса не удалось скрыть от общественности, и процесс пришлось-таки начать. Разумеется, этот проповедник «американизма» отделался самым минимальным наказанием — 10 тысячами долларов штрафа и кратковременным тюремным заключением.

Другой видный персонаж комиссии, не так давно возглавлявший ее, Карл Мундт, — не менее ярко выраженный агент фашизма. Он был «избран» в конгресс от штата Южная Дакота под нажимом Уолл-стрита именно за свою крайнюю реакционность. Характеризуя деятельность Мундта во время войны, журнал «Нью рипаблик» в мае 1942 года писал, что он «был одним из основных агитаторов организации «Америка — прежде всего», выступая в восточных районах вместе с Гамилтоном Фишем и другими... Мундта использовали специально для проведения массовых митингов среди американских немцев; его профашистские тенденции явно отражались в его публичных выступлениях».

Вот они, верховные блюстители «американизма», лица, облеченные самым «высоким доверием конгресса!»

УНИЧТОЖИТЬ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ЗАВЕТНАЯ ЦЕЛЬ РЕАКЦИИ

Организованность рабочего класса рассматривается Уолл-стритом как самое главное препятствие на пути превращения Соединенных Штатов в бастион политической реакции и осуществления внешнеполитических

агрессивных планов поджигателей войны. Стремясь к увеличению своих с каждым годом растущих прибылей, монополисты ведут наступление на жизненный уровень трудящихся, перекалывают на их плечи расходы по милитаризации, осуществляют самую широкую экспансию в Западной Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

С первых же дней по окончании войны американские монополисты повели открытое наступление на организованное рабочее движение, на существование левых профессиональных союзов и жизненные права трудящихся. Эта политика, особенно последовательное урезывание жизненного уровня простых людей, вызвала резкий отпор со стороны демократических сил. Рабочие ответили на мероприятия предпринимателей развертыванием забастовочного движения. К началу октября 1945 года в США бастовало уже 450 тысяч рабочих. В январе 1946 года началась забастовка 800 тысяч рабочих сталелитейной промышленности, и число бастующих в стране возросло до 1 750 тысяч человек. В 1947 году в США бастовало 2 170 тысяч рабочих. В 1948 году число бастовавших составило 2 280 тысяч. За первые десять месяцев 1949 года в США было 3 150 забастовок, в которых участвовало около трех миллионов рабочих.

Поддерживаемые правительством, монополии ответили на забастовочное движение разработкой ряда законодательных актов, направленных против рабочих организаций.

Весной 1946 года, в разгар грандиозной забастовки 250 тысяч железнодорожников, палата представителей одобрила известный антирабочий законопроект Кейза, ранее принятый сенатом. Закон Кейза открывает возможности преследования профсоюзов в судебном порядке за осуществление функций, считавшихся прежде законными, а ныне якобы «препятствующих ходу производства и торговли». Прогрессивная печать характеризовала закон Кейза как один из самых свирепых по отношению к профсоюзам. Действительно, он содержит статьи, угрожающие тюремным заключением до 20 лет и наложением штрафа в 10 тысяч долларов за «преступление», выражающееся в организации так называемой «неразрешенной стачки».

Наряду с законодательными мероприятиями, плутократия в борьбе с рабочим движением действует и иными средствами. Осенью 1945 года три крупнейшие промышленные корпорации: Форд, Крайслер и «Дженерал моторс» — провели секретную конференцию, на которой была определена тактика организованного противодействия требованиям профсоюзов о повышении заработной платы. Вскоре после этого совещания орган Уолл-стрита — газета «Джорнэл оф коммерс» опубликовала статью, призывавшую промышленников не идти ни на какие уступки рабочим, поскольку, мол, каждая успешная забастовка будет приводить к усилению профсоюзов.

Выступая против повышения заработной платы, монополистический капитал в то же время ассигнует огромные средства на борьбу с рабочим движением. Финансовый обозреватель газеты «Нью-Йорк пост» Портер в свое время сообщил о том, что «Дженерал моторс» создала специальный фонд в 100 миллионов долларов, который был использован в 1947 году против профсоюзов. Значительные суммы отпускаются на эту же цель другими фирмами, естественно, тщательно засекречивающими отпуск этих средств.

Монополии не жалеют ни денег, ни усилий, чтобы «покончить» с рабочим движением.

В июне 1947 года конгресс США, после длительной дискуссии, принял антирабочий закон Тафта — Хартли. Этот закон запрещает систему «закрытых мастерских», т. е. систему, при которой, на основании заключаемых коллективных договоров, на работу принимают только членов профсоюзов. Закон Тафта — Хартли, далее, требует изгнания «коммунистов» с профсоюзных постов, ограничивает право на забастовки, лишает профсоюзы права на заключение коллективных договоров, если его руководители подозреваются в том, что они являются коммунистами, запрещает создание фондов профсоюзных средств для помощи безработным и больным и т. д.

Под давлением общественного мнения и из тактических соображений, связанных с избирательной кампанией 1948 года, президент Трумэн наложил вето на закон Тафта — Хартли, но, несмотря на это, он был принят конгрессом. Принятие закона Тафта — Хартли вызвало большое возмущение в демократических кругах.

Даже правые лидеры Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, прислуживающие Уолл-стриту, вынуждены были заявить протест против нового антирабочего закона, как «закона, устанавливающего прямой шаг к фашизму». В ходе избирательной кампании Трумэн дал обещание отменить закон, но он и до сих пор ничего не сделал для выполнения своего обещания. Обманув избирателей, он покорно осуществляет политику Уолл-стрита, стоящего за его спиной. С помощью таких драконовских мероприятий, как закон Тафта — Хартли, американские монополии, заявил член конгресса прошлого созыва Деласей, «пытаются уничтожить организованное рабочее движение, так как они знают, что именно организованное рабочее движение служит препятствием к развязыванию третьей мировой войны».

* * *

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции прогрессивный деятель М. Лондон, член палаты представителей США от штата Нью-Йорк, разоблачая поднятую реакцией шумиху о так называемой «большевистской опасности», говорил:

«Все — государственные деятели, дельцы, проповедники, плутократы, издатели газет — считают нужным предостерегать мир, что он будет разрушен большевизмом... Худшее состоит в том, что большевизмом объявляется всякое новое движение, всякая новая идея, любая передовая мысль. С человеком, который выдвигает новую идею, больше не спорят; достаточно сказать: это большевизм».

Это заявление видного деятеля США, отнюдь не являвшегося коммунистом, с предельной полнотой вскрыло истинный смысл пресловутого антикоммунизма. Пользуясь этим затасканным жупелом, американский капитализм, этот злейший душитель свободы народов, направил всю силу своей ненависти на тех, кто является глашатаем демократии и прогресса, и, прежде всего, на членов коммунистической партии США.

Коммунистическое движение подвергается в США самым жестоким преследованиям. Первые коммунистические организации: «Коммунистическая рабочая пар-

тия» и «Коммунистическая партия», возникшие в сентябре 1919 года, были вынуждены сразу же уйти в глубокое подполье. В 1919—1920 годах много коммунистов было арестовано по обвинению в «шпионаже» и осуждено. Массовыми арестами и высылками из страны реакция пыталась задуть коммунистическое движение в самом его зародыше, но это ей не удалось. В декабре 1921 года произошло объединение компартий, образовавших единую рабочую партию (Уоркерс парти), переименованную в 1929 году в коммунистическую партию.

Используя органы политического сыска, реакция стремилась разложить коммунистическое движение изнутри. Она внедряла в его ряды «своих людей», которые инспирировали создание фракции, разжигали внутрипартийную борьбу и всяческими другими способами ослабляли его. С этой же целью в компартию проникали троцкистские шпионы и провокаторы.

Одним из примеров того, как действовали агенты политического сыска внутри компартии США, служит процесс против членов подпольного съезда партии, состоявшегося в свое время в Мичигане. Лишь только съезд начал свою работу, как полиция совершила налет и, арестовав всех его участников, возбудила против них судебное преследование. Когда перед судом предстали 30 делегатов съезда, то в качестве свидетеля обвинения власти выставили своего тайного агента, который оказался... делегатом съезда от филаделфийской организации.

Или другой пример. В Соединенных Штатах вызвало немалый шум дело известного авантюриста, называвшего себя Дмитро Иванкиным. Он был тайным агентом «Ионгстоун корпорейшн» — сысчного агентства в Питтсбурге. По заданию одного из клиентов фирмы — «Ионгстоунской железопрокатной компании», Иванкин создал в Ионгстоуне псевдокоммунистическую организацию. В состав последней он привлек значительное число рабочих. Когда организация оформилась, Иванкин сообщил Федеральному бюро расследований списки членов, их адреса и прочие данные. Были произведены аресты и начато следствие. Для отвода глаз был также арестован Иванкин. Однако в конечном счете Иванкину не удалось выйти, что называется, сухим из воды. В хо-

де следствия было обнаружено столько преступлений этого гнусного негодяя, совершенных им в прошлом, что ему не помогли ни заступничество владельцев сталелитейных заводов, ни его связи с ФБР. Его, правда, освободили из тюрьмы, но выслали из США.

В третьем случае отдел политического сыска одного концерна с целью провокации отпечатал пятьсот экземпляров «Манифеста Коммунистической партии» и распределил их среди различных рабочих организаций. Это было сделано для того, чтобы получить основание для разгрома этих организаций и ареста их руководителей.

В течение трех десятилетий реакция периодически разжигает в стране антикоммунистическую истерию. Каждый раз, когда правящие круги США переживали какие-либо политические или экономические трудности, они немедленно приступали к очередному «расследованию коммунистической деятельности». Но реакции не удалось и не удастся задушить коммунистическое движение, являющееся передовым отрядом демократического лагеря Америки.

В тридцатых годах, в период экономического кризиса, коммунисты были в первых рядах стачечников, они выступали в качестве организаторов помощи безработным, возглавляли голодные походы и массовые демонстрации. Реакция, стремясь отвлечь внимание широких масс от истинной причины переживаемых ими бедствий, поднимает истерический вой о «происках коммунистов». Она пытается их всячески скомпрометировать, опорочить в глазах трудящихся. Особенно усердствовал тогда на этом поприще член конгресса Гамильтон Фиш, приобретший впоследствии широкую известность как заядлый нацистский агент, рьяный проповедник фашизма.

В предвоенный период роль и влияние компартии в США значительно возросли. Народные массы на опыте убедились, что коммунистическая партия является единственным борцом за их насущные интересы, что только она ведет подлинную борьбу с фашизмом и поджигателями империалистической войны. Компартия неустанно разоблачала подрывную деятельность гитлеровской и японской агентуры в Соединенных Штатах, вскрывала политику всемерной помощи агрессорам, проводившуюся американской реакцией, развернула широкую кампа-

нию за оказание помощи республиканской Испании и была застрельщиком борьбы за мир, против фашистской агрессии.

Эта последовательная демократическая политика компартии вызвала новый пароксизм бешенства у реакции. Вся система государственного сыска и капиталистического шпионажа, комиссия Дайса и множество фашиствующих организаций мобилизуются на борьбу с коммунизмом. Им дается задание (в штаты была разослана министерством юстиции специальная инструкция), не останавливаясь ни перед какими средствами, устранить влияние компартии на народные массы, расчистить тыл реакции, чтобы облегчить ей организацию международного заговора против миролюбивых демократических стран. И вновь над Америкой, как писала одна либеральная газета, встал «призрак бесправия и произвола, для которого конституционные права и свободы не больше, чем клочок бумаги».

Как спущенные с цепи псы, ринулась армия ищеек на поиски и искоренение «крамолы». Первой проявила себя чикагская полиция: она трижды совершала налет на помещение компартии и произвела обыски в ряде частных домов, разыскивая ее руководителей. В Абердине банда погромщиков, направляемая агентами охраны, разгромила помещение, где происходил митинг протеста против помощи белофиннам, организованный компартией. Исключительную активность проявила комиссия Дайса, разославшая своих представителей на периферию с целью руководства «антикоммунистическим походом». В Филадельфии два следователя комиссии в сопровождении восьми местных детективов под командой полицейского лейтенанта совершили налет на комитет компартии с целью захватить его документацию. Чтобы очистить себе «поле действий», полиция предусмотрительно вызвала работников комитета для допроса. Нападения на помещения, занимаемые компартией, были совершены и во многих других городах США. Таким путем американская охранка пыталась раздобыть данные о том, кто состоит в рядах компартии.

В Детройте были арестованы 12 коммунистов, проводивших вербовку добровольцев в армию республиканской Испании. Закованные в кандалы, они были про-

конвоированы полицейскими по улицам города. Суд признал их виновными и присудил к двум годам тюрьмы и штрафу в 10 тысяч долларов. Это произошло незадолго до того, как белофинские агенты стали совершенно открыто вербовать в городах Америки «добровольцев» для банд Маннергейма.

Чтобы «подогреть» антикоммунистические настроения, в американской печати, как и во времена Палмера, стали появляться сообщения об «иностранных агентах», «заговорах», «бомбах» и тому подобные «сенсации». Распространявшаяся ложь была настолько же чудовищна, насколько и смехотворно глупа. Мы позволим себе привести образчик одной из этих «сенсаций», опубликованной во многих американских газетах:

«Как сообщают из Патерсона (штат Нью-Джерси), в результате сведений, полученных полицией, ей удалось обнаружить на берегу реки Пасаик груз с динамитом, вполне достаточным для того, чтобы взорвать половину Нью-Йорка. Осведомитель заявил полиции, что взрывчатые вещества были похищены коммунистами из военной академии в Вест-Пойнте».

Широко распространенная «сенсация» оказалась, разумеется, как и сотни других, сплошным вымыслом изоглавшихся реакционных писак. Как писал позже один прогрессивный обозреватель, «сенсацию прочитали все. Но не все смогли отыскать в газетах мельчайший петит опровержения, загнанный на задворки». Так рождается антикоммунистическая провокация.

Во время второй мировой войны коммунистическая партия США все свои усилия направила на разъяснение массам значения войны против фашистских агрессоров, как войны самой справедливой, на сплочение всех сил народа для скорейшего разгрома фашистской «оси». В то же время компартия продолжала разоблачать подрывную деятельность вражеской агентуры и вести борьбу с реакцией, саботировавшей военные усилия США и стремившейся разложить национальное единство.

В послевоенный период компартия еще более активизирует свою деятельность в защиту экономического благосостояния и демократических прав широких масс. Она выступает последовательным борцом против авантюристической политики поджигателей новой войны.

Коммунисты возглавляют массовое движение трудящихся против внешней политики правительства Трумэна, против образования агрессивных военно-политических блоков вроде Северо-Атлантического, за установление длительного и прочного мира, урегулирование советско-американских отношений, за осуществление программы демилитаризации и демократизации Германии и Японии, за отказ от политики атомного шантажа, за укрепление Организации Объединенных Наций и международного сотрудничества на началах демократии и равноправия.

Как свидетельствует Эдгар Гувер, реакция заблаговременно готовилась к наступлению на коммунистическую партию по окончании войны. Федеральное бюро расследований во время войны вело тщательное наблюдение за организациями компартии и их работой, выявляло личный состав партии. В статье, опубликованной в журнале «Редбук мэгэзин», Гувер недавно писал: «...События, происходившие во время второй мировой войны, дали возможность тщательно изучить деятельность коммунистов».

Это изучение понадобилось реакции для того, чтобы по окончании войны начать официальный поход против компартии. Открыл его министр труда США Швелленбах. В марте 1947 года он выступил с предложением объявить коммунистическую партию вне закона. Из выступления Швелленбаха стало ясно, что различные министерства уже давно при содействии Федерального бюро расследований проводят негласную кампанию по выявлению служащих-коммунистов.

В министерстве труда, заявил Швелленбах, уволено 6 человек, обвиняемых в «коммунистической деятельности». Он призывал уволить коммунистов из всех общественных учреждений, лишить их права занимать посты в профсоюзах и т. д.

Несколько позже из выступления министра юстиции Кларка на заседании комиссии конгресса по ассигнованиям стало известно, что министерство юстиции, «не поднимая шума», отдало приказ о выселении из США 124 человек, обвиненных в принадлежности к компартии. Перед этим председатель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Томас передал в печать копию письма, направленного им 31 марта мини-

стру юстиции, с просьбой начать судебное преследование компартии (тогда же выяснилось, что Томас с такой же просьбой обращался 7 октября 1946 года).

Летом 1947 года американская реакция инсценировала суд над генеральным секретарем компартии Деннисом. Ему приписали, что якобы он своим «поведением» на заседании комиссии по расследованию антиамериканской деятельности «оскорбил» конгресс. Главным свидетелем обвинения на суде выступал сам Томас, председатель комиссии. Деннис был приговорен к годичному тюремному заключению и штрафу в тысячу долларов.

В ходе суда над Деннисом выяснилось, что возглавляемая Томасом комиссия располагает проскрипционными списками, содержащими один миллион лиц, подозреваемых в том, что они являются членами «антиамериканских организаций».

Особенно усилилась антикоммунистическая кампания в 1948 году, перед началом и в ходе президентской избирательной кампании. 21 июля 1948 года председатель национального комитета коммунистической партии США Фостер, генеральный секретарь Деннис и члены национального комитета: секретарь по организационным вопросам Уинстон, секретарь по вопросам профдвижения Уильямсон, руководитель партийного образования Стахель, член нью-йоркского муниципалитета Дэвис и председатель совета компартии в штате Мичиган Уинтер были арестованы агентами Федерального бюро расследований. Лидерам компартии было предъявлено обвинение в «конспирации», целью которой является свержение правительства США. Деятельность компартии, утверждают следственные органы, будто бы была «посвящена марксистско-ленинским принципам свержения и уничтожения правительства Соединенных Штатов путем насилия». Далее, лидеры компартии якобы «конспирировали» с целью опубликования книг, журналов и газет, защищающих принципы марксизма-ленинизма, и для организации школ и курсов по изучению марксизма-ленинизма.

Аналогичное обвинение было предъявлено пяти другим членам национального комитета компартии: руководителю входящего в Конгресс производственных профсоюзов объединенного профсоюза меховщиков Ирвингу

Поташ, редактору газеты «Дейли уоркер» Джону Гейтсу, председателю компартии штата Нью-Йорк Роберту Томпсону, председателю комитета компартии штата Иллинойс Джильберту Грину и председателю компартии штата Огайо Гэсу Холлу.

За несколько минут до ареста Фостер и Деннис передали для опубликования в печати заявление национального комитета компартии. В этом заявлении, помещенном в газете «Дейли уоркер», говорилось:

«Всего лишь несколько месяцев тому назад министр юстиции Кларк был вынужден признать в комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, что у него нет абсолютно никаких улик о виновности коммунистов в шпионаже, применении силы и насилия или о служении какой-либо иностранной державе. События внутри страны и во всем мире, а также история специальной комиссии суда присяжных, которая, как говорят, поддержала предъявленный коммунистам обвинительный акт, не оставляют никакого сомнения в том, кто является действительными преступниками и каков характер их преступления. Американский народ может сейчас видеть, на какие отчаянные провокации идет Трумэн в попытке одержать всеми правдами и неправдами победу на выборах».

«...В течение целого года, — указывалось далее в заявлении, — министерство юстиции помещало в ультра-реакционной печати явные выдумки о якобы проводимом им расследовании «гигантского шпионского заговора»... Несомненно, что цель этих инспирированных газетных сообщений заключалась в том, чтобы оказать нажим на суд присяжных, создавая в то же время обстановку всеобщей истерии. Если сейчас обвинения против ряда коммунистов поддержаны, то американский народ должен понимать, что эта новая выдумка является «второй, лучшей», заменой обвинений в «шпионском заговоре», которые оказались несостоятельными».

Лидеры компартии обвинили реакционные круги в предательстве национальных интересов в угоду интересам крупных трестов, стремлении уничтожить демократические институты Америки и заменить их фашистской диктатурой. Они указывали американскому народу, что проводимая реакцией антикоммунистическая кампания

является проявлением попыток профашистов и провокаторов из демократической и республиканской партий превратить «холодную» войну в войну открытую, вызвать новый мировой пожар.

Вылазка реакции была разоблачена. Но это не помешало ей учинить гнуснейший процесс над лидерами компартии.

Девять месяцев длилась комедия суда над лидерами компартии. Здание суда все время охранялось усиленными полицейскими нарядами. Кроме того, в зале суда находилось немало шпииков и среди публики. Одним из них был некий Роберт Бэрк, известный своей шпионской деятельностью в профсоюзных кругах. Подручные Бэрка напали на председателя компартии штата Нью-Йорк Томпсона и нанесли ему ножевые ранения. Сам Бэрк, вломившись в квартиру Томпсона в его отсутствие, пытался изнасиловать его малолетнюю дочь.

Главными свидетелями обвинения на суде были сплошь тайные осведомители ФБР, проникшие в ряды компартии. Многие из них в результате перекрестных допросов защиты были вынуждены разоблачить себя как провокаторов и ренегатов. Свидетель Буденц признался, что с 1931 по 1935 год примыкал к троцкистской группировке, а после выхода из компартии в 1945 году получил должность профессора... в католическом колледже. Другие свидетели, Филбрик и Херрон, признались в том, что были долгие годы секретными агентами тайной полиции.

В ходе процесса судья Медина систематически нарушал права обвиняемых, предоставленные им конституцией. Так, за отказ стать осведомителями он незаконно бросил в тюрьму четырех руководителей компартии — Гейтса, Холла, Уинстона и Грина, обвинив их в так называемом «неуважении суда». В тюрьме их содержали в чудовищных условиях: они были помещены в небольшую камеру, где уже находилось восемь заключенных и где имелось всего четыре лежака, на которых арестанты спали попарно. Как сообщала «Дейли уоркер», ежедневная процедура осмотра заключенных в тюрьму лидеров компартии включает обязательное просвечивание рентгеновскими лучами «на предмет обнаружения всякого рода запрещенных предметов». В суд обвиняемых доставляли в наручниках, лишили их права басыды

со своими защитниками, ознакомления с различными доказательствами и судебными протоколами и т. д.

После многомесячных издевательств нью-йоркский суд в составе специально подобранных властями присяжных вынес одиннадцати руководителям компартии США обвинительный приговор. Десять из них приговорены к 5 годам тюремного заключения, а один, Томпсон, — к 3 годам.

Приговор нью-йоркского суда — это образец чудовищного полицейского произвола, царящего сейчас в США. Новые претенденты на мировое господство пытаются, подобно Гитлеру, с помощью террора укрепить свой тыл и развязать себе руки для внешнеполитических авантур.

Таковы факты, характеризующие преследование американской реакцией коммунистической партии. Как только правящие круги находят необходимым поднять очередной вопль об «опасности коммунизма», конгресс тотчас наводняется множеством законопроектов, направленных на «искоренение коммунизма», и град репрессий обрушивается на демократический лагерь.

В 1934 году по инициативе и на средства Национальной ассоциации промышленников была создана «Антикоммунистическая лига», деятельность которой в основном заключалась в составлении различного рода законопроектов для борьбы с рабочим движением и компартией. Кстати говоря, в 1939 году лига опубликовала бюллетень, в котором были приведены имена «коммунистов и сочувствующих коммунистическому движению».

После окончания второй мировой войны реакция, поставившая своей целью «окончательно разгромить коммунизм», особенно изощряется в попытках подвести под это юридическое обоснование. С начала февраля 1948 года подкомиссия при комиссии по расследованию антиамериканской деятельности приступила к рассмотрению законопроектов, имеющих целью объявить вне закона американскую компартию. Главное внимание комиссия сосредоточила на изучении законопроекта, представленного членом палаты представителей республиканцем Мундтом.

Спустя два месяца член комиссии Никсон передал для опубликования в печати «труды» комиссии, которые

представляли собой сборник самых свирепых предложений, включая законопроект, предусматривающий тюремное заключение сроком на 10 лет для лидеров компартии. Так называемые законодательные рекомендации комиссии содержали следующие конкретные предложения: все лица, не являющиеся гражданами США, должны ежегодно регистрироваться в министерстве юстиции, которому должно быть предоставлено право «держат под стражей подлежащих высылке иностранцев, пока не будет достигнута договоренность о их высылке, а также придерживаться строгой взаимности в выдаче виз и в обращении с лицами, прибывающими из находящихся под господством коммунистов стран»; увеличение наказания за «неуважение к конгрессу» от одного до пяти лет тюремного заключения и штрафа — от 1 тысячи до 5 тысяч долларов; усиление комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности и др.

Представленный доклад рекомендовал квалифицировать компартию не как политическую партию бона фиде (т. е. имеющую честные намерения), а как «заговорщическую».

После начала американской вооруженной интервенции в Корее реакционные круги задались целью — использовать обстановку антикоммунистической истерии для того, чтобы в пожарном порядке протащить откровенно фашистский законопроект Мундта.

Можно также напомнить, что не столь давно палата представителей одобрила законопроект, предусматривающий лишение коммунистов — ветеранов войны пенсий, выдаваемых другим ветеранам войны. Согласно этому закону, пенсии не должны выдаваться ветеранам войны, признававшимся в своей принадлежности к компартии или отказывающимся подписать заявления о том, что они не являются коммунистами. Одновременно конгресс одобрил поправку к законопроекту о допуске в США перемещенных лиц. Эта поправка требует, чтобы перемещенные лица немедленно по прибытии в Соединенные Штаты избрали «некоммунистический путь» и дали клятву, что они никогда не будут членами какой-либо из организаций, числящихся в списке «подрывных организаций».

Поход реакции против компартии находит свое отражение также в законах отдельных штатов. Так, например, палата представителей штата Массачузетс приняла к закону, имеющему более чем вековую давность, поправку, в силу которой всякая пропаганда коммунизма рассматривается как преступление. Поправка эта гласит: «Каждый, кто проповедует учение атеистического коммунизма, подлежит тюремному заключению сроком на 1 год и штрафу в размере 300 долларов». В штате Техас вошел в действие закон, по которому каждый студент или профессор, являющийся коммунистом или проявляющий «особый интерес» к изучению марксизма, должен быть немедленно удален из университета. В штате Мэриленд недавно был принят закон, согласно которому достаточно прокуратуре объявить любую организацию «подрывной», чтобы ее члены были подвергнуты тюремному заключению на срок от 10 до 15 лет.

Все эти антикоммунистические законопроекты представляют собой попытку установить в стране законодательство, объявляющее преступлением пропаганду любой прогрессивной доктрины и создать ширму, за которой американская реакция сможет осуществлять свои подлые цели — установление мирового господства.

Прогрессивные силы Америки оказывают самоотверженный отпор разгулу реакции, наступлению на рабочее движение и коммунистическую партию. Они разоблачают происки реакционных правителей, которые под вопли о «коммунистической опасности» осуществляют фашизацию страны. Все честные люди Америки объединяются вокруг прогрессивного лагеря для борьбы против натиска реакции.

УВОЛЬНЕНИЕ ПО ТРЕТЬЕМУ ПУНКТУ

В свое время царская Россия считалась страной, отличавшейся наибольшим произволом властей. В понятии царской администрации все население подразделялось на «благонадежных» и «неблагонадежных». К числу первых, по словам щедринского Уединенного пошехонца, принадлежали те граждане, кои, «будучи довольны предопределенной им частью, благополучно под сенью

начальственных предписаний почивают». Что же касалось элементов, заподозренных в «крамольном духе», то с ними власти расправлялись «по всей строгости законов». Одной из «узаконенных» форм «искоренения крамолы» в государственном аппарате было так называемое «увольнение по третьему пункту», т. е. человека увольняли с работы без объяснения причин¹.

Это давно поросшее быльем «охранительное» мероприятие царских сатрапов было недавно возрождено в «демократической» Америке. В марте 1947 года президент Трумэн издал приказ о проверке в США лояльности всех государственных служащих, что явилось частью общей программы реакции, направленной на удаление из правительственных учреждений всех прогрессивных элементов и наказание их «законным путем» за прогрессивную деятельность.

Истины ради надо отметить, что упомянутый приказ не является в полном смысле трумэновской «новинкой». Еще во время войны в США была начата проверка личного состава некоторых государственных учреждений и предприятий военного значения. Федеральному бюро расследований и Комиссии гражданской службы было поручено очистить аппарат от фашистских элементов. Однако эти реакционные органы использовали предоставленные им полномочия в иных целях. В итоге проделанной ими работы был составлен «список 1 124», который включал 1 124 служащих различных учреждений и предприятий, обвиненных в «тенденции к подрывной деятельности» и «сильной склонности в направлении Москвы».

В октябре 1943 года журнал «Нейшн» в статье, названной «Гестапо в Вашингтоне», рассказал о том, кого включали в «список 1 124» и какие методы применяли при этом ФБР и Комиссия гражданской службы. Автор статьи являлся «рядовым правительственным служащим». Чтобы не лишать читателя полноты впечатления, мы целиком приводим некоторые выдержки из его статьи:

---

¹ Впервые стало применяться в царской России в 1850 году, согласно 3-му пункту статьи 788-й «Устава о службе по определению от правительства», «в случае неблагонадежности или неспособности».

«...Профессор А., чьи отличия, выдающаяся карьера и научные труды заполнили бы целую страницу в биографическом справочнике, после шестимесячного обследования со стороны органов Комиссии гражданской службы и Федерального бюро расследований был найден «непригодным». Никто не сомневался в его данных. Никто не подозревал его в сочувствии врагам. Он уже целое десятилетие выступает против них. Но именно в этом и была его беда. Над ним тяготело обычное подозрение о том, что он коммунист или сочувствует коммунистам, видимо, из-за того, что, по словам какого-то сумасшедшего соседа, в его доме бывают шумные грубые люди, «очевидно, коммунисты», и потому, что какой-то враг рабочих, пьяница с уголовным прошлым сочинил о нем фантастическую историю. Федеральное бюро расследований и Комиссия гражданской службы не дали профессору А. возможности встретиться со всеми обвинителями и опровергнуть их клевету. Вместо этого они выдвинули против него еще больший вздор».

«Или возьмите случай с мисс Б., которую обвинили в том, что у нее на квартире бывает «смешанное общество», и уволили. В ответ на настоятельное требование выражение «смешанное общество» было объяснено, как «состоящее из негров и белых». Затем его значение было осторожно изменено в смысле «состоящее из юношей и девушек». Мисс Б. была способным и знающим человеком. Трудно сказать, которое из определений, послуживших поводом для ее увольнения, является более вздорным».

«Или возьмите другой случай. Агенту Федерального бюро расследований как-то удалось переписать список телефонных номеров, висевший около телефонного аппарата одного правительственного служащего. В этом списке значилось: водопроводчик, бакалейная лавка, прачечная, ближайшее кино и фамилия одного служащего того же учреждения, который, когда его имя проверяли по карточке Федерального бюро расследований, оказался в списках комиссии Дайса. В списке телефонных номеров значился также зубной врач. Человек с фамилией, похожей на его фамилию, давал деньги на организацию по защите гражданских прав. У одного знакомого владельца списка, чей телефон значился в этом списке, был

брат, имя которого упоминалось в перечне адресов одной кооперативной организации, состоявшей у обследователей на плохом счету. Вот и все, что понадобилось, чтобы составить целую вашингтонскую «красную сеть». Список телефонных номеров превратился в «список связей» и был предложен как основание для увольнения служащего — владельца этого списка».

В заключение автор статьи писал: «...Допрос, которому подвергается правительственный служащий со стороны Комиссии гражданской службы и Федерального бюро расследований, совершенно лишен всякого намека на справедливость. Обследователи в одном лице сочетают прокурора, судью и присяжных. Обвиняемый лишен защиты, свидетелей и обвинительного акта. Ему не позволяют встретиться со своими обвинителями. В изолированных комнатах, напоминающих помещение гестапо в Берлине, его запугивают и осыпают вопросами, которые должны уличить его. Самый заурядный слух принимается в этой обстановке за уничтожающее доказательство».

Но это было пустяками по сравнению с тем, что спустя три года предпринял президент Трумэн. 23 марта 1947 года он издал вступивший немедленно в силу приказ, установивший правила, согласно которым государственные служащие США подлежат увольнению во всех случаях, когда существуют «достаточные основания» подозревать их в нелояльности к Соединенным Штатам. Эти «основания» включают принадлежность к ассоциациям, которые министр юстиции определит как «тоталитарные, фашистские, коммунистические или подрывные...»

Приказ Трумэна обязал министерство юстиции и Федеральное бюро расследований произвести проверку всех 2 500 тысяч служащих, занятых в правительственных учреждениях США, а также впредь проверять всех служащих, которые будут наниматься на работу. Для этого предлагалось использовать дела на подозреваемых лиц, заведенные ФБР, комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, военной и морской разведками, и производить проверку по делам «всякого другого соответствующего расследовательского или разведывательного органа».

Приказ Трумэна подробно излагал функции «бюро по наблюдению за лояльностью», которые должны быть созданы при Комиссии гражданской службы и различных правительственных учреждениях и которые отныне будут ответственны за лояльность всех служащих. Эти бюро должны заниматься разбором дел о лояльности, возникающих в их собственных учреждениях. Наконец, каждый исполнительный орган обязан создать штат людей, специально обученных для выполнения обязанностей так называемой «службы безопасности».

Кроме того, приказ предусматривал создание «центрального индекса» с перечислением всех лиц, «лояльность» которых расследовалась. Этот индекс должен служить для справок всем правительственным агентствам, ведающим наймом служащих.

Таким образом, согласно приказу Трумэна, в Соединенных Штатах была создана новая общенациональная система полицейской контрразведки, которая по характеру своих функций являет собой небывалый прецедент в мировой истории. Вся эта система возглавляется специально созданным «Федеральным управлением по проверке лояльности».

Несколько позже Трумэн обратился к конгрессу с просьбой об ассигновании на новый финансовый год 24 900 тысяч долларов для проверки лояльности государственных служащих.

В начале июня 1947 года вновь созданная система тайной политической полиции начала свою деятельность. Ее первым мероприятием было опубликование «черного списка» организаций, которые были охарактеризованы Федеральным управлением по проверке лояльности как «подрывные». В этот список было включено около 40 различных организаций. Между прочим, некоторые из них, как, например, «Лига американских писателей», давно уже не существуют. В число «подрывных» организаций, в частности, занесены: «Американский совет борьбы за демократическую Грецию», «Американская лига борьбы за мир и демократию» — преемница «Американской лиги борьбы против войны и фашизма», «Американо-русский институт», «Американский всеславянский конгресс», «Калифорнийская рабочая школа» в Сан-Франциско, «Общество друзей Советского Союза» и его

преемник — «Американский совет по вопросам отношений с Советским Союзом» (оба являются предшественниками «Национального совета американо-советской дружбы», который ранее, как мы уже отмечали, был включен в список «подрывных» организаций, опубликованный комиссией по расследованию антиамериканской деятельности) и другие прогрессивные организации. Ни одна профашистская, антидемократическая организация в этот список, разумеется, не занесена.

Вслед за этим огромная армия явных и тайных агентов различных полицейских, сыскных, разведывательных, контрразведывательных и других «специальных» органов открыла беспрецедентную в истории кампанию по выявлению «неблагонадежности» служащих государственного аппарата. Каждому из двух миллионов пятисот тысяч служащих было предложено заполнить специальную анкету и дать отпечатки пальцев. К этим данным было присовокуплено множество материалов, извлеченных из архивов вышеупомянутых специальных органов.

Как свидетельствуют факты, к числу причин, достаточных для признания «нелояльности» и последующего увольнения со службы, отнесены: принадлежность к организациям, занесенным в «черный список», оказание им какого-либо рода содействия или сочувствие их деятельности, посещение митингов, созываемых этими организациями, чтение «левой» литературы, «предосудительные» знакомства. Кроме того, поводами для определения «нелояльности» считаются антифранкизм, неодобрительное отношение к политике Мюнхена и открытая враждебность к гитлеровской Германии, проявленная до вступления США в войну. Все такого рода взгляды и настроения официально квалифицируются как «преждевременный антифашизм». Даже «женитьба на еврейке, — как писала газета «П. М.», — может служить поводом, чтобы быть заподозренным в нелояльности».

Кстати говоря, антисемитизм занимает видное место в преследовании государственных служащих за «нелояльность». Журнал «Нью рипаблик» отмечал, что, как показало тщательное расследование, 50 процентов государственных служащих, уволенных со службы, — евреи или жены на еврейках.

По сообщению прогрессивного бюллетеня «Ин фэкт», при массовой проверке «лояльности» государственных служащих им задаются вопросы такого рода: «Что заставило вас выбрать темой своей диссертации в 1936 г. «Политическое будущее Китая?», «Говорила ли ваша жена когда-либо, что смогла бы выйти замуж за негра?» и т. п.

«Нелойяльность» определяется также и на основе ответов, даваемых служащим во время допроса, производимого агентом бюро по проверке. Для отнесения к числу «нелойяльных» достаточно того, чтобы один из ответов допрашиваемого не удовлетворил полицейского агента. Среди вопросов, которые задаются при проверке лойяльности, особое место занимают вопросы о том, как относится опрашиваемый к «доктрине Трумэна», «плану Маршалла», к закону Тафта — Хартли, не является ли он сторонником прогрессивной партии.

Пройдя все гласные полицейские испытания и негласную агентурную проверку, служащий должен еще подписать так называемое «заявление о лойяльности»; в случае отказа ему также грозит немедленное увольнение.

Самым характерным в приказе Трумэна о проверке «лояльности» является то, что он лишает обвиняемых процедурных гарантий, которые предоставляются по законам США даже уголовным преступникам.

«Творчество» различных местных органов власти в деле изгнания с работы «подозрительных» элементов беспредельно. К примеру говоря, муниципальный совет города Милуоки (штат Висконсин) потребовал провести «политическую чистку» среди парикмахеров города на том «основании», что «один парикмахер способен в течение дня привить коммунистические идеи 20—30 клиентам».

Пытаясь найти предлог, чтобы удалить из учебных заведений штата Флорида всех прогрессивных преподавателей, комиссия законодательного собрания штата по проверке «лояльности» предложила преподавателям высших школ этого штата заполнить специальную анкету.

По сообщению газеты «Вашингтон пост», анкета содержит вопрос о том, не выступал ли когда-либо запол-

няющий эту анкету против законов штата Флорида о сегрегации (отделении) негров. Комиссия также требует, чтобы преподаватели перечислили все клубы и организации, членами которых они состоят или состояли, а также сообщили, за какую политическую партию они голосовали на выборах. Каждый преподаватель, желающий сохранить работу, обязан также подписать заявление о том, что он не является членом компартии.

Эти методы комиссии по проверке «лояльности» вызвали резкие протесты со стороны преподавателей и всех прогрессивных деятелей штата Флорида.

Чувство страха господствует и в кругах ученых, многие из которых также подвергаются преследованиям за «нелояльность». Так, например, недавно президент университета в штате Орегон Стрэнд объявил об увольнении профессора химии Ральфа Спитцера за поддержку им теории советского ученого Лысенко. Созвав специальное собрание всего факультета университета, Стрэнд выступил с обвинениями против Спитцера, заявив, что Спитцер в своем письме в журнал «Кэмикал энд Энджиниринг ньюс» призывал американских научных работников ознакомиться с трудами академика Лысенко и, в частности, с его докладом на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук.

В Иёльском университете уволен профессор Марсалка, крупный специалист по русской истории и литературе, вина которого выразилась в том, что он выступил с критикой Северо-Атлантического пакта и был избран делегатом на Всемирный конгресс сторонников мира. В университете штата Вашингтон уволен и приговорен к тюремному заключению профессор Гундлах за отказ ответить на вопрос — является ли он коммунистом. Список американских ученых, подвергшихся тому или иному «воздействию» со стороны органов по проверке «лояльности», можно было бы значительно увеличить.

Профессор астрономии Гарвардского университета Харлоу Шепли, отражая опасения и неуверенность, царящие сейчас среди научной общественности, заявил, что американские ученые, «обуреваемые страхом перед публичным поношением и инквизицией, превращаются под влиянием этого страха в замкнутых людей».

Деятельность трумэновской системы по проверке «лояльности» вызвала острую реакцию со стороны прогрессивной общественности и печати.

Известный радиокomentатор Кингдон в статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк пост», писал, что проверка «лояльности» угрожает лишить заработка каждого государственного служащего, «пользующегося своим правом думать, действовать и говорить в духе любой группировки, не ограничивающей свою программу узкими взглядами Гарри Трумэна, Тома Кларка и Эдгара Гувера».

Журнал «Нью рипаблик» в пространной статье, посвященной наступлению реакции на гражданские права, не без иронии констатировал: «Томас Джефферсон и Авраам Линкольн были бы уволены сегодня с государственной службы в США как опасные и нелояльные лица и могли бы даже подвергнуться тюремному заключению за свои политические убеждения».

Газеты отмечают, что страх перед чисткой вызвал среди государственных служащих состояние чрезвычайной подавленности. Газета «П. М.» в статье под названием «Разве федеральный округ Колумбия становится полицейским государством» писала: «Государственные служащие, которые составляют большую часть населения федерального округа (т. е. территории, занимаемой столицей США. — В. М.), начинают жить с оглядкой, предпочитают дважды подумать о том, кого они приглашают к себе, колеблются приобрести какую-нибудь литературу или пойти на митинг, так как это может быть охарактеризовано как нечто радикальное».

Печать ежедневно приводит сообщения об увольнении государственных служащих в секретном порядке, на основании искусственно созданных против них обвинений. Журнал «Нью рипаблик» опубликовал ряд характерных примеров. Один государственный служащий, по словам журнала, был уволен по политическим причинам после многих лет службы. «Ему сказали, что расследователи не нашли ничего «подрывного» в его деятельности, но они вместе с тем ничего не могли найти в его деятельности, что свидетельствовало о том, что он критиковал Советский Союз», и именно за это он и был уволен.

Другой государственный служащий получил письмо, извещающее его об увольнении. В первом абзаце письма указывается, что причины увольнения являются секретными. Во втором абзаце его извещают, что ему предоставляется пятидневный срок для того, чтобы ответить на обвинения, которые ему не сообщаются! Перед такой охранной казуистикой бледнеют все перлы иезуитского лицемерия и гиммлеровского «творчества».

В другом американском журнале рассказывалось о том, каким диким нападкам со стороны расследователей подверглась за свою «нелойяльность» учительница Льюис. Ее «преступление» выразилось в том, что она позволила себе более или менее правдиво рассказать учащимся одной из Вашингтонских школ о советской системе образования, организации здравоохранения и положении женщин в Советском Союзе, причем «самое тщательное изучение ее выступления не обнаружило абсолютно никакой хулы на что-либо американское».

Реакция объявляет «нелойяльными» всех американцев, сотрудничавших с Рузвельтом. Госпожа Юксас была уволена с государственной службы по обвинению в нелойяльности за то, назидательно указывает реакционная газета «Чикаго трибюн», что «она работала в Белом доме при Рузвельте, правление которого (газета не может не подчеркнуть своей радости. — В. М.), к счастью, кончилось».

С резким осуждением приказа Трумэна выступили представители самых различных кругов. Характерным является заявление бывшего члена американского обвинения на Нюрнбергском процессе — видного юриста Померанца. «Я поражен некоторыми ироническими контрастами между тем, как наше правительство преследовало нацистских преступников в Нюрнберге, и нашим собственным отношением к так называемым нелойяльным американцам. Похоже на то, что мы применяем американское правосудие к нацистам и нацистское правосудие к американцам».

Когда был опубликован приказ Трумэна, то даже лица, которых никак не заподозришь в либеральных взглядах, реагировали на его издание весьма отрицательно. Например, член палаты представителей Кефвер,

выступая в конгрессе, заявил: «Такая испанская инквизиция помешает нам пользоваться услугами разумных людей... вместо этого у нас будет группа бессмысленных роботов, которые будут знать, что за выражение оригинальных мыслей их могут призвать к ответу в управление по проверке лойяльности и выгнать с работы».

Большой интерес представляет статья профессора Колумбийского университета Генри Стила Коммэджера, опубликованная в конце 1947 года консервативным журналом «Харперс мэгэзин». В статье, озаглавленной «Кто лойялен в отношении Америки», Коммэджер разъясняет американцам, что представляет собой «новая лойяльность». По его словам, это — «некритическое восприятие Америки в том виде, в каком она есть... Новая лойяльность не допускает изучения вопроса о взаимоотношении рас, об общественном строительстве жилищ, о разумности нашей внешней политики». С точки зрения новой лойяльности отвергается распространенная когда-то концепция прогресса. Америка признается чем-то законченным, безупречным и совершенным... Считается особенно предосудительным бросать вызов так называемой «частной инициативе».

В заключение профессор Коммэджер спрашивает, существуют ли в действительности нелойяльные американцы, и отвечает на этот вопрос утвердительно. Это «те, — указывает он, — кто разрушает конституцию, уничтожая свободу голосования. Те, кто нарушает демократию... те, кто разжигает расовую ненависть, прибегая к суду Линча. Те, кто отвергает свободу слова, печати, собраний... Те, кто смотрит на государственную должность, как на источник личного обогащения... Те, кто в своих личных эгоистических интересах возбуждает национальный антагонизм и подвергает мир опасности военной катастрофы».

Эти подлинные враги американского народа, о которых писал Коммэджер, надеются при помощи проверки «лойяльности» изгнать из государственного аппарата все прогрессивные и либеральные элементы. Так американская реакция расчищает свой тыл, подготавливая новую мировую войну.

Проверке «лойяльности» — этому чудовищному издевательству над американским народом посвящена книга

американского журналиста Берта Эндрюса под названием «Охота на ведьм в Вашингтоне». В основном в этом недавно вышедшем произведении рассказывается о некоем Бланке, подвергшемся преследованиям со стороны комиссии по проверке «лояльности». Бланк — это вымышленный персонаж, но вместе с тем «Бланк, — как пишет Эндрюс, — это реальный человек. Им, — говорит он американцам, — могли бы быть и вы, и я, и события, которые произошли с ним, могли бы произойти с вами или со мной».

Сюжет многочисленных злоключений Бланка построен целиком на фактах, почерпнутых автором из материалов подлинного дела одного из сотрудников государственного департамента, уволенного по соображениям «безопасности». В течение нескольких лет ни в чем неповинный человек подвергается непрерывной полицейской слежке, его десятки раз допрашивают. В результате наглого копанья в его прошлом и настоящем, выявления его убеждений, круга знакомых и т. п. ему не было предъявлено никаких конкретных обвинений. Однако он «в интересах Соединенных Штатов» увольняется со службы.

Бланк пытается получить аудиенцию у государственного секретаря Маршалла, но безуспешно. Тогда он обращается с просьбой о разборе своего «дела». Разбор «дела» Бланка длился двенадцать часов: ему было задано множество вопросов, но он не получил ответа ни на один из вопросов, поставленных им самим перед комиссией. Приводя стенографическую запись протокола «разбора дела» Бланка, Эндрюс называет ее «уникальным документом в анналах долгой борьбы в защиту гражданских свобод в Соединенных Штатах».

После своего увольнения со службы в государственном департаменте Бланк вступил в полосу тяжелых испытаний человека, жаждущего работы, но бессильного найти ее. Ему не помогали никакие рекомендации: клеймо «подозрительного» закрыло перед ним все двери не только государственных учреждений, но и частных предприятий. Положение Бланка стало безвыходным.

Книга Эндрюса ярко живописует о том, что собой представляет пресловутая кампания по проверке «лояльности». Ее протокольный характер — книга изобилует

документами — делает ее по сути юридически обоснованным трудом.

Своим острием кампания по проверке «лояльности» направлена против всех тех организаций и отдельных лиц, которые в какой-либо форме выражают симпатии Советскому Союзу, выступают за установление дружественных отношений и экономическое сотрудничество с СССР. Все те, кто стоит за мир, также причисляются к «прокоммунистическим», «прорусским» элементам. С каждым днем расширяющееся в Соединенных Штатах движение борьбы за мир рассматривается американской реакцией как «подрывное», и каждый сторонник сохранения мира тотчас зачисляется в разряд «нелойальных».

Нередко жертвы проверки «лояльности», не вынеся гнусных преследований Федерального бюро расследований, которое незримо следует за ними по пятам с момента вынесения приговора о «нелойальности», кончают самоубийством. Как сообщала газета «Нэйшнл гардиен», учительница нью-йоркской школы Минни Гутридж после допроса в комиссии по проверке «лояльности» покончила самоубийством. Также поступил Абрам Озеран в Лос-Анжелосе.

1 апреля 1950 года покончил самоубийством, выбросившись из окна своей комнаты на 12-м этаже гостиницы «Бостон» в Нью-Йорке, видный деятель прогрессивного движения в США профессор литературы Фрэнсис Маттисен. За свою активную прогрессивную деятельность Маттисен подвергался дикой травле со стороны американской реакции и как «нелойальный» элемент фактически был отстранен от профессорской работы в университете.

Разумеется, подобные случаи тщательно замалчиваются и редко проникают на страницы американской печати.

С началом вооруженной интервенции США против корейского народа гонения на демократические свободы в Соединенных Штатах приняли еще более разнузданный характер. Так, 12 июля палата представителей 327 голосами против 14 одобрила законопроект, предоставляющий 8 правительственным учреждениям произвольное право увольнять всех служащих, которые считаются «неблагонадежными». Палата представителей отклони-

ла предложенную поправку, предусматривающую право уволенных на апелляцию.

Говоря о проверке «лояльности», нельзя не упомянуть об одном любопытном опусе, опубликованном не так давно в том же самом журнале «Харперс мэгэзин». Называется он «Десять заповедей безупречного поведения государственного служащего». Автор этого примечательного документа рекомендует: «Не ходи на собрания, в том числе и на танцы, чтобы тебя не обвинили в посещении антиправительственных сборищ, не читай книг и журналов — даже географических. Для тебя будет безопаснее честно присягнуть, что ты не знаешь, где находится Россия, или что она собой представляет... Не слишком критикуй фашистов и старательно избегай общества тех, кто откровенно высказывался на эти темы».

Документ — что надо! Лучшей иллюстрации к этой гнусной комедии, именуемой «проверкой лояльности», не сыскать.

КАКОВЫ ЦЕЛИ «ПРОВЕРКИ ЛОЯЛЬНОСТИ» ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США

Солдатские массы и рядовое офицерство американской армии еще продолжали верить, что задача Соединенных Штатов состоит в том, чтобы совместно с Советским Союзом окончательно искоренить фашизм, когда в Вашингтоне прозвучал «отрезвляющий» голос. Представитель военного министерства, — это было в первых числах марта 1946 года, — официально заявил, что министерство коренным образом пересмотрело свою политику в отношении «подрывных и недовольных элементов». Он пространно говорил об «особой ответственности», которую отныне будет нести высшее командование армии внутри США и за границей за устранение этих элементов с занимаемых ими постов; подробно перечислил те органы, которые в первую очередь должны быть очищены от них (система «охраны безопасности» и разведки, должности, связанные с радаром, атомной энергией и шифровальным делом, с информацией для войск, подготовкой войск и т. д.).

Вслед за тем был опубликован приказ военного министерства. Но ни в приведенном заявлении, ни в приказе не было сказано главного. Военное министерство тогда

еще не посмело во всеуслышание заявить солдатам и офицерам, что отныне врагами Америки считаются не гитлеровцы и японские милитаристы и не их пособники внутри страны, а сторонники дружбы с СССР. Печать США не проявила такой «деликатности» и поспешила раскрыть секрет полишинеля. Она сообщила, что хотя приказ не расшифровывает того, кто именно теперь подпадает под определение «подрывных и недовольных элементов», но речь идет о коммунистах и бывших коммунистах, о сторонниках прогресса и демократии.

Агентство «Юнайтед Пресс» в корреспонденции из Вашингтона отмечало, что приказ военного министерства был издан через 24 часа после того, как комиссия по расследованию антиамериканской деятельности опубликовала одно из своих провокационных антисоветских заявлений. Это и был повод, давший толчок к началу официальной кампании по борьбе с антифашизмом в американской армии.

Затем последовала выработка «программы переориентации» армии, для осуществления которой был создан специальный «отдел переориентации» при Управлении по гражданским делам армии США. Практически это выразилось в осуществлении различных мероприятий по очищению армии от «нелояльных» элементов.

Как писал по этому поводу обозреватель газеты «Дейли ньюс», военное министерство дало указание об изъятии, с целью уничтожения, литературы, которая распространялась в военное время среди солдат отделом морального воспитания армии с тем, чтобы познакомить их с Советским Союзом и Советской Армией. В «черный список» были включены брошюры антифашистского характера, а также издания, рисующие Советский Союз в дружественном духе, театральные постановки и кинофильмы, посвященные этим же вопросам. Газеты сообщали, что в число запрещенной литературы входит, например, бюллетень-брошюра № 64, опубликованная 24 марта 1945 года, содержащая ряд тем для бесед с солдатами о фашистской опасности и цитирующая высказывания Рузвельта и Уилки о необходимости советско-американского сотрудничества в мирное время.

С еще большей решительностью начинает осуще-

ствляться программа очищения вооруженных сил США от прогрессивно настроенных элементов. В сентябре 1946 года военный министр Паттерсон дал распоряжение исключить из армии офицеров, в послужных списках которых имеются указания на проведение ими «подрывной деятельности или участие в ассоциациях». Паттерсон приказал также производить каждые полгода проверку всех офицеров, проходящих испытательный стаж в регулярной армии, «с тем чтобы выявить таких офицеров, дальнейшее присутствие которых на действительной военной службе не считалось бы желательным».

Фактически увольнение из американской армии лиц, подозреваемых в «нелояльности», началось еще до издания упомянутого распоряжения. Так, по сообщению агентства «Юнайтед Пресс», с июля 1946 по апрель 1947 года из армии США было уволено свыше 800 человек кадрового состава и вольнонаемных, отнесенных к означенной категории. Большинство из них было уволено с предприятий, занимающихся производством секретного вооружения, или из оккупационных войск, находящихся за границей.

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности принимает самое активное участие в выявлении и изгнании «подрывных» элементов из армии. По случаю празднования 1 мая в 1947 году в Нью-Йорке состоялась демонстрация трудящихся, в которой принимали участие и многие военнослужащие. Спустя несколько дней председатель комиссии Томас обратился к военному министру с письмом, опубликованным в печати, в котором требовал, чтобы военное министерство немедленно расследовало и предало военному суду каждого офицера и рядового, принимавшего участие в первомайской демонстрации. Томас также потребовал, чтобы военное министерство отменило присвоенные офицерские звания и уволило из резервного корпуса армии лиц, участвовавших в демонстрации.

В своем письме Томас сообщил военному министру, что около 80 офицеров, 1 500 рядовых и 4 500 ветеранов войны, одетых в форму американской армии, принимали участие в демонстрации. Из письма стало также известно, что представители комиссии по расследованию антиамериканской деятельности присутствовали на де-

монстрации и сделали много снимков и киносъемок участников демонстрации, которые Томас обещал предоставить в распоряжение военного министра. Аналогичное письмо было направлено Томасом морскому министру.

После издания президентом Трумэном известного приказа о «проверке лойяльности» государственных служащих управление личного состава вооруженных сил, пытаясь предотвратить проникновение «нелойяльных лиц в вооруженные силы», подготовило специальный план. В опубликованном по этому поводу заявлении министерства обороны говорилось, что этот план предусматривает тесное сотрудничество и обмен информацией между правительственными органами, занимающимися расследованием деятельности лиц, подозреваемых в «нелойяльности». При этом указывалось, что дела лиц, обвиняемых в открытых актах «нелойяльности», могут рассматриваться военными трибуналами или передаваться на рассмотрение гражданских властей. Управление личного состава вооруженных сил рекомендовало, чтобы все лица, подозреваемые в «нелойяльности», держались под строгим наблюдением.

Одновременно, как сообщал вашингтонский корреспондент агентства «Юнайтед Пресс», была тщательно разработана система, рассчитанная на то, чтобы не допустить проникновения в армию «нелойяльных» элементов. Особые меры предпринимаются с целью воспрепятствовать использованию сторонников прогрессивных взглядов на службе в специальных органах. Допуск какого-либо солдата к такого рода работе должен впредь быть одобрен Федеральным бюро расследований и полицией того района, где проживает данный солдат.

Чистка личного персонала всех специальных органов и учреждений, связанных с производством секретного вооружения и атомной энергией, проводится особенно рьяно.

При комиссии по внутреннему контролю над атомной энергией создана для этой цели так называемая «служба безопасности» во главе с опытным охранником Менке. Эта служба провела закрытое судебное разбирательство о «лойяльности» нескольких десятков ученых, работающих в лабораториях и предприятиях по производству атомной энергии, расположенных в городке Окрид-

же в штате Теннесси. Некоторые ученые были отстранены от работы; одна из них, Сарра Холмс, покончила жизнь самоубийством, отравившись хлороформом в помещении атомной лаборатории. После ее смерти упомянутый Менке, чтобы снять с себя ответственность за преследование Холмс, приведшее ее к самоубийству, поспешил заявить представителям печати, что он не знает, находилась ли Холмс в числе тех, «лжойяльность» которых расследуется.

В связи с деятельностью «службы безопасности» комиссии по внутреннему контролю над атомной энергией газета «Нью-Йорк пост» приводила случаи, когда «улики» против обвиненных в «нелжойяльности» заключались в том, что в комнате ученого был якобы найден экземпляр прогрессивного журнала «Нью мэссис», или в том, что некоторые родственники ученого принадлежали к какой-то группе «коммунистического фронта». По этим двум обвинениям был, например, уволен химик атомной лаборатории Карлтон.

Ассоциация инженеров и ученых Окриджа обратилась к комиссии по атомной энергии с протестом против действий «службы безопасности» и с требованием изменить процедуру закрытого разбирательства так, чтобы обеспечить «минимальные требования для защиты прав отдельных ученых, которым предъявлено обвинение в неблагонадежности». Ассоциация просила, чтобы обвиняемым было предоставлено право иметь адвокатов и достаточное время для подготовки к защите и к перекрестному допросу со свидетелями обвинения, а также чтобы «обязательство доказать достоверность заявления» было возложено на обвинителей, а не на обвиняемых. Разумеется, все эти просьбы ученых остались гласом вопиющего в пустыне. Наоборот, в начале января 1949 года комиссия по внутреннему контролю над атомной энергией значительно расширила круг признаков, согласно которым в дальнейшем будет определяться «нелжойяльность» лиц, работающих в предприятиях и учреждениях, связанных с атомной энергией: этой комиссией установлено 18 новых признаков.

В то самое время, когда из Окриджа изгоняются ученые за чтение прогрессивного журнала или за знакомство с неграми, «служба безопасности» никак не

реагирует на тот факт, что в «атомной системе» работают откровенные фашисты. Это естественно, так как в современной Америке всякие «специальные органы» и фашизм, выражаясь словами английской поговорки, неразлучны, словно рука и перчатка.

Очищая армию и флот от «нелойяльных» элементов, поджигатели войны надеются таким путем воспрепятствовать проникновению в прогрессивную печать данных о военных приготовлениях в области производства атомного оружия, изготовления бактериологических и других чудовищных средств массового истребления людей. Именно этим обстоятельством прежде всего объясняются установленные строгие ограничения при комплектовании всех специальных родов войск, органов сыска, контрразведки и отраслей промышленности, производящих секретное вооружение. Американская реакция опасается разоблачения ее подлых замыслов подготовки третьей мировой войны.

Чтобы избежать этой опасности, власти США терроризируют и всячески запугивают тех лиц, которые, по их мнению, способны разгласить подобную информацию. Одним из примеров такого рода служит недавний процесс бывшего служащего государственного департамента и Бюро стратегической информации — Марзани. После длительного разбирательства федеральный суд присяжных решил, что Марзани виновен в «обмане правительства», выразившемся в том, что он во время своей работы в Бюро стратегической информации скрыл свою принадлежность к коммунистической партии. Судом Марзани было вменено 11 отдельных обвинений, каждое из которых влечет максимальное наказание тюремным заключением сроком на 10 лет и штраф в размере 10 тысяч долларов. На процессе выяснилось, что соответствующие органы долгое время вели слежку за Марзани; выступавшие на суде в качестве «свидетелей» тайные полицейские агенты показывали, что они находились на митингах коммунистической партии, на которых присутствовал подсудимый. Выступая в свою защиту, Марзани признал, что он принимал участие в деятельности различных прогрессивных организаций, но заявил, что никогда не являлся членом коммунистической партии.

С особой тщательностью проверка «лояльности» была проведена в оккупационных войсках США, находящихся за границей. Как сообщала газета «Дейли уоркер», для американских войск в Европе был с этой целью организован специальный курс лекций на тему о «красной опасности». Один из разделов этого курса назван: «Правила для опознания коммунистов». Малейшие сомнения в «благонадежности» немедленно влекли за собой отзыв заподозренного в США. Так, известен случай, когда даже одному из советников Макартура, Альберу, военное министерство США приказало покинуть свой пост и возвратиться в Соединенные Штаты для проверки «лояльности».

Другой важнейшей целью, которую преследует реакция в данном случае, является подготовка армии для борьбы с народными массами. Вопрос этот не является новым. Командование вооруженными силами США всегда уделяло особое внимание изучению методов подавления народных выступлений. Именно с этой целью полковник Андрус написал книгу под названием «Силы человека в применении к военному делу», ставшую учебным пособием для слушателей военных училищ.

Автор этой книги достаточно откровенно писал, что борьба с массами занимает не последнее место в программе военного обучения американской армии. «Хотя военное обучение, — писал Андрус, — имеет своей основной целью защиту интересов страны на полях сражений, тем не менее, вполне возможны случаи, когда войска будут призваны для охранения общественного порядка и в помощь существующим законам. Фактически, — констатирует он далее, — войска весьма часто привлекаются к выполнению этих обязанностей...»

Специальный раздел книги («Служба во время беспорядков») автор посвятил поучениям будущих офицеров в отношении того, как они должны вести себя во время «гражданских беспорядков». Дав характеристику психологии «толпы» и «роли вожаков», он приходит к следующим выводам (§ 240. «Основные психологические принципы»): «...при встрече с хорошо организованной и дисциплинированной военной силой она (т. е. «толпа». — В. М.) быстро сознает свою слабость и становится трезвой в отношении последствий своих поступков;

е) но если войска будут колебаться или если они будут обращаться с толпой, как с равной им организацией, то толпа быстро наберется смелости и уверенности; ж) еще хуже, если начальник отряда допустит какую-либо психологическую оплошность, например, прикажет стрелять в толпу холостыми патронами или же боевыми, но поверх толпы...; з) толпа, разбитая на части, очень редко собирается снова вместе; и в случае потери вожака... толпа, вероятно, быстро рассеется».

В следующих параграфах книги полковник Андрюс опять требует, чтобы действия войск при операциях против народных масс были решительными и беспощадными, и вновь рекомендует стрелять: с толпой «надлежит поступать, как с фактическим противником, используя против нее все военные знания по всем правилам военного искусства». Среди множества других «практических советов», которые преподает Андрюс, укажем еще на «копыта лошади». По его словам, «копыта лошади являются весьма убедительным средством для разгона толпы, и поэтому для этих целей следует использовать и кавалерию».

Книга Андрюса написана сравнительно уже давно, но в наши дни, в период фашизации США, она еще в большей степени, чем в момент ее издания, характеризует одну из сторон истинного предназначения американской армии. История США полна примерами того, как части регулярной армии и национальной гвардии (территориальные войска) бросались против демонстраций трудящихся или бастовавших рабочих, что каждый раз, как правило, оканчивалось массовым кровопролитием.

Ныне реакция готовит армию для широких и систематических операций против народных масс. Это обстоятельство было разоблачено еще в декабре 1945 года. Тогда представитель Конгресса производственных профсоюзов заявил корреспондентам о том, что по полученным им сведениям военное министерство ведет подготовку специальных групп для борьбы с бастующими рабочими. Представитель КПП указал при этом, что им направлено военному министру письмо с протестом против подобной практики. К письму был приложен фотографический снимок карты военного министерства, показывав-

ший дислокацию военных групп, предназначенных для борьбы против забастовщиков.

Мало того. В этих же целях правящие круги США, используя реакционных профсоюзных лидеров, разработали и активно осуществляют программу милитаризации профессиональных союзов. Они хотят использовать продажных лидеров АФТ и КПП для вооруженного противодействия передовым рабочим массам. В начале января 1948 года в печати появилось сообщение о том, что военное министерство совместно с руководителями профсоюзов создает «резервные части», в которые члены желтых профсоюзов включаются в качестве солдат, а представители профсоюзной администрации — в качестве унтер-офицеров.

Уже создано 549 таких «резервных частей», укомплектованных элементами, «лояльность» которых находится вне всяких сомнений. Как указывалось, цель создания этих «резервных частей» состоит в том, чтобы в случае «чрезвычайных обстоятельств» они были быстро превращены в воинские соединения и отправлены «в опасные места».

Сравнительно недавним и ярким (но не единственным) примером использования войск для борьбы с рабочими массами служат события в городе Дейтоне (штат Огайо). Рабочие завода «Юнивис ленз компани» начали забастовку, требуя повышения заработной платы. Около 400 бастовавших рабочих пикетировали завод, невзирая на то, что по закону Тафта — Хартли запрещается массовое пикетирование, и несмотря на террор со стороны полиции, которая неоднократно нападала на пикетчиков, применяя дубинки и производя массовые аресты. Для разгона пикетчиков, мешавших доступу на завод штрейкбрехеров, по приказу губернатора штата Огайо в Дейтон было направлено 1 400 человек национальной гвардии. Затем на помощь национальной гвардии прибыло подкрепление, состоящее из двух танков и отделения пехоты. Войска, применяя штыки и слезоточивые газы, разогнали пикетчиков.

Так американская реакция готовит свои вооруженные силы к кровавому подавлению народных масс в тылу и к военным авантюрам на международной арене.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

АМЕРИКАНСКОЕ «ПРАВОСУДИЕ»

Пожалуй, ничто в государственном механизме Соединенных Штатов не представляет собой столь циничной и лицемерной пародии на демократию, как судебная система. Она является важнейшим инструментом в руках реакции. С ее помощью организуется расправа с демократическими и прогрессивными элементами, осуществляется политика расовой дискриминации, освящается и узаконивается любое нарушение прав трудящихся масс.

Характеризуя буржуазный суд, В. И. Ленин указывал, что этот суд «изображал собой защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»¹.

Правящие круги США достигли максимального совершенства в использовании судебной машины для защиты интересов капитала.

Известный публицист Колиер метко подчеркнул одну весьма характерную особенность, свойственную судебной практике в США. «Общее беззаконие и презрение к соблюдению правовых форм, — писал он, — идет в Америке под разнообразнейшим цветисто-бессмысленным набором слов, из коих для примера можно привести фразу о «великом вскипевшем сердце Америки».

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 212.

Посмотрим, что же собой представляет американская судебная машина, каковы ее организация и «принципы» деятельности?

Вся территория Соединенных Штатов разделена на федеральные судебные округа, в каждом из которых имеется федеральный окружной суд. Все федеральные судьи назначаются президентом США с согласия сената. При федеральном суде находится так называемое «большое жюри» присяжных заседателей, обычно состоящее из 23 человек. Это жюри очень часто неправильно именуется «федеральным судом присяжных». Большое жюри не судит, а занимается лишь рассмотрением обстоятельств, связанных с привлечением кого-либо к судебной ответственности. В результате рассмотрения всех данных, вызова и опроса свидетелей жюри выносит решение о прекращении дела или передаче его для разбора в суд.

Наряду с федеральной судебной системой, в каждом из штатов имеются свои суды, организованные на тех же основаниях.

Принцип назначения судей обеспечивает правящим кругам полную возможность укомплектования судебного персонала «вполне благонадежными» кадрами. Хотя в некоторых штатах США и существует порядок избираемости, а не назначения местных судей, но техника выборов там настолько «отработана», что она целиком гарантирует выдвижение и «выборы» на судейские должности «подходящих людей».

Судья в Соединенных Штатах располагает большими полномочиями, и его юрисдикция, по существу, распространяется на все области жизнедеятельности населения. Журнал «Харперс мэгэзин» в свое время по этому поводу писал: «Власть судьи безгранична не только в стенах судебного зала, но далеко за его пределами. Судья может в любое время вызвать вас в суд... Он может приказать произвести у вас обыск и конфисковать ваше имущество. Он может при помощи жюри присяжных (этого «гаранта» вашей свободы) отправить вас в тюрьму, на эшафот или в психиатрическую больницу. Власть его распространяется и на ваши семейные дела.

Он вправе отобрать у вас детей, распорядиться вашими обязательствами и определить вашу ответственность перед другими лицами, обвиняющими вас в преступлениях. Ему даны полномочия контролировать после вашей смерти распределение вашего имущества. Короче говоря, судья облечен властью устанавливать права, обязанности и привилегии всех людей, живущих в пределах действия соответствующей судебной инстанции».

При таком большом объеме власти, казалось бы, американский судья должен обладать высокой юридической квалификацией и быть широко эрудированным человеком. Но действительность далека от этого. При замещении судейских должностей в Соединенных Штатах меньше всего учитывается наличие в «багаже» кандидатов упомянутых данных. В большинстве случаев они выдвигаются местными боссами демократической или республиканской партии, иногда на основе взаимного соглашения, или их «рекомендуют» промышленные и торговые корпорации.

В упоминавшейся уже книге «Торжествующая плутократия» сенатор Петтигру указывает, что «Федеральные суды страдают злом, развившимся при нашем современном царствовании плутократии; оно состоит в специальном назначении в судьи доверенных трестов, которые безусловно не могут быть судьями, так как настроены в пользу растущих эгоистических appetitов крупных промышленников и потому относятся пристрастно к правам и благоденствию всего общества... Судьи Соединенных Штатов к своим назначениям уже достигают зрелого возраста, проведя свою жизнь на службе у эксплуататоров народа... Они все верят, что священны права собственности, а не права человека».

Характеристика, данная Петтигру американским судьям, относится к периоду после окончания первой мировой войны. За истекшие четверть века плутократия еще больше прибрала к рукам комплектование судейских кадров в США.

Ныне еще более широко стала практиковаться простая «покупка» судейских мест. Чиновник нью-йоркского муниципалитета Мозес не так давно привел факт «покупки» должности судьи за 25 тысяч долларов. В другом случае один судебный работник заявил, что он рас-

полагал возможностью «купить» себе за 50 тысяч долларов место в суде штата Нью-Йорк.

Американский писатель Говард Уитмэн в 1948 году занимался изучением деятельности юстиции США. Он обследовал суды в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго и многих других городах. В результате обследования он пришел к следующему выводу, опубликованному на страницах печати. «На судебных креслах в США, — пишет Уитмэн, — восседает и творит правосудие поражающее — почти невероятное — количество некомпетентных людей, бездельников, тиранов, политических посредственностей, мошенников и путаников. Некоторые из наших судей настолько непригодны к своей работе, что они полагаются на своих секретарей, которые пишут за них решения. Некоторые судьи засыпают за столом. Другие — пьяницы».

Один из ответственных судебных работников, по словам Уитмэна, утверждает, что только 25 процентов американских судей пригодны к выполнению своих обязанностей. «Некоторые из них менее пригодны, чем люди, которых они отправляли в дома умалишенных».

Уильям Коэн, бывший член верховного суда штата Нью-Йорк, писал как-то, что половина всех членов нью-йоркского верховного суда состояла из некомпетентных и не соответствующих своей должности лиц. О том же самом писал и Гарри Х. Гордон, в прошлом — городской судья Нью-Йорка.

Нельзя обойти молчанием и некоторые другие факты, характеризующие американские суды. Большинство муниципальных судов находится в грязных и запущенных помещениях при городских тюрьмах, откуда через двери с решетками в зал заседаний доносится ужасающее зловоние. Такое положение вещей вынудило журнал «Кольерс» притти к выводу, что «если правосудие обычно изображают в виде женщины с завязанными глазами, то здесь ей нужно еще зажать нос, чтобы она смогла выжить в атмосфере американских муниципальных судов». Старший же судья Чикаго Шеффлер попросту заявил, что американские муниципальные суды представляют собой «настоящие выгребные ямы».

В заключение предоставим слово известному чикагскому юристу Митчеллу Досону, который в свое время

следующим образом квалифицировал юридический уровень американских судей: «Вследствие недостатка опыта, образования или интереса к своей работе, эти судьи не в силах оценить значения запутанных материалов, с которыми приходится иметь дело современному законодательству. Они не в состоянии разобраться в законах и в том, как их применять. Одни ленивы, другие преступны, третьи являются орудиями политических партий, а многие просто невежественны!» «Короче говоря, — пользуясь определением Петтигрю, — гнусная, простая и неприглядная истина состоит в том, что судьи Соединенных Штатов являются худшими врагами правосудия». Так красочно характеризуют своих судей сами американцы.

Язвой, разъедающей судебный аппарат США, является широко распространенное взяточничество. Данные обследования, произведенного судьей Сибири, вскрыли ужасающую картину разложения и коррупции среди прокуроров, судей и иных больших и малых чиновников ведомства юстиции. В своем отчете Сибири привел множество фактов, свидетельствующих о том, что американские судебские работники умножали свои доходы, мягко выражаясь, с помощью различных сомнительных комбинаций.

Так, один судья «занял» около 20 тысяч долларов у известного в Нью-Йорке картежника Арнольда Ротштейна, привлекавшегося к судебной ответственности за шулерство. За пять лет этот судья довел свой текущий счет в банке до 100 тысяч долларов. Однако, рекорд был побит другим нью-йоркским судьей: за четыре года он внес на текущий счет 160 тысяч долларов, в то время как жалование его за указанный период составило только 44 тысячи долларов.

Согласно отчету Сибири, очень часто судьи увеличивают свои доходы другими незаконными способами, не имеющими характера прямой взятки. Например, один судья был материально заинтересован в игорном притоне и одновременно — в нефтяном обществе, акции которого оказались дутыми. Другой судья был держателем акций страховой фирмы. По долгу службы ему часто приходилось решать вопрос об устойчивости обязательств этой фирмы.

Весь отчет Сибири, опубликованный в печати, служит ярким свидетельством того, что «борзые щенки» не интересуют американских судей и прокуроров, — их привлекают более весомые ценности в виде долларовой наличности или акций тех или иных фирм.

Обследование Сибири обнаружило также, что «улаживание» уголовных дел в судах США представляет собой обычное явление, — хотя не всегда удавалось, как писал он, проследить, каким образом деньги попадали в карманы судей.

С момента произведенного Сибири обследования прошло изрядное количество лет, и к настоящему времени коррупция среди судебного аппарата США приняла вполне «узаконенные» формы и получила широчайшее распространение.

Привлечение общественности в лице присяжных заседателей к участию в деятельности суда призвано продемонстрировать «беспристрастность» последнего. На самом деле роль присяжных заседателей в американском суде, как мы уже отмечали, крайне ограничена, они фактически не имеют никакого влияния на ход судебного избирательства и вынесение приговора.

Но даже и в этих условиях правящие круги США с помощью различных мероприятий обеспечивают соответствующее своим интересам комплектование состава присяжных заседателей. Присяжные заседатели подбираются специальными комиссиями, состоящими из чиновников и представителей буржуазных кругов, или особыми уполномоченными. Вот как описывает процедуру избрания присяжных заседателей такими «уполномоченными» юрист Дж. Т. Юнг в своей книге «Новое американское управление и его деятельность», опубликованной в 1942 году.

«В большинстве штатов, — пишет Юнг, — уполномоченный по подбору присяжных заседателей является чиновником графства. Он избирается судом, а в некоторых местах путем общих выборов». Уполномоченный подбирает некоторое количество лиц, намечаемых к избранию в качестве присяжных заседателей, и опускает записки с их именами в ящик, именуемый «колесо присяжных», затем встряхивает его и вытаскивает столько записок, сколько имен необходимо для списка присяж-

ных. «Этот порядок, — указывает Юнг, — внешне хотя и выглядит беспристрастным и справедливым, дает возможность для манипуляций путем простого средства, заключающегося в том, что в «колесо» помещаются имена лишь тех лиц, которых желательно включить в список присяжных».

Энгельс метко подметил, что выборы присяжных заседателей при капитализме представляют собой не что иное, как комедию, но комедию, служащую определенным политическим целям. «Так называемый «беспристрастный состав присяжных», — писал Энгельс, — есть вообще нелепость... Суд присяжных есть по своей сущности политическое, а не юридическое учреждение»¹.

Ярким подтверждением этих слов Энгельса о политической сущности института присяжных заседателей в Соединенных Штатах служат разоблачения защиты на инсценированном реакцией суде над руководителями американской компартии. Защита представила суду многочисленные данные, показывающие, что с помощью метода отбора присяжных в районе Нью-Йорка систематически исключаются из состава присяжных заседателей рабочие, негры, евреи, женщины и члены прогрессивных политических организаций.

Представитель защиты Глэдстейн указал, что при нынешней системе в федеральных жюри из состава присяжных исключаются лица, не являющиеся владельцами имущества стоимостью в 250 долларов. Глэдстейн предъявил официальный документ, анализирующий списки присяжных заседателей с 1940 года. В документе указывалось, что из 7 487 человек, числящихся в списках, 45 процентов являются «административными работниками», из которых огромное большинство составляют предприниматели, 20 процентов — представители буржуазной интеллигенции, 30 процентов — клерки и работники торговой сети и только 5 процентов — работники физического труда.

Другой представитель защиты, Сечер, заявил, что сотни тысяч членов профсоюзов систематически исключаются из списков присяжных заседателей, и только в некоторых случаях в их состав включается несколько

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 383.

«избранных представителей» тех слоев населения, которые обычно отстраняются от исполнения функций присяжных. Однако эти исключения делают еще более очевидными дискриминационные недемократические методы отбора присяжных заседателей.

Защита документально доказала, что список лиц, которому были избраны, присяжные заседатели для суда над лидерами компартии, в основном состоял из богатых людей, придерживающихся консервативных взглядов, и поэтому исключал возможность беспристрастного суда. Среди имен, занесенных в этот список, значатся, например банкир Герберт Аллен, вице-президент компании «Лайт энд Пауэр» Джордж Эшли, один из директоров «Дорр корпорейшн» Энтони Энебл, президент текстильной компании «Декорейшн Фэбрик» Дональд Эшбрук и много других богатых дельцов.

В результате опроса защитой 21 из 23 лиц, входивших в состав «большого жюри» присяжных, вынесшего обвинение руководителям компартии, установлено, что все эти лица принадлежат к категории людей с высоким доходом. В их число входят: председатель корпорации по скупке и продаже недвижимого имущества Неринг, бывший вице-президент крупного нью-йоркского банка «Манюфектурерс траст компани» Моррис и др.

Вся деятельность судебной системы США характеризуется сплошным юридическим крючкотворством. Все сказанное в свое время Энгельсом относительно юридической путаницы и хаоса противоречий, царящих в английском судопроизводстве¹, целиком относится к суду США. Многовековой опыт английского так называемого «общего права», действовавшего на американской территории еще в тот период, когда она находилась под господством Англии, в значительной степени используется судами Соединенных Штатов и поныне.

Так называемое «общее право» обозначает такого рода судебную практику, когда любое дело решается не на основании закона, а на основании судебных прецедентов. Не связанный никакими твердыми правовыми нормами, суд располагает благодаря применению «общего права» возможностью принимать то решение,

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 387.

которое в данном случае отвечает интересам господствующих классов. И не случайно поэтому, что основным содержанием подготовки судебно-адвокатских кадров в США является изучение ими «общего права».

«Чтобы выучиться, — писал Петтигру, — хороший адвокат изучает английское общее право. После того как голова его уже наполнена семнадцатью сотнями решений, вынесенных судьями семнадцатого века до того, как американские колонии решили сбросить британское иго, он забивает свой мозг Блэкстоном и комментариями Кэнта. Затем он изучает то, что говорили судьи и адвокаты Соединенных Штатов в течение прошлого столетия, и лишь после всего этого он признается способным защищать интересы американских эксплуататоров».

«Такое напичканное прецедентами существо, — указывает далее Петтигру, — имеет цену для крупных собственников по трем причинам: во-первых, его изучение прецедентов сделало его неспособным думать о будущем и создало из него естественного защитника существующего положения вещей. Во-вторых, потому, что традиция прав собственности, унаследованная от прошлого, лучше всего охраняется таким классом знатоков мертвого прошлого. В-третьих, потому, что адвокат по законам своей профессиональной этики — единственный человек, который может брать взятки, называя их гонораром... Его можно подкупить на всех ступенях его общественной карьеры, и он всегда примет взятку...»

Слова «перед законом все равны», высеченные на фронте здания верховного суда США в Вашингтоне, звучат прямой издевкой, когда даже самым поверхностным образом знакомишься с деятельностью американских судов. Красной нитью проходит в ней использование реакцией судебной машины в качестве орудия политического террора и классовой мести по отношению к прогрессивным элементам. Именно американское «правосудие» явило миру такие непревзойденные «образцы» судебной расправы с абсолютно невинными людьми, как процессы Сакко и Ванцетти, девяти негритянских юношей из Скоттсборо и Тома Муни.

Именно этой цели — доведения в каждом отдельном случае судебной расправы с политическим противником до конца — и служит твердо соблюдаемый американ-

ской реакцией принцип «непогрешимости» своего суда. Этот принцип выдвигается всегда, когда намеченная жертва тем или иным путем доказывает свое алиби и возникает опасность, что она может ускользнуть из рук палачей. По этим соображениям законодательство некоторых штатов, например штата Калифорния, запрещает пересмотр вынесенных судебных приговоров. Только губернатору штата предоставляется право помилования, но было бы наивным полагать, что кто-либо из этих прямых ставленников реакции будет миловать ее политических противников.

Одной из самых позорных страниц в истории американской юстиции явилась судебная расправа, учиненная над руководителями коммунистической партии. Многочисленные данные неопровержимо говорят о том, что организацией этого суда правящие круги преследовали чисто политические цели. Руководителей компартии судили не за какие-либо противозаконные действия, а за то, что они разделяют и отстаивают исторические принципы марксизма-ленинизма.

Процессу предшествовала широкая кампания антикоммунистической истерии, организованная реакцией. Уже в первый день процесса защитник Иссерман заявил, что правительство Соединенных Штатов при помощи исполнительных, законодательных и юридических органов развернуло кампанию оскорбления компартии, что сделает невозможным проведение справедливого суда. В то время как правительство поступало таким образом, заявил далее Иссерман, «частные лица», различные неправительственные организации и религиозные группы (реакционные католические организации) в свою очередь начали кампанию оскорбления компартии. В результате предубежденное отношение к подсудимым достигло таких размеров, что «устранена всякая возможность того, что подсудимые будут признаны невиновными».

По этим причинам защита просила отложить процесс, но федеральный судья отказался принять во внимание доводы защиты.

Сама обстановка, в которой происходил суд, была рассчитана на то, чтобы достичь цели, поставленной реакцией: развернуть травлю компартии, обезглавить коммунистическое движение.

В помещении суда находилось всего 70 гостей и столько же корреспондентов и фоторепортеров. А к охране здания были привлечены 45 сыщиков, 38 полицейских офицеров, 14 конных полицейских, 3 женщины-полицейские и 305 полицейских. Это был самый большой полицейский отряд, которому когда-либо поручалось нести охрану на судебном процессе.

В этой связи защита обратилась к суду с просьбой, во-первых, перенести судебные заседания в другое помещение, могущее вместить большее число лиц, поскольку процесс вызвал большой интерес у общественности, и, во-вторых, отдать распоряжение об удалении многочисленных полицейских, находившихся в здании суда, так как их присутствие имело целью запугать подсудимых. Судья Медина отклонил обе эти просьбы защиты, проявив тем самым свою решимость провести процесс в духе гитлеровских порядков.

Судья Медина и те, кто стоят за его спиной, превратили процесс над руководителями компартии в многомесячное издевательство над правосудием. В ходе судебного следствия отпали одно за другим все дутые обвинения, которые реакция облыжно выдвигала против коммунистических руководителей. Обвиняемые мужественно разоблачали планы Уолл-стрита — планы фашизации страны и подготовки новой мировой войны против Советского Союза и стран народной демократии. Они заявляли о своей непреклонной верности идеям марксизма-ленинизма. В этом классовая юстиция американской буржуазии и усматривала их «преступление».

Классовый американский суд расправился и с защитниками коммунистических руководителей, вынеся им тюремные приговоры. В сегодняшней Америке даже судебная защита борцов за рабочее дело объявляется «тягчайшим преступлением»!

Гнусным судебным процессом над лидерами компартии были грубо попораны демократические права американского народа.

Для сопоставления укажем, что в то же самое время федеральный суд в лице судьи Швенгаута всячески потворствовал разоблаченному казнокраду Томасу, бывшему главе комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Американское «правосудие» избавляет от всякого наказания видных представителей господствующих классов даже в том случае, если они совершают такие преступления, как, например, нападение на полицейского. Так, нью-йоркский судья Левине прекратил дело по обвинению одного юноши, по имени Монтфорт Стил, пытавшегося в состоянии опьянения стрелять в полисмена. В газетном полицейском отчете по этому поводу сообщалось: «Судья сказал молодому человеку, что, принимая во внимание его происхождение из хорошей семьи, он считал бы несправедливым заклеить его как преступника на основании поступка, совершенного им в состоянии невменяемости».

Настоящему преступнику в США нетрудно избежать наказания за любое совершенное им преступление. «Легкие приговоры, — пишет американский юрист профессор Вильям Андерсон, — условное осуждение, предоставляемое закоренелым преступникам, досрочное освобождение в таких случаях, когда оно представляется ничем не оправданным, и даже прекращение дел при наличии серьезного, хорошо обоснованного обвинения представляют собой обычное явление».

Как указывает другое лицо, хорошо знающее американские судебные нравы, бояться суда в США следует лишь тем, кто не виновен или не посвящен в тайны разбирательства дел. «Что касается публики, — писал упоминавшийся нами известный чикагский юрист Досон, — то мало сказать, что суды ее «не удовлетворяют». Средний гражданин в большом городе, по крайней мере, относится к суду со все растущим недоверием. Если вы спросите его, каковы наши судьи, он скорбно покачает головой и заговорит о взяточничестве, волоките, незаконном освобождении гангастеров, позёрстве и шутовстве некоторых ищущих популярности судей, их раболепстве перед политическими владыками...»

«ПО НУЖДЕ И ЗАКОНУ ПЕРЕМЕНА БЫВАЕТ»

Закон (по мнению помпадура), писал Щедрин, «есть не что иное, как дифферамб, сочиненный в пользу и в поощрение помпадурам». Американская действительность — ярчайшее подтверждение этих слов великого

русского сатирика. Вся система законодательства в США построена так, чтобы целиком служить интересам господствующих классов в их политике угнетения и эксплуатации широких народных масс. Надо заметить, что правящие круги Соединенных Штатов всегда отличались умением одеть беззаконие в тогу законности, вершить шемакин суд.

Мало известно, например, то обстоятельство, что пресловутый «билль о правах», которым так любят козырять американские политики, по сути дела является документом, не имеющим никакой практической силы. Федеральное законодательство фактически целиком аннулируется законодательством отдельных штатов, когда речь идет о правах человека и гражданина. Власти каждого штата руководствуются исключительно ими же изданными законами, а юрисдикция федерального правительства вступает в силу лишь тогда, когда дело касается двух или нескольких штатов.

С помощью этого нехитрого юридического трюка реакция безнаказанно попирает права и свободу личности, творит дикую расправу над прогрессивными элементами. Одним из немногих примеров такого «взаимодействия» на этом поприще центральных и местных властей служит происшествие в городе Огаста (штат Джорджия), имевшее место в период подготовки к президентским выборам 1948 года. Вечером 26 сентября группа людей, вооруженных пистолетами, выломала дверь и выбила окна в доме, в котором жили пять представителей прогрессивной партии, проводившие предвыборную кампанию в негритянском районе города. Ворвавшиеся в дом избили членов прогрессивной партии и поломали мебель. После этого они вытащили всех пятерых из дома и увезли их на расстояние 10 миль от города, запретив им возвращаться обратно. Наблюдавшие за всей этой картиной двое полицейских не предприняли никаких мер против нападавших.

После опубликования в печати жалобы пострадавших, когда было начато расследование, местная городская полиция отрицала, что такой инцидент имел место. Агент Федерального бюро расследований, производивший следствие, заявил, что инцидент имел место, но, поскольку похитители не пересекли границ штата,

правительство не может вмешиваться в это дело. Таким образом, деятели прогрессивной партии в штате Джорджия лишены защиты как местной, так и федеральной полиции.

Свое прямое потворство бечинствам местных властей федеральное правительство пытается скрыть за ширмой мнимого бессилия. Так, генеральный прокурор США Кларк без тени смущения не так давно заявил, что федеральное ведомство юстиции не в состоянии, мол, обеспечить в стране соблюдение законности, так как «это все равно, что в век атомного оружия воевать с мушкетом времен американской гражданской войны».

Законы отдельных штатов отличаются исключительной реакционностью и служат серьезным оружием в борьбе против рабочего и демократического движения. Под различными крикливыми наименованиями во многих штатах в течение десятилетий действуют законы, единственная задача которых состоит в искоренении всего мало-мальски прогрессивного. В 22 штатах этой цели служат законы «о подстрекательстве к мятежу», в 17 штатах — о «преступном синдикализме», в 10 штатах — о «преступном анархизме», в 8 штатах законодательные собрания приняли законопроекты, согласно которым те или иные партии лишаются права выставлять своих кандидатов на выборах в случае, если «принципы этих партий являются неприемлемыми».

«Преступления», подводимые под понятие «преступный синдикализм», караются тюремным заключением на срок до 10 лет, «подстрекательство к мятежу» и «преступный анархизм» наказуются пятью годами тюрьмы.

С помощью законодательства отдельных штатов реакция устранила из обихода почти на двух третях территории США даже... красный цвет. Согласно законам, принятым в 30 штатах, вывешивание или ношение красного знамени на публичных собраниях или демонстрациях как символа или эмблемы той или иной организации или политических, социальных и экономических принципов, считается нарушением общественного порядка!

В последнее время во многих штатах приняты но-

вые антидемократические и антикоммунистические законы. Так, в штатах Теннесси, Джорджия, Северная Каролина, Виргиния, Арканзас, Флорида, Алабама и Техас действуют законы, запрещающие так называемую систему «закрытых цехов». Законодательное собрание штата Техас приняло восемь различных антирабочих законов. В штате Мичиган принят закон, запрещающий забастовки государственных служащих. Лица, обвиненные в «подстрекательстве государственных служащих к забастовке», согласно закону подлежат годичному тюремному заключению и штрафу в 1 тысячу долларов.

Как писал журнал «Нью рипаблик», реакционеры во всех районах США усиленно используют жупел «угрозы коммунизма» в качестве предлога для ограничения законодательным путем гражданских прав. По словам Колиера, «во многих штатах законы вторгаются, без всякой нужды и с раздражающими стеснениями, в частную жизнь граждан, превосходя в этом отношении законы любой другой страны в мире». Некоторые из этих законов настолько же нелепы, сколь и смехотворны. Так, в нескольких штатах жителям не разрешается работать в своих садах или производить какие-либо другие работы около дома по воскресным дням. Площадка для игры в гольф одного из клубов в предместье Бостона пересекает границу соседнего города. Вследствие этого по воскресеньям можно пользоваться только одной половиной площадки; игра на части площадки, находящейся в другом городе, повлекла бы за собой арест.

В штате Коннектикут считается наказуемым проступком, если муж поцелует свою жену в воскресенье. В штате Массачусетс мужчинам запрещается носить остроконечную бородку, если за нее не уплачен специальный налог. В Вермонте женщине воспрещается в воскресные дни одной прогуливаться по улицам города, если за ней на расстоянии 20 шагов не следует муж с ружьем в руках.

Естественно, что подобные законы, как указывает Колиер, «которые являются попросту нелепостями, применяемыми проходимцами, не пользуются никаким уважением в народе». Они вызывают презрение и справедливое возмущение широких народных масс.

Картина американского «правосудия» и характеристика судебной системы США не будет полной, если не сказать о «девяти старцах». Под наименованием «девяти старцев» в Соединенных Штатах подразумевают верховный суд, который играет весьма важную роль в жизни страны.

Верховный суд США присвоил себе право объявления любого закона или административного мероприятия незаконным актом, противоречащим конституции.

Другим моментом, благодаря которому власть верховного суда в США стала фактически безграничной, является беспрецедентное положение, занимаемое им в государственном механизме. Верховный суд состоит из девяти лиц, назначаемых президентом с одобрения сената и занимающих свой пост пожизненно. Они могут быть смещены только в том случае, если сенат привлек их к ответственности и суд вынес им обвинительный приговор в присутствии обеих палат. В то время как сенаторы, избираемые на шесть лет, и члены палаты представителей, избираемые на два года, вынуждены хоть в какой-то степени считаться со своими избирателями, члены верховного суда никому не подотчетны и совершенно бесконтрольно осуществляют свою деятельность.

Приняв в свое время под давлением масс «билль о правах», реакция позаботилась одновременно о том, чтобы создать в лице верховного суда орган, который был бы способен свести на-нет значение этого документа при его практическом применении. На протяжении всей истории Соединенных Штатов верховный суд представляет собой вернейший оплот реакции, опору монополий против социального законодательства.

Поэтому-то реакция с такой яростью встретила попытку президента Рузвельта реорганизовать верховный суд, предпринятую им в марте 1937 года. По сути дела, выдвинутый Рузвельтом план судебной реформы был далек от каких-либо кардинальных перемен в отношении существующей системы судопроизводства или ограничения прав, узурпированных верховным судом. Им предусматривались только такие мероприятия, как, например, расширение состава верховного суда (до 15 членов) с тем, чтобы президент имел право в случаях, когда члены суда достигают 70-летнего возраста, но не уходят

в отставку, привлечь с согласия сената других судей. Однако после полугодовой ожесточенной борьбы предложение Рузвельта было провалено сенатом. По этому поводу «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Идея неприкосновенности верховного суда стала теперь американской традицией, более сильной, чем традиция недопустимости третьего срока президентства».

Кто же эти «девять старцев», узурпировавших высшую законодательную власть в США? Правящие классы всегда выдвигали в верховный суд своих представителей, наиболее испытанных в юридическом крючкотворстве и политически абсолютно «благонадежных». Перед войной Дрю Пирсон и Роберт Ч. Аллен опубликовали довольно интересную книгу под названием «Девять старцев», в которой были даны портреты этих «девяяти старцев». В большинстве своем члены верховного суда являются бывшими юрисконсультами крупнейших банков, промышленных и торговых корпораций. Например, Чарльз Юз, продолжительное время возглавлявший верховный суд, был до этого много лет юрисконсультом «Стандарт ойл» и Моргана.

Самому «юному» из «девяяти старцев» — Оуэну Робертсу было тогда, когда вышла упомянутая книга, 61 год, а самому престарелому — Луису Брэндингу — 80 лет. Таким образом, в отношении всех членов верховного суда, помимо всего прочего, можно сказать, выражаясь словами Чацкого из «Горя от ума», что «за древностью лет к свободной жизни их вражда непримирима».

СУД ЛИНЧА

В XVIII веке в Виргинии жил некий Чарльз Линч; вначале он был фермером, а затем стал судьей. На этом посту Линч приобрел широкую известность тем, что самолично расправлялся с людьми, попавшими в его руки, не обременяя себя при этом совершением каких-либо правовых процедур. С тех пор в США «судом Линча» стали называть всякую самочинную расправу. Эта разновидность американского «правосудия» применяется главным образом в отношении негров. За последние шестьдесят лет в Соединенных Штатах подверглось линчеванию около 5 тысяч негров за различные припи-

санные им «преступления». Производившиеся расследования убийств негров показывают, что во всех случаях речь идет о преднамеренных и абсолютно ничем не оправдываемых актах расправы.

Формально негры считаются американскими гражданами и пользуются правом участвовать в выборах. Но все это лишь на бумаге. В действительности правящие круги США делают все от них зависящее, чтобы для негров голосование сделать невозможным. С этой целью во многих южных штатах, где проживает свыше 9 миллионов негров, введены специальные законы. Прежде всего, там существует так называемый запретительный налог; затем — имущественный ценз, по которому право голоса имеет только владеющий имуществом стоимостью в 300—500 долларов. Во всех штатах есть образовательный ценз: власти имеют право подвергнуть избирателей «экзамену». Разумеется, на таком «экзамене» делается все, чтобы провалить негра; для белых же он превращается в пустую формальность.

Бесправие негров находит широкое отражение в области образования. Во многие американские университеты негров вовсе не принимают; негритянские дети вынуждены посещать специальные школы. Учителя-негры получают в пять раз меньшую заработную плату по сравнению с «белыми» педагогами.

Сегрегация — отделение негров от белых и всяческие ущемления прав первых — обязательнейшая деталь «американского образа жизни».

С момента рождения и до глубокой старости негр в США находится под угрозой быть повешенным, сожженным, расстрелянным, утопленным только за то, что природа наделила его кожу черным пигментом.

В таком положении пребывают сейчас 14 миллионов негров, являющихся подданными США. Бесправное положение, жестокая дискриминация и кровавые преследования негров вынудили «Национальный негритянский конгресс» обратиться летом 1946 года в Организацию Объединенных Наций с требованием прекратить угнетение негритянского населения в Соединенных Штатах. В этом обращении говорилось: «Мы, негритянский народ, не добившись помощи в деле освобождения конституционным путем, оказываемся вынужденными обратиться

внимание этого исторического органа на данный жизненно важный вопрос, который мы на протяжении почти столетия со времени освобождения пытаемся разрешить в пределах нашей страны».

В послевоенное время прогрессивные органы американской печати сообщали о многочисленных фактах кровавых расправ с неграми. Например, летом 1946 года в штате Джоргия, близ города Монроэ, банда белых вооруженных винтовками, напала на негров Малькольма и Дорсея, возвращавшихся с женами домой. Бандиты загнали этих ни в чем не повинных людей в кусты и расстреляли их. Дорсей незадолго до этого был демобилизован из армии, в которой он прослужил пять лет.

Многочисленны случаи линчевания негров — ветеранов второй мировой войны. Джордж Серрел, участник войны, вместе с женой ехал в поезде из Филадельфии. По дороге железнодорожные служащие насильно сняли Серрела и его жену с поезда, увели в сторону от станции и на глазах жены застрелили его. Поводом к самосуду послужило то, что Серрел якобы «ехал без билета».

Зверский случай линчевания негра — ветерана войны произошел в штате Алабама. В маленьком городке Кэмпкилле белый Хьюм потребовал от калеки-ветерана негра Фэрроу, чтобы тот отдал свой костыль. Когда Фэрроу отказался, Хьюм вытащил нож и бросился на Фэрроу. Защищаясь, Фэрроу ударил Хьюма костылем. Возбешенный Хьюм побежал домой, взял ружье и начал искать Фэрроу. Не найдя его, Хьюм вошел в негритянское кафе и стал избивать негритянскую женщину и детей прикладом ружья. Полицейский наблюдал всю эту гнусную сцену, но не вмешивался. Молодая мать-негритянка Нойс пыталась убежать. Тогда Хьюм выстрелил в нее. Затем он заставил ее снова подняться и выстрелил второй раз. На этот раз выстрел был смертельным. Все это творилось на глазах полиции, но она осталась безучастной и убийца Хьюм не был арестован. Негры в панике бежали из города.

Очень часто линчевание носит политический характер. Ярким примером этого является убийство негра Роберта Малларда. 20 ноября 1948 года в центральной части штата Джоргия Маллард был убит, когда он вместе со своей женой — школьной учительницей, ребенком

и двумя другими неграми проезжал в автомобиле неподалеку от города Видалиа. Несколько автомобилей преградили им дорогу, и около 50 куклуксклановцев в капюшонах вытащили Малларда из автомобиля и застрелили его.

Жена Малларда сообщила об этом местному шерифу Грею, но он воспрепятствовал опубликованию сообщения об этом событии. Однако негр, свидетель убийства, по телефону сообщил о происшествии редакции одной из местных газет, которая поместила краткую информацию. Вслед за этим газета «Дейли уоркер» провела подробное расследование. После предания гласности обстоятельств линчевания Малларда власти штата Георгия реагировали на это весьма своеобразно: они арестовали вдову Маллард по обвинению в «убийстве своего мужа».

В сообщении об этом происшествии газета «Дейли уоркер» писала, что Маллард подвергся линчеванию за участие в первичных выборах. Перед этими выборами местная организация Ку-Клукс-Клана угрожала убийством каждому негру, который будет голосовать. Маллард был убит спустя несколько дней после того, как суд присяжных оправдал белого, убившего негра Никсона, также голосовавшего на первичных выборах.

Убийцы Малларда, добровольно отдавшие себя в руки властей, разумеется, также были оправданы. В американской судебной хронике не зарегистрировано ни одного факта, когда бы организаторы суда Линча и их соучастники понесли соответствующее наказание. Мало того, американское «правосудие» официально признает убийство негра «юридически допустимым» актом. Такое решение, например, вынес суд штата Южная Каролина, указавший в своем определении от 21 мая 1947 года, что линчевание не является преступлением.

Злодейская практика суда Линча — несмываемый позор Америки. Цивилизованное человечество наблюдает за ней с ужасом и отвращением. Требуется безграничное лицемерие долларовых империалистов, чтобы перед лицом разгула суда Линча в Америке разглагольствовать о «правах человека» и рекламировать «американскую демократию». «Демократия» Линча — вот что такое сегодняшняя Америка!

ЗА НЕДОСТАТКОМ УЛИК...

А. И. Герцен в своем известном произведении «Былое и думы» назвал Америку «страной забвения родины». Герцен имел в виду не американский народ, проявивший при жизни писателя величайшую стойкость и патриотизм в борьбе за свободу и независимость своей родины. Он говорил о тех американцах-космополитах, для которых доллар превыше всего и которые ради своих узко корыстных материальных интересов, не задумываясь, пожертвуют самым святым, что есть у человека.

В наше время такого сорта людей в Соединенных Штатах особенно много. Как мы уже говорили, государственная измена и предательство стали в космополитических реакционных кругах обычным видом бизнеса. Но любопытнее всего то, что американская юстиция чрезвычайно снисходительно относится к деятельности изменников и предателей. Эластичное законодательство США открывает широкие возможности для безнаказанного совершения этими элементами любых преступлений. Например, у нацистского агента при аресте обнаруживается секретный документ, получение которого возможно только шпионским путем. В ходе судебного следствия этот факт, однако, не рассматривается как доказательство его шпионской деятельности, и арестованного шпиона судят в лучшем случае только за совершение простой кражи. Естественно, что в этих условиях фашистская агентура не особенно опасается своего столкновения с американскими судами.

История знает немало судебных процессов, которые были прямым издевательством над самим понятием «суд», но с такими вопиющими по своему цинизму судебными процессами, какие происходили в Соединенных Штатах в течение последнего десятилетия, мы сталкиваемся впервые.

Мы остановимся на двух процессах, наиболее любопытных с точки зрения всемерного потворства юстиции фашистским заговорщикам.

В январе 1940 года Федеральное бюро расследований сообщило об аресте 17 членов организации «Крисчен фронт» («Христианский фронт» — фашистская организация, созданная попом Кофлиным). В своем заявлении

по этому поводу Эдгар Гувер сообщил, что арестованные намеревались «устранить около десятка членов конгресса», захватить арсенал в Нью-Йорке и совместно с «Германо-американским союзом» и другими фашистскими организациями начать восстание против правительства. Восстание должно было начаться с совершения убийств ряда лиц, известных своей прогрессивной деятельностью. Было обнаружено много тайных складов, принадлежавших «Крисчен фронт», различное оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества. Эта боевая техника была похищена из арсеналов национальной гвардии.

Улики против обвиняемых были настолько вескими, что можно было не сомневаться насчет приговора суда. И, однако, нацистские заговорщики, сами признавшие в подготовке фашистского путча, были оправданы бруклинским судом. Обвинение в тайном заговоре против правительства Соединенных Штатов с них было снято, и они были освобождены. Да, есть еще судьи в Америке!

Даже после вступления США в войну американская юстиция ни на йоту не меняет своей практики прямого и открытого попустительства подрывной деятельности фашистских элементов. Генеральный прокурор США Фрэнсис Биддл в своем выступлении 21 декабря 1941 года официально заявил, что «свобода речи, как таковая, не подлежит ограничению» и в военное время; хотя вслед за этим им и было сказано, что «ограничения свободы речи можно допускать лишь в тех случаях, когда этого непосредственно требует безопасность государства». Американские фашисты с восторгом восприняли выступление генерального прокурора. «Враги Америки внутри страны, — писал Карлсон, — приняли это заявление как «карт-бланш», чтобы возобновить свою подрывную работу, временно прерванную нападением на Пирл-Харбор и роспуском комитета «Америка — прежде всего».

Именно в эти дни были выпущены на свободу нацистские агенты Роберт Нобл, Эллис Джонс и Герман Киссингер, арестованные незадолго до этого Федеральным бюро расследований за «подстрекательство к мятежу». Упомянутые нацисты открыто призывали к восстанию.

В середине войны, 1 марта 1943 года, верховный суд США отменил решение об изоляции Джорджа Сильвестра Фирека, одного из самых ценных агентов Гитлера в Соединенных Штатах, по той причине, что «Фирек был обязан регистрироваться в государственном департаменте лишь как «агент иностранной державы», всякая же иная его деятельность регистрации не подлежала...»

Еще более любопытен был процесс американских фашистов в Вашингтоне. В ноябре 1941 года федеральный суд начал слушанием дело о подрывной деятельности одной нацистской группы. В течение шести месяцев суд допросил 670 свидетелей, и к делу, как сообщала печать, было подшито 6 800 страниц различных материалов. 23 июня 1942 года суд, наконец, вынес определение, согласно которому 28 человек были привлечены к ответственности по обвинению в заговоре с целью спровоцировать восстание в вооруженных силах США. 13 января 1943 года обвинительное заключение было пересмотрено. В течение двух последовавших за тем лет было проведено новое следствие и составлено третье обвинительное заключение. Начатое после этого новое судебное разбирательство длилось шесть с половиной месяцев и было прервано 29 ноября 1944 года вследствие смерти 65-летнего судьи Эйчера. Как заявил по этому поводу председатель комиссии законодательных предложений палаты представителей Сэбэт, «превосходный судья Эйчер умер от раздражения, вызванного 20 адвокатами, представлявшими интересы обвиняемых».

Через неделю обвиняемым был задан вопрос, желают ли они, чтобы суд вел другой судья, на что они ответили отрицательно. 7 декабря 1944 года федеральный судья Проктор объявил суд недействительным.

«Низведение правосудия до абсурда» — так была озаглавлена редакционная статья газеты «Глоб-демократ», резюмировавшая итоги этого процесса.

Картина вашингтонского процесса будет не полной, если мы не отметим, как реагировали на него некоторые американские круги, заинтересованные в его срыве. Сенатор Роберт Тафт в письме генеральному прокурору Биддлу писал: «Я очень опасюсь, что методы, к которым прибегло правительство в вашингтонском процессе,

представляют реальную угрозу дальнейшему существованию свободы в нашей стране». Эта весьма своеобразная трактовка термина «свобода» выглядела еще более интересной в одной из передовых статей реакционной газеты «Чикаго трибюн» (от 6 января 1944 года): «Гражданин, который не ужасается и не приходит в ярость от поведения правительства, — писала газета, — может вообразить, что он верит в свободу, но на самом деле он обманывает себя... Массовое обвинение само по себе является преступлением против свободы»...

Но сенатор Джеральд Най в оценке своего отношения к вашингтонскому процессу превзошел всех: он открыто с сенатской трибуны признал себя фактическим сообщником заговорщиков. «Они не более виновны в заговоре, чем я, — заявил он в сенате 14 января 1943 года, — поскольку, повидимому, делали не больше, чем я и другие делали здесь время от времени».

Приходится ли после этого удивляться тому, что заговорщики, фигурировавшие на вашингтонском процессе, превратили скамью подсудимых в кафедру нацистского лектория и под видом показаний вели в стенах суда самую оголтелую фашистскую и расистскую пропаганду. Фашистские заговорщики чувствовали себя на процессе не как преступники, держащие ответ перед судом, а как актеры, играющие хорошо заученную роль.

По окончании второй мировой войны в Соединенных Штатах наступила пора полной амнистии изменникам. В то время как комиссия по расследованию антиамериканской деятельности начала широкую кампанию преследования прогрессивных деятелей, выступающих за мир и демократию, юстиция США сняла обвинение в государственной измене с тех американцев, которые во время войны распространяли нацистскую пропаганду по радио из Берлина, призывая к войне против Советского Союза и Объединенных наций. Речь идет о трех изменниках: Джен Андерсон, Эдварде Делани и Максе Койшвитце.

По поводу освобождения Джен Андерсон европейское издание газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» писало: «Выпущена на свободу американка по рождению Джен Андерсон, 44 лет, которую во время войны про-

звали «леди Хау-Хау», когда она выступала по берлинскому радио, главным образом, против американо-русского военного союза. Она была освобождена американскими властями в Зальцбурге за недостатком улик, после того как ее держали с мая в заключении по обвинению в измене».

«Джен Андерсон, — сообщала далее газета, — как американский корреспондент, писала с фронтов гражданской войны в Испании, позднее присоединилась к «фаланге». Генерал Франко наградил ее орденом. Впоследствии она отправилась в Германию, где добровольно вступила в члены германского Красного Креста».

Вслед за этой троицей нашли прощение американских судов и другие предатели: журналист Дональд Дей из маккормиковской газеты «Чикаго трибюн», Герберт Бургман и Роберт Чисолм; подвизавшиеся на японском радио, и т. д. Все эти матерые изменники, на протяжении всей войны ведшие подрывную работу против американского народа, были оправданы «за недостатком улики»...

Все содержание этой книги показывает, почему у американской юстиции не поднимается рука на фашистских предателей и изменников. Их осуждение прозвучало бы приговором правящим кругам Америки, которые осуществляют фашизацию страны — величайший акт измены и предательства по отношению к собственному народу. Вот почему перебежчики в лагерь Гитлера и Муссолини остались в Соединенных Штатах безнаказанными.

«ИНДУСТРИЯ УГОЩЕНИЯ»

*Взятка — женщина в годах, но вечно юная,
(Щ е д р и н, Признаки времени.)*

Подкуп — во всем его многообразии — важнейший нерв так называемого «американского образа жизни». С помощью взятки, даваемой в той или иной форме, в Соединенных Штатах Америки можно добиться всего. Ни в одной капиталистической стране не имеется такой «усовершенствованной» системы подкупа, какая существует в США.

Для осуществления своего влияния на правительство

и государственный аппарат американские монополии создали специальную категорию своих представителей в Вашингтоне — так называемых лоббистов. В столице США обретается свыше тысячи контор этих доверенных лиц «большого бизнеса». Их единственным занятием является воздействие на «избранных народа» и правительственных чиновников в интересах представляемых ими фирм.

Еще в середине тридцатых годов сенатор Швелленбах в газете «Коммон сенс» писал: «Современную систему «воздействия» на депутатов можно считать неотъемлемой и необходимой принадлежностью нашего государственного строя. Разоблачения сенатской комиссии под председательством сенатора Хьюго Л. Блэка из Алабамы, обследовавшей практику этой системы, с несомненностью доказали, что она превратилась в зловещую силу, грозящую окончательно развалить аппарат нашего управления».

«Этой системой (т. е. взяткодательства), — констатировал сенатор, — охвачено буквально все население страны. Лавочник на углу платит членские взносы местной ассоциации, которая, в свою очередь, частично передает их всеамериканской ассоциации (т. е. монополии), а на эти средства... в столице содержится некое высокооплачиваемое лицо, обязанность которого — представлять эту организацию».

Вряд ли можно более кратко и вместе с тем более обстоятельно охарактеризовать суть этой, как мы уже говорили, важнейшей стороны «американского образа жизни» так, как это сделал почтенный сенатор. «Некие высокооплачиваемые лица», пребывающие в столице США, о которых писал он, и есть пресловутые «лоббисты. Дословный перевод английского слова «лобби» означает «парламентские кулвары». Таким образом, наименование термином «лоббистов» представителей монополий, находящихся в Вашингтоне, вполне соответствует их деятельности, протекающей за кулисами конгресса.

С помощью лоббистов монополии проводят через конгресс любые необходимые им мероприятия: проваливают неудобные им законопроекты, заставляют принимать те, которые соответствуют их интересам и т. д.

Определенные группы лоббистов, представляющие те или другие отрасли промышленности, теснейшим образом связаны между собой и, нередко, блокируются при осуществлении «необходимых мероприятий».

За последнее десятилетие в США система дачи правительственным чиновникам «барашка в бумажке» или снабжения их «борзыми щенками» совершила большой прогресс. Ныне, как это констатирует сенатская комиссия по военным делам, в Соединенных Штатах существует «новая отрасль крупной промышленности» — «индустрия угощения».

Характеристике «индустрии угощения» журнал «Юнайтед стейтс ньюс» посвятил специальную статью.

«Большие приемы, — пишет автор статьи, — устраиваются для тех членов кабинета, которые обладают достаточной властью, чтобы вынести решение о том, какое именно лицо или какая именно компания получает долю при распределении миллионов долларов, которые ассигнованы правительством. На приемы приглашаются те из членов конгресса, чьи голоса могут решить судьбу вопроса, затрагивающего интересы группы лиц в той или иной отрасли промышленности».

Техника «обслуживания» на этих приемах доведена до самой высокой степени совершенства. «Хорошенькие девушки, нанятые в качестве дам для развлечения приглашенных к обеду государственных чиновников, — пишет далее тот же журнал, — оплачиваются, как указано в счетах, по 125 долларов за вечер».

Как это недавно вскрылось, во время войны в авиационной промышленности США взяточничество правительственным чиновникам приняло колоссальные размеры. Поводом к разоблачениям послужило «дело Говарда Хьюза», начатое расследованием сенатской комиссией по военным прибылям.

Хьюз, глава компании воздушных сообщений «Трансуорлд Эйрлайнс», был обвинен в получении от правительства 40 миллионов долларов за самолеты, так и не поставленные государству. Осуществить столь широкую операцию Хьюзу удалось благодаря систематическому подкупу высокопоставленных лиц в Вашингтоне, «обслуживанию» их в стиле, описанном журналом «Юнайтед стейтс ньюс». В качестве обвинителя Хьюза выступил

сенатор Брюстер, возглавлявший комиссию по расследованию военных прибылей.

Вскоре, однако, выяснилось, что сенатор Брюстер руководствовался в данном случае не стремлением защитить интересы государства, а исключительно своими личными соображениями. Брюстер требовал от Хьюза, чтобы тот согласился на слияние его фирмы с авиакомпанией «Пан-америкэн Эйруэйс», акционером которой он (Брюстер) состоял. В противном случае сенатор угрожал начать расследование военных контрактов Хьюза. Видимо, перспектива объединения с конкурирующей фирмой не прельстила Хьюза, и он отказался от предложенной Брюстером сделки.

В отместку сенатор немедленно начал расследовать «дело Хьюза». Но и Хьюз не остался в долгу перед Брюстером: страницы американских газет запестрели скандальными разоблачениями, освещавшими «деятельность» обоих противников. Оказалось, что за спиной Брюстера стоят виднейшие заправилы Уолл-стрита и высокопоставленные государственные чиновники, целью которых было создание всеамериканской монополии за океанских воздушных сообщений.

Разоблачения Хьюза были настолько «обширны», что его противники вынуждены были пойти на-попятную. Комиссия по расследованию военных прибылей выносит решение «отстрочить расследование дела Хьюза», и вслед за этим, как по мановению дирижерской палочки, в американской прессе прекратились скандальные повествования на этот счет.

В ходе разоблачений по «делу Хьюза» всплыло имя другого казнокрада — отставного генерал-майора Мейерса. Во время войны Мейерс занимал крупный пост в материально-техническом управлении военно-воздушных сил США. Эта должность была им широко использована для обдeldывания всяких темных делишек в целях личного обогащения. Через подставных лиц он сбывал военному ведомству продукцию собственной фирмы — «Авиэйшн электрик компани». Им не упускалась малейшая возможность, чтобы «подзаработать»: когда возник вопрос о поставке некоторыми авиафирмами американской армии недоброкачественных самолетов, он с пеной у рта отстаивал вредителей. К концу войны доходы Мейерса

от всякого рода темных махинаций составили почти два миллиона долларов.

В аферах Мейерса принимали участие бывший командующий 8-й воздушной армией генерал Экер и инспектор авиации генерал Джонс. Стоило печати заговорить о проделках Мейерса, как его бывшее начальство в лице министерства авиации, испугавшись новых разоблачений, тотчас поспешило предать его анафеме. Это выразилось в лишении разоблаченного казнокрада полученных им военных знаков отличия и пенсии.

По сравнению с «делом Хьюза» «операции» Мейерса и он сам по своему удельному весу бизнесмена — мелочь. Поэтому-то и постигла его известная кара. Но в Соединенных Штатах власти, выражаясь словами поэта, «бичуя маленьких воришек для удовольствия больших», не забывают сохранить первым их «благоприобретения». Так и у Мейерса — отняли ордена и пенсию в 400 долларов, но оставили не тронутыми два миллиона долларов, полученных им в виде взяток...

О той заботе, какую проявляют в США к взяточникам и казнокрадам, пожалуй, наиболее наглядное представление из недавнего прошлого дают случаи с бывшим председателем военной комиссии палаты представителей Мэйем и бывшим председателем комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Томасом.

Мэй был приговорен к двухгодичному тюремному заключению за то, что брал взятки за «определенные услуги» промышленникам во время войны. Как сообщали американские газеты, Мэй, находясь в тюрьме, получает от конгресса США ежемесячную пенсию в сумме 280 долларов.

Казнокрад и мракобес Томас, о деле которого мы уже писали, продолжал получать в качестве члена конгресса жалованье (которое составляет 12 500 долларов ежегодно плюс 2 500 долларов на расходы) в течение всего периода после предъявления ему обвинительного акта и до суда.

В то время как миллионы безработных в США лишены со стороны государства какой бы то ни было материальной помощи, высшее представительное учреждение страны оказывает всяческое внимание взяточникам из своей среды.

Но приведенные факты — сущие пустяки в сравнении с тем, что в области подкупов и взяточничества остается неразоблаченным вообще или похороненным в архивах аппарата государственного инспектора США.

В своем докладе конгрессу в августе 1949 года государственный инспектор Уоррен вынужден был заявить, что ревизоры обнаружили доказательства «мошенничества, сговора и взяточничества» при заключении многих военных контрактов. Уоррен отметил, что промышленники, с которыми заключались контракты, обманули правительство на миллионы долларов. Приводя данные по этому поводу, он сказал, что ревизоры обнаружили в 472 случаях факты переплат мошенническим образом 6,25 миллиона долларов. Так как ревизия была не всеобщей, то, по словам Уоррена, он не может предсказать «общие размеры мошенничества и переплат».

Но при всем этом Уоррен высказал трогательную заботу о разоблаченных его ревизорами преступниках: он отказался назвать имена лиц, обвиняемых в обмане правительства или в подкупе официальных деятелей.

В своем докладе Уоррен указал, что многие офицеры армии и гражданские правительственные служащие позже нашли работу в частных предприятиях, владельцы которых, вероятно, получили контракты благодаря тому, что они устраивали щедрые приемы для официальных лиц. По словам Уоррена, повидимому, существовал определенный план, согласно которому получившие контракты предприниматели возвращали конфиденциально некоторым правительственным представителям 20 процентов стоимости контрактов через их родственников либо через посредство фиктивных корпораций.

Говоря о взаимоотношениях руководящих работников государственного аппарата с деловым миром, Уоррен вынужден был заявить «Некоторые высокие должностные лица правительства бывают на приемах у подрядчиков и позволяют им оплачивать свои счета в гостиницах, получая в то же время командировочные и суточные от правительства. Это является скорее правилом, чем исключением».

Однако самым любопытным в докладе Уоррена явилось его заявление о том, что закон, утвержденный кон-

грессом в 1944 году, позволяет производить окончательные расчеты по контрактам без всякого учета и делает обнаружение мошенничества чрезвычайно трудным и «сравнительно бесплодным делом». Таким образом, ни кто иной, как конгресс Соединённых Штатов, поскольку им санкционирован упомянутый закон, стимулирует в стране коррупцию и разложение.

В ходе расследования сенатской комиссией случаев взяточничества и мошенничества при заключении правительственных контрактов было названо имя адъютанта президента США Трумэна генерал-майора Гарри Вогана. Комиссия начала расследование дела Вогана после опубликования в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» ряда статей, в которых указывалось, что некоторые влиятельные лица в Вашингтоне получали большие взятки за помощь дельцам в приобретении правительственных контрактов. Одно из этих лиц — подполковник в отставке Хант, как писала газета, хвастался своими связями с министром обороны Джонсоном, генералом Воганом, начальником службы снабжения и заготовок американской армии генерал-майором Фельдманом и другими высокопоставленными должностными лицами.

Ведущую роль в этой группе предприимчивых офицеров и гражданских чиновников занимал адъютант Трумэна генерал Воган. Пользуясь своим положением, Воган создал особую «систему посредничества» между частными корпорациями и государственными учреждениями. Он брал на себя все «труды» по удовлетворению тех или иных желаний представителей делового мира в области получения казенных контрактов. За услуги Воган получал пять процентов комиссионных от стоимости совершенной сделки.

На заседании сенатской комиссии руководитель управления по жилищным вопросам Вуд рассказал о том, что в январе 1948 года адъютант президента Воган вызвал Вудса в Белый дом и уведомил его, что некоторые из «друзей Вогана» заинтересованы в окончании строительства бегового трека Танфоран, вблизи Сан-Франциско. В то время строительные материалы были дефицитными и должны были предоставляться только для важных строительных работ. Однако заявка на строительство бегового трека была одобрена через

6 дней после того, как Воган беседовал по этому вопросу с Вудсом.

В связи с разоблачением «воганизма» (так американские газеты именовали «деятельность» адъютанта президента) стали известны некоторые факты, касающиеся и других обитателей Белого дома. Так, Воган был посредником и в гораздо более «деликатных операциях». С его помощью бизнесмен Гарри Гофман преподнес семь роскошных рефрижераторов семи весьма влиятельным персонам — жене Трумэна, верховному судье Винсону, министру финансов Снайдеру и др. Подарки пришлось по вкусу тем, кому они предназначались, и мистер Гофман тотчас получил просимые им государственные заказы.

Воган же явился посредником в знакомстве Трумэна с неким Джоном Марагоном, который быстро вошел в доверие президента и стал его личным другом. Этот беглый уголовник из Греции в 1946 году был послан правительством Соединенных Штатов в качестве «наблюдателя» от США за проведением выборов на его бывшей родине.

Свою «деятельность» в Греции по «наблюдению» за выборами Марагон ловко сочетал с более прозаическим, но и более доходным занятием контрабандой. Но как ни ловок был Марагон, однажды он все-таки попался: он был пойман таможенниками на аэродроме Ла Гардиа в Нью-Йорке при попытке провезти без пошлины французскую парфюмерию и одежду. Однако, когда выяснилось, что духи предназначались для начальника личной охраны Трумэна Дречера, а одежда — для дочери президента Маргарет, таможенники поспешно ретировались. Контрабандные операции Марагона остались безнаказанными.

Расследование деятельности так называемых пятипроцентников (лиц, использовавших свои связи для обеспечения правительственных заказов тем предпринимателям, которые соглашались на дачу взятки) вызвало широкие отклики в американской прессе. Вашингтонская газета «Таймс геральд» опубликовала в связи с этим передовую статью, в которой обвинила Трумэна в прямом покровительстве этой группе дельцов.

В статье говорилось: «Пусть не говорят, что Гарри

Трумэн не знал о существовании группы посредников, мошенников и взяточников, которая оперировала из находящейся в Белом доме штаб-квартиры. Пусть не говорят, что он не знал, что они использовали не только его имя, но также его канцелярские принадлежности, его машинисток и его телефон для выполнения своих замыслов. Он знал об этом потому, что был знаком с этими людьми с давних времен. Воган является одним из его лучших и старых приятелей. Они работали и играли вместе в течение половины жизни.

«...Эти лица, — указывала далее газета, — стали взяточниками не вчера, не месяц и не год назад. Они всегда были такими, и поэтому они являются друзьями и доверенными лицами Гарри Трумэна. Доказательство того, что Трумэн знал об их «деятельности», можно найти в его поведении с того момента, как эта «деятельность» была разоблачена. Он не уволил никого из них и никого не упрекнул. Наоборот, он защищал Вогана».

В заключение газета писала: «...он (т. е. Трумэн) не жалуется на то, что его друзья, которым он доверял, обманули его. Он не может поступить таким образом, потому что знает, что собой представляют они и он сам. Если он выступит против них, они могут возмутиться и рассказать о некоторых известных им фактах... Часто говорят, что Трумэна обучал взяточничеству босс Пендергаст. Может быть, Пендергаст научился взяточничеству у Трумэна?»

Коррупция и взяточничество в Соединенных Штатах проистекают из самой природы монополистического капитализма. Стремлением к стяжательству в этой стране охвачено огромное большинство чиновников правительственного аппарата. Оно не считается зазорным даже для лиц, занимающих в США самые высокие государственные посты. И все эти рыцари доллара руководствуются известным лозунгом взяточников из комедии А. Н. Островского:

«Бери, большой тут нет науки,
Бери, что можно только взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать, брать, брать...»

Холодильники — так холодильники, контрабандное платье — так контрабандное платье...

Конец венчает дело — гласит латинская пословица. Томас Кларк, бывший американский министр юстиции, перед уходом с этого высокого поста решил подвести итоги своей четырехлетней деятельности. По этому поводу он разразился официальным отчетом министерства юстиции и статьей, опубликованной в журнале «Лук». Эта последняя, поданная под несколько нервическим заголовком: «Почему красным нас не запугать», дает обстоятельную картину заслуг мистера Кларка перед американской реакцией. Нет слов, заслуги внушительные: за четыре года Кларком заключено в тюрьмы 134 786 человек, из страны выслано 830 тысяч лиц иностранного происхождения (кстати говоря, за 50 лет, предшествовавшие вступлению Кларка на пост министра, из США было выслано 575 тысяч человек), около 150 различных общественных организаций объявлено «подрывными».

По линии Федерального бюро расследований был поставлен «национальный рекорд», а именно: за четыре года им «расследовано» 547 525 дел — «больше, чем когда-либо за всю деятельность ФБР». Кроме того, ФБР за этот период сняло два с половиной миллиона отпечатков пальцев, «обследовало» такое же количество анкет и проделало много другой «работы» по борьбе с «крамолой» в стране. Как указывается в министерском отчете, вся эта деятельность Федерального бюро расследований является «предметом особой гордости» министерства и самого мистера Кларка.

Особо надо остановиться на одной стороне «достижений» Томаса Кларка: на организованной им планомерной кампании политического шантажа и клеветы против сотрудников аппарата Организации Объединенных Наций с целью скомпрометировать ООН. Речь идет о неоднократных обвинениях в «шпионаже» служащих секретариата ООН. Так, например, выступая на заседании подкомиссии сенатской юридической комиссии, Кларк заявил, что министерство юстиции занимается расследованием «шпионской деятельности» примерно 685 иностранцев, среди которых четыре процента составляют лица, работающие в аппарате Организации Объединенных Наций.

Провокационная кампания, начатая Кларком, вызвала законное возмущение сотрудников ООН. Комитет, объединяющий 3 072 служащих Организации Объединенных Наций, единогласно принял резолюцию, в которой указывает, что обвинения в шпионаже, выдвигаемые против сотрудников ООН на заседаниях конгресса США, представляют собой «достойную порицания попытку» вмешаться в дела Организации Объединенных Наций.

Комитет сотрудников ООН указал, что он возмущен многочисленными обвинениями по адресу Организации Объединенных Наций в том, что она является якобы «черным ходом для шпионов», и, в особенности, анонимным обвинением, будто сотрудники комитета «терроризируются коммунистическими агентами». «Гражданские служащие международной организации, — заявил комитет, — находятся в неравном положении, когда им приходится отвергать злостные фантастические обвинения».

Но главное, чем похваляется мистер Кларк, — это «изгнание коммунизма» из Соединенных Штатов. Задавая вопрос: «Каковы итоги на сегодняшний день?», Кларк самодовольно отвечает: «Коммунизм покидает нашу страну без права на возвращение». Он подробно перечисляет «достижения» в этой области и в заключение приводит некоторые данные о том, во сколько обходится американскому народу деятельность по подавлению в стране свободы и демократии.

«Мне временами задают вопрос, — пишет Кларк, — во что обходятся подобные судебные преследования?» Отвечая, Кларк вынужден был признаться: «Точную цифру определить трудно. Но процесс лидеров коммунистической партии ориентировочно обойдется около 1 миллиона долларов». Нельзя не посочувствовать Кларку: память ему изменила, как только дело коснулось точных цифр, которые выплачивают из своего кармана налогоплательщики в Соединенных Штатах на содержание огромной армии шпионов и на многие другие потребности американской охраны.

Однако, как не велики заслуги Кларка на поприще борьбы с так называемой «подрывной деятельностью», он был освобожден от обязанностей министра юстиции и назначен членом верховного суда. Причиной этого перемещения явилось, видимо, то, что никакие усилия

мистера Кларка не смогли задушить в стране рабочее и демократическое движение, не смогли подавить борьбы американского народа за свои гражданские права, за дело мира.

Именно этим объясняется намерение преемника Кларка на посту министра юстиции Макграта начать в ближайшее время массовое судебное преследование против членов коммунистической партии США.

Весной 1950 года стало известно, что министерство юстиции США собирается арестовать и привлечь к суду, по крайней мере, 12 000 коммунистов. Об этих планах министерства юстиции заявил исполняющий обязанности помощника министра юстиции Уэрти в своем выступлении 12 января в палате представителей. Уэрти сказал, что если верховный суд утвердит решение суда, осудившего лидеров коммунистической партии, то министерство юстиции готово около 1 июля 1951 года начать судебное преследование 12 000 коммунистов.

Таким образом, заправила Уолл-стрита подготавливают новое чудовищное преступление против передовых людей Америки. По их указке преемник Кларка готов упрятать в тюрьмы новые десятки тысяч американцев, чтобы добиться в Соединенных Штатах такого положения, когда бы он смог, подобно московскому полицеймейстеру времен 40-х годов прошлого века, произнести: «Я слышу молчание!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

АМЕРИКАНСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА МИР И ДЕМОКРАТИЮ

В соответствии с темой нашей книги мы писали во всех ее главах о мрачных силах американской реакции. Но есть и другая Америка.

Лучшие прогрессивные силы американского народа самоотверженно борются против разгула реакции, против фашизации страны и подготовки американскими монополиями новой мировой войны.

В авангарде прогрессивного лагеря борется коммунистическая партия. Американские коммунисты мужественно разоблачают заговор монополий Уолл-стрита против всеобщего мира и свободы американского народа. Они поднимают рабочий класс и всех трудящихся Америки на борьбу за хлеб, свободу и мир. Руководители коммунистической партии с величайшим героизмом использовали судебный процесс, учиненный над ними реакцией, для того, чтобы со скамьи подсудимых бросить в народ слово правды.

Послевоенный период характеризуется в США резким обострением классовых противоречий и усилением борьбы между лагерем прогресса и лагерем реакции.

Особенную остроту приобрела в Соединенных Штатах стачечная борьба рабочего класса. Забастовочное движение, вызванное резким повышением цен в послевоенный период, охватило миллионы рабочих. Никакие драконовские антирабочие законы не смогли задушить забастовочного движения! В 1947 году в Соединенных Штатах бастовало 2 170 тысяч рабочих, в 1948 году — 2 280 тысяч. За первые десять месяцев 1949 года в Сое-

диненных Штатах произошло, только по официальным данным, 3 150 забастовок, в которых участвовало около 3 000 000 рабочих. В ходе забастовочной борьбы американские пролетарии ломают антирабочее законодательство Уолл-стрита и сопротивление реакционных профсоюзных лидеров.

Исключительное значение приобретает в сегодняшней Америке борьба за мир, охватывающая все более широкие слои американского народа.

В марте 1949 года в Нью-Йорке состоялся конгресс деятелей науки и культуры США в защиту мира. На этом конгрессе было зарегистрировано 2 823 участника из 22 штатов, в том числе представители 83 университетов, колледжей и институтов. В работах секций приняло участие 8 525 делегатов конгресса и гостей. Конгресс прошел с большим успехом, несмотря на травлю его участников реакционной печатью и фашистскими организациями. С особым вниманием конгресс выслушал выступления представителей советской делегации деятелей науки и культуры, возглавлявшейся А. А. Фадеевым.

Резолюция, принятая конгрессом деятелей науки и культуры США в защиту мира, гласила: «Пропаганда войны и военные приготовления угрожают нашим свободам и влекут за собой предрассудки, нетерпимость и насилие. Каждое новое мероприятие, поспешно навязанное нашему народу, каждый пакт и военный союз, заключенный для подготовки войны, подчеркивают наше моральное падение и указывают, что мы должны срочно найти дорогу к миру. Первым шагом на этом пути является американо-советское взаимопонимание».

В октябре 1949 года в Чикаго была созвана всеамериканская профсоюзная конференция в защиту мира. Несмотря на все усилия реакционных лидеров Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, пытавшихся сорвать конференцию, в ее работе приняли участие делегаты профсоюзных организаций, примыкающих к тому и другому центру. Конференция единодушно осудила агрессивную внешнюю политику правительства США, нашедшую выражение в доктрине Трумэна, в «плане Маршалла», в Северо-атлантическом пакте и в строительстве сети военно-морских и военно-воздушных баз на всем земном шаре. Вместе с

тем, участники конференции осудили реакционных профсоюзных лидеров — пособников поджигателей войны с Уолл-стрита. Всеамериканская профсоюзная конференция в защиту мира в Чикаго наглядно продемонстрировала решимость американского рабочего класса отстоять мир.

Борцы за мир в США во всей своей деятельности исходят из возможности мирного сосуществования двух систем — социалистической и капиталистической. Они подчеркивают глубокое значение заявления, сделанного И. В. Сталиным в ответе на открытое письмо Генри Уоллеса; это заявление гласило: «...Правительство СССР считает, что несмотря на различие экономических систем и идеологий, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и безусловно необходимы в интересах всеобщего мира».

26 января 1950 года Национальный совет американо-советской дружбы в Нью-Йорке передал для опубликования в печати заявление, в котором указывалось, что правительство США выступает против мирного сосуществования с 800 миллионами человек, которые построили или строят у себя социализм. «Америке предлагают продолжать идти по пути авантюры с целью установления господства над всем миром», — говорится в заявлении Национального совета американо-советской дружбы. Все признают, говорится далее в этом заявлении, что центральная проблема нашего времени, стоящая перед государственными деятелями всех великих и малых стран, состоит в обеспечении условий, при которых социалистическая и капиталистическая системы нашего времени могли бы сосуществовать и мирно конкурировать друг с другом. «Борьба за мир в Соединенных Штатах усиливается, — отмечают авторы заявления. — Это стремление должно вылиться в решительное требование установить мир и дружбу с Советским Союзом, восточноевропейскими демократическими странами, Китаем и всеми народами Азии».

Даже реакционная американская печать не может скрыть растущего стремления народных масс к миру. Все американские газеты сообщают, например, об огромном количестве писем, стекающихся в адрес различных

органов конгресса США. Авторы этих писем — простые люди Америки — требуют прекращения гонки вооружений, запрещения атомной бомбы и установления прочного мира. Одна лишь объединенная комиссия конгресса по вопросам атомной энергии получает ежедневно около 200 подобных писем. К середине февраля 1950 года эта комиссия получила в общей сложности более 6 500 таких писем из всех районов Соединенных Штатов. Многие члены конгресса также были вынуждены признать, что получают от своих избирателей письма с требованиями прекращения гонки вооружений и установления прочного мира.

Как отмечала буржуазная газета «Крисчен сайенс мониторинг», согласно признаниям членов конгресса, этот беспримерный поток писем представляет собой «одно из самых стихийных и искренних выражений чувств народных масс, которые когда-либо доходили до законодательных органов страны... Если просмотреть огромные пачки писем, не остается никаких сомнений относительно волнений американцев и их горячего стремления к миру».

Характерное письмо простого человека Америки было опубликовано 23 февраля 1950 года в нью-йоркской газете «Дейли компас». Автор, некий Келси, требует установления прочного мира и переговоров с представителями советского правительства. Он отмечает, что Трумэн и Ачесон не хотят таких переговоров, так как опасаются, что они могут оказаться успешными. Келси пишет: «Настоящим кошмаром для вашингтонских политических деятелей в нынешний момент является мысль о том, что Россия может фактически выдвинуть такие конструктивные мирные предложения, которые даже американская печать, при всем ее искусстве и уклончивости, не сможет преподнести как агрессивные и будет вынуждена опубликовать правду». Келси заявляет, что установление такой истины было бы губительным для руководителей внешней политики США. Установление этой истины, — развивает он свою мысль, — раскрыло бы глаза американскому народу на тот факт, что народ и правительство Советского Союза искренно стремятся к миру. К тому же, добавляет автор письма, это «положило бы конец огромным прибылям, получаемым в результате гонки вооружений и плана Маршалла».

Таковы мысли и чаяния одного из простых людей Америки.

Недавно 1 500 научных работников, занятых в области физики, обратились к Трумэну с призывом «проводить иную политику», то есть отказаться от политики гонки вооружений и подготовки войны. В таком же духе выступили, и многие другие группы работников науки, литературы и искусства в США.

Под давлением масс даже некоторые консервативные американские организации, которые до последнего времени поддерживали политику правительства, ныне начинают высказываться за необходимость изменения внешнеполитического курса США, за достижение соглашения с Советским Союзом и предотвращение гонки вооружений. Подобное заявление опубликовала, например, «Национальная мирная конференция», которая представляет собой объединение различных консервативных организаций, главным образом, религиозных. В своем заявлении «Национальная мирная конференция» потребовала, чтобы власти США «улучшили атмосферу во взаимоотношениях между Соединенными Штатами и СССР». И хотя голоса протеста звучат порой еще робко и недостаточно уверенно, они все же заслуживают быть отмеченными, как показатель настроений широчайших масс американского народа.

В рядах борцов за мир в США — все лучшие люди Америки. В их рядах такие выдающиеся деятели науки и культуры, как писатель Говард Фаст, певец Поль Робсон, художник Рокуэлл Кент, журналист Иоганнес Стил и многие другие.

В Нью-Йорке создан Информационный центр сторонников мира в Соединенных Штатах, в работе которого участвуют виднейшие прогрессивные деятели Америки.

Широко развернулась в Соединенных штатах кампания по сбору подписей под Стокгольмским воззванием. Эта кампания особенно усилилась после начала американской вооруженной интервенции в Корее. Только за последнюю неделю июня и первую неделю июля 1950 года в одном Нью-Йорке под Стокгольмским воззванием было собрано 400 тысяч подписей; наибольшая часть этих подписей была собрана после опубликования приказа Трумэна о военной интервенции в Корее.

Борьба между силами реакции и войны и силами демократии и мира вступает в Соединенных Штатах в новую фазу.

* * *

Прочтя нашу книгу, читатель мог убедиться в том, что «американское гестапо» — это не термин, избранный автором для большей красочности, а реально действующая система, имеющая своей задачей задушить рабочее и прогрессивное движение в Америке, превратить американцев в послушных рабов Уолл-стрита.

Как мы уже указывали, дух полицейщины и сыска всегда незримо царил в «свободной» Америке. Еще до Гитлера в Соединенных Штатах была создана могущественная внутригосударственная полицейская система. Для характеристики ее предоставим слово такому признанному в Америке авторитету по этим вопросам, как Ричард Роуан (автор «Истории секретной службы»), которого уже никто не заподозрит в сочувствии «красным». В конце двадцатых годов Роуан писал:

«Произведем простой арифметический подсчет. Суммируем агентов и шпионов федерального департамента юстиции и специальный корпус детективов — секретную службу департамента казначейства; прибавим бесчисленных сыщиков, оперирующих в масштабе муниципалитетов и графств, полицию штатов, которая сплошь и рядом скрывается под партикулярным платьем инспекторов таможен и таможенных шпионов, как профессионалов, так и любителей, широко раскинутую сеть агентов — блюстителей «сухого режима» и сеть их для смежной области — розыска наркотиков; отнесем сюда же береговую охрану, превращенную теперь в сыск; прибавим внушительное негласное наблюдение по линии налогов как общегосударственных, так и местных; прикинем вновь созданную патрульную службу на мексиканской и канадской границах; наконец, прибавим к итогу целые орды, полчища и легионы фабрично-заводских шпионов, индустриальную полицию и частные сыскные агентства всех родов, калибров и радиусов действия с их штатными и случайными работниками; суммируем все эти слагаемые, расположим их в порядке таких признаков, как пол агента, его возраст, характер, национальность,

квалификация, материальное и общественное положение, и мы получим всепроникающую систему тайного полицейского наблюдения, какой мир еще не видывал.

Ни одна страна, ни один народ не знали такого количества шпионов и не подвергались столь щедрому официальному и официозному соглядатайству и наушничанию, как американская нация в наши дни».

Картина, нарисованная Роуаном, — это ли не американское гестапо! А сейчас, в годы усиленной фашизации Америки, процесс превращения Соединенных Штатов в полицейское государство зашел еще дальше. Правящие круги США восприняли и пересаживают на американскую почву методы Гитлера и Муссолини по борьбе с силами прогресса и мира. Гестапо в Вашингтоне — это злое предупреждение американскому народу о грозящей ему величайшей опасности.

Но факты последнего времени наглядно показывают, что широкие слои американского народа все решительнее выступают против лагеря реакции и войны. Будущее Америки принадлежит силам прогресса и мира. Эти силы сдадут на слом систему «американского гестапо».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение 5

Глава первая

<i>Капиталистический шпионаж в рабочем движении</i>	11
Частный сыск—продукт «американской изобретательности»	12
Организация частного сыска в настоящее время	13
Династия Пинкертонов	16
«Профессиональные разбойники—истые джентльмены по сравнению с этими типами»	21
«Все способы хороши, когда они достигают цели»	24
Штрейкбрехерство	30
Двойная система шпионажа или «специальные службы» монополий	34
Политический сыск	39
Шпионский центр американских монополий	40
О чем они пишут и что замалчивают	42

Глава вторая

<i>Государственная система политического сыска</i>	50
Тайная полиция существовала в США всегда	51
«Эф Би Ай»	52
Наименования разные, но суть одна	58
Это ложь, что тайна вклада в США неприкосновенна	59
Тайна распространения наркотиков в Соединенных Штатах	61
Комиссия Дайса	64
«Собиратели статистики»	71
«Безмолвные наблюдатели»	74
Верный оплот «американского образа жизни»	77
Око недреманое и око дреманое	83

Глава третья

<i>Дж. Эдгар Гувер—достойный преемник Гиммлера</i>	88
Джи-мэны—американские гестаповцы	90
Замыслы Гиммлера осуществляет Гувер	97

Глава четвертая

Шпионы и диверсанты под высокой защитой	105
Народ был обманут	105
Как Гувер «боролся» с фашистской пятой колонной	108
Предательство в Пирл-Харборе	119
Государственная измена как бизнес	129
Как маскируется пособничество врагу	139
Реклама и что за ней скрывается	145

Глава пятая

Гангстеризм — основная суть «американского образа жизни»	150
США — страна наибольшей преступности	153
Система организованной преступности	158
Рекет, и во что он обходится американскому народу	169
Гангстеризм и политика	173
Трест убийц и банды «отравителей»	187
Культивирование преступности и использование страха	193
Как Эдгар Гувер «уничтожил» преступность в США	201

Глава шестая

Фашистские организации в США	208
Ку-Клукс-Клан в прошлом	208
И ненавистью можно торговать	211
«Невидимая империя» в наши дни	218
Американский легион	233
Черный Легион	243
Черные силы объединяются	247

Глава седьмая

Методы и техника американской охраны	255
Вот он где, железный занавес	255
Следят за каждым шагом неотступно	263
Три степени	267
Провокации и провокаторы	278
Наука и техника на службе сыска	285

Глава восьмая

Железная пята реакции	291
---------------------------------	-----

I

Немного истории	291
Правда о конституции США	294
Свобода для буржуазии, тюрьмы для рабочих	296
«Великая красная паника»	302

II

История повторяется	305
Власть тьмы	307

	<i>Стр.</i>
Уничтожить рабочее движение — заветная цель реакции . . .	318
Увольнение по третьему пункту	332
Каковы цели «проверки лояльности» вооруженных сил США	345

Глава девятая

<i>Американское «правосудие»</i>	354
«По нужде и закону премена бывает»	365
Суд Линча	370
За недостатком улик...	374
«Индустрия угощения»	378
<i>Заключение</i>	
Американский народ в борьбе за мир и демократию . . .	390

Редактор И. М а м о н т о в.
Технический редактор А. Л и л ь е.
Обложка художника В. Ф о м и ч е в а.

* * *

Л114456. Подписано в печать 9/VIII 1950 г.
Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Бум. л. 6,25
п. л. 20,5, уч.-изд. л. 20 44. Тираж 50.000.
Зак. 128.

* * *

Типография изд-ва «Московский рабочий»,
Москва, Петровка, 17.

9 p.

Владислав МИНАЕВ • АМЕРИКАНСКОЕ ГЕСТАПО